

М.Н.ГЕРНЕТ

**ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ**

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

В пяти томах

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Том четвертый

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ
КРЕПОСТЬ

1900-1917

1962

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

От редакции

НАСТОЯЩЕЕ, второе издание четвертого тома «Истории царской тюрьмы» является значительно дополненным. Подготавливая к печати этот том и собирая материалы для пятого тома, покойный М. Н. Гернет имел в виду написать еще несколько томов, в которых предполагалось осветить историю общеуголовных тюрем, военных и военно-морских тюрем, монастырских тюрем, историю тюрем при временном буржуазном правительстве. По мере накопления материалов автор написал ряд очерков и глав, часть из которых он имел в виду включить в четвертый и пятый тома, а часть — в последующие тома.

Редакционная коллегия сочла целесообразным включить в настоящий том в качестве первой главы большой очерк по истории общеуголовных тюрем в начале XX века, который был помещен М. Н. Гернетом в сборнике «Тюрьма капиталистических стран»¹, исключив из него те материалы, которые уже вошли в другие тома. Аналогичные очерки за соответствующие периоды времени были включены в каждый из первых трех томов «Истории царской тюрьмы» самим автором.

В настоящий том включена глава «Бывшие шлиссельбуржцы в Трубецком бастионе», которая была написана автором специально для четвертого тома. Кроме того, в ряд глав включены написанные автором параграфы и части параграфов, которые хотя и не были включены в издававшийся уже после смерти автора четвертый том «Истории царской тюрьмы», но представляют несомненный интерес для читателей. Так, в главу третью включен параграф, посвященный первому делу, рассмотренному военно-полевым судом в Петербурге; в главу четвертую включен материал по делу об убийстве главного военного прокурора Павлова и о покушении на Николая II и его дядю — Николая Николаевича; в главу девятую — параграф о шпионе — германском консуле Лерхенфельде.

¹ См. «Советское законодательство», М., 1934 г.

Настоящее издание четвертого тома «Истории царской тюрьмы» состоит из девяти глав.

В первой главе дается подробная характеристика состояния тюрем в Российской империи в период с 1900 по 1916 год: приводится численность и вместимость тюрем различных ведомств, численный состав заключенных и т. д. Большое внимание в этой главе уделено характеристике тюремного режима — применению дисциплинарных наказаний к заключенным, в том числе — порки розгами и заключения в карцер, «культурно-просветительной» работе в тюрьмах, состоявшей по преимуществу в религиозном «воспитании». В заключение характеризуется борьба заключенных с царским тюремным режимом.

Вторая и все последующие главы посвящены истории Петропавловской крепости с начала XX века и до крушения царизма в 1917 году.

Во второй, третьей и четвертой главах подробно освещается режим в Петропавловской крепости в связи с деятельностью военно-полевых и военно-окружных судов. И этот режим, и эта деятельность «скорострельной» царской юстиции представляли собой стороны единой системы судебного и внесудебного террора, который осуществлялся усилиями царской военщины, карательных экспедиций, полиции, жандармерии, судов всех наименований и тюремной администрации. Поэтому три главы книги освещают и деятельность военной юстиции, и исполнение приговоров военных судов, и ожесточение режима в Петропавловской крепости.

В четырех последующих главах основное внимание уделено узникам Петропавловской крепости — деятелям большевистской партии, великому пролетарскому писателю Максиму Горькому, многочисленным революционным рабочим и крестьянам, матросам и солдатам, наконец, бывшим шлиссельбуржцам, переведенным в Петропавловскую крепость.

В девятой главе показана исключительно мягкая карательная политика царизма в отношении изменников родины и шпионов из числа генералов и офицеров царской армии.

Четвертый том завершается заключением, в котором говорится о превращении Петропавловской крепости в музей по истории революционного движения, созданный Советской властью вскоре после Октября 1917 года.

Редакционная коллегия

Предисловие автора к первому изданию

ЧЕТВЕРТЫЙ том «Истории царской тюрьмы» посвящен истории Петропавловской крепости в период с 1900 по февраль 1917 года. В трех предшествующих томах история мест лишения свободы в этой крепости рассматривалась за время с половины XVIII и до конца XIX века.

Первоначально я предполагал, что четвертый том моего труда охватит, как и три первых тома, историю всех царских тюрем, т. е. Петропавловской, Шлиссельбургской крепостей и общеуголовных тюрем. Я рассчитывал, что буду иметь возможность этим томом закончить всю работу по исследованию вопроса истории царской тюрьмы. Однако в процессе собирания архивных и других материалов я увидел ошибочность первоначального предположения. По одной лишь Петропавловской крепости оказалось такое обилие материалов, притом малоизвестных или даже совсем неизвестных ни широкому слою читателей, ни даже специалистам в области уголовной и общей политики царизма, что явилась необходимость посвятить весь этот том только одной Петропавловской крепости. Мне кажется, что полнота исследования пострадала, если бы я прибег к сокращению исторического очерка по Петропавловской крепости из желания охватить в одном томе историю всех мест лишения свободы за последние 17 лет существования царизма.

Поэтому история некоторых других царских тюрем, имевших особое значение в XX веке, а также и история тюрем при Временном правительстве будет освещена мною в последующих томах моего труда¹.

Настоящий, четвертый, том, как и три предшествующих, посвящен изучению не всей карательной политики царизма, а лишь одной из очень многих и разнообразных мер карательной

¹ См. предисловие Редакционной коллегии.

политики царизма. Я изучаю только тюрьмы, не касаясь таких мер судебной репрессии, как ссылка на каторжные работы в Сибирь, ссылка на поселение и т. д.

Значение Петропавловской крепости как места лишения свободы особенно изменилось со времени первой русской революции 1905 года. Трубецкой бастион этой крепости перестал быть тюрьмой для отбывания наказания осужденными и стал исключительно местом предварительного заключения, для содержания подследственных, арестованных в пределах Петербурга и отчасти Петербургского военного округа. Сюда уже не направляли арестованных из других городов и местностей империи, как это было ранее, например, по процессу декабристов, по делу 193-х о пропаганде в империи и др.

За последний период царизма многие крупные события дали в казематы крепости своих представителей, поэтому я и связал историю Петропавловской крепости с теми или другими событиями большой исторической важности. При этом я ставил своей задачей увязать каждое отдельное событие с той конкретной обстановкой, которой данное событие было обусловлено.

В настоящем томе «Истории царской тюрьмы» читатель встретится больше с узниками из числа участников массовых выступлений.

Вступление пролетариата на арену политической борьбы с конца XIX века дало в крепость немало заключенных и среди них членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Ногина, Лепешинского, Андропова и др. В главе «Борцы рабочего движения в Трубецком бастионе» я старался остановиться не только на борцах рабочего движения, выхваченных из рядов партии большевиков за агитацию, за работу в подпольных типографиях и т. п., но отметить здесь и участников большевистских организаций, уже готовых выступить с оружием в руках за победу рабочего класса в его борьбе с самодержавием.

Начало русской революции — «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. — легло в основу наиболее обширной главы «Максим Горький в Трубецком бастионе», а также и некоторых других глав и параграфов.

Так как указания на режим Трубецкого бастиона встречались в архивных делах об отдельных узниках, то в целях избежания повторений я счел за лучшее собрать все черны о режиме в одной главе, дав его общую характеристику. Режим в действительности был много тяжелее, чем он мною описан. Но надо иметь в виду, что официальные документы предпочитали хранить молчание на эту тему, а из-за стен Петропавлов-

ской крепости не доходило до сведения народа все то, что творилось в полутемных казематах под неограниченной властью коменданта крепости, смотрителя и жандармов.

* * *

При всем разнообразии событий, которые отразились в стенах Петропавловской крепости, корень их происхождения один и тот же — всероссийская революция¹. Влияние революции на состав узников Трубецкого бастиона прежде всего сказалось на заполнении камер Трубецкого бастиона рабочими. Они выступали в борьбе с царизмом под пролетарским знаменем, они были передовым отрядом революции.

На истории Петропавловской крепости ярко отразилось «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., когда, говоря словами В. И. Ленина, «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг героического петербургского пролетариата: «смерть или свобода!» эхом перекатывается теперь по всей России»².

Это эхо было тем более громким, что условия, в которых находились в России пролетариат и крестьянство, особенно благоприятствовали силе революционного отзвука. Рабочие страдали не только от капиталистической эксплуатации, но и от бесправия всего народа. Крестьянство страдало от безземелья, оно находилось в кабале у помещика и кулака.

Из нашего очерка «Борцы рабочего движения в Трубецком бастионе» будет видно, как царизм уже в самом начале XX века вырывал из рядов петербургского пролетариата лучших его представителей и заточал в Петропавловскую крепость.

События 9 января 1905 г. послужили сигналом для всех рабочих. Только в январе стачками было охвачено 440 тысяч рабочих, тогда как за все десять предшествующих лет в России бастовало лишь 430 тысяч рабочих.

Нарастание русской революции сопровождалось поступлением в тюрьму Трубецкого бастиона матросов, обвинявшихся в подготовке восстаний.

Царизм в борьбе с революционным движением знал одно средство — жесточайшие и массовые наказания. Императорское

¹ А. М. Панкратова, Первая русская революция, 1905—1907 гг., изд. второе (дополненное), Госполитиздат, 1951.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 77.

правительство продолжало верить в их силу, несмотря на доказанное всей историей бессилие палача и тюрьмы в борьбе с революционным движением. Оно решило, что его карательная политика лишь притупилась и что надо отточить это оружие. Именно этим объясняется то, что за последние 17 лет своего существования военно-окружные суды довели до крайних пределов применение всех наиболее суровых средств репрессии, особенно смертной казни. Но и этого оказалось мало. Тогда были введены военно-полевые суды. За полгода их действия они пронесли ураганом над нашей родиной.

Военно-полевые суды были самым ярким и бесстыдным проявлением царского произвола, но они не были его единственным проявлением. Они лишь завершали целую систему борьбы царизма с революцией.

Так, например, в целях облегчения беспощадной расправы с рабочим и крестьянским движением органам классовой юстиции в лице военно-окружных и гражданских судов предписывались соответствующие директивы в виде министерских циркуляров. В этом же направлении производились изменения законов: закон 2 декабря 1905 г. повысил размеры наказаний за участие в забастовках на предприятиях, имеющих общественное и государственное значение, а также в правительственных учреждениях; 9 февраля 1906 г. был издан закон о взрывчатых веществах, прикрываясь которым департамент полиции широко развил деятельность своих агентов, а суды получили возможность более широко применять тюрьму и каторгу; 18 марта 1906 г. последовало законодательное сокращение сроков производства важнейших уголовных дел, на первое место было выдвинуто требование быстроты расправы с обвиняемыми; закон 18 августа 1906 г. передавал военно-окружным и военно-морским судам рассмотрение дел о пропаганде в армии и флоте и грозил каторгой осужденным.

Действительным вершителем судьбы российских граждан являлся не столько царский суд, сколько еще более послушные царизму органы защиты интересов эксплуататорских классов — жандармские управления и охранные отделения, образованные в 1903 году.

Такой характер репрессивной политики царизма в XX веке сказался на тюремном режиме. В тюрьмах произвол принимал самую необузданную форму. Стоит вспомнить каторжные центральные тюрьмы в Шлиссельбурге, Орле, Смоленске, Пскове, Москве и других городах европейской России и Сибири, чтобы сейчас же воскресли в памяти ужасы, до которых дошел подлинно средневековый режим этих мест лишения свободы.

Политические тюрьмы были настоящим термометром революции. Ее успех в отдельные годы сопровождался вынужденным ослаблением тюремного режима. Годы реакции несли с собою разгул тюремного деспотизма, пытки, розги, карцер и т. п.

Через руки автора этого исследования прошли тысячи дел из архивов департамента полиции, комендатуры Петропавловской крепости, министерств военного, военно-морского, внутренних дел, юстиции и других ведомств. Большинство этих дел раскрыло перед нами картины бесконечного произвола и насилия. Насилием больших и малых властей дышали страницы архивных фолиантов и тощих папок. О бесправии большинства населения свидетельствовали официальные документы, в особенности те, которые начинались каллиграфически выведенной строкою: «По указу его императорского величества».

Конечно, на страницы этого тома попала только некоторая часть из обнаруженных нами материалов. Но мне хочется в этом предисловии отметить одно очень яркое проявление произвола царизма в отношении подданных Российской империи. Я имею в виду убийство в дни московского восстания 17 декабря 1905 г. полицейским приставом Ермоловым приват-доцента доктора медицинских наук Воробьева.

При разборе баррикад на Пресне подполковник Ермолов услышал от кого-то об устройстве в квартире доктора Воробьева лазарета для раненых участников восстания. В сопровождении солдат Ермолов направился к этой квартире. По его звонку на площадку лестницы немедленно вышли Воробьев, его жена и их 12-летняя дочь. На вопрос пристава, обращенный к доктору, не находится ли у него в квартире лазарет для революционеров, последовал отрицательный ответ. На второй вопрос, не имеется ли у него оружия, был дан утвердительный ответ с пояснением, что имеется разрешение на его хранение. Когда Воробьев, желая предъявить это разрешение, повернулся спиной к приставу, последний выстрелом сзади в голову убил его. Совершив убийство, полицейский пристав и солдаты ушли, оставив убитого на площадке. Такова была фактическая сторона этого дела — беспричинного убийства человека среди белого дня на глазах его жены и дочери.

Возмущение этим убийством общественного мнения и особенно рабочих, революционное настроение которых не было погашено подавлением восстания, было огромно. Пришлось начать предварительное следствие.

В архиве департамента полиции мною обнаружены документы по вопросу о начале судебного преследования убийцы доктора Воробьева, исходившие от министров, генерал-губерна-

тора и самого царя. Они были такого циничного характера, с каким не приходилось встречаться за всю долговременную работу в архивах.

Первый документ, помеченный 8 января 1906 г., исходил от министра внутренних дел Дурново. Он выражал московскому генерал-губернатору Дубасову свое неудовольствие о начале уголовного дела против полицейского пристава Ермолова в общем порядке и предлагал изъять это дело от гражданских властей и, предъявив к Ермолову обвинение в должностном преступлении (за превышение власти), прекратить его. Через две недели, 23 января, Дурново сделал доклад царю и получил от него резолюцию: «Дело это подлежит прекращению без всяких для Ермолова последствий». Тем временем выяснилось, что предъявление 24 декабря вдовой убитого гражданского иска к убийце служит формальным препятствием для прекращения дела. Тогда министр внутренних дел предложил передать дело вместо гражданского суда военному.

В своей телеграмме от 2 февраля он откровенно писал генерал-губернатору Дубасову: «Нам неизмеримо удобнее иметь дело с военным судом, и судьба Ермолова будет, по моему мнению, совершенно гарантирована»¹.

На другую точку зрения встал министр юстиции, успевший получить согласие царя на рассмотрение дел гражданским судом. Наивно было бы думать, что он руководствовался при этом требованиями законности. В действительности он преследовал ту же цель — освободить Ермолова от репрессий. В своем подробном отношении к Дубасову министр юстиции спешил успокоить его тем, что испросит у царя помилование Ермолову или широкое облегчение его участи в случае признания его виновным судом присяжных. Он добавлял, «что при известном составе присяжных заседателей дело может даже разрешиться полным оправданием подсудимого»².

Так высший блюститель законности в империи высказывал предположение о возможности заранее подобрать определенный состав присяжных заседателей. Министр юстиции подчеркивал, что при более суровом наказании по приговору военного суда сравнительно с гражданским судом «вся неблагонамеренная часть общества усмотрела бы в помиловании не акт справедливости, а произвол административной власти».

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 8, ч. 34, т. 2, «Об убийстве приват-доцента Воробьева в Москве» (л. 13 и оборот).

² Там же (л. 16).

До какой степени попиралась законность высшим представителем юстиции и до каких границ доходил его произвол, видно из следующего факта. Он пригласил к себе убийцу и, изложив свои соображения, спросил его, каким судом — гражданским или военным — предпочитает тот рассмотрение его дела. Министр сообщил московскому сатрапу Дубасову, что Ермолов обратился к нему с усерднейшей просьбой непременно передать дело гражданскому суду.

Ожидание министром юстиции оправдательного приговора Ермолову не осуществилось. Суд приговорил виновного к лишению всех особенных, личных и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к заключению в исправительное арестантское отделение на четыре года. Это дело об убийстве полицейским чиновником человека, заподозренного во врачебной помощи революционерам, было рассмотрено судом, по распоряжению генерал-губернатора, при закрытых дверях.

Царь фактически отменил приговор суда, заменив указанное наказание лишь заключением на два месяца на военной гауптвахте без лишения прав и церковным покаянием.

Царю и всему строю царской России были нужны слуги, готовые проводить политику произвола, насилия, не останавливаясь даже перед убийствами.

* *
*

В каждой из глав этой книги излагаются факты гнета и произвола суда и администрации царизма, нисколько не ценивших человеческую жизнь. С наибольшей яркостью раскрывались эти картины при ознакомлении с деятельностью военно-полевых судов. Мною найден секретный документ, из которого мы впервые узнали, что непосредственным творцом военно-полевого суда явился сам Николай II.

Военно-полевые суды были детищем реакции, но торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. Репрессии стали столь обычными, что они перестали пугать народ. Количество бастующих рабочих уже в 1911 году достигло 100 тысяч. В связи с ленским расстрелом рабочих с новой силой вспыхнули массовые политические стачки в 1912 году. Стачки проходили под большевистскими революционными лозунгами. Напомним, что число бастовавших рабочих в первой половине 1914 года достигло почти полутора миллионов человек. Прорывалось наружу революционное движение в войсках и во флоте. Поражения, понесенные русскими войсками с начала мировой войны 1914 года, усилили революционное движение. Ленин по этому

поводу писал: «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия»¹. Рост революционного движения в армии отразился на истории Петропавловской крепости увеличением числа ее узников из рядов солдат и матросов. Они заключались в Петропавловскую крепость вплоть до последних месяцев существования царизма.

Последние пять узников крепости из числа матросов предстали перед военно-морским судом в качестве обвиняемых по процессу большевистской организации. Так матросы-большевики завершили ряды узников Петропавловской крепости.

На истории Петропавловской крепости за период 1900—1917 гг. отразилась не только революционная борьба с царизмом. За первые 17 лет XX века Россия пережила две войны: русско-японскую и первую мировую империалистическую войну. Эти войны не прошли бесследно для Петропавловской крепости и тоже получили отражение в ее стенах. В связи с поражением царских войск заключенными на короткое время в крепость оказались совсем необычные государственные преступники: несколько генералов, а затем и военный министр. Однако это были совсем особые узники, суд над которыми был только для вида. Пребывание их в крепости показало цену классовой юстиции царизма.

Я не считаю, что вышел за рамки исследования истории царской тюрьмы, когда останавливаюсь на описаниях исполнения смертных приговоров над бывшими узниками крепости, исходя из материалов, обнаруженных мною в секретных документах.

Я шел за ними вплоть до эшафота и, в частности, до «знаменитого» Лисьего Носа, план которого (см. рис. 8) предусмотрительно был приложен к делу о военно-полевых судах. Я воспроизвел его. На этот план чертежником нанесено очень немногое, но как много говорит этот план историку уголовной политики царизма!

* * *

Я приношу мою глубокую благодарность всем оказавшим мне то или другое содействие при моей научной работе. Я благодарю Главное архивное управление, дирекцию и сотрудников архивов Москвы и Ленинграда, музея имени Горького в Москве, а также музеев революции, снабдивших меня фотографиями, воспроизведенными в этой книге.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 37.

Я приношу особую благодарность Всесоюзному институту юридических наук за предоставление мне таких условий для работы, которые облегчили мой труд по написанию этого и трех предшествующих томов монографии.

В настоящем томе я привожу сокращенно наименования следующих архивов: Центральный Государственный исторический архив в Москве — ЦГИА в Москве, Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде — ЦГИА в Ленинграде, Центральный Государственный военно-исторический архив в Москве — ЦГВИА в Москве, филиал Центрального Государственного военно-исторического архива в Ленинграде — ЦГВИА в Ленинграде, Центральный Государственный архив военно-морского флота в Ленинграде — ЦГАВИФ в Ленинграде.

Январь 1953 года.

Глава первая

ЦАРСКАЯ ТЮРЬМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900—1916 гг.)

§ 1. ЧИСЛЕННОСТЬ ТЮРЕМ

ПОСВЯЩАЯ четвертый том «Истории царской тюрьмы» Петропавловской крепости, необходимо предварительно осветить общее состояние царских тюрем, их количество, вместимость, численность заключенных и режим заключения в последний период существования царизма — от начала XX века до 1917 года¹.

При огромном и все более возрастающем с начала XX века спросе на тюрьму всех ее видов, предъявлявшемся разнообразными учреждениями гражданского, военного и духовного ведомств, колоссальными должны были быть и фактические возможности удовлетворения этого спроса. Но тюрем для размещения всех узников не хватало.

Делая попытку дать хотя бы несколько приближающееся к действительности изображение царской тюрьмы в цифрах, надо остановиться на сведениях: 1) об общем числе тюрем разного наименования в империи и об их вместимости,

¹ Помещая ниже текст статьи М. Н. Гернета «Царская тюрьма» — см. сборник «Тюрьма капиталистических стран» («Советское законодательство», М., 1937), Редакционная коллегия сделала необходимые сокращения с целью избежать повторения с предыдущими томами «Истории царской тюрьмы».

2 М. Н. Гернет, т.

2) о фактическом количестве узников в них и 3) о численности охраны заключенных.

О числе тюрем различных наименований имеются точные сведения лишь по министерству юстиции, отчасти по военному и морскому министерствам. Неполные сведения имеются о монастырских тюрьмах. Не располагая цифровыми материалами по министерству внутренних дел (охранка, жандармские управления, арестные помещения при полицейских управлениях, при волостных судах), выводы об этих тюрьмах можно сделать по некоторым предположительным исчислениям.

Не вдаваясь детально в историю строительства тюрем, приведем несколько цифр. Так, в 1885 году тюрем гражданского ведомства было 784 и, кроме того, свыше 600 мелких тюремных учреждений в виде этапов, полуэтапов, гауптвахт, караульных домов. Сведений о числе арестных домов за названный год нет, но, судя по цифрам 1903—1904 гг., их было 704 с 15 922 местами. В эти цифры не входили арестные дома по трем губерниям Европейской России, а также всей Сибири, Туркестану, по областям Кубанской, Терской, Уральской и Войска донского. Еще в 1905 году правительство определило, что на устройство новых тюрем потребуется свыше 60 млн. руб.

1 января 1903 г. Главное тюремное управление установило численность подведомственных ему тюрем, не считая арестных домов, цифрой в 1279.

Из отчетов Главного тюремного управления за 1913 год видно, что на 1 января 1914 г. это ведомство располагало: 654 тюрьмами общего устройства с 95 027 местами в общих камерах и 8016 в одиночных; в 30 исправительно-арестантских отделениях было 15 010 мест в общих камерах и 297 — одиночных; в 22 каторжных тюрьмах было 17 086 мест в общих камерах и 1293 — одиночных; в 8 пересыльных тюрьмах — 2901 общих мест и 67 — одиночных.

Таким образом, всего было 139 697 мест, из которых 130 024 — в общих и 9673 — в одиночных камерах. Кроме того, было 61 исправительное заведение для несовершеннолетних с вместимостью на 2705 человек. Сведений о числе этапов и полуэтапов за данный год не имеется, но, судя по цифре 1905 года, их было 495.

Военное ведомство имело свои особые тюрьмы, и при этом различные для офицеров и солдат. Солдаты направлялись главным образом в дисциплинарные части (батальоны, роты и команды) и одиночные военные тюрьмы, а офицеры — на гауптвахты и в крепости. К сожалению, нет сведений о числе гауптвахт. Так как гауптвахты должны были иметься при каждой

значительной воинской части, то число их должно исчисляться многими сотнями.

Но военные суды присуждали также к каторге, заключению в исправительные арестантские отделения и другие тюрьмы гражданского ведомства.

Сведения о числе и наименовании тюрем военного ведомства имеются в отчетах военного министерства, ставших доступными после Октябрьской революции для изучения. В отчете, напр., за 1911 год содержатся данные о числе военных тюремных учреждений на 1 января 1912 г., а вместимость их определяется действительным числом содержащихся в них к 1 января названного года.

Переходя к монастырским тюрьмам, надо вспомнить, что заточение в монастыри практиковалось (до 1905 г.) при отступлении от православия и при некоторых преступных деяниях по Уложению о наказаниях. Пругавин дает исчерпывающий перечень монастырей, в которые заточали. В этом перечне названо 15 мужских и 5 женских монастырей¹, разбросанных по разным частям России, преимущественно на севере.

Труднее определить количество тюрем ведомства министерства внутренних дел, но для предположительных вычислений есть достаточно оснований. Так, при каждой волости имелось волостное правление, а при нем волостной суд, необходимой принадлежностью которого была «каталажка» или «холодная». Число волостных, гминных и станичных управлений на пространстве всей империи (исключая Финляндию) было 16 371, и, следовательно, столько же должно было быть и помещений для арестованных².

Арестные помещения имелись при каждом полицейском станном приставе, а число таких приставов в империи (кроме Финляндии) было 2410. Полицейское управление с помещением для ареста находилось в каждом городе, а городов в империи было (без Финляндии) 892, в некоторых же городах было по несколько арестных помещений (так, например, в Москве их было 48, в Петербурге 47, в Варшаве 15, в Ростове-на-Дону 7). Сыскных отделений было 93 с таким же числом арестных помещений. Помещения для ареста были также при жандармских управлениях, у пограничной стражи и пр., но число их осталось неизвестным.

В результате всех этих изысканий можно дать следующую таблицу.

¹ См. статью Пругавина о монастырских тюрьмах в журнале «Право», 1903 г. № 7.

² См. сборник «Статистический ежегодник Российской империи», 1907.

Таблица 1

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА
ТЮРЕМ ИМПЕРИИ И ИХ ВМЕСТИМОСТЬ

Вид тюрем	Число тюрем	Вместимость их
Тюрьмы министерства юстиции	719	139 697
Этапы и полуэтапы	495	неизвестно
Арестные дома в Европейской России	704	»
Исправительные заведения для несовершеннолетних	61	2705
Тюрьмы военного ведомства и дисциплинарных частей	20	5671
Крепости	23	неизвестно
Гауптвахты	неизвестно	»
Тюрьмы морского ведомства и дисциплинарных частей	7	3701
Арестные помещения при волостных судах министерства внутренних дел	16 371	50 000
Арестные помещения при полицейских участках	1000	неизвестно
Арестные помещения при сыскных отделениях	93	»
Монастырские тюрьмы	20	»
Всего свыше	19 513	свыше 201 774

Итак, четыре министерства: юстиции, военное, морское и внутренних дел, а также духовное ведомство имели свои «собственные» тюрьмы. Но при этом министерство юстиции открывало двери своих каторжных и других мест лишения свободы для лиц воинского звания; военное министерство оплачивало ему предоставлением крепостей, а духовное ведомство находило свободные места в монастырских тюрьмах не только для лиц духовного звания, но и для многих других, при условии, чтобы они числились по паспорту исповедующими православие или были признаны «вредными» для него. Что же касается тюрем ведомства министерства внутренних дел, то тут двери широко были открыты для всех, и в первую очередь — для рабочих и крестьян.

§ 2. СТАТИСТИКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Через тюрьмы министерства юстиции, военного и морского министерств и по приговорам земских начальников и волостных судов перед первой мировой войной проходило в год 1 859 314 заключенных.

Эти почти два миллиона складывались из следующего числа лиц:

Таблица 2

КОЛИЧЕСТВО ЛИЦ, ПРОХОДИВШИХ ЧЕРЕЗ ТЮРЬМЫ
ЗА ОДИН ГОД

Через тюрьмы министерства юстиции (подследственных и срочных)	1 075 759
Через исправительные колонии для несовершеннолетних	4234
Приговорено к аресту мировыми и действовавшими как мировые судами	197 857
Приговорено к аресту гминными судами	47 462
Приговорено к аресту уездными членами окружных судов	39 780
Приговорено к аресту городскими судьями	44 521
Содержалось в предварительном заключении лиц воинского звания	10 004
Через дисциплинарные части военного министерства	11 878
Через тюрьмы военного ведомства	4295
Через тюрьмы морского министерства	4767
Приговорено к аресту земскими начальниками	80 913
Приговорено к аресту волостными судами	337 944
	1 859 314

Все цифры этой таблицы взяты из официальных источников и лишь число приговоренных к аресту земскими начальниками и волостными судами установлено по другим материалам¹.

¹ Министерство внутренних дел не опубликовывало сведений о деятельности земских начальников и волостных судов. Лишь за 1905 год Е. Н. Тарновскому удалось получить числа возникших уголовных дел по 43 губерниям (у земских начальников — 421 624 уголовных дел и в волостных судах 1 121 191 уголовных дел). Во многих статистических обзорах по различным губерниям, просмотренных нами, мы нашли, что в 1912 году рассмотрено уголовных дел в Московской губернии волостными судами 27 171 (в среднем каждым волостным судом 160 дел), а земскими начальниками 10 974 уголовных дел (в среднем каждым земским начальником 200 дел). Это дало нам возможность определить число разрешенных уголовных дел волостными судами и земскими начальниками во всей империи.

Процент оправданных по мировым судам равнялся в среднем 38; он должен был быть ниже у земских начальников и в волостных судах, и мы предположили его равным 33%. Процент приговоров к аресту в мировых судебных учреждениях был 21; мы приняли его и для земских начальников и волостных судов.

Число прошедших в 1912 году через тюрьмы ведомства министерства юстиции мы взяли из отчета главного тюремного управления за названный год, сведения о приговорах к аресту мировыми судами, городскими судьями

Приведенная колоссальная цифра заключенных не исчерпывает, однако, всей их массы, так как неизвестно, сколько человек попадало под арест в полицейские участки, сыскные отделения, жандармские управления и пр. Одно несомненно, что ежегодно подвергались лишению свободы миллионы лиц.

Из этих миллионов многие тысячи были заключены в царские тюрьмы на долгие годы или с тем, чтобы уже никогда из них не выйти и умереть внутри тюремных застенков. Режим тюрьмы был рассчитан на то, чтобы осужденные всем своим существом, физически и морально, познали непомерную тягость таких видов лишения свободы, как каторга, исправительные арестантские отделения и т. д.

Но и это было еще не все. Часть заключенных, в первую очередь отправляемые на каторгу революционеры, обрекалась, как это показала практика с несомненною очевидностью, на смерть внутри тюремных стен. Невыносимые санитарные и гигиенические условия заключения, дисциплинарные наказания, суровый режим, полуголодное существование, систематические избиения и истязания — все это приводило к массовому физическому уничтожению заключенных.

В смете доходов и расходов министерства юстиции по тюремной части на 1917 год имеются таблицы об общем числе арестантов, прошедших через места заключения империи с 1910 по 1914 год. По отчету главного тюремного управления можно исчислить такую же цифру и за 1915 год. При ознакомлении с этими цифрами надо иметь в виду, что с половины 1914 года началась первая империалистическая война и в 1915 году часть тюрем уже не находилась в распоряжении царского правительства.

Таблица 3

ОБЩЕЕ ЧИСЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ,
ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ ТЮРЬМЫ
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ с 1910 по 1915 год

Годы	Число заключенных	Число суток, проведенных в тюрьме
1910	1 030 875	сведений нет
1911	1 046 899	»
1912	1 075 759	66 534 947
1913	1 068 700	61 819 065
1914	1 081 886	63 493 604
1915	1 037 271	65 566 835

и уездными членами окружных судов почерпнуты из «Сборника статистических сведений Министерства юстиции», а о заключенных мест лишения свободы военного министерства и морского министерства — из отчетов названных министерств.

Таблица 4

СРЕДНЕЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ЧИСЛО
АРЕСТАНТОВ В ТЮРЬМАХ в 1901—1916 гг.

Годы	Среднее число ежедневно	Годы	Среднее число ежедневно
1901	84 632	1909	175 008
1902	89 889	1910	168 864
1903	96 005	1911	175 228
1904	91 720	1912	183 949
1905	85 184	1913	169 367
1906	111 403	1914	177 441
1907	138 501	1915	156 738
1908	171 219	1916 за первые 5 мес.	142 399

Рост среднесуточного числа заключенных с полной очевидностью явствует из таблицы. За весь период наивысшая цифра пришлась на 1912 год (183 949 человек), а затем на 1914 год.

Во всяком случае следует подчеркнуть, что среднесуточный состав даже за пять месяцев 1916 года, т. е. к концу двухлетия войны, был на 57 000 выше цифры начала XX века. Само правительство объясняло увеличение населения тюрем влиянием «революционной смуты» (см. например, отчет Главного управления за 1909 год, часть 1). Расправа с революционным движением оказывала решающее влияние на рост числа заключенных, в особенности в каторжных тюрьмах.

Ленин в 1902 году указывал на переполнение тюрем: «Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных «экспедиций», пересылать в Сибирь с обычными «транспортами» всех ссылаемых...»¹.

Цифры подтверждают эту связь числа заключенных с ростом революционного движения. Так, если в 1903 году каторжных заключенных было 6000, то в 1910 году число их выросло до 32 000. Одновременно вырос и их удельный вес в общей массе заключенных (с 7,2% до 17,0%)².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 225.

² См. М. М. Исаев, Основы пенитенциарной политики, М., 1927, стр. 92.

При этом среди приговоренных к каторжным работам было 7 497 осужденных за период 1905—1912 гг. гражданскими, военными и морскими судами за преступления государственные, против порядка управления и военные бунты и восстания¹.

Две категории среди заключенных возрастали, несмотря на некоторое абсолютное уменьшение в годы войны всего количества содержащихся в тюрьмах. Это были, во-первых, поступившие в тюрьмы по распоряжению административных властей, а во-вторых, следственные и подсудимые, обвиняемые в государственных преступлениях. Показанное в официальных отчетах число следственных и подсудимых, обвиняемых в государственных «преступлениях», было в действительности более высоким, так как под видом преследования за уголовные преступления правительство фактически часто расправлялось с революционерами.

Рост репрессии против революционеров в высшей степени знаменателен: ни страшные напряжения сил, ни следовавшие одно за другим поражения на фронте не ослабляли энергии правительства в борьбе с революционным движением.

Это особенно заметно на росте числа арестованных по распоряжению административных властей: в 1913 году их поступило в тюрьмы 9680; в 1914 году — 27 291 и в 1915 году — 35 501 человек. Такого колоссального и быстрого роста русская тюремная статистика никогда еще не знала.

Необходимо иметь в виду, что приведенные цифры относятся лишь к тем следственным и подсудимым, обвиняемым в государственных преступлениях, которые содержались в тюрьмах ведомства министерства юстиции. Но обвиняемые в политических «преступлениях» содержались в тюрьмах и других ведомств.

Поэтому в целях полноты приведем следующие цифры, опубликованные в 1916 году, когда статистическим отделением министерства юстиции была закончена обработка сведений «об осужденных за государственные преступления за пятилетие 1910—1914 гг.» Общее число подсудимых по обвинению в государственных преступлениях в течение отчетных пяти лет равнялось 25 353. Из этого числа было осуждено 15 277 человек, или 60%. Из числа привлеченных 62,3% были в возрасте от 16 до 25 лет, а по сословиям на первом месте шли крестьяне — 60% (рабочие вошли сюда же), мещане — 25% (частью также рабочие) и привилегированные сословия — 10%.

¹ См. Е.к. Никитина, Торная дорога, сборник «Девятый вал», 1927, стр. 31.

Таблица 5

СОСТАВ ОСУЖДЕННЫХ К КАТОРЖНЫМ РАБОТАМ И ИСПРАВИТЕЛЬНЫМ АРЕСТАНТСКИМ ОТДЕЛЕНИЯМ

Годы	Среднесуточный состав тюремного населения	В том числе присужденных		Процентное отношение к общему составу тюремного населения	
		К исправительным арестантским отделениям	К каторжным работам	К исправительным арестантским отделениям	К каторжным работам
1911	175 228	341 713	29 424	19,8%	16,8%
		64 137		36,6%	
1912	183 949	38 688	31 748	21,0%	17,3%
		70 436		38,3%	
1913	169 367	33 845	30 379	20,0%	17,9%
		64 224		37,9%	
1914	175 975	34 750	29 352	20,0%	16,7%
		64 102		36,7%	
на 1 января 1916 г.	142 430	30 687	28 604	21,5%	20,0%
		59 241		41,5%	

Таблица 6

ПОСТУПИВШИЕ В ТЮРЬМЫ в 1910—1915 гг.

	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Следственных и подсудимых, обвиняемых в гос. преступлениях	2861	1973	1375	1115	2815	3736
По распоряжению административных властей	13 994	10 179	9788	9680	27 291	35 501

Поскольку разработка сведений производилась министерством юстиции, сюда не вошли осужденные военными судами.

По вычислениям Никитиной, военно-окружными судами в период 1905—1912 гг. из осужденных за государственные преступления были приговорены на сроки от 12 лет до вечной каторги 1456 или 26,5%, на сроки от 8 до 12 лет — 910, или 16,5%, на сроки от 4 до 8 лет — 3150 человек, или 57%¹.

¹ См. Е.к. Никитина, Торная дорога, сборник «Девятый вал», 1927, стр. 36.

Таким образом, в общей массе узников в царских тюрьмах политические заключенные исчислялись многими тысячами человек.

Для того чтобы «охранять» сотни и сотни тысяч заключенных, требовалась большая армия тюремщиков.

Численность тюремной стражи известна лишь по тюрьмам ведомства министерства юстиции и по конвойным частям. В 1911 году общее число тюремной стражи составляло 16 150 человек. В 1913 году численность стражи поднялась до 18 080, в том числе надзирательниц до 658. Кроме того, в некоторых тюрьмах были военные караулы. Число конвойных команд равнялось 536. В них состояли 101 офицер и 11 721 нижний чин.

Находить желающих быть тюремными надзирателями было трудно. Об этом можно судить по тому, что из 7719 вновь принятых на службу покинули службу в течение первого же года 3167, а 1142 пришлось уволить за непригодность в дисциплинарном порядке¹.

§ 3. ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ

Тюремный режим был вернейшим средством физического и душевного калечения и уничтожения пленников царизма. В. И. Ленин не раз вскрывал подлинные задачи царской тюрьмы и тюремного режима. В. И. Ленин писал об истреблении «... тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи»², о зверствах «...царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их героическую борьбу в революции...»³, о том, что все большая часть рабочих замучивается на смерть в одиночных тюрьмах и в местах ссылки.

Расправа осуществлялась путем легальных, а большей частью явно незаконных тюремных методов.

Основы тюремного режима определялись главным образом: 1) Уставом о содержащихся под стражею, 2) Уставом о ссыльных и 3) Общю тюремною инструкцией, официально введенной 28 декабря 1915 г., но фактически действовавшей с марта 1912 года.

В отношении тюрем военного ведомства ряд различных законодательных актов о режиме завершился Временным положе-

¹ Этот подсчет произведен нами по карточному каталогу Музея Революции (Ленинград).

² В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 407.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 327.

нием о военно-тюремных заведениях (утверждено 15 октября 1913 г.).

Особые правила режима действовали в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Управление монастырскими тюрьмами осуществлялось специальными инструкциями духовного ведомства.

Кандалы и всякого рода цепи в истории царской тюрьмы до последнего дня существования царской власти были неотъемлемой принадлежностью тюрьмы.

Но в XX век царская тюрьма перешла не только с ручными и ножными кандалами, но и с приковыванием к тачке. В эпоху «конституционного строя» царское правительство, допуская возможность побега узников, ввело под скромным названием «предупредительных связок», являвшихся лишь видоизменением кандалов, заковывание в эти «связки» узников.

Жесточайший тюремный режим проводился в жизнь тюремной администрацией начиная с ее верхушки и кончая низами как старая военная муштровка с обязательным приветствием начальства: «здравия желаем, ваше высокоблагородие», со снятием перед ним шапок, со стоянием во фронт, с вытянутыми по швам руками и пр. Тюремной страже, на вербованной из бывших офицеров и «унтеров», не представляло никакого труда вести «воспитание» заключенных в таком направлении, но невыносимой была эта дисциплина для многих заключенных, и в особенности для политических. На этой почве шла неустанная борьба, поглотившая бесчисленное число жертв, стоившая невероятных страданий, приведшая многих к преждевременной смерти, виселице, самоубийству, безумию.

«Законными» средствами дисциплинарного воздействия являлись разнообразнейшие лишения и того немногого, чем мог располагать заключенный, — переписки, свиданий, прогулок, права пользования библиотекой и пр., а над всеми этими мерами в каторжных тюрьмах, в исправительных арестантских отделениях и для ссыльных, а также в военных тюрьмах и дисциплинарных частях — розги. Кроме того, в каждом месте лишения свободы применялся карцер, и в частности темный, с выдачей горячей пищи лишь через три дня на четвертый.

Царская власть отменила лишь в 1903 году приковывание к тачке, бритье половины головы и треххвостную плеть. Но отмена этих легальных средств мучительства с лихвой компенсировалась широким применением всевозможных, хотя формально и не указанных, но молчаливо легализованных способов истязания и надругательства.

Правительство употребляло немало усилий для того, чтобы гноить и морить в карцерах и пороть треххвостными плетями и розгами без огласки. Никаких сведений о применении этих тяжчайших наказаний не опубликовывалось в отчетах Главного тюремного управления. Когда же усиленно заговорили о бесчисленных порках, Главное тюремное управление сообщило в своем отчете за 1911 год, что согласно циркуляру от 8 декабря 1911 г. № 25 оно будет собирать сведения о применении карцера и розог. Но ни в одном из всех последующих отчетов этих сведений так и не опубликовало. А между тем в тюремных архивах, в делопроизводствах отдельных тюрем можно найти немало донесений с цифрами порки, и, следовательно, Главное тюремное управление получало эти материалы, но не решилось их опубликовать.

Делопроизводство Главного тюремного управления со всеми отчетами было сожжено во время февральской революции, и полных сведений о применении этих дисциплинарных наказаний не имеется. Но после того, как политические заключенные Нерчинской каторги, централов Орла, Пскова, Смоленска и других опубликовали в своих воспоминаниях об этом, тайна применения розги раскрыта.

Каторжане и заключенные в исправительные арестантские отделения за дисциплинарные проступки подлежали телесному наказанию по усмотрению начальников этих мест заключения: в каторжных тюрьмах до 100 ударов розгами, а в исправительных арестантских отделениях до 50 ударов. Ссылно-поселенцы подлежали наказанию наравне с каторжными, и местные полицейские власти (ст. 240 Устава о ссыльных) имели право назначать различные количества ударов розгами.

От розог в исправительных арестантских отделениях были освобождены лишь лица привилегированного сословия, а в каторге — также ссыльные женщины и старики старше 60 лет.

У многих бывших политических заключенных мы находим описания порки. Приведем из этих описаний два примера.

И. И. Генкин пишет про Тобольскую каторгу: «Пороли у нас так: вечером или ночью, редко днем, вызывают арестанта и ведут куда-нибудь в пустую камеру или коридор. Предварительного медицинского осмотра никакого... Набрасываются на арестанта, валят на пол, срывают брюки, загибают рубашку на голову, привязывают руки к скамейке, накладывают на голову халат или тяжелое арестантское одеяло. После этого «неизменный ярмак», толстый надзиратель из здешних чалдонов, садится поверх арестанта и со словами: «Ложись родной! Ох, грехи наши тяжкие!» — коленями зажимает голову наказуемого. Помощник или

старший кричит «подержись»... с разбегу шага на три, на четыре наносит удар по ягодице, стараясь попадать в одно место. Четные удары один наносит с одного бока, а нечетные — другой с другого. Розги брались новые. Мундиры снимались, рукава засучивались. Обыкновенно 99 ударов... После 10—15 ударов тело посыпалось солью. Иногда в течение часа успевали выпороть 15 человек, а иногда за это же время пороли одного со смаком»¹.

Здоровец дает сходное описание порки, жертвой которой он был сам в Псковском централе: «Быстро мелькнули перед глазами ушаты, наполненные водой, с пучками торчавших вверх корешками розог. В стороне в беспорядке валялись кучками поломанные розги со следами крови на них. Посреди комнаты стояла скамейка, забрызганная каплями свежей крови. На полу вокруг скамейки тоже виднелись пятна крови. «Ложись, чего выпучил белки», — крикнул помощник. Я стоял, не двигаясь с места. Восемь крепких рук вцепились в меня и бросили на скамейку животом вниз. Ноги захрустели от сжимающих рук и вытянулись вдоль скамьи. Скрещенные под скамейкой руки охватили ее крепко. Два надзирателя, стоявшие по бокам, тянули в разные стороны: левую вправо, а правую — влево. Третий сел всей тяжестью на ноги, четвертый с отборной руганью сдергивал штаны. Двое стояли по бокам с пучками розог, ожидая начала. «Голову закрыть», — скомандовал Никонов. Черное сукно обвилось вокруг головы и шеи, закрыв рот. Жиг, жиг — просвистали равномерно розги, впиваясь в тело огненными полосами и разливаясь горячими потоками. Казалось, что раскаленные прутья глубоко прожигают тело. Сердце усиленно стучит. Воздуха нет... задыхаюсь»².

О размерах применения телесных наказаний можно судить по воспоминаниям политических заключенных. Цитированный выше И. И. Генкин вспоминает, что начальник Тобольской каторги доходил до того, что, не найдя за весь день ни одного нарушения, драл авансом и стал считать за проступок такие вещи, как закуривание папиросы от лампы или оторванные на башмаке пуговицы... В своей книге «По тюрьмам и этапам» Генкин приводит пример, когда телесное наказание было назначено сразу 130—150 заключенным и когда пришлось пороть два дня сряду³.

¹ И. И. Генкин, Тобольский централ, «Каторга и ссылка» 1924 г. № 3(10), стр. 170—171.

² И. Здоровец, Шесть лет в стенах Псковского централа, «Каторга и ссылка» 1931 г. № 78, стр. 148—151.

³ См. И. И. Генкин, По тюрьмам и этапам, 1932, стр. 76.

Никитина приводит цифру высеченных в 1910 году в Вологодском центре — 76 человек¹.

В Московском архиве революции в папке с годовыми отчетами начальников тюрем Нерченской каторги за 1912 год имеются сведения о применении карцера и розог, однако без указания числа ударов, но, судя по воспоминаниям политза-

Таблица 7

ПОДВЕРГНУТЫЕ ПОРКЕ РОЗГАМИ С ВЕСНЫ 1909
ПО ОСЕНЬ 1911 года

Повод для порки	Количество наказанных	Количество ударов
За нежелание отвечать «здравие желаю»	15	825
» найденные газеты и записки	10	365
» заявление о плохой пище	2	80
» отказ идти в церковь	1	20
» нежелание принять от начальника яйцо в пасхальную ночь	1	20
» записанье в тетрадь стихотворений	1	50
» попытку к побегу	6	600
» нахождение винтовых заклепок к кандалам	3	90
» переписку кандалов	2	105
» осмеяние чинов надзора	4	335
» то, что не держал «руки по швам», разговаривая с начальством	1	15
» невежливое обращение с начальством	2	80
» то, что сорвал цветок с клумбы	1	5
» то, что не кричал во время порки	1	10
» то, что разговаривал во время прогулки	3	60
» отказ пойти на работу	3	60
» переделку казенного бушлата и шапки в другой вид	9	165
» ножик, найденный во время обыска	15	500
» игру в карты	5	110
» передачу табаку в одиночку	3	65
» нежелание подвергаться обыску	1	50
» участие в драках-ссорах	35	1215
» поражение ножом	2	200
» оклеветание другого арестанта, будто он хочет бежать	1	50
» то, что еврей	1	25
» то, что голос не мелодичен	1	15
» корявое лицо	1	20
» искажение слова «капуста»	1	30
» невыясненные поступки	9	210
Итого:	130 человек	5625 розог

¹ См. Никитина, Покушение на тюремного инспектора Ефимова, «Каторга и ссылка» 1927 г. № 31, стр. 135.

ключенных, излюбленной начальниками нормой было 99 ударов. В отчете начальника Кизиковской тюрьмы указано 273 человека высеченных; в отчете начальника Зерентуйской тюрьмы за тот же 1912 год указана цифра 101 человек, а начальника Алгачинской — 13 человек. Все эти цифры отражают только ничтожную часть действительно выпоротых и не сопоставлены со среднесуточным числом заключенных.

Еще яснее становится степень распространения порки, если взглянуть на характер тех нарушений, которые влекли за собой розги.

Из названных отчетов видно, что это были: игра в карты, пронос водки или табака, непочтительность начальству, неисполнение приказов, невыполнение урока и пр.

Наиболее полные сведения даны И. И. Генкиным. Они относятся к Псковской тюрьме¹ (см. таблицу 7).

Применение телесных наказаний вызывало со стороны политических заключенных массовые протесты и самоубийства. На этой почве произошло самоубийство Сазонова и предотвращенное покушение на самоубийство нескольких других. По этому поводу был внесен в Государственную думу III созыва запрос, но Дума, послушав правительству, отклонила его, а комиссия Думы даже писала, что в Зерентуе было высечено всего двое, что самоубийством покончил один Сазонов, а пятеро «симулировали»².

В Кутомарской тюрьме Нерчинской каторги после введения нового режима для политических заключенных была применена порка, несколько человек отравились, а когда яд, вызвавший страшные мучения, не приводил к смерти, трое перерезали себе вены и умерли, а один умер от отравления³.

Царское правительство твердо отстаивало розги. Когда 53 члена Государственной думы 23 мая 1914 г. внесли проект об отмене телесных наказаний, то министр Маклаков дал такое заключение о проекте: «Телесные наказания в исправительных арестантских отделениях и к приговоренным к каторжным работам находим нужным сохранить, как единственную карательную меру в отношении лиц, утративших чувствительность к наказаниям нравственного характера, — меру, особенно необходимую при подавлении беспорядков в тюрьмах, так часто возникавших в последнее время»⁴.

¹ См. И. И. Генкин, Голодовка псковских политкаторжан и В. Г. Короленко, «Каторга и ссылка» 1931 г. № 11—22, стр. 139.

² См. «Право» 1912 г. № 37, стр. 1995.

³ См. «Тюремный вестник», т. 10, 1912.

⁴ См. «Право» 1914 г. № 25, стр. 1973.

Правительство не рассталось с телесными наказаниями до последнего дня своего существования и, как известно, совершенно не считаясь с законом, даже расширило их применение введением порки на фронте и вообще в войсках за время первой империалистической войны.

Рядом с розгами стояло по своей тяжести наказание карцером. Показателем состояния карцеров служит признание самого главного управления в его циркуляре от 16 сентября 1911 г. № 19. «Из имеющихся в Главном управлении сведений усматривалось, что при некоторых местах заключения или не имеется вовсе карцера, или существующие не удовлетворяют назначению. Заключенные помещались в карцер иногда в одном белье и без обуви, оставались, вопреки ст. 395 Устава о содержащихся под стражей, без горячей пищи в течение более трех дней и не всегда своевременно получали хлеб и воду»¹.

Назначение карцера было чрезвычайно распространено. Политические каторжане Шлиссельбургской тюрьмы в своем открытом письме в 1913 году подсчитали, что из 63 опрошенных заключенных (47 политических и 16 уголовных) 50 человек провели в карцере 2463 суток². Они писали: «Сажает в карцер за всякий пустяк. Не спасает никакая болезнь. Сажает страдающих падучею болезнью, пороком сердца, туберкулезом. Из сидевших в карцере в июне прошлого года за протест против порки и сурового режима многие задолго до конца срока (30 суток) свалились с ног». Некоторых, указывается далее в этом письме, администрация была вынуждена убрать в лазарет до конца наказания. Совершенно больного заключенного еще до помещения в карцер унесли в лазарет тогда, когда он в течение нескольких дней ходил под себя, продержав его в карцере 28 суток. Спустя некоторое время он умер. Несколько ранее умер другой заключенный, с которого сняли кандалы, когда уже началась агония. И это не единственные смерти, ускоренные и вызванные карцером... Специальное исследование могло бы составить очень длинный список: 20—30 суток карцера — самое обыкновенное явление.

Препровождение в карцер обычно сопровождалось истязаниями. «По дороге в карцер выстраивались надзиратели по обеим сторонам лестницы и ударами кулаков перебрасывали арестованного до самого низу. Искусство состояло в том, чтобы встречными ударами кулаков не давать арестованным падать». Нахождение карцера где-нибудь в подвальном этаже давало

¹ Отчет главного тюремного управления за 1911 год, стр. 28.

² «Право» 1913 г. № 14, стр. 912.

возможность расправы там без особых свидетелей. Авторы воспоминаний сообщают, что в карцер сажали людей раздетых и разутых. «Карцеры не отапливались. Вода в них замерзала. По ночам происходили избиения кулаками, плетью, нагайками, тюремными ключами, топтали ногами... В одном из карцеров поверх дощатого пола были приколочены круглые жерди, и заключенный не мог там не только лежать или сидеть, но даже некуда было поставить голые ноги»¹.

Приведем описание содержания в карцере Кишиневской тюрьмы: «Было темно не только ночью, но и днем; размер 2 шага ширины и 7 длины. Здесь 8—10 человек могли только сидеть или стоять один подле другого. Пол, стены и потолок асфальтовые; параша и более ничего; пища — хлеб и вода, воду нередко не давали. Задыхались от отравленного воздуха. Трудно было открывать глаза, чувствовалось, что замирает сердце — вот, вот перестанет биться, дышать нечем, и когда надзиратель открывал дверь для передачи хлеба или впуска нового человека, мы приближались к дверям, стараясь сильнее вдохнуть воздух, идущий из подвального коридора, который нам казался чистым, ароматным и душистым. В соседнем карцере еще хуже: «задыхаемся и умираем», «задуши меня»... стоны слабели»².

В добавление к этим описаниям бывших политических заключенных приведем еще несколько слов, которые говорил один из тюремных инспекторов на II съезде тюремных деятелей 28 февраля 1914 г. В докладе на тему «Об усмирении буйствующих арестантов» он описывал употребление смиренной рубахи. «Надевание ее на заключенного в карцере имеет мало значения: буйствование там продолжается, выражаясь в ругани, пении, плеваньи, обмазывании стен карцера испражнениями. Во всех этих случаях смиренная рубаха мало помогает: опыт показывает, что арестант мажет испражнениями стены босыми ногами и даже головой». Докладчик предлагает надевать рубаху на буйствующих, когда карцер ненадежен или когда все карцеры заняты»³.

В отношении политических заключенных такие истязания стали не только молчаливо легализованным, но и широко применяемым приемом физического уничтожения, приемом, который представлял строго организованную систему с особо выработанными для этого приемами и формами, принявшими форму

¹ Л. И. Гольдман, Николаевский застенек, «Каторга и ссылка» 1925 г. № 15, стр. 224.

² Ушерович, В царских застенках, стр. 42.

³ См. «Право» 1914 г. № 11, стр. 897.

«обычного права», имевшего силу не меньшую, чем «писаное право». Это «обычное право», конкурируя со смертной казнью, быстро распространилось по каторжным тюрьмам Сибири, по центральным Европейской России. В воспоминаниях бывших политических заключенных не один раз подчеркивалась особая руководящая в этом отношении роль Орловского центра.

Если бы собрать все сделавшиеся известными факты истязания, то они заполнили бы целые тома. Эти факты один ужаснее другого. Они оказались бесчисленными и по своему изощренному разнообразию. Нет возможности вскрыть во всей полноте этот садизм власти, эту вакханалию, на которую сверху с одобрением взирали руководящие круги, учреждения и лица, в то время как средние и низшие чины администрации тюрем делали свое ужасное дело, соревнуясь между собой и зная, что наиболее жестоких и бесчеловечных из них ждут не суд и не кара, а поощрения и награды.

Если трудно об этом писать, то какую гигантскую силою должны были обладать те, кто умирал, перенося все это, или кто перенес это, выйдя живым из застенков.

* *
*

По государственной смете расходов на тюремную часть отпускалось средств за ряд лет более, чем на все народное образование. В период с 1905 по 1907 год тюрьма поглощала в два раза более денег, чем начальное обучение. Так, например, в 1905 году расходы на тюремное дело составляли 16 127 000 руб., а на начальное обучение 8 000 000 руб. В 1907 году на тюрьму было отпущено 20 472 000, а на начальное обучение — 9 681 000 руб. В 1910 году на тюрьму — 47 635 000, а на начальное обучение — 47 803 000 руб.

Царскому правительству тюрьма была необходимее школы. Обучение же грамоте в самой тюрьме не привлекало внимания правительства. Рядом с таким «воспитателем», как тюремный надзиратель с пучками розог, тюремный учитель появлялся как редчайшее исключение, да и то он находился в полном подчинении тюремному священнику. А в помощь священнику законодатель издавал строгие предписания об обязательном посещении богослужения, об обязательном говении, исповеди и причащении.

Культурно-просветительная работа в тюрьмах отсутствовала: никаких кружков не было, клубов не существовало, газет не издавалось, никаких зрелищ, концертов, лекций не устраива-

лось. Даже самые здоровые развлечения в тюрьме объявлялись недопустимыми и преступными.

На такой почве с неизбежной необходимостью развивалось среди заключенных «самообслуживание», и оно выливалось в формы, резко различные у политзаключенных и у уголовных.

Политические заключенные применяли всякие способы для удовлетворения своих культурных запросов и для того, чтобы внести культурно-просветительную и политическую работу в массу заключенных.

Характеристика этой работы политических заключенных дана в сборнике, изданном обществом бывших политкаторжан¹.

Из всего того, что мы знаем о тюрьме, нет ничего более яркого, чем это стремление к знанию, самообразованию, к развитию и учебе других при гнетущих физических и морально условиях каторги. С настоящей силой революционера преодолевались все препятствия.

«В лучшем случае,— писал В. И. Ленин,— в тюрьмах не нас учили, а мы учились марксизму, истории революционного движения и пр. С этой точки зрения очень многие просидели в тюрьмах даром»². Про И. В. Бабушкина, расстрелянного карательной экспедицией Ренненкампа, В. И. Ленин писал: «...Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхотурске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками»³.

Для того чтобы познать всю величину проделанной политическими заключенными работы, надо не упускать из виду убогость тюремных библиотек ведомства главного тюремного управления. Надо было собственными силами создать этот подсобный, совершенно необходимый аппарат для занятий. В очень богатой содержанием статье В. Ульяновского имеются, между прочим, следующие красноречивые цифры: тюремная библиотека ведомства в Александровском центре включала в 1906 году всего 1822 тома. Из этого числа 363 «религиозно-нравственных» книги, 698 старых журналов, 223 тома русской беллетристики и т. д. Политические заключенные довели число книг в 1914—1915 гг. до 8500, из их числа приходилось на беллетристику около

¹ См. «Учеба и культурная работа в тюрьме и на каторге. Сборник статей и воспоминаний», под ред. В. Плещкова, издание общества политкаторжан, М., 1932.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 80.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 332.

3000, научных книг по разным отраслям знания — свыше 3000, различных журналов — свыше 1000.

Для нелегального получения книг с воли и их хранения в тюрьме приходилось прибегать ко всевозможного рода ухищрениям.

Благодаря таким ухищрениям в тюрьму проникала и такая литература, которая была запрещена для заключенных или даже изъята из обращения и на воле. Для выяснения официального состава тюремных библиотек интересно сравнение «Примерного каталога для тюремных библиотек» с «Алфавитным указателем книг, не разрешенных для чтения арестантам»¹. В примерном каталоге на первом месте стоят «богословско-нравственные книги» с описанием жития «мучеников» и «святых» и иная подобная литература.

В списках запрещенных книг мы встречаем сочинения Ленина, Луначарского, Толстого, Кропоткина, Либкнехта, Розы Люксембург и т. д. Списки занимали десятки страниц очень убогистого шрифта.

Царская цензура, литературное творчество святейшего синода и царская тюрьма дружно шли вместе нога в ногу.

* *
*

Царская тюремная медицина сделала все зависящее от нее для распространения болезней и для укорачивания жизни тех, кто имел несчастье попасть в заключение; тюремная медицина, за редчайшими исключениями, не только уживалась с совершавшимся на ее глазах изо дня в день, из года в год безобразнейшим попранием всех требований врачебной науки, но даже санкционировала такие способы физического калечения, как телесные наказания, карцер, истязания, избияния и т. д. Один из тюремных врачей оставил по себе такую мрачную память, что наряду с наиболее прославившимися тюремщиками предстал перед пролетарским судом в качестве обвиняемого и был осужден Верховным судом в январе 1924 года.

В самом деле, в каком непримиримом противоречии с элементарными требованиями гигиены находился весь «законный» режим. Арестантское платье, плохая пища и постель, труд, помещение, дисциплинарные наказания — все это служило целям

¹ См. «Тюремный вестник» 1908 г. № 11, приложение — «Алфавитный указатель книг, не разрешенных для чтения арестантам» и тот же журнал 1910 года, стр. 1094 «Примерный каталог для тюремных библиотек».

не только причинения страданий, лишения самого элементарного и самого необходимого для сохранения здоровья и жизни, но и нескрываемого физического калечения и уничтожения. Например, арестантское платье совершенно необычной формы не было рассчитано на согревание и надлежащее прикрытие тела и доставляло заключенному психологическую и физическую тяжесть.

Только в 1903 году было отменено соблюдавшееся с неукоснительною строгостью бритье мужчинам половины головы (приговоренным в каторжные работы и ссылку на поселение). Мы уже знаем, что только в том же 1903 году было отменено приковывание к тачке, с которой заключенный делался неразлучным, как и со своими кандалами, таская ее за собою повсюду и даже на тесные нары, на которых он спал вповалку с другими заключенными на соломенных, прогнивших матрацах.

Гигиена труда, не существовавшая для рабочих на свободе, конечно, не существовала и в тюрьме. Жизнь заключенного протекала между двумя крайностями: полным бездействием в камерах, без надлежащего света и воздуха, и таким каторжным трудом, как постройка, например, Онорской дороги, о которой говорили, что она вымощена костями каторжников.

К числу очень немногих работ о санитарном состоянии царских тюрем относится статья доктора Эйхгольца. Измеряя состав воздуха утром в тюрьме после проверки, он часто находил углекислоты в 8—10 раз выше нормы¹.

При таких антигигиенических условиях туберкулез становился неотъемлемой принадлежностью тюрьмы. Каторжанин был неизбежно обречен на чахотку, и звон кандалов был постоянным аккомпанементом его чахоточного кашля. Половина тех, кто умирал в тюрьмах, погибали от туберкулеза. Недоедание и совершенно ненормальное питание вели к распространению другой тюремной болезни — цинги. При среднесуточном числе больных в тюремных больницах в 1914 году 14 351 (т. е. 8% состава тюремного населения) больных цингой средним числом за каждые сутки было 292.

Сырьостью в камерах вызывалась тюремная болезнь — мышечный ревматизм и тому подобные болезни этой группы (409 больных в сутки). Пользование общей посудой для питья и еды, теснота в камерах вели к распространению заразных венерических болезней вплоть до сифилиса, и в тюремных больницах каждый день таких больных насчитывалось 638 человек. Губительным был тюремный режим для сердечнобольных, и статистика определяла среднесуточное число таких больных,

¹ См. «Тюремный вестник», 1915, стр. 872.

находящихся в больницах, цифрой 330, а больных неврастений и эпилепсией — 313. Число пользовавшихся больничным лечением в 1912 году было 161 060 человек, из них умерло 5 962; в 1913 году число таких же больных было 154 688 человек, из коих умерло 4815. В 1912 году соотношение умерших к средне-ежедневному числу больных было 3,2 и в следующем году — 2,8. Время от времени распространялись эпидемические заболевания, в 1908 и 1909 годах свирепствовал тиф, которым в 1908 году болело 15 736, а в следующем году — 20 350¹.

Число умерших за время этой эпидемии предусмотрительно не указано. Вообще при ознакомлении со статистикой тюремных больниц надо помнить, что обращение за врачебной помощью нередко было совсем безнадежным делом, а иногда со стороны больного требовалась для этого смелость, так как даже тяжело-больные зачислялись в «симулянты» и попадали вместо больницы под розги и в карцер. Так, например, один из заключенных за «симулирование» болезни подвергся заключению первый раз в темном карцере на 3 суток, во второй раз в светлом карцере на 6 суток, в третий раз — наказанию розгами в количестве 25 ударов за «облитие себя и матраца керосином из лампы и попытку зажечь, явно симулируя этим сумасшедшего». В записях об этом заключенном розги чередуются с карцером; последняя запись гласит: «Умер в больнице от туберкулеза легких».

Из другого документа о другом заключенном видно, что смена несколько раз розог и карцера закончилась переводом из карцера ранее срока в больницу, где больной умер². О целой серии систематического «лечения» (например, психически больных) избивением до смерти подробно сообщает в своих воспоминаниях очевидец Львов. Это было в Московской окружной психиатрической лечебнице в 1911 году (на станции Голицино), где санитары убивали тяжелобольных, чтобы отделаться от них. Ими была выработана особая система: «В полночь к моему соседу подошли двое санитаров. Один сдвинул его пониже с подушки и со всего размаха начал ударять кулаками по верхней части черепа. Удары гулко раздавались в тишине палаты. Больной вначале что-то вскрикнул невнятное. Потом затих и только по временам стонал как-то изнутри. Когда один санитар отбил себе руку, продолжал другой. От этих ударов неминуемо должно

¹ См. М. М. Исаев, Тюремное ведомство на Всероссийской гигиенической выставке.

² См. «Документы Орловского каторжного централа», М., 1929, стр. 206—210.

было произойти кровоизлияние в мозг. Повреждения врачи могут не обнаружить, так как на теле знаков нет, а на заросшей волосами голове не видно кровоподтеков. Смерть от кровоизлияния в мозг — обычный конец паралитика... Больной затих. Его оставили на полчаса. Потом пришли, послушали дыхание, пощупали пульс. Он был еще жив. Тогда один из санитаров влез на кровать и начал давить грудную клетку полумертвого паралитика коленями. После этого приема он умер»¹.

В заключение отметим одну любопытную черту законодательства, связанную с тяжелою болезнью тех, кто был приговорен к ссылке в каторжные работы. По ст. 27 Устава о ссыльных, если подлежащий каторге и ссылке на поселение оказывался по освидетельствованию особой комиссии неспособным к отбытию этих наказаний, он оставался в тюрьме вплоть до выздоровления, но срок увеличивался в полтора раза, исходя из первоначально назначенного судом срока, даже и в тех случаях, когда часть каторги была уже отбита.

* *
*

Необходимо особо охарактеризовать режим в военных тюрьмах.

Осужденные солдаты находились еще в более худшем положении, чем лица, не состоявшие на военной службе, так как они могли по приговору суда попасть не только в тюрьмы министерства юстиции, но и в специальные военные тюрьмы. Назначение последних определялось характером воинской дисциплины: военно-карательные учреждения должны были сломить волю упорствующего, а если строгий режим обычной военной службы оказывался недостаточным для воспитания в духе требуемой дисциплины, то режим карательного учреждения должен был осуществляться на началах еще более жестокой дисциплины. Методы жестокой расправы указывались в самом тексте военного закона и были более суровы, чем, например, в Уставе о содержащихся под стражею. К сожалению, те, кто перенес на себе непомерные тяжести пребывания, например, в дисциплинарных частях, почти совсем не оставили воспоминаний.

Не надо упускать из виду, что классовые различия группировок — с одной стороны, дворянского и буржуазного офицерства, а с другой — «нижних» чинов — строжайше проводились

¹ С. Д. Львов, Сквозь строй, изд-ние о-ва политкаторжан. М., 1931.

в военных тюрьмах. Офицеры и «нижние чины» здесь никогда не должны были смешиваться. Военно-одиночная тюрьма и дисциплинарные батальоны, роты и команды существовали только для «нижних чинов», а крепости и гауптвахты — только для офицеров и военных чиновников. Но и здесь положение определялось различием чинов. Так, например, на содержание в крепости заключенных генералов отпускалось 50 коп. в сутки, штаб- и обер-офицеров — 40 коп. Стоимость же содержания «нижних чинов» была установлена в 20 коп.

Положение заключенных в военных тюрьмах определялось Воинским уставом о наказаниях и особенно Временным положением о военно-тюремных заведениях, утвержденным 15 октября 1913 г.¹ Изменения в него были внесены 28 октября 1913 г. В этом Положении подтверждалось ранее существовавшее право применения к «нижним чинам» розог и пр. По ст. 78 этого Положения заключенные в дисциплинарные батальоны, роты и команды за их проступки, не влекущие предания суду, подлежали следующим дисциплинарным наказаниям: 1) лишению подстилки на срок до одного месяца, 2) назначению вне очереди на хозяйственные работы не свыше 14 нарядов для заключенных, содержащихся в общих камерах, 3) аресту на срок не более одного месяца, 4) переводу в низший разряд, 5) наказанию розгами от 10 до 100 ударов. Арест отбывался в темном карцере, причем арестованный содержался на хлебе и воде с выдачей горячей пищи через три дня в четвертый и спал без подстилки. В дни получения горячей пищи он должен был выводиться на прогулку отдельно от прочих и содержаться в светлом карцере. На буйствовавшего могла надеваться смиренная рубаша. Такие же наказания налагались и на заключенных в военных тюрьмах.

Среди всяких запрещений отметим запрещение курить, пить, громко разговаривать, заниматься какими-либо играми.

В неподлежащем оглашению отчете полковника Макаренко о состоянии дисциплинарных батальонов и военных тюрем, обнаруженном только после революции, вырисовывается самая гнетущая картина².

Для общей характеристики режима дисциплинарных батальонов достаточно привести из этого отчета, например, такое место: «Тот факт, что для многих заключенных режим дисциплинарных батальонов оказывается решительно невыносимым,

¹ Текст его напечатан в «Тюремном вестнике», 1914, кн. I, стр. 52.

² См. также о дисциплинарных батальонах: В. Д. Бонч-Бруевич, Волнения в войсках и военные тюрьмы, 2-е изд., М., 1919.

вряд ли может подлежать сомнению. Все начальники батальонов указывают на то, что в основе большинства наиболее тяжелых проступков, совершаемых заключенными, лежит стремление их избавиться от содержания в дисциплинарном батальоне путем осуждения к высшему наказанию, хотя бы к каторге¹.

Признание начальников дисциплинарных батальонов, что установленный в этих батальонах режим был хуже каторжного, говорит так много, что нечего добавит к этому. Однако дисциплинарные батальоны с их режимом продолжали свое существование до последнего дня царизма.

Отчет содержит сведения о местоположении карательных военных учреждений, их санитарном состоянии, работах, дисциплине в них, административном персонале и пр. Вот некоторые сведения.

Екатериноградский и Херсонский дисциплинарные батальоны летом окутаны пылью, а заключенные Херсонского батальона, кроме того, страдают от малярийных заболеваний, так как он расположен близ берегов Днепра, заросших камышом. Помещения рот Херсонского и Бобруйского батальонов тесны. Во всех батальонах, кроме Херсонского, отмечается недостаток света и вентиляции. В Бобруйском батальоне в нижнем этаже стоит значительная сырость, а приемный покой и околоток расположены близ отхожих мест в холодных, темных и сырых помещениях и воздух в них настолько тяжелый, что входящий невольно задерживает дыхание.

В одиночных камерах старого здания Рижской и нижнего этажа Варшавской тюрем сырость поднимается по стенам выше человеческого роста, причем около стен весной стоят невысыхающие лужи воды.

Таковы помещения. В них военно-заключенные «нижние чины» проводили время частью в военной муштровке, частью в ничегонеделании, так как правильной организации труда не было. Впрочем, по словам ревизора, работы даются «лишь в виде поощрения». Далее мы узнаем, к чему свелось это «поощрение». В Варшавской и Рижской военных тюрьмах изготавливались гильзы для папиросных фабрик за плату для тюрьмы по три копейки с 1000 штук. Давалось заключенному задание — сделать определенное количество тысяч. Если задание выполнялось, то на следующий день его увеличивали, а если материал оказывался испорченным свыше нормы, то за это следовали

¹ «Военно-тюремные заведения в России и за границей, СПб., 1904. По отчетам чинов военно-судного ведомства, командированных для ознакомления с военными тюрьмами и дисциплинарными частями», стр. 28.

дисциплинарные взыскания и почти всегда телесные наказания¹. Этот порядок привел к тому, что многие ожесточились, стали умышленно портить и выбрасывать материалы, открыто выражая свою ненависть к кадровым унтер-офицерам, и озлобление заключенных стало прорываться резкими случаями нарушения дисциплины.

Обычные же работы состояли в чистке винтовок на складе, пилке и колке дров, носке воды, ремонте обуви, зданий и огородных работ. За эти работы никакого вознаграждения вообще не полагалось.

Здесь уместно подчеркнуть, что военно-уголовный закон не признавал собственности, когда речь шла о солдатах, осужденных к лишению свободы в дисциплинарных частях. «Собственные вещи приговоренного к дисциплинарной части продаются с аукционного торга, и вырученные деньги зачисляются в его фонд». По тому же закону вознаграждение за труд заключенных в дисциплинарных частях было еще хуже, чем в общегражданских тюрьмах, так как из чистой прибыли 59% удерживалось в особый фонд на нужды военно-тюремных заведений и награды должностным лицам, ведущим в них работы.

В отчете говорится о служебном персонале дисциплинарных частей и тюрем: «Умственный кругозор кадровых унтер-офицеров ниже всякой критики». Они сами совершали кражи, конвоируя нижних чинов в город. Отмечаются случаи жестокого обращения кадровых унтер-офицеров с заключенными.

Без того тяжелое положение заключенных в военных карательных учреждениях было еще более отягощено законом, объявленным по военному ведомству приказом 22 июня 1913 г. № 327, по которому из срока действительной военной службы исключалось время, проведенное нижними чинами под стражей, и время исполнения судебных приговоров.

Дисциплинарные наказания вплоть до розог налагались единоличным распоряжением начальника на «худших» и «испытываемых», а на «исправляющихся» — постановлением комитета (ст. 84 Временного положения о военно-тюремных заведениях), но начальник мог и в этих случаях сечь «за своею ответственностью».

¹ По словам очевидца, телесные наказания в Бобруйском дисциплинарном батальоне производились в определенный день недели и сразу целыми партиями при наличии конвоя и в присутствии других солдат дисциплинарной части, а сам процесс избияния мало отличался от описанного нами в каторжных тюрьмах. Жестокий режим в этом батальоне вызвал в 1909 году настоящее восстание с убийством тюремной стражи и жестоким усмирением при помощи военной силы.

Таблица 8

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ В БАТАЛЬОНАХ за 1901 год

Род взысканий	Число дисциплинарных взысканий				
	Бобруй-ский	Воронеж-ский	Екатери-носла-вский	Херсон-ский	Всего
Простой арест	92	172	130	118	512
Строгий арест	244	79	150	282	755
Усиленный арест . . .	19	121	27	71	238
Смешанный арест . . .	10	16	1	9	36
Телесные наказания .	13	33	18	29	93
Итого	378	421	326	509	1634
В батальонах пребы- вало заключенных . . .	1083	1211	431	—	—

* *
*

Такова была царская тюрьма во всех ее разнообразнейших видах в начале XX века. Тюрьма могла ставить себе различные задачи — устрашение, возмездие, изолирование, «нравственное исправление» и пр. Но ее сущность везде — и в холодной, сырой, бревенчатой тюрьме-избе далекой Сибири, и в хорошо оборудованных, выстроенных напоказ тюремных зданиях некоторых центральных городов — оставалась одна и та же: открытое или замаскированное физическое уничтожение заключенных.

Тяжесть тюремного режима заключалась не только в основном, но и в мелочах. Но это не сломило стремления политических заключенных к борьбе.

Наиболее яркие и героические формы борьбы применялись политическими заключенными. Заполнение политическими тюрем и каторги непосредственно после революции 1905 года влило в общую массу заключенных значительное число новых узников, воодушевленных силой революционной борьбы, не утративших связей с оставшимися на свободе товарищами. И приемы борьбы внутри стен тюрьмы напоминают приемы политической борьбы на свободе. О них царское правительство спешило оповестить правительства других стран, стремясь оправдаться перед заграничным общественным мнением и поугрызть его угрозой

грядущей революции. Так, например, в своем официальном обращении на Вашингтонском тюремном конгрессе оно обвиняет революционеров в создании трудностей для устройства тюремного дела и приводит цифры, которые являются красноречивыми показателями сил революции 1905 года. «Уже в 1905 году,— говорилось в этом обращении,— было зарегистрировано 9 случаев нападения на места заключения извне, сопровождающихся насильственным освобождением 99 арестантов». В последующие два года такие нападения на тюрьмы стали уже сравнительно редким явлением, но зато число подкопов и проломов, обнаруженных в тюрьмах, достигло огромной цифры — 1456 случаев. Только в 1907 году убито 140 и ранено 169 человек из личного состава служащих мест заключения. В 1908 году было зарегистрировано 15 случаев нахождения в разных тюрьмах бомб, пироксилиновых шашек и других взрывчатых материалов¹.

Временная победа правительства над революцией 1905 года изменила формы борьбы внутри тюремных стен как со стороны тюремной администрации, так и со стороны заключенных. Правительство дало лозунг «истребить, сокрушить, ломать». В таком направлении повелось воспитание тюремного персонала. Как из рога изобилия, сыпались награды, чины, ордена, повышения по службе на тех начальников мест заключения, которые проявили наибольшие способности в истреблении заключенных.

В тюремной инструкции предписывалось холостыми снарядами или вверх не стрелять и «патронов не жалеть».

В Архиве революции хранится секретный приказ главного тюремного управления № 13 от 30 июня 1911 г., в котором оно рекомендует начальникам тюрем устройство в коридорах и на площадках лестниц, а также на тюремных дворах особых решетчатых металлических ограждений для вооруженных постовых надзирателей. Находясь внутри этих ограждений, можно обстреливать весь тюремный коридор, лестницы и двор.

Высочайшие благодарности выносились нижним чинам даже за такие убийства заключенных, как, например, убийство безоружного арестанта в клозете вагона при попытке бегства. Такие благодарности, в особенности с добавлением к ним денежной награды в 5—10 руб., достигали своей цели, и история царской тюрьмы за последние 15 лет ее существования знает случай, когда при усмирении волнений в тюрьме (29 апреля 1908 г.) было убито около 40 заключенных и ранено 56, причем раненые были оставлены без помощи, а некоторые трупы — изуродованы.

¹ См. «Журнал министерства юстиции» 1910 г. № 7, стр. 178.

По официальной статистике при подавлении беспорядков было в 1913 году убито 24, ранено 82 арестанта; в 1914 году убито 13 и ранено 21; в 1915 году убито 17 и ранено 14.

Развивались и такие формы борьбы заключенных, как отказ вставать перед тюремным начальством, снимать перед ним шапки, не отвечать при обращениях на «ты», отказ от приема пищи — тюремные голодовки. Тюремное начальство не вело их статистики, но мы знаем о высокой степени их распространения из воспоминаний политических заключенных.

Особыми формами борьбы являлись побеги из тюрем.

Мы воспроизводим следующую таблицу со сведениями, доведенными вплоть до 1915 года.

Таблица 9

РАЗНЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ В ТЮРЬМАХ
(по официальной статистике)

Формы борьбы	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Побеги: общее число . .	1272	1026	1169	1123	1352
В среднем на 100 ежедневно	7	6	6	5	9
Убийства чинов администрации и караула . .	18	6	4	2	2
Насилия над чинами администрации	58	28	15	11	22

Последняя борьба с царской тюрьмой разыгралась в дни февральской революции. Народ и войска шли к тюрьмам и растворяли тюремные двери, давая свободу заключенным. Там, где происходило освобождение лишь политических или где освобождение хотя сколько-нибудь задерживалось, заключенные обезоруживали тюремную стражу и выходили из тюрем.

Но это был лишь первый этап борьбы. За февральской шла Великая Октябрьская социалистическая революция, разрушившая до основания царскую тюремную систему.

Глава вторая

РЕЖИМ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 4. РЕЖИМ В АРЕСТАНТСКИХ ПОМЕЩЕНИЯХ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

ТРИ ГЛАВЫ настоящего тома мы посвящаем изучению тюремного режима в Петропавловской крепости в неразрывной связи с системой судебного и внесудебного террора царизма в последний период его существования — в неразрывной связи с военно-полевыми судами, военно-окружными судами, а также с карательными экспедициями царских палачей.

В XX веке режим Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в его основных чертах определялся двумя актами, на подлинниках которых стояла надпись: «Одобряю, Главнокомандующий войсками генерал-адъютант Владимир, 5 января 1898 г. С.-Петербург». Этот главнокомандующий войсками приходился родным дядей Николаю II. Племянник и дядя — оба одинаково были заинтересованы в существовании Петропавловской крепости, куда их предки заключали своих политических врагов.

Один из двух актов носил название «Инструкция для заведования арестованными, арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости и наблюдательною командою». Другой акт — «Правила о содержании арестованных в С.-Петербургской

крепости», которые представляли собою извлечение 15 статей из общего количества 31 статьи инструкции 1898 года.

При изучении режима тюрьмы Трубецкого бастиона важно не только ознакомление с различными параграфами инструкции и правил внутреннего распорядка, но и с их осуществлением на практике.

Инструкция не без основания употребляет неопределенное выражение: «арестантские помещения С.-Петербургской крепости». Наше ознакомление с фактическим материалом показало, что получивший широкое распространение термин «Трубецкой бастион» не исчерпывает собою всех мест заключения в Петропавловской крепости. Этот бастион действительно был основным местом заключения в крепости, но не единственным. Целям заточения на всем протяжении 1900—1917 гг. служила также и Екатерининская куртина. Очень короткий срок (1905—1906 гг.) тюрьмою служил и манеж крепости. В него было заключено более сотни восставших солдат электротехнической роты. Еще более короткий срок, а именно всего несколько часов 28 февраля 1917 г., служил тюрьмой для героев-солдат Павловского полка небольшой белый дом с окнами за решетками, куда они были переведены из Трубецкого бастиона и откуда освобождены восставшими войсками и народом.

Заведующий арестантскими помещениями являлся начальником каждого такого помещения в крепости, которое постоянно или временно служило для заключения арестованных.

Власть заведующего арестантскими помещениями была очень велика, и недаром он утверждался в этой должности главнокомандующим войсками. Главнокомандующими за исследуемый период были великие князья — сначала Владимир, а потом Николай. Даже в случае временного назначения заместителя заведующего арестантскими помещениями ввиду болезни или отпуска последнего требовалось соответствующее разрешение главнокомандующего. Прямым начальником заведующего был генерал-комендант крепости, пользовавшийся особым доверием царя и имевший право непосредственного с ним сношения.

При таких условиях заведующий арестантскими помещениями чувствовал себя довольно свободно и считал себя ответственным лишь перед комендантом крепости, который фактически был в крепости самодержцем. Даже всесильный департамент полиции, являвшийся поставщиком узников крепости, оказывался бессильным перед комендантом: никто из чинов этого департамента, как бы ни было высоко его положение, не мог проникнуть в арестантские помещения без разрешения коменданта. Этот последний отменял выданные департаментом

разрешения на свидания с заключенными. Высшему руководству полиции приходилось принимать к сведению различные требования коменданта крепости.

Инструкция и Правила не особенно стесняли коменданта крепости и заведующего арестантскими помещениями, так как круг их деятельности был очерчен широко или даже совсем не определялся. Это вполне понятно. Петропавловская крепость как важнейшая государственная тюрьма была предназначена для поддержания произвола всего аппарата царизма и уже по одному такому своему назначению должна была оставлять широкий простор для действий тех, кто стоял во главе крепости и арестантских помещений в ней. Поэтому неудивительно, что названные нами акты не содержат ровно никаких указаний на какой-либо контроль за деятельностью коменданта и заведующего арестантскими помещениями. В них нет даже никакого намека на право обжалования заключенными распоряжений этих начальников.

Для выяснения неограниченного объема власти коменданта укажем в виде примера на ст. 15 Правил. В силу этой статьи комендант мог заключать узника в темный, сырой карцер на срок до недели и возобновлять такое же наказание хотя бы на следующий же день после освобождения. Он мог без ограничения срока лишать узников права чтения книг, переписки, свидания с родными, не говоря уже о курении. Он мог назначать все эти взыскания одновременно. Лишь от его усмотрения зависело, за какое нарушение назначить то или другое наказание или все их вместе. В полном смысле слова это была власть неограниченного владыки.

Если принять во внимание старание коменданта оправдать оказанное ему «высочайшее» доверие и если вспомнить основной лозунг правительства о крепкой власти, то станет понятным, почему режим Трубецкого бастиона был невыносимо тяжким.

В XX веке Трубецкой бастион перестал быть тюрьмой для отбывания наказания — он был превращен в место предварительного заключения. В большинстве случаев сроки пребывания в Петропавловской крепости не превышали полугода. Однако при сравнительно небольшой продолжительности заточения режим крепости успевал причинять заключенным так много физических и нравственных страданий, что Петропавловская крепость ни в какой степени не потеряла своей «славы» страшного тюремного застенка.

В самом деле, из 543 заключенных 60 человек, т. е. 11%, были переправлены в больницы. Сырые, темные камеры и гне-

Рис. 1. Общий вид Петропавловской крепости.

Из книги В. И. Пилявского «Петропавловская крепость», Государственное архитектурное издательство, 1950.

Рис. 2. Стена Трубецкого бастиона.
С фотографии Музея Революции РСФСР.

Рис. 3. Тюрьма Трубецкого бастиона со стороны Екатерининской куртины.
С фотографии Музея Революции РСФСР.

туший режим одиночного заточения так расшатывали физическое состояние и нервы узников, что администрация оказывалась вынужденной переводить их в больницы, несмотря на свое отрицательное отношение к таким переводам. В архивных делах мы нашли яркий пример, показывающий, с какой неохотой администрация тюрьмы и департамент полиции переводили заболевших в больницы. Тюремный врач в своем рапорте от 8 декабря 1906 г. доносил, что «заключенная в камере № 71 вследствие голодания до того ослабла, что каждую минуту ей грозит опасность смерти. Безусловно, необходимо отправить ее в больницу»¹. Несмотря на всю категоричность заключения тюремного врача, больная не была переведена в больницу. В добавление к физическому истощению присоединялись тяжелые психические переживания, и узница Трубецкого бастиона покончила жизнь самоубийством. Ей удалось это сделать, несмотря на особые трудности совершения самоубийства в одиночных камерах Трубецкого бастиона, где узники находились под постоянным наблюдением тюремной стражи.

Самоубийство произошло в пять часов пополудни на глазах дежурного жандармского унтер-офицера. Из донесения коменданта крепости в департамент полиции видно, что жандарм доложил начальству свои наблюдения, связанные с этим случаем. Он видел, как узница «долго и задумчиво» ходила по камере. Вероятно, ему не было в диковинку такое поведение заключенной и часто приходилось через «глазок» тюремной двери наблюдать, как заключенные «долго и задумчиво» ходят из угла в угол в одиночных камерах или мечутся в них целыми часами. Но вслед за таким хождением жандарм увидел, как узница прыгала у окна, «стараясь ухватиться за подоконник, держась одной рукой за форточку, другой обернув шею какой-то белой полосой...». Не имея ни права, ни возможности войти в запертую камеру, жандарм побежал сообщить о виденном начальству. Когда вошли к заключенной, то нашли ее уже повесившейся на двух полосах (вырванных ею из простыни), прикрепленных к пруту решетки тюремного окна. Очевидно, потребовалось немало времени, чтобы войти с соблюдением всех тюремных правил в одиночную камеру, где заключенная рассталась с жизнью. Донесение коменданта заканчивалось сухим указанием, что после ее смерти осталось 35 р. 38 к. денег, часы и обручальное кольцо.

¹ ЦГИА в Москве. Дело «О вооруженном нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни» (л. 350).

Надо учесть, что, кроме удавшихся самоубийств, были, конечно, и покушения на них. Статистики таких покушений комендант крепости не вел, это было не в его интересах. В одной из бумаг, адресованных директору департамента полиции, комендант крепости (21 апреля 1905 г.) писал: «Несмотря на самый бдительный надзор за арестованными унтер-офицеров жандармской и наблюдательной команд и беспрестанную поверку их со стороны заведующего арестантскими помещениями подполковника Вережкина исполнения ими обязанностей, между арестованными, в ожидании исполнения приговора, было много случаев покушения на самоубийство»¹.

К сожалению, мы лишены возможности расшифровать комендантское выражение «много случаев покушения на самоубийство» и заменить его хотя бы приблизительной цифрой. Сам комендант не только не приводил ее, но и ставил себе в заслугу сокрытие от всякой огласки даже случай самоубийства ротмистра-узника, о котором остальные заключенные и не подозревали. Кстати, он развивает здесь свой взгляд на огромный вред огласки самоубийств, совершенных в крепости. Припомнив уже известный нам из третьего тома «Истории царской тюрьмы» случай самоубийства Марии Ветровой, комендант писал: «Не говоря о том, что случай этот был в самом превратном виде описан в иностранных газетах, он до невозможности был извращен между студентами высших учебных заведений и курсистками высших женских курсов, что в то время было очень серьезно, а в настоящее время имело бы еще более серьезные последствия, за которые всецело должен бы отвечать комендант».

В этом подробном заявлении комендант Эллис с гордостью указывал, что его «долговременная служба известна лично государю императору и великому князю главнокомандующему». Итак, комендант страшной Петропавловской крепости ссылался на одобрение этой деятельности самим императором и его дядей-главнокомандующим. Они оба были организаторами всего того, что творилось за стенами Петропавловской крепости.

Петропавловская крепость могла и за самые незначительные сроки заключения укоротить жизнь заключенных и разрушить их здоровье.

Из последующего очерка будет видно, как два месяца пребывания в Петропавловской крепости солдат электротехнической роты в условиях постоянной сырости и холода, на гнилой

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 6, т. 1 (лл. 94—95).

соломе превратили некоторых из них, молодых и сильных, в пожизненных калек, которые даже во время суда не могли стоять на ногах.

Если пребывания в крепости оказывало такое пагубное влияние на здоровье заключенных, то лишь словесным укра-

Рис. 4. Петропавловская крепость. Мемориальная доска на Трубецком бастионе

С фотографии Музея Революции РСФСР.

шением Инструкции 1898 года являлась ее статья (22) о врачебной помощи заключенным местного тюремного врача и о переводе их в больницы. Фактически в тех или других случаях требования врача могли не исполняться и узники превращались в больных и калек.

Как лицемерно при этом звучат параграфы Инструкции, предписывавшие производить смену белья арестованным два раза в неделю, водить заключенных в баню два раза в месяц и заготавливать для них мочалки, веники и мыло!

Для выяснения постановки врачебной помощи узникам Петропавловской крепости я решил изучить какое-либо дело из ежегодно заводившихся в бастионе и носивших название «О медицинском освидетельствовании секретно арестованных лиц». Мне сразу же встретились указания на то, что комендант крепости не верил болезням заключенных и не был склонен удовлетворять просьбы о переводе их в больницы даже при поддержке таких просьб тюремным врачом. Например, одна из заключенных обращалась с просьбой о предоставлении ей врача-гинеколога за ее счет. По-видимому, ее болезненное состояние ухудшалось, и после четырех врачебных освидетельствований ее перевели в больницу, откуда через месяц возвратили опять в крепость. Здесь она вновь возобновила просьбы о помещении ее в клинику по женским болезням. Комендант крепости выразил недоверие к заявлению больной и отказал ей в переводе в клинику. Вместо клиники она была переведена в Курскую тюрьму.

Еще ярче выразилось недопустимое отношение тюремной администрации к психически заболевшим заключенным: один узник был признан «одержимым тюремным психозом», однако товарищ министра внутренних дел запретил перевести его в больницу, мотивируя свой запрет тем, что больной — серьезный фанатический революционер. Этот факт свидетельствует о том, что перевод для лечения в больницу зависел не от характера болезни и степени ее развития, а от степени политической опасности арестованного.

Из бумаги коменданта крепости от 24 марта 1906 г. видно, что в этом месяце в тюрьме находилось четверо психических больных. Из них трое страдали «тюремным психозом», а четвертая заключенная своими криками и плачем вызывала со стороны заключенных требование объяснить причины этих криков и плача. Комендант с решительностью добавлял о невозможности давать всем объяснения¹. С переводом душевно заболевших на лечение в больницу не спешили.

Прекрасным подтверждением того, как комендант крепости пренебрегал всякой заботой о здоровье узников, жаловавшихся на свои болезни, служит следующее его обращение к товарищу министра внутренних дел: «...арестованные, преимущественно из числа наиболее серьезных, взяли как бы в обыкновение жаловаться на состояние здоровья, придумывать разные бо-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 6, т. 2, «О пересылке писем и прошений содержащихся в С.-Петербургской крепости» (л. 85).

лезни» и обращаться через родных одновременно в департамент полиции, министерство внутренних дел, жандармское управление, к прокурору с просьбами об освидетельствовании их. Исходя из такого недоверия к своим жертвам и из нежелания отягощать себя излишней работой, комендант крепости предложил министерству производить освидетельствование заключенных лишь по инициативе департамента полиции. Он заканчивал свое обращение голословным и лживым заявлением: «...наблюдение за состоянием здоровья арестованных, содержащихся в Трубецком бастионе, составляет, безусловно, одну из самых существенных обязанностей коменданта и заведующего арестантскими помещениями. В случаях серьезной болезни я немедленно сообщаю в департамент полиции». Поэтому «можно устранить беспрестанные просьбы» об этом родных¹. Так этот жестокий генерал, предлагая устранить просьбы матерей и отцов об освидетельствовании их детей, выдавал себя за «отца родного» всех «страждущих и плененных» в его темнице.

До какой степени комендант Эллис недоверчиво относился к освидетельствованиям больных врачами-специалистами, видно из следующего случая. В 1905 году в своей официальной бумаге в департамент полиции, направленной туда после освидетельствования одного заключенного, Эллис высказал прямые подозрения, что врач-специалист, предложивший перевести больного из бастиона, был подкуплен дядей арестованного. Эллис просил впредь допускать в крепость лишь специалистов по выбору медицинского инспектора статского советника Скабичевского. Департамент полиции поспешил ответить полным согласием на это предложение коменданта.

Департамент полиции был также противником врачебных забот о заключенных. Так, в 1914 году этот департамент, трагивший огромные суммы на своих сыщиков и тайных осведомителей, навел экономию в Трубецком бастионе: он сократил должность акушерки с окладом 180 руб. в год и должность женской прислуги, несмотря на наличие среди заключенных в Трубецком бастионе женщин.

Состояние одиночных камер Трубецкого бастиона за исследуемый период в основных чертах осталось таким же, каким оно было в XIX веке и каким уже известно нам из предшествующих томов этого труда. Сырость и темнота — явления, характерные для Трубецкого бастиона с первого года его существования,—

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1, «Списки арестованных, содержащихся в С.-Петербургской крепости» (лл. 111—112).

нисколько не уменьшились. Ведь крепостные стены, так близко подведенные к зданию тюрьмы и на сажень превышавшие его, не отодвинулись, и солнце по-прежнему не проникало в казематы, чтобы осветить и прогреть их; тюремные камеры не стали суше и теплей. Эти качества были присущи камерам обоих этажей тюрьмы, но в наибольшей степени казематам нижнего этажа. Сам комендант в одной из своих официальных бумаг, адресованных в департамент полиции, признавал сырость камер нижнего этажа. Тем не менее в них помещали заключенных и при наличии свободных камер во втором этаже.

В печати почти совсем нет работ о крепости, вышедших из-под пера ее узников интересующего нас периода. При таких условиях особое значение приобретают для нас материалы, извлеченные из архивов. Бывший заключенный, находившийся в Трубецком бастионе с 17 мая 1903 г. по 31 августа 1904 г., автор одной из очень немногих таких работ, отметил в своих воспоминаниях, что в камере было холодно и сыро и в ней царил вечный полумрак.

Надо учесть, что для подачи жалоб и протестов на отказ в медицинской помощи не у всех заключенных находилось соответствующее желание. Не только не было уверенности в достижении удовлетворительных результатов от таких обращений к тюремной администрации, но было противно и само обращение к ней. Я воспроизвожу здесь выдержки из одного протеста против режима бастиона. Он исходил от заключенного, содержавшегося в крепости с 25 октября 1906 г. по 9 апреля 1907 г. На четвертом месяце своего пребывания в крепости этот узник писал: «Администрация принимает меры, которые клонятся к явному истощению организма и вообще к подрыву физических сил заключенных». Автор протеста указывает, что комендант крепости (Эллис) с 29 декабря по 30 января четырежды заключал его в карцер на хлеб и воду: «Вероятно, любому департаментскому писцу известны истины, не усвоенные еще господином комендантом, о действии на организм темноты, плохого питания, отсутствия воздуха и движений».

В протесте заключенного дословно сказано, что подследственные узники в крепости «подвергаются средневековым истязаниям». Он писал: «Несомненно, что унтерские приемы коменданта не век останутся под спудом и рано или поздно сделаются достоянием печати, но общество обвинит не унтера в генеральских погонах, назначение которого заключается лишь в роли послушного «цербера», приставленного охранять ваших пленных, — вас самих, как лиц, безусловно, осведомленных об участи, которой вы подвергаете заключенных».

Автор заявления наивно думал, что департамент полиции «тем или иным способом сократит зарвавшегося в своей неразумной ретивости «старца» (так он называл коменданта. — М. Г.), ибо если до сих пор департаменту ничего подобного не было известно, то теперь сообщено ему об этом официальной бумагой».

Результат этого протеста человека, уже четырежды наказанного карцером, не замедлил сказаться. Комендант посадил его в карцер пятый раз. Когда же узник довел об этом до сведения департамента полиции, то получил от него ответ, признававший действия коменданта вполне правильными и основанными на инструкции¹.

Новых протестов в деле не оказалось. Бесполезность их была очевидна. Департамент полиции санкционировал все мероприятия коменданта как в отношении заключенных вообще, так и в отношении указанного заключенного. Они были для него «законны» даже и в этом случае, когда, по исчислению автора заявления, он из 38 дней пребывания в крепости четвертую часть времени провел в темном карцере.

Так закончилась попытка заключенного искать справедливости в департаменте полиции.

Тюремная администрация довольствовалась для поддержания здоровья заключенных предоставлением им на 15—30 минут прогулок на воздухе по тюремному дворику. Этот двор представлял собою узкую полосу земли, заключенную между двумя стенами. Одна из стен была каменной стеной тюрьмы, высотой в два этажа, а другая, еще более высокая, — из гранита двухсотлетней давности. Здесь узники крепости должны были «запасаться» кислородом для борьбы за свою жизнь в душных камерах крепости. Однако времени для прогулок было так мало, что узники могли вздохнуть полною грудью лишь несколько раз и, только запрокинув голову вверх, увидеть клочок неба.

Тюремные правила Трубецкого бастиона требовали ведения в течение каждого отчетного года особой конторской книги о прогулках арестованных. Я обследовал такую книгу за 1908 год². В ней изо дня в день давались сведения о прогулках арестованных и о посещении ими тюремной бани, здание которой находилось на тюремном дворе. В ежемесячных ведомостях давались сведения, какой номер был выведен на прогулку, во сколько

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914 и 1915, № 6, т. 3, «О порядке содержания политических заключенных в С.-Петербургской крепости и об общих вопросах по сему предмету» (л. 19 и оборот).

² ЦГИА в Ленинграде. Фонд 1280, 1908, опись 1/123, № 995, «Наряд ведомостей о прогулках политических заключенных за 1908 г.».

часов началась она и когда закончилась, под надзором каких двух жандармов происходила. В этой же ведомости по такой же форме давались сведения и о посещении бани, топившейся дважды в месяц, с допущением сюда арестованных поодиночке, под наблюдением жандармов.

Из указанной книги видно, что продолжительность прогулок колебалась в пределах от 10 минут до получаса, а именно: в январе, феврале, марте — по 10 минут, в апреле — 15 минут, в июне — 20 минут, с августа по ноябрь — 30 минут. Продолжительность прогулки стояла в несомненной связи с количеством заключенных в крепости. Так, из отчетной ведомости усматривается, что в январе совершали прогулки 47 человек, в феврале — 57, в марте — 44, в апреле — 29, в июне — 30, в июле — 26, в августе — 15, в октябре — 27 и в ноябре — 11 человек. Прогулки начинались с восьми часов утра и заканчивались днем, в промежутке между тремя и четырьмя часами. Они совершались, безусловно, всегда в одиночку.

Как ни были коротки эти выходы из камер на тюремный двор, заключенные не отказывались от них. По тюремным правилам — по непонятной причине — заключенные были обязаны перед выходом заменять в своих камерах тюремные халаты и обувь их собственной одеждой и обувью, а по возвращении с прогулки вновь облакаться в «форму арестанта Трубецкого бастиона» (их собственная одежда сейчас же уносилась для хранения в цейхгауз).

Насколько крепко цеплялись узники за эти даже кратковременные прогулки, видно из следующего интересного факта. В тюрьме бастиона с 7 декабря 1907 г. и до 16 мая 1908 г. содержался арестованный «политик». Ему грозила неминуемая смертная казнь (он был казнен по приговору Петербургского военно-окружного суда 16 мая). Этот смертник аккуратно совершал прогулки почти до рокового дня казни. Я подсчитал, что за последний месяц своей жизни он только раз отказался от прогулки.

По неизвестным причинам исключение составили первые 12 дней июля 1908 года, когда 12 узников остались почему-то без прогулок.

Лишение прогулок было для заключенных тяжелым наказанием. На 10—15 минут, которые они проводили на прогулке, переодетые в свое обычное платье, они получали право вышагивать из конца в конец по узкой дорожке. Хождение из угла в угол в одиночной камере сменялось во время прогулки маршировкой на более значительном пространстве двора. Однако заключенным было строго запрещено сорвать хотя бы листочек

с куста или травку, подобрать с земли лист, опавший с дерева. Одна узница, проводшая в Трубецком бастионе три года (1896—1899 гг.), писала мне об исключительном случае, когда жандарм-стражник разрешил ей под свою ответственность сломать веточку сирени.

Узникам Петропавловской крепости не разрешалось заниматься каким бы то ни было ремеслом. Они проводили свое время, кроме сна, почти всегда тяжелого и доходившего у большинства до полной бессонницы, лишь в хождениях по камере¹ и в чтении, а некоторые в научных и литературных занятиях. Написанное заключенными за день отбиралось вечером. Они могли получить свои записи лишь при освобождении их из тюрьмы, и то только с особого разрешения администрации.

Библиотека Трубецкого бастиона составила из книг, предоставленных ей самими заключенными. Мы не нашли в архивных делах никаких указаний на то, чтобы администрация затрачивала средства казны на покупку книг. Она признавала такие расходы излишними.

К сожалению, в архивах не сохранился каталог книг библиотеки Трубецкого бастиона, между тем указание на существование такого каталога имеется в архивном деле департамента полиции за 1904 год². Департамент заинтересовался этим каталогом с полицейской точки зрения. Несмотря на то, что в библиотеку крепости могли проникнуть только те книги, которые появились в печати с разрешения суровой царской цензуры, прошли через просмотр департамента полиции, управления комендатуры крепости и заведующего арестантскими помещениями, департамент усомнился в благонадежном составе книг тюремной библиотеки. Его рассуждения по этому вопросу не лишены интереса. Из них выяснилось, как бдительно департамент полиции стоял на страже охраны «надлежащего» политического воспитания своих узников.

2 августа 1904 г. департамент полиции писал коменданту С.-Петербургской крепости:

«Все книги, поступающие в библиотеку, принадлежат, конечно, к числу дозволенных к обращению, но разрешение на пропуск какого-либо сочинения в порядке общей цензуры не служит еще ручательством полной его безвредности в политическом отношении, и существующая у нас литература, как

¹ Один из первых узников Трубецкого бастиона — Петр Кропоткин, делая по диагонали своей одиночной камеры девять шагов и совершая 150 таких путешествий, проходил одну версту. В течение же дня он проходил из угла в угол своей камеры семь верст.

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1 (л. 57).

оригинальная, так и в особенности переводная, заключает в себе, наряду с полезными сочинениями, и богатый арсенал аргументов, обеспечивающих революционные теории.

При умелом подборе из книг, пропущенных цензурою, весьма нетрудно составить специальную библиотеку для самообразования в революционном направлении. Такая библиотека может быть настолько полною в этом отношении, что в произведениях, печатаемых революционерами в нарушение цензурных постановлений, окажутся лишь крайние выводы и практические приложения их теорий. Из доходящих же до сведения департамента полиции отзывов лиц, пользовавшихся в С.-Петербургской крепости ее библиотекой, усматривается, что последняя приближается до некоторой степени к библиотекам указанного типа. При этом в крепостной библиотеке находятся и такие сочинения, которые, не будучи изъятыми вовсе из обращения, воспрещены, однако, для чтения в общественных библиотеках и читальнях.

Таким образом, политические заключенные, у которых по условиям их положения большая часть времени занята чтением, продолжают жить в том строе понятий, который привел их к участию в революционной деятельности, и под влиянием одностороннего чтения лица, умственно незрелые, могут даже укрепляться и совершенствоваться в усвоенном ими направлении.

Ввиду сего департамент полиции, озабочиваясь упорядочением содержания политических заключенных в нравственном отношении, имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать в распоряжении о доставлении в департамент каталога библиотеки, находящейся в пользовании политических арестантов в С.-Петербургской крепости, для просмотра этого каталога и для отметки в нем тех сочинений, которые не могут быть признаны соответственными для чтения упомянутых лиц.

Означенный каталог будет возвращен вашему превосходительству в наивозможно непродолжительном времени. Подписал директор Лопухин».

Департамент полиции, заявляя о своей заботе «упорядочить содержание политических заключенных в нравственном отношении», решил произвести осмотр библиотеки и изъять из нее книги, «опасные в нравственном отношении». Попытка применения такого метода перевоспитания политических заключенных имела место в одной государственной тюрьме еще в 1889 году и привела к общему протесту заключенных в виде длительной голодовки¹.

¹ См. М. Н. Гернет, История царской тюрьмы, т. 3.

Известно, какие опустошения департамент полиции произвел в составе книг библиотеки Трубецкого бастиона. Кроме департамента полиции, чистку библиотеки производил и сам комендант крепости. Так, он произвел ее в 1903 году, когда уничтожил книги, признанные им «не подходящими» или «ветхими». С этого времени он допускал к заключенным по собственному усмотрению лишь учебники, а все прочие — только с разрешения департамента полиции.

Департамент полиции, обещая задержать каталог всего на несколько дней, оставил без него заключенных с 5 августа до 23 сентября. В результате такого длительного «изучения» списка книг он изъясил из состава библиотеки Трубецкого бастиона большое число книг научного и художественного содержания и периодические издания за 19 лет.

Приведем наименования изъятых книг:

КНИГИ

8. Арнольди, Задачи понимания истории.
22. Богданов, Краткий курс экономической науки.
24. Брандес, Литературные портреты.
25. Брандес, Главные течения литературы XIX столетия.
59. Гетнер, История литературы XVIII века.
67. Максим Горький, Очерки и рассказы.
68. Максим Горький, Рассказы.
69. Максим Горький, Мещане.
111. Жуковский, История политической литературы XIX столетия.
112. Жуковский, Политические и общественные теории XVI века.
115. Золя, Париж.
127. Каутский, Очерки и этюды.
129. Классен, Жизнь Лассалю.
145. Лабриола, К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю.
184. Мельшин, В мире отверженных.
194. Миллюков, Очерки по истории русской культуры.
202. Михайловский, Критические опыты.
203. Михайловский, Сочинения.
268. Салтыков, Сочинения.
269. Салтыков, Сатиры в прозе.
270. Салтыков, Благонамеренные речи.
271. Салтыков, Круглый год.

272. Салтыков, Современная идиаллия.
355. Шатриан, История школьного учителя.
359. Шелгунов, Сочинения.
378. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства.
396. В. В., Наши направления.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

1. «Вестник Европы» за 1873 год.
2. » » » 1878 »
3. » » » 1879 »
4. » » » 1880 »
10. «Дело» за 1880 год.
11. » » 1881 »
12. » » 1882 »
13. » » 1869 »
14. «Знание» за 1875 год.
23. «Отечественные записки» за 1873, 1879, 1880, 1881, 1882 годы.
30. «Русская мысль» за 1880 и 1881 годы.
42. «Слово» за 1881 год.
55. «Устои» за 1882 год.

Приведенный выше список книг и журналов, изъятых из библиотеки Трубецкого бастиона, дает некоторое основание судить о составе этой библиотеки и о размахе цензоров из департамента полиции при отборе книг.

Обращает на себя внимание перечень запрещенной литературы. Здесь произвол полицейского цензора был безграничен. Трудно с точностью выяснить, чем он руководствовался, «спасая» нравственность заключенных от вредного влияния отечественной и переводной литературы. В число «опасных» писателей попадали русские и иностранные романисты, историки литературы, экономисты и т. д. Не должны были иметь места на библиотечных полках сочинения Максима Горького, которому, однако, нашлось место в тюремной камере в 1905 году. Книга Мельшина, описавшего свое пребывание на каторге, была изъята из библиотеки Трубецкого бастиона. Сатира Салтыкова-Щедрина объявлялась особенно опасной для попавших в крепость, и были запрещены все сочинения этого автора. Нечего говорить, что книги классиков марксизма было приказано исключить из библиотеки. Неизвестно, сколько времени пробыли в тюремной

библиотеке все эти книги, ранее пропущенные самим же департаментом полиции. Он полагал, что никогда не поздно раскаяться, придерживаясь поговорки: «Лучше поздно, чем никогда».

Инструкция 1898 года требовала (§ 19) просмотра книг перед передачей их читателю заведующим арестантским помещением. Он же должен был тщательно просматривать книгу и при ее возвращении арестованным с тем, чтобы пресечь всякие попытки заключенных общаться между собою с помощью книг.

Из нашего ознакомления с очень большим числом архивных дел об отдельных узниках можно было видеть их широкие запросы на приобретение для них художественной и научной литературы по всем областям знаний. Периодические издания (журналы) допускались в тюрьму лишь по истечении года после их выхода в свет.

15 июня 1911 г. была утверждена особая инструкция по распорядку дня в тюрьме Трубецкого бастиона. Одному из жандармских унтер-офицеров поручалось заведование кухней и библиотекой. Так, физическое и духовное питание заключенных поручалось заботам одного и того же унтера¹.

К сожалению, я не нашел материалов, указывающих на интенсивность чтения в тюрьме Трубецкого бастиона, но мы знаем, что даже и смертники не расставались с книгой чуть ли не до самой ночи казни.

Некоторые заключенные Трубецкого бастиона занимались творческой работой. История общего и одиночного заключения в России знает примеры, когда узники, преодолевая препятствия, создавали научные труды. Вспомним, что в 1820 году сначала в казематах Алексеевского рavelина, а потом Шлиссельбургской крепости Черновский разрабатывал проект подводной лодки. Из стен Невской куртины Петропавловской крепости в 1862—1866 гг. выходили в свет творения Д. И. Писарева, а в 1862—1864 гг. из казематов Алексеевского рavelина — творения Н. Г. Чернышевского. В середине 70-х годов П. А. Кропоткин писал в одиночной камере Трубецкого бастиона свой известный труд по географии, а через пять лет там же разрабатывал проект воздухоплавательного аппарата Кибальчич. Узник Шлиссельбургской крепости 1884—1905 гг. Н. А. Морозов, будущий почетный член Академии наук СССР, подготовлял к печати свое исследование по астрономии. С января 1896 года в одиночной

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта С.-Петербургской крепости, 1911, № 318 (л. 4 и оборот).

камере Петербургского дома предварительного заключения работал над своим историческим трудом «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин.

За исследуемый нами период истории Петропавловской крепости заключенный в нее в 1905 году писатель Максим Горький в одиночной камере Трубецкого бастиона написал свою пьесу «Дети солнца». В одном из дальнейших параграфов читатель увидит, что великому писателю пришлось преодолеть несколько препятствий для получения права заниматься литературным творчеством. Для этого требовалось предварительное разрешение департамента полиции.

За 35 лет существования Трубецкого бастиона «прогресс» в деле научных занятий в недрах Петропавловской крепости заключался лишь в том, что ранее разрешение на них могло последовать лишь от самого царя, а позднее его заменил высший полицейский орган.

Мы говорили до сих пор о научных и литературных занятиях в тюрьме людей, имена которых вошли не только в историю нашей страны, но и в историю мирового человечества. «Население» Трубецкого бастиона в XX веке частично состояло из людей умственного труда, в частности, здесь была представлена и студенческая молодежь. Их ум также требовал работы. Многие из них находили удовольствие в изучении иностранных языков. Учебники по иностранным языкам могли попасть к узникам бастиона лишь с разрешения департамента полиции и коменданта крепости. В делах отдельных узников часто встречались указания на получение ими самоучителей, учебников, грамматик по немецкому, французскому и английскому языкам.

Говоря о научных занятиях в Трубецком бастионе, отметим здесь один архивный документ, его содержание напомнило предсмертное выступление Кибальчича, осужденного по процессу 1 марта 1881 г., когда этот приговоренный к казни узник сообщил суду о передаче им своему защитнику проекта воздухоплавательного аппарата. В 1907 году в этой же самой тюрьме Трубецкого бастиона некто, заключенный в бастион Петропавловской крепости под вымышленной фамилией, занимался в своей одиночной камере решением математической задачи. Приговоренный Петербургским военным окружным судом к смертной казни, он за три дня до ее исполнения подал коменданту крепости следующее заявление:

«Его превосходительству г-ну коменданту С.-Петербургской крепости

ПРОШЕНИЕ

Прошу Вас передать после моей смерти нижеописанное Петербургскому физико-математическому факультету.

Я давно не занимался математикой. Поэтому, быть может, мои заметки не имеют никакого значения, тогда остается их бросить в корзину. Если же они дают что-либо новое в вопросе о делении всякого угла на три части, то прошу сделать их общим достоянием».

Вслед за этим автор прошения приложил решение задачи, снабдив его чертежами и формулами. В конце поставлена дата — «13 июля 1907 г.»

В списках узников Трубецкого бастиона значится, что этот узник «16 июля 1907 г. выдан для казни».

В заявлениях Кибальчича и данного узника выражена сила воли, их стремление служить человечеству и думать в последние дни жизни не о самом себе, а о завоеваниях для науки.

Интересно отношение коменданта крепости и департамента полиции к приведенному выше прошению. Комендант крепости переслал заявление узника не в университет, а директору департамента полиции Курлову. В препроводительной записке он писал, что «спешит» переслать в департамент полиции заявление неизвестного для использования его в целях установления личности автора заявления. Итак, комендант крепости прежде всего и больше всего интересовался не решением задачи, а кем же является в действительности неизвестный заключенный. Должно быть, так же подошел к этому документу и директор департамента полиции. Имеется его резолюция о снятии фотографии с заявления, но нет никаких указаний на исполнение прошения узника о пересылке его заявления на математический факультет Петербургского университета.

Оно осталось в полицейском деле¹.

Инструкция 1898 года вопросу о свиданиях отвела много места. Она допускала свидания с осужденными лишь с разрешения царя или учреждения, за которым они числились. Свидания же с подследственными допускались с разрешения департамента полиции. Круг родственников, с которыми допускалось свидание, не был определен в Инструкции, но зато свидание с должностными лицами (защитниками, врачами, нотариусами и др.) допускалось в исключительных случаях. Для таких

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1907, № 1537, т. 3, ч. 1.

посещений назначались два дня в неделю, и они происходили в присутствии заведующего арестантскими помещениями и двух чинов наблюдательного состава.

Инструкция требовала: «Посетителям запрещается приносить с собою и передавать арестованным деньги, одежду, белье, книги, съестные припасы и что бы то ни было. Наблюдается, чтобы между ними и арестованными не было разговоров о правительственных распоряжениях и о делах заарестования».

При ознакомлении с архивными делами выяснилось, что комендант крепости по вопросам разрешения свидания был еще более беспощаден, чем департамент, а действия его — еще более незаконными. Он прекрасно знал, как дороги заключенным свидания с их близкими, и стремился причинить узникам как можно больше боли. Обратимся к фактам.

В 1905 году по делу 9 января были заключены в Трубецкой бастион Максим Горький и семь других арестованных. Жена Горького, Е. П. Пешкова, и жена другого узника получили от полиции разрешение привести на свидание с мужьями своих малолетних сыновей. Комендант их не пропустил, несмотря на отсутствие в Инструкции запрещений свидания заключенных родителей с малолетними детьми, хотя комендант и ссылался на нее.

Стоит привести здесь письмо коменданта в департамент полиции, чтобы показать, какую твердую почву он чувствовал под ногами, совершая свои беззакония. Он писал (28 января 1905 г.): «Состоя десятый год комендантом крепости, подобного обхода инструкции, утвержденной великим князем, главнокомандующим, не было, и я крайне сожалею, что ваше превосходительство полагаете возможным сделать исключение для указанного арестованного, потому что отказ коменданта, исполняющего в точности инструкцию, восстанавливает против него, коменданта»¹.

В апреле 1905 года, через три месяца после этого письма, комендант крепости написал тому же директору департамента новое письмо в еще более решительных выражениях. На этот раз речь шла о свидании матери, сестер и братьев с Каляевым, осужденным к смертной казни за убийство великого князя Сергея. Департамент полиции с согласия прокурора особого присутствия Сената дал разрешение на личное свидание родных с осужденным. Тем не менее комендант крепости не допустил одного из братьев на свидание только на том основании, что

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта С.-Петербургской крепости, 1280, 1905, № 931, опись 1, «О допуске к свиданию секретно арестованных с родственниками» (л. 9, оборот).

он служил рядовым в лейб-гвардии Измайловском полку. Письмо коменданта Эллиса особенно интересно потому, что оно знакомит с общим отношением этого генерала к свиданиям в тюрьме.

Комендант писал: «Состоя десятый год комендантом С.-Петербургской крепости, я имел полную возможность приобрести опыт в содержании арестованных и, озабочиваясь об их здоровье, пище и содержании в чистоте, я убедился в необходимости быть в высшей степени осторожным на изъявление согласия для свиданий, даже через решетку, с арестованными, допуская свидания без решетки только с их защитниками или таким, которые, отбыв определенное им наказание, препровождаются временно в крепость для отправления их по назначению»¹.

Совершенно непонятно, почему служба солдатом в рядах армии лишала носителя солдатского мундира права на свидание с родным братом, уже приговоренным к смерти, а вместе с тем лишала и самого осужденного права на такое свидание. Эллис пошел в своей жестокости еще дальше. Департамент разрешил родным Каляева личные свидания с ним, а комендант допустил свидания лишь через решетку.

В обычных местах заключения была усвоена практика допускать свидания супругам, не состоявшим в «законном браке», а также женихам и невестам. Эллис в своем «царстве» держался другой тактики: если не было церковного брака, не было и права на свидание. В 1907 году он отменил разрешение на свидание, выданное «незаконной» супруге для посещения ее мужа в крепости. Разрешение было дано из департамента полиции в особой записке с упоминанием в ней фамилии «незаконного» мужа. Комендант отобрал эту записку и не упустил случая подчеркнуть, что обратившаяся с просьбой о свидании лишь «сожительница», а не жена, и что было неправильным упоминание в записке фамилии заключенного: фамилии заключенных должны содержаться в секрете, и он, комендант, называет их лишь в своих донесениях государю, великому князю и департаменту полиции. Он заканчивал свое обращение в департамент полиции замечанием, что все происшедшее крайне нежелательно.

В 1904 году (с 19 июля по 18 сентября) Эллис совершенно прекратил свидания заключенных. Он мотивировал это производством ремонта в Екатерининской куртине, в которой происходили свидания. Комендант, если бы пожелал, мог бы организовать свидания в нижнем этаже крепости, который насчитывал

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1, (лл. 94—95).

36 камер, тем более, что в них содержалось на 1 июля 11 человек, на 1 августа — 12, на 1 сентября — 24 и на 1 октября — 23 человека¹. Однако он этого не сделал. Долго тянулось для заключенных эти два месяца без всякого общения с родными хотя бы и через тюремную решетку.

В 1907 году, когда число заключенных достигло 42, свидания, естественно, участились. Тогда Эллис поспешил обратиться в департамент полиции с прямым предложением давать поменьше разрешений на свидания, так как заведующий арестантскими отделениями, обязанный присутствовать при посещениях родными узников, якобы утомляется от таких посещений, отнимающих у него два раза в неделю по четыре-пять часов².

Особое место занимали свидания с защитниками, судебными чиновниками, докторами и т. п. Эллис не был сторонником свиданий узников и с этими лицами. Так, он просил департамент полиции давать защитникам разрешение на свидание с указанием срока их посещения, а иначе они будут «приходить для развлечения арестованных и сообщения им всех сведений о текущей жизни»³.

Члены военного ведомства, а именно члены военно-окружного суда, должны были приходить в крепость для допросов узников, для предъявления им обвинительных актов и пр. Так как число обвиняемых, числящихся за военно-окружным судом и содержащихся в крепости, было весьма значительным, то посещение Трубецкого бастиона сотрудниками военного суда было нередким явлением. Получение специальных разрешений на каждое такое посещение затрудняло работников военного суда. На этом основании ведомство предложило дополнить § 12 Инструкции 1898 года примечанием о допущении в крепость различных должностных военных лиц по специальным командировкам за подписью председателя военного суда. Департамент полиции согласился с этим, а комендант крепости тем не менее не пропустил в Трубецкой бастион генерала из военного суда, не представившего разрешения департамента полиции. И после этого никаких изменений параграфа о свиданиях не последовало.

Однако имели место отступления от строгих правил, установленных для свиданий с заключенными. Некоторые из этих

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 3, «О свиданиях».

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, № 6, т. 3, «О порядке содержания политических заключенных в С.-Петербургской крепости и об общих вопросах по сему предмету» (л. 51).

³ Тот же архив, то же дело (л. 71).

отступлений объяснялись желанием администрации или даже самого правительства смягчить суровость режима крепости ввиду своего особо благосклонного отношения к тому или другому заключенному. Например, заподозренному в шпионаже германскому вице-консулу Лерхенфельду были разрешены свидания с совершенно посторонним ему человеком, камергером двора его величества. Почти в то же самое время царь, милостиво относившийся к заключенному в крепость военному министру Сухоминову, обвинявшемуся в государственной измене, отправил для свидания с ним министра внутренних дел Протопопова.

Девизом всей тюремной деятельности комендатуры Петропавловской крепости была величайшая ее настороженность из опасения проникновения в запретные места какого-либо постороннего человека и из боязни побегов узников Трубецкого бастиона. В одной из своих бумаг комендант требовал от департамента полиции всегда наперед извещать его о фамилиях жандармских офицеров, командированных за заключенными или за новыми арестованными для заточения их в крепость.

К этому же роду предупредительных мер относится требование коменданта о том, чтобы департамент полиции заранее сообщал ему фамилии тех арестованных, которые должны были поступить к нему или которых должны были взять из крепости. Неисполнение департаментом этих требований вызвало со стороны коменданта Эллиса резкую отповедь; он просил директора департамента полиции не ставить его в необходимость вновь обращаться с подобными заявлениями.

Тюремные правила не допускали никакого общения между собою заключенных. Они ни в коем случае не должны были встречаться на прогулках и в коридорах, когда их выводили из одиночных камер. Тем не менее общение происходило посредством перестукивания, за которое следовало наказание карцером.

В 1907 году комендант крепости обнаружил общение арестованных при помощи голубей, к ножкам которых были привязаны записки. Голуби приманивались к окну камеры прикармливанием. Это «зло» было пресечено в самом его корне: перед решетками тюремных окон были устроены сетки¹.

Одновременно ограждение тюремных окон такими сетками лишало узников в еще большей степени дневного света, которого и без того не хватало, и санитарное состояние камер ухудшилось.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1908, 1909, 1910, 1911, 1912, 1913, 1914, № 6, т. 3, «О порядке содержания политических заключенных в С.-Петербургской крепости и об общих вопросах по сему предмету» (лл. 15—16).

За несколько десятилетий существования Трубецкого бастиона, по-видимому, сколько-нибудь серьезного ремонта одиночных камер не производилось. И лишь в 1904 году был произведен ремонт нескольких печей нижнего этажа, заменены негодные водопроводные трубы и отремонтированы камеры, в которых были окрашены стены и потолки и установлено электрическое освещение, заменившее свечи, которые были введены вместо керосиновых ламп в 1897 году, после самоубийства Марии Ветровой, облившей себя керосином¹. Вместо выносных парашей были устроены в каждой камере клозеты. Этим и исчерпывались изменения, произведенные в камерах. В полной неприкосновенности остались в одиночных камерах сырость, темнота и холод. О замене дровяного отопления каким-либо другим и о просушке всей тюрьмы никто и не помышлял.

Если в первые годы после открытия тюрьмы Трубецкого бастиона в нее заключались как подсудимые, так и осужденные, то в XX веке она заполнялась лишь подсудимыми, и нам известен только один случай направления в Трубецкой бастион для отбывания наказания приговоренного к лишению свободы в крепости. Это был литератор, поступивший в крепость 18 ноября 1910 г., а 12 мая 1911 г. переведенный в больницу С.-Петербургской одиночной тюрьмы. Между тем Инструкция 1898 года предусматривала пребывание в крепости не только подсудимых, но и осужденных (см. § 16 Инструкции). Впрочем, в тюрьме до приведения приговора в исполнение оставались те из подсудимых, которые были осуждены за время их пребывания в крепости. Чаще это были смертники. 9 февраля 1905 г. комендант Эллис сообщил в департамент полиции, что отныне не будет принимать в крепость осужденных и будет предоставлять камеры лишь для обвиняемых².

Исключительным поставщиком заключенных в Трубецкой бастион был департамент полиции. В XX веке для этого уже не требовалось «высочайшего повеления». Департамент же отбирал из огромной массы привлеченных им к дознаниям и арестованных на пространстве всей России лишь тех, кто представлялся этому высшему полицейскому учреждению особенно опасным. Наибольшую часть заключенных в крепость составляли

¹ В одном из наиболее поздних описаний камеры Трубецкого бастиона, относящемся к 1916 году, отмечено, что электрическая лампочка помещалась над столиком в «корабельном фонаре с круглым, толстым стеклом и рефлектором», дававшим неприятный отраженный свет.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 1, «Списки арестованных, содержащихся в С.-Петербургской крепости, и их переводы».

арестованные по обвинению в террористических актах и за пропаганду среди рабочих, а за годы империалистической войны — и за шпионаж.

Само полицейское ведомство смотрело на перевод арестованных из каких-либо тюрем в Трубецкой бастион как на наказание. Например, один 18-летний заключенный был переведен из Дома предварительного заключения в крепость, а за откровенные показания был возвращен снова в прежнюю тюрьму.

Известен случай перевода арестованного от мести других заключенных за его откровенные показания (так мотивировался перевод в Трубецкой бастион в 1908 году осужденного по делу покушения на великого князя Николая и министра юстиции Щегловитова).

Несмотря на то, что царь передоверил свое право заключения в Петропавловскую крепость департаменту полиции, комендант крепости посылал ему уведомления о каждом вновь прибывшем в крепость и о каждом выбывшем из нее. Кроме того, царю посылались ежемесячные доклады. В делах мне попался всего один случай, когда Николай II поинтересовался узнать причины заключения в крепость. Точно так же всего один раз он распорядился облегчить положение арестованного в крепости. Этим счастливец был генерал, бывший военный министр Сухоминов, обвинявшийся в государственной измене и в шпионаже в пользу Германии.

Донесения коменданта о поступлениях в крепость и о выбытии из нее направлялись, кроме царя, великому князю — главнокомандующему войсками Петербургского военного округа, департаменту полиции и до 27 августа 1905 г. также военному министру. В указанном году военный министр запросил коменданта крепости, на каком основании направляются к нему сведения об арестованных в крепости. Он получил ответ, что это делается «по обычаю, унаследованному по преданию». Выяснилось, что из секретных сумм военного министерства коменданту крепости ежегодно препровождалось 1300 руб. как бы в оплату за отправлявшиеся туда списки. О том, каким образом расходвались эти суммы, отчетов не поступало. Военный министр нашел, что рапорты коменданта крепости не представляют для министерства никакого интереса, и потому просил прекратить их присылку¹.

¹ ЦГВИА в Москве. Министерство военного главного штаба, 1905, № 48, отдел XVI, № 207, фонд 400, опись III, «О прекращении донесений об арестованных в Петербургской крепости» (лл. 5, 6 и 8).

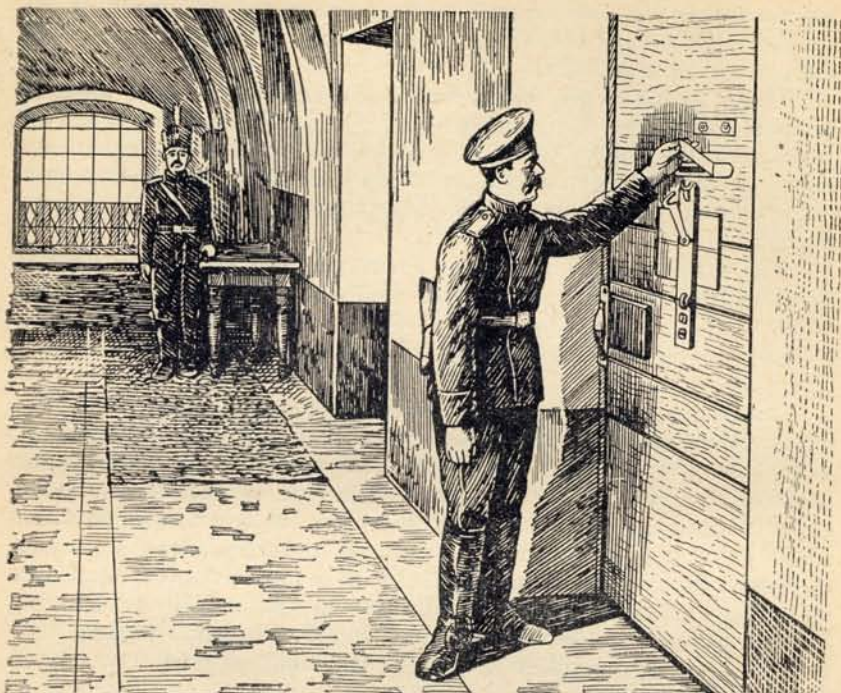

Рис. 5. Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет жандарма, подсматривающего через „глазок“ в камеру

С экспоната Музея Революции РСФСР.

Я заканчиваю очерк о режиме в Трубецком бастионе напоминанием, что узники Петропавловской крепости периода 1900—1917 гг., за несколькими исключениями, не оставили своих воспоминаний о пребывании в крепости. Для характеристик режима приходилось пользоваться почти исключительно архивными материалами департамента полиции и Петропавловской крепости. Но в официальных документах нашлись строки, вышедшие из-под пера самих узников, с выражением протеста против режима. Мне хочется в заключение этого очерка привести прошение одного узника Трубецкого бастиона. Он написал его в департамент полиции, пробыв в Трубецком бастионе всего три недели.

16 апреля 1907 г. заключенный писал: «Около трех недель я томлюсь в одиночном заключении. Меня схватили на улице и бросили в тюрьму. Все мои протесты, уверения и просьбы выяснить ошибочность моего захвата не обратили на себя никакого

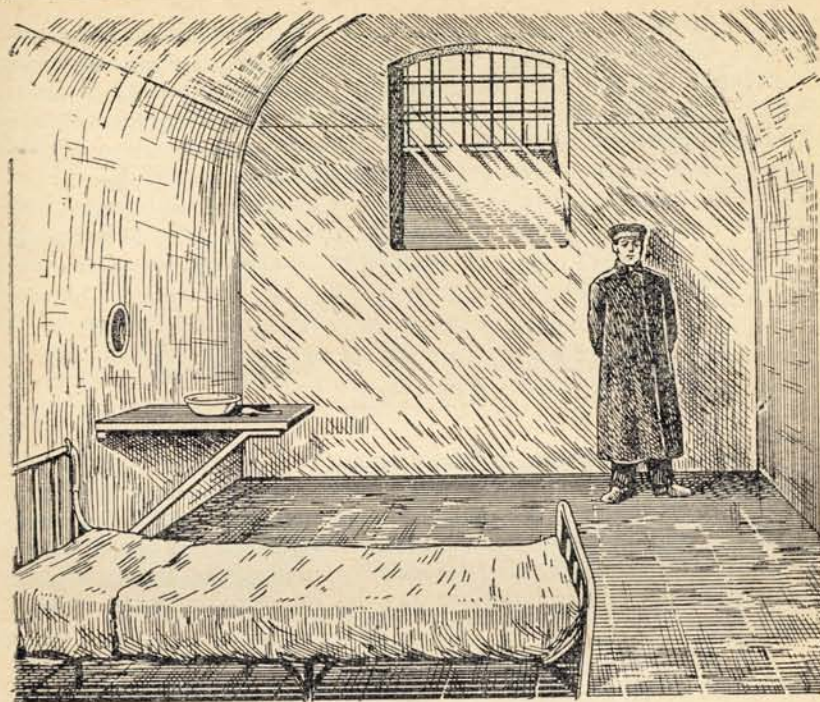

Рис. 6. Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет перестукивающегося узника

С экспоната Музея Революции РСФСР.

внимания. Меня обрекли на заключение и все связанные с ним страдания... Мне до сих пор не предъявлено никаких обвинений, и я не вижу конца моих мучений». Он указывал в своем письме, что лишенный в одиночной камере воздуха, солнца, света он, профессиональный певец, теряет голос, а вместе с ним и средство для существования. И снова повторял: «Я невыносимо страдаю, страдаю невинно и не знаю конца страданий»¹. В конце концов узник все-таки был освобожден из крепости, так как оказалось, что не было никаких оснований для его заключения.

Этот заключенный был одним из многих. Еще больше было таких, которые были с точки зрения департамента полиции, военно-окружных судов, военно-полевых судов, военно-морских

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907, № 6, т. 2, «О пересылке писем и прошений содержащихся в С.-Петербургской крепости» (л. 119).

судов, судебной палаты «виновными». Они пошли из казематов Петропавловской крепости на виселицу, под расстрел, на каторгу и в тюрьмы. Эти жертвы царизма большей частью остались безвестными. Если мы называем в четвертом томе «Истории царской тюрьмы» имена некоторых из них, то не забудем, что за ними скрывается безыменная масса рабочих, матросов, солдат, интеллигенции. Вступление на арену революционной борьбы вместо одиночек народных масс, и в первую очередь пролетариата, наложило свой особый отпечаток на историю Петропавловской крепости.

§ 5. РЕЖИМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ

Режим заключения в Екатерининской куртине в противоположность режиму заключения в Трубецком бастионе и в других местах лишения свободы Петропавловской крепости был льготным. Ему не были присущи уже известные нам черты строгости условий содержания в тюрьме Трубецкого бастиона, между тем в XX веке сюда заключались не подследственные, а уже осужденные.

Льготные условия содержания в Екатерининской куртине объясняются двумя причинами: во-первых, Екатерининская куртина была предназначена для отбывания наказания приговоренных к заключению в крепость, т. е. к режиму, в силу самого закона более легкому, чем условия содержания в арестантских отделениях и в тюрьме; во-вторых, в Екатерининскую куртину, рассчитанную на одновременное содержание в ней четырех-шести человек, попадали только избранные, которым оказывались различные поблажки со стороны администрации и у которых были «высокие» покровители.

За исследованный период такими заключенными в куртину были, между прочим, пользовавшийся особой благосклонностью Николая II генерал-адъютант Стессель, виновник позорной сдачи Порт-Артура в русско-японскую войну, и контр-адмирал Небогатов, виновник позорной сдачи кораблей японцам, пользовавшийся покровительством морского министра и царскими милостями. Смертный приговор, вынесенный им, был заменен десятилетним содержанием в крепости, продолжавшимся в действительности по воле царя очень короткое время.

Режим заключения в Екатерининской куртине был подробно определен двумя инструкциями коменданта Петропавловской крепости генерала Комарова от 17 июня 1910 г. Одна из них

была обращена к дежурному унтер-офицеру наблюдательной команды по Екатерининской куртине, другая — определяла права и обязанности унтер-офицера, которому поручался вывод заключенных из куртины на прогулки или на церковную службу в Петропавловский собор.

Первая из названных инструкций устанавливала внутренний распорядок в куртине, возлагая ответственность за его соблюдение на дежурного унтер-офицера. На нем лежала обязанность общего наблюдения за заключенными, за чистотой помещения, свиданиями и пр. Хотя обе инструкции употребляют термины «заточенные» и «заключенные», но не дают определения этим названиям. Различий же в режиме для обеих групп не было, кроме одного: заточенные могли совершать прогулки во всякое время, а заключенные — лишь в определенное время.

Вторая инструкция определяла распорядок дня в куртине.

Свидания посетителей с заключенными допускались и внутри их камер. Заключенные имели возможность общаться между собою, так как требование держать камеры закрытыми фактически не соблюдалось.

Все заключенные согласно инструкции могли посещать в воскресные дни церковную службу в Петропавловском соборе.

Барское происхождение заключенных Екатерининской куртины приводило их к освобождению от всяких обязанностей по уборке своей камеры. Екатерининская куртина из грозной тюрьмы, которой она была до устройства тюрьмы Трубецкого бастиона, стала местом кратковременного заключения на льготных условиях привилегированных осужденных¹.

§ 6. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ЦИФРАХ

В статистические отчеты о деятельности следственных, судебных и карательных органов, которые ежегодно публиковало министерство юстиции², не включалось никаких сведений о заключенных в Петропавловскую крепость. Не опубликованы

¹ ЦГИА в Ленинграде. Управление коменданта С.-Петербургской крепости, 1911, № 1111, «Инструкция дежурному унтер-офицеру наблюдательной команды по Екатерининской куртине» и «Инструкция унтер-офицерам наблюдательной команды, наряженным для сопровождения заточенных и заключенных лиц на прогулку или в собор» (л. 10).

² Таковыми отчетами были: а) «Сборники статистических сведений министерства юстиции»; б) «Свод статистических сведений по делам уголовным» и в) «Отчеты Главного тюремного управления».

вались эти сведения и в отчетах военного министерства, хотя часть заключенных, осужденных военно-окружными судами, и отбывала назначенные им наказания в Екатерининской куртине Петропавловской крепости¹. Никаких, даже самых кратких и сухих цифровых материалов об узниках как Трубецкого бастиона, так и Екатерининской куртины не сообщалось. Мы сделали попытку самостоятельной разработки цифр, собранных нами за последние 17 лет существования Петропавловской крепости при царизме. Для собирания сведений о заключенных Трубецкого бастиона и Екатерининской куртины мы использовали ежемесячные доклады коменданта С.-Петербургской крепости царю со списками заключенных в крепости на первое число каждого месяца, начиная с 1 января 1900 г. до 1 января 1917 г., а также найденный нами в делах архива этой крепости «Алфавитный список секретным арестантам, содержащимся в С.-Петербургской крепости с 1900—1916 гг.»².

Сведения о каждом заключенном были перенесены нами на индивидуальные карточки, которые и были подвергнуты статистической обработке. Кроме фамилии и имени заключенного, по материалам можно было выяснить время поступления в крепость и выбытия из нее и в большинстве случаев место, куда заключенный выбыл. Далеко не всегда были указаны сословия или профессия узника. Что касается оснований заточения в крепость, то они, по общему правилу, совсем не указывались или отмечались в неопределенной форме — «за государственное преступление». Лишь нахождение в архиве департамента полиции подлинных дел о тех или других узниках крепости и изучение этих дел позволило нам вместо статистики предъявленных к ним обвинений дать очерки революционной борьбы против царизма

¹ Отчеты военного министерства, отчеты главного судебного управления.

² Просмотренные нами за указанный период 192 «всеподданнейших доклада» с ежемесячными отчетами сохранились в делах под названием: «Дело Управления коменданта Петербургской крепости», «Срочная отчетность о политических арестантах». ЦГИА в Ленинграде, опись 123, 1900, № 851; 1901, № 865; 1902, № 879; 1903, № 886; 1904, № 903; 1905, № 930; 1906, № 959; 1907, № 989; 1908, № 1003; 1909, № 1014; 1910, № 1037; 1911, № 1054; 1912, № 1064; 1913, № 1084; 1914, № 1082; 1915, № 1105; 1916, № 1133. Копии этих «всеподданнейших докладов» мы находим также в ЦГИА в Москве по фонду департамента полиции, 7 делопроизводство, под названием «Списки лиц, содержащихся в С.-Петербургской крепости» (например, 1914, № 6, т. 1) или «Списки арестованных, содержащихся в С.-Петербургской крепости и их переводы» (1904, № 6, т. 1), или «Списки лиц, содержащихся в С.-Петербургской крепости, и их перевозка» (1908, № 6, т. 1) и т. п. Названный нами Алфавитный список заключенных Трубецкого бастиона находится в ЦГИА в Ленинграде, фонд № 1280, дело 1134.

тех, кто из стен Петропавловской крепости шел на смерть, на каторжные работы, на поселение и т. д.¹.

В результате цифровой разработки материалов нами дано несколько таблиц, раскрывающих состав «населения» Трубецкого бастиона и Екатерининской куртины и его изменения по годам, по месяцам, продолжительность пребывания заключенных в крепости. В первую очередь мы останавливаемся на статистике Трубецкого бастиона.

Напоминаем, что в каждом из двух этажей Трубецкого бастиона было по 36 одиночных камер, т. е. всего 72 одиночных камеры. Сюда направлялись департаментом полиции те из многих арестованных, которые считались особенно важными и опасными для существовавшего государственного строя и полная изоляция которых представлялась департаменту полиции наиболее целесообразной.

Заключение в Петропавловскую крепость представляло некоторое неудобство для производства дознания, так как доступ в крепость обставлялся рядом затруднений и для чинов жандармерии, следователей и прокуроров гражданского и военного ведомства. Еще более значительными формальностями обставлялся вызов заключенных из крепости на допросы в помещение отделения по охране «общественного и государственного порядка».

За 1900—1916 гг. в Трубецкой бастион поступило свыше 500 человек.

Небольшие цифры заключенных объясняются тем, что Петропавловская крепость уже не принимала арестованных из других мест империи, кроме Петербурга и петербургского военного округа, и что она стала лишь подследственной тюрьмой. Здесь в большинстве случаев лишь начиналась расправа над узниками, а заканчивалась в тех тюрьмах, куда их переводили. Так были переведены в другие тюрьмы 394 узника.

Наибольшие цифры поступлений в крепость пришлось на 1905, 1906 и 1907 годы. Эпопея военно-полевых судов 1906—1907 гг. дала жертвы Трубецкому бастиону, а затем и виселицам.

¹ При статистической разработке собранных материалов мы учли, что многие заключенные попадали в крепость под вымышленными или чужими фамилиями или как неизвестные, и только позднее начинали заноситься в списки под настоящими их именами, раскрытыми органами политического сыска. Во всяком случае, такие сведения о личности заключенного, как пол, сословие или профессия, учитываются в таблицах один раз. Некоторые из узников прибывали в крепость и выбывали из нее за период с 1900—1916 гг. по несколько раз, и такие случаи нами учтены особо.

Таблица 10

ЧИСЛО МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ПОСТУПИВШИХ
ДЛЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН В ПЕРИОД
1900—1916 гг.¹

Год	Мужчины	Женщины	Всего
до 1900	7	—	7
1900	9	—	9
1901	17	—	17
1902	25	4	29
1903	30	12	42
1904	36	5	41
1905	59	18	77
1906	81	18	99
1907	75	26	101
1908	19	7	26
1909	16	5	21
1910	8	2	10
1911	30	2	32
1912	22	—	22
1913	3	—	3
1914	4	—	4
1915	18	3	21
1916	12	—	12

Революционное движение в армии и во флоте, давшее крепости, как мы увидим ниже, 68 узников, заполнило ими тюремные камеры особенно в 1911—1913 гг.

Без всякого преувеличения можно сказать, что не только количественно, но и качественно менялся состав заключенных в Петропавловской крепости в различные годы русской истории за 1900—февраль 1917 года.

Отражались на количестве заключенных такие события, как «кровавое воскресенье» 9 января 1905 г., деятельность военно-полевых судов с осени 1906 и до весны 1907 года и др.

Конечно, раскрытие агентами политического сыска той или другой революционной организации давало повышение числа узников в определенные месяцы, а окончание расследования дела о такой организации приводило к снижению этого количества. Во всяком случае, раскрытие таких организаций влекло за собой

¹ В этой таблице даны сведения о числе поступлений, а не о числе лиц, поступивших в крепость, т. е. если кто-либо был заключен в крепость дважды, он учитывается два раза.

нередко многочисленные аресты, которые сразу повышали количество заключенных не только в крепости, но и особенно в Доме предварительного заключения. Так, например, по делу 1907 года «О ликвидации 1 июня членов боевой организации при С.-Петербургском комитете РСДРП» общее число арестованных достигло 51 человек, из которых в ноябре 1908 года 25 человек предстали перед Петербургским военно-окружным судом¹.

Говоря о численности заключенных Трубецкого бастиона, следует отметить, что она отражает интенсивность революционного движения не по всей империи, а лишь в самой столице — Петербурге. Не только величина этих цифр служит показателем прилива и отлива волн русской революции, но и ознакомление с характером обвинений, по которым производился отбор узников для Петербургской крепости. Министерство внутренних дел заточало в казематы Трубецкого бастиона преимущественно и даже почти исключительно тех, кого подозревало как главных участников дела, раскрывавшегося агентами политического сыска. С этой точки зрения последующее изучение архивных дел департамента полиции дает нам материалы для характеристики эпизодов из истории русской революции и борьбы с ней царизма.

За приводимыми нами цифрами скрывается необъятный простор административного произвола. Тяжесть «прославленного» режима Петропавловской крепости продолжали испытывать на себе заключенные XX века, так же как его испытывали их предшественники — узники Трубецкого бастиона со времени открытия этой тюрьмы (1872 г.).

Недаром за последние годы существования Трубецкого бастиона произошло, не считая многих покушений, два самоубийства заключенных. Самоубийства и покушения на них в Петропавловской крепости за 1900—1917 гг. приобретают особо показательное значение, если вспомнить краткость предварительного заточения в бастионе.

Значение Трубецкого бастиона как подследственной тюрьмы выявляется с полной ясностью из таблицы 11.

В таблице привлекают к себе внимание прежде всего поражающие своей неожиданностью краткие сроки содержания в крепости: до четырех дней — 24 человека и от пяти до семи дней — пять заключенных.

Трудно было предположить направление департаментом полиции арестованных в крепость лишь на срок в несколько

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1907.

Таблица 11

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕБЫВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ в 1900—1916 гг.

Срок	Число узников	Срок	Число узников
До 4 дней включи- тельно	24 ¹	От пяти месяцев до шести	41
От 5 до 7 дней вклю- чительно	5 ²	От шести месяцев до семи	32
От 8 до 10 дней вклю- чительно	5	От семи месяцев до восьми	29
От 11 до 15 дней вклю- чительно	7	От восьми месяцев до деяти	18
От 16 до 20 дней вклю- чительно	22	От деяти месяцев до десяти	26
От 21 до 30 дней вклю- чительно	42	От десяти месяцев до 11	16
От одного месяца до двух	77	От 11 месяцев до 12 лет	15
От двух месяцев до трех	53	От одного года до двух лет	40
От трех месяцев до четырех	60	От двух лет до трех лет	6
От четырех месяцев до пяти	53	От трех лет и выше	2

дней и не больше одной недели, т. е. на период производства расследования. Казалось бы, завершение дознания или предварительного следствия в такой кратчайший срок невозможно по тягчайшим делам, обвиняемые по которым и отбирались для заключения в казематы бастиона. Однако молниеносная быстрота расследования здесь действительно имела место. Конечно, такая быстрота действий розыскных и следственных органов не удовлетворяла требованиям полноты и беспристрастия.

В краткие сроки заканчивалось не только жандармское дознание, но и заседание военно-полевых судов. Для быстроты действий эти так называемые суды, как мы увидим далее, устраивали свои смертоносные заседания в самом бастионе. Таким образом, из 24 обвиняемых, проведенных в крепости не более четырех дней, 17 были переданы палачам на казнь. Точно так же из пяти узников, пробывших в одиночных камерах Трубец-

¹ Из них выбыли на казнь — 17 человек, пробывали в крепости: двое — по 2 дня, 7 человек — по 3 дня, 8 человек — 4 дня.

² Из них двое выбыли на казнь.

кого бастиона от пяти до семи дней, двое также пали жертвой военно-полевой юстиции.

Привлекают к себе внимание не только эти кратчайшие сроки пребывания в крепости, но и чрезмерно длительные сроки заточения. От одного года и до двух лет пробывали в крепости сорок человек. По отношению к общему числу поступлений это составит почти 7%. Такой процент следует признать высоким. Он является тем более высоким, что лишение свободы по распоряжению органов дознания и следствия, если оно длилось месяц, требовало соответствующего разрешения от прокуратуры на продление заточения.

Сроки заточения в крепости на время от двух до трех лет (шесть человек) и даже свыше трех лет (два человека) были редким исключением, но тем не менее были.

Срок (не свыше одного месяца), узаконенный для завершения дознания лиц, заключенных в крепость, не был соблюден в отношении 81% всех поступивших. Из каждой сотни заключенных, поступивших в крепость, одна треть пробывала в ней более полугода.

Было бы ошибочным предположить, что выбытие из Петропавловской крепости означало окончание следствия и суда. В огромном большинстве случаев такого окончания следствия и суда не было. Чаще всего из Петропавловской крепости переводили заключенных в Дом предварительного заключения и в другие тюрьмы и притом не в качестве осужденных, как это выяснилось при ознакомлении с личными делами узников, а чаще всего в качестве подследственных или подсудимых. Так к месяцам заключения в крепости прибавлялись еще месяцы заключения в других местах лишения свободы. На основании собранных нами архивных материалов мы составили таблицу.

Так, из Трубецкого бастиона было произведено 450 переводов в другие места лишения свободы. Петропавловская крепость являлась суровой переходной тюрьмой в другие тюрьмы, а 38 человек ушли из нее на виселицу.

Редко раскрывались двери Трубецкого бастиона для выпуска заключенных на свободу. За последние 17 лет существования Петропавловской крепости только 61 человек вышел из ворот крепости на свободу. Эта цифра представляется совсем маленькой при ее сопоставлении с числом 450 переведенных из бастиона в другие тюрьмы.

К сожалению, у нас не было возможности проследить судьбу заключенных, переведенных из крепости в другие тюрьмы и в тюремную больницу. Мы лишь знаем, что узники Петропавловской крепости, переведенные как каторжные арестанты

Таблица 12

МЕСТО ВЫБЫТИЯ ИЛИ ОСНОВАНИЕ ВЫБЫТИЯ УЗНИКОВ
ИЗ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА в 1900—1916 гг.¹

Место выбытия или его основание	Число выбывших
В дом предварительного заключения	201
В Петербургскую одиночную тюрьму	83
В пересыльную тюрьму	62
Освобождены	61
В больницу	60
Выбыли на казнь	38
В тюрьмы других городов	37
В Шлиссельбургскую крепость	7
В С.-Петербургское охранное отделение	5
В Петербургское комендантское управление	5
Сосланные и высланные под надзор полиции	5
В военную тюрьму	4
Место выбытия неизвестно	3
Покончили самоубийством	2

в Шлиссельбургскую крепость, были после ее закрытия сосланы на каторжные работы в Сибирь. Мы знаем также, что пять человек были сосланы и высланы под надзор полиции. Нам известна кровавая расправа царизма с 38 смертниками Петропавловской крепости. Этим исчерпываются наши сведения. Однако несомненно, что отсутствие надлежащих доказательств виновности для судебного приговора над привлеченными не исключало расправы с ними в административном порядке.

Казалось, что должны были бы быть исчерпывающими в списках заключенных сведения о социальном составе узников Петропавловской крепости в ежемесячных докладах коменданта крепости царю. Такое предположение оказалось совсем ошибочным. Почти о половине узников в списках не сделано никаких указаний на их сословие или профессию. Не нашлось таких материалов о половине заключенных также и в использованном нами «Алфавитном списке секретным арестантам, содержащимся

¹ Как нами указано ранее, некоторые заключенные поступали в Трубецкой бастион неоднократно, а потому и выбывали из него также неоднократно. В некоторых случаях одни и те же заключенные выбывали в разные места (например, в больницу, в одиночную тюрьму и др.). Причем иногда один и тот же заключенный выбывал не один раз в одно и то же место.

в С.-Петербургской крепости с 1900—1916 гг.»¹. Мы ограничились извлечением сведений из архивов индивидуальных дел о тех заключенных, имена которых представляли интерес для истории революционного движения или для характеристики режима крепости. Так, например, дело о содержании в крепости бывшего германского консула из г. Ковно в 1914—1915 гг. по обвинению его в военном шпионаже не представляет никакого интереса для истории революционного движения в России, но оно дало нам очень богатый материал для характеристики исключительно заботливого отношения правительственных сфер к немцу-шпиону, подданному вражеской страны.

Приходится сожалеть, что на статистические карточки не представилось возможным занести сведения, которые дали бы в результате их разработки ясную картину классовой принадлежности заключенных крепости. Пришлось заносить на карточки указания на сословие заключенного или его профессию. В материалах давались указания не на то и другое, а лишь на что-либо одно. Ежемесячные «всеподданнейшие доклады» коменданта крепости царю и использованный нами Алфавит секретным арестантам не выделяли принадлежность заключенных к рабочему классу. Между тем борцы рабочего движения еще с конца XIX века становились узниками крепости. Уже в первые годы XX века быстро растет рабочее движение. В своих отчетах рабочие помещались в рубрику мещан, крестьян, матросов, солдат и т. п.

Эти замечания следует иметь в виду при рассмотрении таблицы «Сословие или профессия заключенных в Трубецкой бастион в 1900—1916 гг.».

К сожалению, мне не удалось составить таблицу о партийной принадлежности узников Петропавловской крепости. Тюремное ведомство и отчеты министерства юстиции не содержат никаких сведений о принадлежности обвиняемых к той или иной политической партии. Статья 102 Уголовного уложения не содержала никакого различия между принадлежностью обвиняемого к какой-либо партии. Ежемесячные «всеподданнейшие доклады» коменданта крепости, сообщая сведения о поступивших в крепость арестантах, не отмечали их партийную принадлежность.

¹ Конечно, сведения о социальной принадлежности заключенных в Петропавловскую крепость имеются в более значительном объеме в их индивидуальных делах, но отыскание этих дел в архивах представляет значительные трудности: архив управления комендатуры Петропавловской крепости не дает интересующих нас сведений, а в архиве департамента полиции дела об узниках Петропавловской крепости не выделены в какую-либо особую группу и рассеяны по различным отделениям.

Таблица 13

СОСЛОВИЕ ИЛИ ПРОФЕССИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
В ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН в 1900—1916 гг.

Крестьян 41
Мещан 55
Матросов, солдат, писарей 68

В том числе:
матросов — 33, солдат — 5, военных
писарей — 17, машинистов, минных
машинистов, штурманов, механиков —
8, унтер-офицеров — 3, одна дочь
унтер-офицера и один вольноопределяющийся.

Студентов и учащихся . . 20
Лиц интеллигентного труда 37

В том числе:
адвокатов — 6, медиков — 5, литераторов — 4, ученых — 4, инженеров — 3 и др.

Потомственных почетных
граждан 9
Дворян 32
Служащих государственных и общественных учреждений или членов их семей 24
Офицеров 19
Духовного звания 8
Купеческого звания . . . 6
Неизвестного звания . . . 244

Хотя в этой таблице крестьяне, мещане, матросы и выделены в три группы, но в действительности они могут быть объединены в одну группу, так как в наибольшей своей части сюда входили рабочие. В отношении матросов имеются прямые указания на то, что до зачисления их на военную службу они были рабочими на заводах и фабриках. Так, например, начальство военно-морского флота объясняло волнение во флоте и успехи противоправительственной пропаганды среди матросов наличием в их среде бывших заводских и фабричных рабочих. Общее число заключенных из названных нами трех групп достигло 164 человек. Учащиеся высших учебных заведений (студенты) всегда давали высокий процент обвиняемых в политических преступлениях. С течением времени, при демократизации революционного движения, этот процент постепенно понижался, но и в таблице количество студентов (20 человек) продолжает обращать на себя внимание своими размерами.

В списки заключенных Трубецкого бастиона занесено 32 дворянина. Следует предполагать, что представители этого сословия были также среди занятых интеллигентным трудом,

среди офицеров и среди служащих государственных и общественных учреждений.

В трудах В. И. Ленина за различные периоды XIX и XX веков, начиная с 1827—1846 гг. и кончая 1905—1908 гг., были приведены сведения об участии в революционном движении различных сословий. За XX век сведения даны были за 1901—1903 гг. и за 1905—1908 гг. Было определено участие в совершении государственных преступлений дворян, мещан и крестьян, духовенства и купечества.

Приводим данные, помещенные В. И. Лениным в работе «Роль сословий и классов в освободительном движении».

«Данные о роли сословий получаются следующие. На 100 привлеченных к обвинению за государственные преступления было:

Эпохи	Дворян	Мещан и крестьян	Духовенства	Купечества
1827—1846....	76	23	?	?
1884—1890....	30,6	46,6	6,4	12,1
1901—1903....	10,7	80,9	1,6	4,1
1905—1908....	9,1	87,7	?	?

Отсюда ясно видно, как быстро демократизировалось освободительное движение в XIX веке и как резко менялся классовый состав его. Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ.

Эпоха разночинца или буржуазно-либеральная (1884—1890) — дворяне уже составляют меньшую часть среди участников освободительного движения. Но, если прибавить к ним духовенство и купечество, то получаем 49%, т. е. почти половину. Движение еще наполовину остается движением привилегированных классов: дворян и верхов буржуазии. Отсюда — бессилие движения, несмотря на героизм одиночек.

Третья (1901—1903) и четвертая (1905—1908) эпохи — эпохи крестьянской и пролетарской демократии. Роль дворянства совсем малая. Мещане и крестьяне дают $\frac{8}{10}$ перед революцией и $\frac{9}{10}$ во время революции. Проснулись массы. Отсюда два итога: 1) возможность добиваться кое-чего серьезного и 2) ненависть либералов к движению (появление контрреволюционного либерализма)»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294—295.

Подтверждение выводов В. И. Ленина о том, что третья (1901—1903 гг.) и четвертая (1905—1908 гг.) эпохи — эпохи «крестьянской и пролетарской демократии», находим и в нашей таблице о сословии заключенных в Трубецкой бастион. Из общего числа лиц, прошедших через Трубецкой бастион, социальный состав 244 человек остался для нас неизвестным, а из 300 узников с определившейся социальной принадлежностью более половины (164 узника — крестьяне, мещане, матросы) принадлежали к «крестьянской и пролетарской демократии».

В алфавитном списке заключенных в Трубецком бастионе за 1900—1916 гг. нет указаний на характер предъявленных к узникам обвинений. Их почти нет и в ежемесячных докладах коменданта крепости царю. В лучшем случае комендант ограничивался указанием о некоторых арестованных, что они заключены за «государственные преступления». Только изучение индивидуальных дел дает материал для выяснения политического облика узников Петропавловской крепости. Однако и этот материал — не исчерпывающей полноты, и вполне понятно, почему в нем не находится ясного и точного ответа на интересующий нас вопрос. Департамент полиции с его жандармскими управлениями и охранными отделениями часто не знал за арестованными каких-либо преступлений. Нередко он даже и в Петропавловскую крепость заточал людей, не располагая сведениями об их противогосударственных преступлениях, а лишь подозревая их в политической неблагонадежности.

Девизом розыскной деятельности руководящего органа сыска было правило арестовывать возможно больше и уже потом разбираться в степени виновности. Этим и объясняется продолжительность во многих случаях пребывания подследственных арестованных в крепости.

При нашей работе в архивах над делами департамента полиции и при поисках в этих делах материалов о С.-Петербургской крепости и заключенных в ней через наши руки прошло очень большое число дел, а в просмотренных нами ежегодных описях число дел, поступивших в то или другое делопроизводство департамента полиции, исчислялось в несколько тысяч. Дела поступали со всех концов России. Конечно, они свидетельствовали не только о служебном рвении центральных и местных органов «охраны государственного и общественного порядка», но и о размерах и характере революционного движения.

На темных стенах крепости и в ее мрачных и сырых казематах отражаются события великой борьбы народа с царизмом, капитализмом и бюрократией. Далеко не все то, что происходило внутри Петропавловской крепости, нам удалось вскрыть. В этом

не наша вина: царская бюрократия старалась сохранять в тайне жизнь и смерть в ее твердыне — Трубецком бастионе. К счастью, это ей не всегда удавалось. Но если для нас осталось неизвестным многое из того, что переживали узники крепости, то значительно полнее нам удалось ознакомиться с тем, что приводило заключенных в крепость.

* *
*

За исследуемый нами период, кроме Трубецкого бастиона и Екатерининской куртины, как мы сказали выше, еще одно здание в Петропавловской крепости было превращено во временную тюрьму. Это произошло в месяцы революционного подъема в России. Почти полторы сотни солдат электротехнической роты были превращены в узников Петропавловской крепости. Начальник электротехнической школы, препровождая 143 возмущившихся солдата в крепость, в официальной бумаге назвал место их заточения «помещением крепостной артиллерийской роты Петропавловской крепости», а сам комендант крепости назвал это место «манежем»¹. Надо предполагать, что последнее наименование является более правильным. Лишь исключительные обстоятельства превратили этот манеж в место заточения.

В революционный 1905 год 14 ноября целая рота военно-электротехнической школы была доставлена сюда под конвоем лейбгвардии Павловского полка. Рота была почти в полном составе: 143 солдата стали узниками той самой крепости, в которой в 1820—1821 гг. в самых невыносимых условиях содержался в качестве узника весь лейб-гвардии Семеновский полк, а в 1825—1826 гг. сюда были заточены отдельные воинские части, принимавшие участие в восстании декабристов.

В нашем последующем изложении мы уделим специальное внимание возмущению солдат электротехнической роты и их пребыванию в крепости, а здесь ограничимся напоминанием о превращении в тюрьму «манежа» Петропавловской крепости и сообщением нескольких цифр о заключенных сюда солдатах.

Как было указано, сюда было заключено 143 солдата царской армии. Крайне неблагоприятные условия заточения, о чем будет сказано в другой главе, привели к необходимости сокра-

¹ Филиал ЦГВИА в Ленинграде. Фонд 545, 1905, дело 847, т. 1, «Предварительное следствие, произведенное военным следователем по 2-му участку Петербургского военного округа. О 143 нижних чинах электротехнической школы». Донесение коменданта С.-Петербургской крепости председателю петербургского военно-окружного суда (л. 167).

тить число этих заключенных в крепости: в декабре 1905 года начальник штаба полка предложил начальнику электротехнической школы 72 узника из числа находившихся в здании «манежа» разместить у себя. В январе 1906 года 47 арестованных были освобождены по постановлению военного следователя. Ко времени суда 17 января 1906 г. в «манеже» крепости оставалось 55 заключенных из электротехнической роты. После приговора 20 января 1906 г. в крепость было временно возвращено 11 человек, приговоренных к наиболее суровым наказаниям, для последующего перевода в другие места лишения свободы.

10 февраля 1906 г. комендант крепости обратился к главнокомандующему войсками гвардии С.-Петербургского военного округа с просьбой взять из крепости этих солдат, приговоренных в дисциплинарные батальоны и остававшихся до сих пор в крепости ввиду полного отсутствия мест в батальонах. Это ходатайство было удовлетворено, и солдаты — узники Петропавловской крепости 15 февраля были переведены в С.-Петербургское комендантское управление. С выводом этих солдат из «манежа» прекратилась и его кратковременная роль в качестве тюрьмы внутри стен Петропавловской крепости.

В 1905—1906 гг. эти 143 человека электротехнической роты были первыми солдатами, которые под охраной штыков целого Павловского полка были введены в крепость в качестве ее узников, а 27 февраля 1917 г. в 5 час. 30 мин. утра в эту же Петропавловскую крепость, в ее Трубецкой бастион, были заточены 19 солдат этого же самого лейб-гвардии Павловского полка за отказ стрелять в народ и за их стрельбу в жандармов-усмирителей. Через сутки, 28 февраля, революционный народ освободил павловцев, этих последних узников Петропавловской крепости, и положил конец ее служению царизму.

Она продолжала свое служение буржуазному Временному правительству, стоявшему против народа, за продолжение войны. Также и другие столичные тюрьмы широко открывали двери для заточения в одиночных и общих камерах борцов за социалистическую революцию, и в том числе для ряда крупных деятелей большевистской партии. Только укрытие большевистской партией своего гениального вождя В. И. Ленина в глубоком подполье не дало возможности Временному правительству учинить расправу над великим вождем трудящихся.

Глава третья

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 7. ЖЕРТВЫ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ЮСТИЦИИ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

ВВЕДЕННАЯ в России законом 19 августа 1906 г. и существовавшая до 20 апреля 1907 г. система военно-полевых судов не могла не отразиться на истории Трубецкого бастиона.

В одиночные камеры этой тюрьмы были заключены также и жертвы военно-полевой юстиции. Их пребывание там было таким кратковременным, какого почти совсем не знает в других случаях история Петропавловской крепости. Оно исчислялось даже не неделями, а лишь двумя-четырьмя днями.

Эта краткость заточения в казематах бастиона отнюдь не говорит о том, что жертвам военно-полевой юстиции удалось избавиться от тех страданий, которые выпадали на долю узников крепости, проводивших в ней долгие месяцы и годы. Страдания были тем сильнее, чем короче было время заточения в бастионе.

И не удивительно: каждый отданный на расправу военно-полевому суду знал, что у него из крепости нет другого выхода, кроме пути на виселицу. Мысль о неизбежной, ничем не отвратимой смерти в петле палача не оставляла ни на минуту этих

обреченных. Недаром при одновременном приходе 18 октября 1906 г. тюремной администрации в камеры к восьми осужденным, чтобы взять их в глубокую полночь для передачи палачам, ни один из них не оказался спящим. Все они бодрствовали и ждали последнего акта расправы того суда, который назывался военно-полевым, а в действительности был актом самой бессудной расправы по указу «его величества».

Общая характеристика закона о военно-полевом суде как акта безграничного произвола царизма была дана в листовке Петербургского комитета РСДРП «Ко всем рабочим города Петербурга», распространенной немедленно после опубликования закона о военно-полевом суде¹.

14—16 октября 1906 г. по делам военно-полевой юстиции поступили в Петропавловскую крепость 11 обвиняемых.

Здесь уместно отметить, что в архиве департамента полиции найден нами хронологический, остававшийся до сих пор неизвестным список лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов. Воспроизведем из него дни, когда в тех или других пунктах Российской империи военно-полевые суды творили свое черное дело.

Мы сознательно воспроизводим из этого официального списка подробно месяцы и числа казней по приговору военно-полевых судов. Поименный список казненных за период с 31 августа 1906 г. по 31 января 1907 г. включительно был представлен департаментом полиции министру внутренних дел.

Итак, первая казнь была совершена 31 августа 1906 г. Последующие приговоры были вынесены:

в сентябре 1906 года:	1, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30;
в октябре »	2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 30, 31;
в ноябре »	1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30;
в декабре »	1, 2, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 28, 30, 31;
в январе 1907 года:	2, 3, 4, 5, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 23, 24, 25, 29, 30, 31 ² .

Итак, за пять месяцев из общего количества 154 дней всего 31 день прошел без казней.

¹ См. «Листовки петербургских большевиков», т. I, 1902—1907 гг., Огиз, 1939.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, фонд 102, № 8, т. IV, литер «А», «Списки лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов» (лл. 3—6).

Узники Петропавловской крепости, осужденные военно-полевым судом, были казнены частью близ Кронштадта, а потому сведения о них были даны в отчетах кронштадтских военных властей и кронштадтской полиции (таких казненных было 17 человек). Кроме того, по отчетам петербургских властей местом казни для шести человек был назван Петербург. Как уже указано, нам удалось выяснить нахождение в Трубецком бастионе 17 человек, ставших жертвами военно-полевой юстиции.

Тюрьма Трубецкого бастиона стала местом заседаний военно-полевого суда в Петербурге. Об этом свидетельствует следующий документ: «Секретное письмо временного командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа М. А. Газенкампа коменданту Петербургской крепости А. В. Эллису, 11 сентября 1906 г.

Препровождая при сем секретный отзыв штаба округа от 18 сентября за № 1678, уведомляю ваше высокопревосходительство, что военно-полевой суд в городе Петербурге будет заседать в Трубецком бастионе вверенной вам крепости, как единственном месте, вполне обеспечивающем безопасность заседания.

Приведение же смертных приговоров в исполнение будет производиться в местах по соглашению с С.-Петербургским губернатором вне столицы.

Сообщая об изложенном для зависящих распоряжений, прошу уведомить, какие еще меры желательно принять для безопасности заседания суда и помещения подсудимых.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности. Генерал от инфантерии Газенкамф¹.

В этом секретном письме обращает на себя внимание мотивировка выбора местом заседания суда Трубецкого бастиона «как единственного места, вполне обеспечивающего безопасность заседания». Только в Петропавловской крепости, за стенами Трубецкого бастиона, в твердыне государственной тюрьмы, было признано безопасным творить самые черные дела царского «правосудия».

§ 8. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДАХ

Нам удалось найти новые документы о существовании военно-полевой юстиции в России, остававшиеся до настоящего времени неизвестными. Одному из этих документов, несомненно, принадлежит особенно важное значение.

¹ Ленинградское отделение Центрального исторического архива, «Царизм в борьбе с революцией 1905—1907 гг.», М., 1936, стр. 83.

В Ленинградском филиале Центрального Государственного военно-исторического архива хранится дело 1906 года под названием «Об установлении правил о военно-полевом суде»¹. Оно начинается с бумаги, адресованной от имени главного военно-судного управления 8 июля 1906 г. военному министру. В ней приводится дословно собственноручная надпись Николая II, сделанная им 6 июля 1906 г.

Николай II выразил свою волю в следующих словах: «Напоминаю Главному военно-судному управлению мое мнение относительно смертных приговоров. Я их признаю правильными, когда они приводятся в исполнение через 48 часов после совершения преступления — иначе они являются актами мести и холодной жестокости».

До этого времени в практике военно-окружных судов не было случаев приведения в исполнение смертных приговоров через 48 часов после совершения преступления. На дознание, предварительное следствие, процедуру суда и приведение приговора в исполнение всегда требовалось более продолжительное время, исчислявшееся не часами, а неделями и месяцами. Таким образом, все эти казни оказывались, по квалификации самого Николая II, «актами мести и холодной жестокости». Он мирился с этим 12 лет своего царствования и, наконец, нашел выход избежать «жестокости» при исполнении казни. Всероссийский самодержец руководствовался отнюдь не чувством милосердия. Имеются прямые указания на то, что он преследовал иную цель. Военный министр сообщал 29 июля председателю совета министров Столыпину о воле царя совершать казни не позже 48 часов после совершения преступления. Царь выразил это желание во время доклада ему министра. При этом, как писал министр, царь мотивировал свою волю указанием, «что такое быстрое исполнение наказания будет больше устрашать»².

Об этой цели «наибольшего устрашения» царь в своей письменной резолюции предпочел умолчать.

Потребовав чрезвычайной быстроты от военной юстиции в решениях дел, исходом которых была смертная казнь, царь далеко не проявил какого-либо недомыслия. Он не признавал в своем суждении никакой ошибочности и продолжал стоять на своей точке зрения даже тогда, когда министрами было указано на ее неправильность.

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, дело 54 за 1906—1907 гг., «Об установлении правил о военно-полевом суде».

² ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, дело 54 за 1906—1907 гг., «Об установлении правил о военно-полевом суде» (л. 37).

Главный военный прокурор Павлов, прославившийся своей жестокостью, набрался смелости и указал в своем обращении к военному министру на трудности осуществления «монаршей воли». Он прежде всего поторопился указать, что «осуществление упомянутой монаршей воли совершенно не зависит от Главного военно-судного управления, так как:

1) Дела о гражданских лицах, предаваемых военному суду на основании военного положения или положения об охране, по каковым только делам почти исключительно и постановляются смертные приговоры, передаются в военно-прокурорский надзор, а затем в военный суд лишь по окончании дознаний, производимых жандармской и общей полицией, и следствий, производимых судебными следователями, и по рассмотрении таковых генерал-губернаторами, причем на ускорение означенных актов военно-судные органы не могут оказывать никакого влияния.

2) При всей обширности пространства Российской империи в ней имеется всего 12 военно-окружных судов. Поэтому в случаях совершения преступлений вне места нахождения суда приходится или командировать туда временный суд, или же доставлять преступника в суд. Как то, так и другое при больших расстояниях требует иногда значительного времени.

3) Рассмотрение дела в военно-прокурорском надзоре и в суде, как бы энергично ни действовали чины их, требует обязательного соблюдения некоторых, установленных законом сроков, вследствие чего при наибольшей возможной, без нарушения правил военно-судного устава, быстроте приговор может быть приведен в исполнение не раньше как на шестые или седьмые сутки после передачи дела военному прокурору».

Набрался смелости и министр юстиции Щегловитов. В своей бумаге от 9 августа 1906 г. он высказался отрицательно о проекте создания военно-полевых судов и о казнях через 48 часов после совершения преступления. В осторожных выражениях министр юстиции писал, что практически было бы весьма затруднительно выявить «те случаи, когда до постановления судебного приговора надлежит считать по делу вполне безусловно доказанным состав преступления, а равно и виновность в оном обвиняемого и когда, следовательно, на упомянутое дело надлежало бы распространить проектируемый порядок».

Правил, подобных проектируемому, не было ни в одном государстве. На этом основании Щегловитов предлагал обсудить предположение об издании нового закона в совете министров и представить результаты такого обсуждения государю для дальнейших его указаний.

19—20 августа 1906 г. «монаршая воля» о милосердном повешении осужденных через 48 часов после совершения преступления стала законом, принятым советом министров, членом которого был и министр юстиции.

Через шесть дней после издания закона, а именно 26 августа, Николай II повелел военному министру объявить командующим войсками его требование о безусловном применении закона о военно-полевых судах. Вместе с этим командующие войсками и генерал-губернаторы предупреждались, что они будут лично ответственны перед «его величеством» за отступления от этого закона. Так, Николай II с особой настойчивостью проводил в жизнь свой закон о смертной казни.

Прошло две недели со времени издания закона, а в Петербурге и в Петербургской губернии еще не было случаев назначения военно-полевого суда. Это очень не понравилось великому князю, родному дядюшке царя, главнокомандующему Петербургским военным округом. Главное военно-судное управление и довело об этом до сведения министра внутренних дел с указанием, что, по мнению «его высочества», были «вполне подходящие случаи» для назначения такого суда¹.

Из секретной переписки о введении в действие нового закона отметим не лишние интересы донесения председателя московского военно-окружного суда от 25 августа 1906 г. военному министру. Автор этого письма доносил, что на происшедшем 25 августа в Москве совещании генерал-губернатор заявил, «что он все же будет назначать военных судей председателями военно-полевых судов»². Перспектива нести такие обязанности не была для военных юристов приятной и безопасной. Правительству же не было расположено вносить, хотя бы в слабой степени, элемент законности в деятельность новых органов своей расправы. Между тем наличие лица с высшим юридическим образованием в составе судилища могло повлиять на деятельность военно-полевых судов в нежелательном для правительства направлении. Вот почему военный министр поспешил

¹ Если высшая петербургская администрация вызвала недовольство великого князя своим замедлением введения в действие военно-полевых судов, то Одесский генерал-губернатор Каульбарс сгорал от нетерпения начать поскорее расправу. Он ходатайствовал ускорить опубликование нового закона или издать «высочайшее повеление» применять новый закон до получения на местах соответствующего номера «Собрания узаконений и распоряжений правительства».

² ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, дело 54 за 1906—1907 гг., «Об установлении правил о военно-полевого суде (л. 52, оборот).

разъяснить, что председателями военно-полевых судов должны быть «офицеры от войск, а не чины военно-судебного ведомства».

Центральная власть и высшие местные власти без труда поняли, в чем именно состояла «монаршая воля» Николая II. Они старались внушить кадровым офицерам военно-полевых судов не стремление к законности, а проведение наибольшей суровости приговора. Так, например, Прибалтийский генерал-губернатор 14 декабря 1906 г. писал: «В настоящее трудное время от всех без исключения офицеров надлежит требовать проявления мужественного сознания необходимости действовать решительно в постановлении приговоров, суровость коих нужно признать необходимую для пресечения преступной деятельности отбросов населения, стремящихся поколебать основы государственного строя»¹.

В программу действий военно-полевых судов входило применение смертной казни. Надлежало провести ряд распоряжений о порядке приведения приговора в исполнение. Это и было сделано 19 октября 1906 г. помощником главнокомандующего Петербургским военным округом, издавшим распоряжение о выполнении смертных приговоров по этому округу.

Было предписано доставлять пароход по заранее условленной телеграмме к Николаевскому мосту в указанный час. Здесь его должен ожидать конвой, назначенный воинской частью. Этот пароход следует с осужденным в Кронштадт к форту № 6. С конвоем следует священник, врач, чиновник от градоначальства, палач и чины корпуса жандармов. Эшафот для казни со всеми его приспособлениями должен быть разборный и храниться на форте № 6 вместе с 20 столбами на случай казни через расстрел. По выполнении казни и погребении трупа конвой и участники выполнения казни возвращаются на том же пароходе в Петербург.

Этот распорядок казни был установлен на время навигации. В архивных документах найдено также предписание о выработке специального плана для доставки приговоренных к казни после закрытия навигации, т. е. не водным путем.

В этом же архивном деле штаба гвардии и Петербургского военного округа оказался воспроизводимый нами план местности «Лисий Нос». Здесь, за пороховыми складами, было произведено большинство казней.

¹ ЦГВИА в Москве. Штаб войск гвардии и Петербургского военного округа, 1906, № 8626, фонд 11, опись 1, «О военно-полевых судах и суждении по законам военного времени» (л. 16, оборот).

В приведенном распоряжении об исполнении смертных приговоров упоминалась разборная виселица. Предшествующая история царизма не знала разборных виселиц. Не известно, чем руководствовался ее «изобретатель». Использование нового сооружения вызвало ряд затруднений и нечто вроде протеста со стороны временного кронштадтского генерал-губернатора. На четвертом месяце действия этого сооружения он писал (23 декабря 1906 г.) С.-Петербургскому градоначальнику, что при каждой казни на Лисьем Носу приходится собирать, а потом разбирать виселицу и проделывать это руками нижних чинов караула военно-пороховых погребов. «Так как караул постоянно меняется, то сборке и разборке виселицы приходится обучать все новых людей». Он считал это несовместимым с воинским званием, а потому и просил высылать каждый раз «особо обученных вольных рабочих». Вместе с тем он просил удалить место казни «в лесок», чтобы ее не видел часовой при пороховых погребках.

Этот небольшой документ полон глубокого значения. Надо предполагать, что если сам кронштадтский генерал заговорил о неудобствах обучения все новых и новых кадров нижних чинов мастерству сборки и разборки виселицы, то он делал это в результате протестов солдат, которых превращал в соучастников выполнения казни. Недаром он же просил скрыть совершение казни подальше в лес, чтобы солдаты охраны порохового погреба не видели отвратительного зрелища повешения, а может быть и не слышали предсмертных призывов к борьбе за свободу, за революцию¹.

Подтверждением правильности такого нашего предположения явилась шифрованная телеграмма одесского генерал-губернатора Каульбарса к военному министру. Он доносил 20 сентября 1906 г., что по приговору военно-полевого суда уже расстреляны 25 осужденных. Он был вынужден признать, что частые казни «через расстрел производят неблагоприятное впечатление на войска». Конечно, выражение «неблагоприятное впечатление» было слишком деликатным в генеральских устах. В действительности здесь было кое-что посильнее. На этом основании одесский сатрап просил отпустить ему аванс на оплату палачей для совершения казней через повешение вместо расстрела. Против удовлетворения этой просьбы высказался уже известный нам прокурор Павлов, и это мнение разделил военный

¹ ЦГВИА в Москве. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1906, № 8626, фонд 11, опись 1. «О военно-полевых судах и суждении по законам военного времени» (л. 15).

министр. В авансе было отказано. Казни должны были и впредь совершаться бесплатно солдатами¹. Впрочем, этот ретивый поборник военно-полевой юстиции был в меньшинстве среди прочих генерал-губернаторов и командующих войсками, которые большей частью предпочитали вешать, нежели расстреливать.

Так начала свою кровавую историю военно-полевая юстиция. Проходил один месяц за другим. В столичных и провинциальных газетах изо дня в день печатались телеграммы о приведении в исполнение смертных приговоров. Сообщались не только одни голые факты, но иногда и некоторые подробности. Если сухие сведения об исполненной казни возмущали общественную совесть небывало большими цифрами повешенных и расстрелянных, то все больше росло негодование широких кругов населения, когда они узнавали о бессудности этих казней.

Шел шестой месяц со времени введения военно-полевых судов. Приближалось время созыва второй сессии Государственной думы. Правительство не сомневалось, что и эта Дума второго созыва не одобрит закона о военно-полевых судах. Между тем по действующему законодательству Положение о военно-полевых судах, принятое советом министров после разгона первой Думы, должно было быть внесено на утверждение во вторую Думу в течение первых двух месяцев ее существования. Неисполнение этого требования означало отказ правительства от продления действия закона. Правительство решило не обращаться к Думе за утверждением закона о военно-полевых судах и отказаться от них.

Совет министров 9 февраля 1907 г. посвятил свое специальное заседание вопросу «о сокращении применения закона о военно-полевых судах». Результаты этого совещания были доложены 15 февраля государю. На соответствующем докладе имеется за подписью помощника управляющего делами совета министров Плеве пометка об ознакомлении царя с этой бумагой.

Едва ли Николай II испытывал удовольствие при прочтении протокола заседания совета министров от 9 февраля 1907 г. Закон о военно-полевых судах, детище его державной воли, явно проваливался. Правда, за шесть месяцев своего действия это Положение о военно-полевой юстиции отняло множество жизней в порядке внесудебной расправы, но все же царь не рассчитывал на такую кратковременность существования спроектированного им закона.

¹ См. В. Н. Нечаев, Расстреливать или вешать, «Красный Архив», т. 17, 1926, стр. 222—225.

Совет министров в пространной записке царю докладывал в очень сдержанных выражениях о необходимости отступления военно-полевой юстиции по всей линии фронта. Он говорил о вынужденности издания закона 19—20 августа 1906 г. ввиду роста в «небывалых размерах преступной деятельности революционных организаций». Министры находили, что более чем пяти-месячное действие военно-полевых судов «привело ныне к некоторому, по сравнению с недавним прошлым, успокоению». Поэтому «обстоятельства, вызвавшие применение столь чрезвычайной меры, как военно-полевые суды, если не исчезли, то в значительной степени утратили свою остроту... продолжение же деятельности военно-полевых судов, вызывая в некоторых кругах общества резкое недовольство, может неблагоприятно отразиться на совместной работе правительства с законодательными учреждениями...».

Совет министров заканчивал свой доклад предложением не вносить закон 19—20 августа 1906 г. в Государственную думу с тем, чтобы он прекратил свое действие 20 апреля 1907 г. Для того же, чтобы подготовить переход от чрезвычайной юстиции к обычной, министры предлагали «преподать генерал-губернаторам и главнокомандующим циркулярные указания о необходимости по возможности воздерживаться на будущее время от применения военно-полевых судов». В качестве обоснования этого отступления министры указывали, что каждый случай применения этого закона за время действия Государственной думы приведет к ее вмешательству в действия исполнительной власти.

Потребовалось почти шесть месяцев самой упорной борьбы передовой русской общественности, чтобы заставить правительство отказаться от военно-полевой юстиции.

§ 9. ПЕРВОЕ ДЕЛО ВОЕННО-ПОЛЕВОГО СУДА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Мы уже знаем, что по распоряжению главнокомандующего С.-Петербургского военного округа заседания военно-полевого суда должны были происходить в здании тюрьмы Трубецкого бастиона. Они происходили там в квартире начальника тюрьмы, которая находилась во втором этаже тюрьмы в непосредственной близости с камерами этого этажа¹.

¹ Надо предполагать, что для заседания суда была избрана комната, занятая после превращения тюрьмы в музей экспозициями портретов и картин по делу декабристов, так как она больше всех комнат подходила по своим размерам для заседания.

Нет никакого сомнения, что выбор Трубецкого бастиона местом заседания военно-полевого суда гарантировал полную безопасность для членов этого судилища. Но богато обставленная квартира начальника государственной тюрьмы мало оправдывала название этого суда «военно-полевым».

Военно-полевой суд не был стеснен в своей деятельности процессуальными формами. Он являлся прямым отрицанием всего того, что носило название «гарантии правосудия». Вместо публичности заседания была введена исключительная замкнутость всего процесса разбирательства при недопущении на заседание даже и тех немногих лиц (например, родных подсудимых), с присутствием которых мирилось рассмотрение дела при закрытых дверях в обычном суде. Отменялось объявление приговора в присутствии публики. Вместо обвинительного акта представлялось краткое распоряжение генерал-губернатора о предании военно-полевому суду. Не было судебного прокурора, так как исключалось присутствие на заседании как прокурора, так и защитника. О независимости судей из числа офицеров, назначенных по усмотрению начальства, не могло быть и речи. Они были связаны требованием политики царизма выносить приговоры к смертной казни. Известно, что попытки не подчиняться этим требованиям влекли за собой репрессии для некоторых членов военно-полевого суда.

Со времени издания, 19—20 августа 1906 г., закона о военно-полевых судах прошло более полутора месяцев действия в империи этого исключительного закона. За это время, как видно из официального списка казенных, смертные приговоры были приведены в исполнение уже над 201 осужденным в 35 различных пунктах империи.

Первым процессом военно-полевой юстиции в С.-Петербурге было «Дело о нападении 14 октября 1906 года на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни».

По этому делу было предано военно-полевому суду сразу 11 человек, а затем много позднее еще один. Все они были узниками Трубецкого бастиона. Из 12 человек 8 были повешены.

Вооруженное нападение на казначея портовой таможни было использовано С.-Петербургским охранным отделением для расправы с заподозренными в принадлежности к партии «максималистов».

Из сообщения начальника С.-Петербургского охранного отделения видно, что по этому делу дознание было закончено производством уже 22 октября, что число обвиняемых, находившихся под стражей, достигло 42 человек. Кроме того, на свободе находился 31 человек, разыскивались семь и умер во время

производства дознания один. Таким образом, за восемь дней жандармы успели подготовить к военно-судебной расправе дело о 81 обвиняемом. Такая быстрота расследования уже сама по себе свидетельствовала, что оно никак не могло быть исчерпывающе полным и подтверждать правильность обвинения в преступлениях, за которые грозили самые тяжкие наказания.

Как ни была стремительна эта быстрота, она была недостаточна для немедленной расправы в порядке военно-полевой юстиции со всеми арестованными. Поэтому жандармы выхватили из общей массы арестованных 11 человек. Из них восемь человек уже 18 октября были повешены, а в отношении трех сам военно-полевой суд признал собранные доказательства недостаточными, но, не вынося им оправдательного приговора, передал дело о них на рассмотрение военно-окружного суда. К восьми осужденным 16 октября полевой суд присоединил 1 декабря еще одного.

Дело об ограблении помощника казначея портовой таможни привлекло к себе огромное внимание не только в Петербурге, но и за его пределами.

14 октября 1906 г. на углу Фонарного переулкa и Екатерининского канала проезжала карета под охраной шести конных жандармов. Перевозилась в мешках очень крупная денежная сумма, а именно 362 013 руб. кредитными билетами, 3900 руб. золотом, 29 руб. серебром, 1 р. 74 к. разменной монетой и, кроме того, залоговые бумаги, серии, купоны и прочее на сумму 293 576 руб. Вдруг раздались два взрыва от брошенных бомб. Одна из них взорвалась под ногами пары лошадей, которые везли карету, а другая была брошена в жандармский конвой. Началась револьверная стрельба. В результате три лошади были ранены, а одна убита. Из кареты выскочили перепуганные чиновники таможни. Подбежавшие экспроприаторы похитили все мешки, находившиеся в экипаже, и переложили их в подъехавший экипаж, в котором сидела хорошо одетая дама. На месте нападения всем распоряжался человек в высокой белой папахе с револьвером в одной руке и бомбой в другой. Остальные участники нападения с накладными усами и бородами, которые они побросали потом, все были одинаково одеты. В целях содействия молодой женщине беспрепятственно увезти погруженные в ее экипаж деньги распорядитель экспроприации бросил бомбу. Очевидно, чтобы избежать при этом напрасных жертв, он предупредил об этом публику, собравшуюся на панели, властным приказанием: «Прочь, сволочь!».

При преследовании нападавших один из мешков, а именно с процентными бумагами и процентными купонами, выпал или

был выброшен из пролетки, которая бесследно скрылась. Двое из нападавших были убиты, а третий покончил самоубийством. При перестрелке были ранены четыре дворника, из которых один смертельно, три жандарма, счетчик таможни и двое из прохожих.

О судьбе увезенных денег в архивном деле имеются лишь неполные сведения. Один из более поздних документов, в виде постановления Петербургского жандармского управления от 14 июля 1907 г., объявляет, что деньги после экспроприации увозила Адель Коган с соучастником Матвеем Дорожкой, переодетым извозчиком, на дорогой лошади, приобретенной так же, как и экипаж и кучерское платье, незадолго перед 14 октября. Этот Дорожка скрылся за границу, что же касается Адель Коган, то разыскная ведомость о ней была составлена 15 января 1907 г., но из дела не видно, чтобы она была разыскана.

Заключенный в Петропавловскую крепость через две недели после экспроприации Владимир Лихтенштадт¹ (1 ноября 1906 г.) признал свою принадлежность к «максималистам», изготовление им снарядов для взрыва дачи Столыпина на Аптекарском острове и для экспроприации денег 14 октября 1906 г., а также унос им с квартиры, куда были доставлены похищенные деньги, некоторой их части, но отказался указать место, куда он их унес².

Конечно, отыскивание похищенных денег очень интересовало департамент полиции. При многочисленных арестах и обысках только у некоей Адамсон Адель Гайда (заключенной в Трубецкой бастион 3 декабря 1906 г.) жандармы обнаружили 7200 руб. и 5 фунтов динамита. В периодической печати (газета «Современная речь» 26 января 1907 г.) было напечатано неопровергнутое жандармами сообщение о покупке правительством за 6000 руб. дачи в Петербурге на В. Объездной ул., там, по полученным полицией сведениям, будто бы были зарыты экспроприированные 14 октября деньги. Для отыскания их полицией производились раскопки в саду и около дома.

Обращает на себя внимание необычно большое число женщин, заключенных в Трубецкой бастион по делу 14 октября. Объяснение этому, вероятно, следует искать в стараниях департамента полиции разыскать ту молодую женщину, которая увозила в экипаже с места нападения похищенные деньги.

¹ См. «История царской тюрьмы», т. 5.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 10475, фонд 102, «Допрос Лихтенштадта 24 января и 26 февраля 1907 г.» (лл. 527, оборот, и 574).

Безрезультатность поисков этой женщины¹ и желание администрации немедленно предать военно-полевому суду хотя бы нескольких человек привели к передаче военным властям на рассмотрение в порядке военно-полевого суда указанных нами 11 заключенных.

Приговор по этому делу один из очень немногих, делопродводство по которому дошло до нас.

Трудно решить, что в этом «судебном деле» наиболее отступало от общепринятых процессуальных форм и от элементарных юридических требований. Дело началось с бумажонки о предании 11 человек военно-полевому суду, в которой даже не назывались фамилии этих обреченных на смерть, а лишь делалось указание, что они поименованы в протоколе жандармского дознания. Характерно, что в одной из последних бумаг этого дела имеется перечень фамилий «обвиняемых», в котором слово «обвиняемые» зачеркнуто и сверху карандашом заменено словом «приговоренные». В этой упрощенности выразилась вся сущность военно-полевой юстиции. Казалось бы, что дальше этого упрощения идти некуда. Однако служители военно-полевой юстиции пошли еще дальше. Коменданту крепости было дано приказание выдать для казни восемь человек, осужденных военно-полевым судом, но фамилии их не были названы. Лишь по требованию коменданта был представлен ему поименный перечень.

В деле имеются всего два документа, проливающих свет на то, как происходило «судебное» заседание. Один из этих документов, без всяких подписей, представляет собой какой-то бессвязный набросок отдельных слов против фамилии каждого обвиняемого. Вероятно, эти заметки играли роль памятки при решении судьбы обвиняемых.

Такой же характер носил и второй документ. Хотя он назывался «Журнал судебного заседания военно-полевого суда», но его содержание мало отвечало форме журнальной записи. Его автор был несомненным сторонником краткости изложения, но не сторонником ясности и даже понятности. Однако и эти краткие записи дали нам основание судить о работе военно-полевого суда. В заседании суда было опрошено 37 свидетелей. Одни из них отказывались давать показания, уличавшие под-

¹ Мы не нашли в архивном деле указания на правильность сообщения «Петербургской газеты» от 21 октября 1906 г. об аресте молодой женщины, увозившей похищенные деньги и будто бы отстреливавшейся при ее аресте на квартире, из окна которой она пыталась выпрыгнуть.

судимых, сославшись на невозможность признать в обвиняемых кого-либо из участников государственного преступления. Таких свидетелей оказалось 13 человек, т. е. почти треть общего числа вызванных. Другие свидетели, среди которых было много агентов охранного отделения и полицейских, опознавали тех или других из подсудимых. Сами же обвиняемые не только не признали себя виновными, но и заявили о полном незнании причины их ареста.

«Суд» после совещания объявил приговор. Напрасны были бы поиски в смертном приговоре какого-либо его обоснования, выяснения, в чем состояла вина каждого из осужденных, подтверждения окончательных выводов ссылками на свидетельские показания и т. п.

§ 10. КАЗНЬ ОСУЖДЕННЫХ ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Мы располагаем официальными материалами о приведении в исполнение приговора военно-полевого суда, осуждавшего на смертную казнь. Эти материалы касаются упомянутых восьми осужденных на смерть.

Восемь человек, приговоренных к казни, провели наступивший после приговора день в крепости.

О перевозке осужденных на казнь водным путем на «Лисий Нос» имеются и другие официальные сведения, найденные Д. Венедиктовым. Следует предположить, что такое препровождение к месту казни совершалось во всех случаях одинаково, независимо от того, были ли вынесены приговоры военно-полевым или военно-окружным судом.

Пароход «Пожарный» и миноносец «Шлем», приняв как осужденных на смерть, так и чинов, назначенных для присутствия при казни, отчалили от пристани в 12 час. 30 мин. ночи в местность «Лисий Нос». В густом тумане оба судна прибыли к месту назначения лишь поздно ночью. В рапорте было отмечено, что во время следования по Неве и морем не было судов, «следовавших или следивших» за флотилией. Ко времени прибытия названных парохода и миноносца к месту назначения там, на дамбе, уже находились чины для исполнения казни. Авторы рапорта доносили С.-Петербургскому градоначальнику: «Пристань «Лисий Нос» представляет из себя дамбу, выдающуюся в море на протяжении 730 шагов. Пройдя дамбу и вступив на берег, на котором не было ни одного постороннего

были «погружены в воду»¹. Можно предположить, что утопление таких трупов представлялось более легким делом, чем закрытие их в землю.

Утопление трупов казненных, отмеченное в архивном деле о казни осужденных военно-полевым судом, не было, по-видимому, единичным случаем.

Очевидно, для администрации такой способ сокрытия следов ее преступной расправы с жертвами юстиции представлялся наиболее удобным и надежным независимо от того, принадлежали осужденные к морякам или не принадлежали. Морская стихия поглощала на дне моря и тех, кто проводил на воде свою жизнь до осуждения, и тех, кто был чужд ей².

§ 11. СТАТИСТИКА ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

При наших розысках в архивах сведений об узниках Трубецкого бастиона из числа жертв военно-полевой юстиции мне попало дело департамента полиции довольно обширного объема под названием «Списки лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов». Оно явилось попыткой министерства внутренних дел собрать со всей империи наиболее исчерпывающий материал о приговорах военно-полевых судов.

Попытка правительства систематизировать цифровой материал военно-полевой юстиции в общей сводке и вести наблюдения за проведением в жизнь смертоносной «скорострельной» юстиции вполне понятна. Совету министров оставалось неизвестным, кто из генерал-губернаторов проявлял достойное похвалы усердие и кто из них не был достаточно ретив в борьбе с крамолой.

Мысль собирать (конечно, совершенно секретно) сведения о приговорах военно-полевых судов пришла в голову министру внутренних дел не сразу, не одновременно с введением этих судов. Лишь 22 января 1907 г., т. е. через пять месяцев после начала «эпопеи» военно-полевой юстиции, министр внутренних дел предписал департаменту полиции «составить в течение двух

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 10475, «О вооруженном нападении 14 октября 1906 г. на помощника казначея С.-Петербургской портовой таможни» (л. 39).

² Несмотря на запрещение цензуры давать в печати всякие сведения об исполнении смертных приговоров, описание исполнения приговора военно-полевого суда все же проникло в печать («Биржевые ведомости» 31 октября 1906 г.).

Рис. 7. Невская куртина и площадка, с которой увозили приговоренных к казни на «Лисий нос».

С фотографии Музея Революции РСФСР.

неделя полный список лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов со времени учреждения таковых»¹.

За пять протекших месяцев русская общественность была свидетельницей неистовства вновь созданных учреждений. Изодня в день органы столичной и провинциальной печати приносили читателям известия о казнях по приговорам этих судилищ. В некоторых органах стали появляться периодические сводки с именами казненных, с указанием места казни, иногда также и с перечнем вмененных им в вину преступлений².

Подведенные в департаменте полиции итоги оказались менее значительными, чем итоги, подведенные в неофициальной печати. Так, например, профессор Фалеев составил список лиц, прошедших через военно-полевые суды со времени введения этих судов и до 1 февраля 1907 г. В списке значится 950 казненных³. Автор допускает наличие в этом списке некоторого числа осужденных не военно-полевыми, а военно-окружными судами. Он же допускает и неполноту сведений, сообщенных телеграфными агентствами.

В официальный список казненных военно-полевыми судами, составленный за тот же период, внесено 629 человек. Получилась очень значительная разница с преуменьшением числа казненных по официальному списку. Сам департамент полиции признал в своем рапорте министру внутренних дел неполноту полученных от генерал-губернаторов сведений.

Департаменту пришлось оправдываться перед министром после того, как последний, получив поименный список казненных военно-полевыми судами, остался им недоволен и в наложенной резолюции резко запрашивал, почему в списке казненных отсутствуют многие всем известные по газетам фамилии. Он требовал представить ему письменное объяснение чиновников,

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 102, 7 делопроизводство, 1906, № 8, т. IV, литер «А», «Списки лиц, казненных по приговорам военно-полевых судов» (л. 1).

² В периодической печати за период действия военно-полевых судов делались попытки вести именные списки казненных, как, например, в газете «Новые силы» 18 февраля 1907 г. и 23 сентября, «Столичная почта» 14 марта. К. И. Солнцев в статье «Воинская преступность в царской армии», помещенной в журнале «Советское государство и право» 1936 г. № 6, привел цифры, собранные по газетным сведениям Вентиним: за восемь месяцев были приговорены к смерти военно-полевыми судами 1102 человека. Возможно, что сюда были ошибочно причислены казненные по приговору военно-окружных судов, но также возможно, что сюда не вошли полностью все осужденные военно-полевыми судами.

³ См. Н. И. Фалеев, Шесть месяцев военно-полевой юстиции, «Былое» 1907 г. № 2.

давших неполные сведения. Делопроизводитель департамента переносил ответственность за неполноту сведений с департамента на местные власти. Он писал: «Список казенных по приговорам военно-полевых судов был составлен гг. заведующими районами по сведениям, поступающим в 7 делопроизводство от местных властей. За полноту этих сведений, как уже докладывал вашему превосходительству, ручаться нельзя, напротив, судя по печатавшимся в газетах известиям, есть полное основание предположить, что о приведенных в исполнение смертных приговорах военно-полевых судов местные власти не всегда сообщают департаменту»¹.

Во всей этой истории с выражением недовольства «его превосходительства господина министра» характерно то, что сам департамент, видя неполноту донесений с мест о казнях, не принимал никаких мер к восполнению пробелов. Для него было безразлично, если официальные цифры оказывались ниже действительных. Интересно, что в разосланных по областям и губерниям секретных шифрованных телеграммах о представлении сводного материала за пять месяцев департамент не ставил вопроса: «за что последовала казнь». Между тем выяснение вопроса о причинах присуждения к смерти имело большое значение. Тогда бы выяснилось, что смертные приговоры выносились и за такие действия, которые не были преступлением даже по царским законам. Может быть, именно поэтому такой вопрос и не был поставлен. Лишь в очень немногих донесениях с мест были даны указания и на вмененные в вину действия осужденных.

Нам кажется, что ознакомление с официальными, секретными списками казенных по приговору военно-полевых судов представляет известный интерес. Получается возможность выяснить, по крайней мере, тот минимум легальных казней, в совершении которых признались главнокомандующие, генерал-губернаторы и прочие охранители государственного строя и общественного порядка агонизировавшего царизма.

Одинаковые телеграфные запросы были посланы департаментом полиции во все области и губернии 8 февраля 1907 г. с предложением сообщить, были или не были в данной местности казни по приговорам военно-полевых судов, и если они были, то сколько человек было казнено за время со дня введения военно-полевой юстиции.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд 102, 7 делопроизводство, 1906, № 8, т. IV, литер «А», «Списки лиц, казенных по приговорам военно-полевых судов» (л. 25).

Ответы были получены от 50 запрошенных высших представителей местной власти. Из них лишь 12 ответили, что в подчиненной им местности по приговорам военно-полевых судов не было совершено ни одной казни. Но 38 генерал-губернаторов, губернаторов ответили на поставленный вопрос утвердительно¹.

Подвергнув обработке список казенных, мы выяснили сведения о пунктах, где были произведены казни по приговорам военно-полевых судов, составили таблицу с перечнем в алфавитном порядке этих пунктов и с указанием числа казенных в каждом из них за время с 31 августа 1906 г. и до 31 января 1907 г. Выяснилось, что число таких пунктов достигло 94. Здесь были города областные, губернские и уездные, а также местечки в различных уездах. В составленный нами список вошли следующие пункты.

Таблица 14

КАЗНИ ПО ПРИГОВОРУ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

с 31 августа 1906 г. по 31 января 1907 г.

Александровск	2	Гродно	1
Альтенвог Рижского уезда	4	Грозный	2
Андижан	3	Дадагген Курляндской губернии	1
Армавир	3	Зугиды	1
Ашхабад	1	Екатеринослав	28
Батум	4	Екатеринославская губерния	39
Бахмут	13	Екатеринодар	6
Бендин	7	Елизаветопольская губерния	1
Варшава	59	Елизаветполь	1
Введено-Дышневеденец Тифлисской губернии	2	Елизаветград	2
Венденский уезд	13	Иркутск	18
Венден	4	Каляш	11
Владивосток	2	Квирилы	1
Верро Лифляндской губернии	2	Кельцы	28
Гарволин	5	Киев	2
Гольдингенский уезд	4	Коканд	2
Гори	3	Кокенгаузен Рижского уезда	2

¹ Из полученных ответов видно, что военно-полевые суды были введены в следующих губерниях, областях и городах: Сувальская, Ашхабад, Радомская, Московская, Ломжинская, Курляндская, Севастополь, Оренбургская, Петербургская, Минская, Ферганская, Киевская, Херсонская, Омская, Ростов-на-Дону, Гродненская, Седлецкая, Лифляндская, Таврическая, Варшавская, Эстляндская, Кавказское наместничество, Кронштадтская, Иркутская, Челябинская, Петроковская, Енисейская, Владивостокская, Приамурская, Келецкая, Горно-Заводской южный район.

Не были введены военно-полевые суды в следующих губерниях и областях: Новочеркасская, Харьковская, Тобольская, Читинская, Сыр-Дарьинская, Могилевская, Семиречинская, Полтавская, Николаевская, Нижне-Новгородская, Томская, Полоцкая.

Красноярск	7	Рига	57
Кронштадт	17	Рижский уезд	4
Кутаисская губерния	5	Ростов-Дон	8
Кутаис	7	Севастополь	3
Ленневарден Рижского уезда	2	Седлец	9
Либава	2	Сенакский уезд	1
Липовец Киевской губернии	6	Сосновицы	5
Лифляндская губерния	7	Сочи Черноморской губернии	3
Ладзь	1	Сухум	2
Лодзь	10	Таврическая губерния	7
Луганск	2	Таганрог	9
Люблин	3	Телав	3
Местдаден Рижского уезда	2	Тверская область	4
Миневарден Рижского уезда	3	Тифлис	13
Минск	1	Тифлисская губерния	6
Митава	11	Томашев	2
Могилев	2	Томск	2
Москва	19	Херсон	6
Ново-Александрия	6	Холм Люблинской губернии	1
Новый Маргелан	1	Челябинск	4
Новороссийск	4	Ченстохов	16
Одесса	13	Щучин Ломжинского уезда	1
Омск	1	Феликский уезд	5
Пернов	3	Феодосия	1
Перновский уезд	2	Фридрихштадтский уезд	7
Петербург	6	Эривань	2
Петраковская	4	Эриванская губерния	4
Приамурский край	6	Юзовка Екатеринославской гу- бернии	6
Радомская губерния	3	Якобштадт	3
Ревель	2		

Самое большое количество совершенных казней падает на сентябрь (156).

В нашей таблице не включены сведения по Кавказскому краю, так как они были даны наместником по иной форме. В своем отчете он совсем не дал сведений о каждом казненном, а дал их суммарно за указанный период 1906—1907 гг. Он не привел фамилии, ограничившись указанием лишь количества казненных (73 человека).

Глава четвертая

ВОЕННО-ОКРУЖНЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 12. СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦАРИЗМА О СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННЫХ СУДОВ

ДАЖЕ ПОСЛЕ формальной отмены военно-полевых судов правительство оставляло в своих руках в полной неприкосновенности все законоположения об исключительных мерах к сохранению «государственного порядка» в империи. Законы об усиленной и чрезвычайной охране, об объявлении местностей на военном положении давали царизму возможность расправы по его произволу со всеми теми, кого главнокомандующие, генерал-губернаторы, министры внутренних дел, военный министр, департамент полиции и другие желали «изъять из обращения». Этим представителям власти не приходилось особенно сожалеть о прекращении существования военно-полевых судов. Военно-окружные суды продолжали свое служение беспощадной и бесстыдной классовой юстиции царизма.

Однако эпопея военно-полевых судов не осталась без влияния на военную юстицию. «Скорострельные» суды привлекли к делу расправы с обвиняемыми за государственные и обще-

уголовные преступления много сот воинских чинов командного состава армии и флота. Через руки местных и центральных сатрапов прошли многочисленные дела о конфирмации приговоров над осужденными. Всем им было прекрасно известно настроение правительства, для которого понятие «твердой власти» было неразрывно связано с лозунгом «неправда и жестокость да царствует в судах». Поэтому неудивительно, что военная юстиция и все причастные к ней представители власти усилили свой кровавый террор.

Безудержный террор отразился и на составе заключенных в Петропавловской крепости. В одиночных камерах Трубецкого бастиона оказалось столько приговоренных военно-окружными судами к смертной казни, как никогда прежде. Не считая казненных по приговорам военно-полевых судов и не учитывая тех смертников, которые перед казнью были переведены в другие тюрьмы, я определил, что 30 узников пошли из Трубецкого бастиона на казнь, под расстрел или на виселицу по приговорам военно-окружных судов.

Наличие в Петропавловской крепости за последние 17 лет царизма смертников, осужденных военно-окружными судами, вызывает особый интерес к деятельности военно-окружных судов и к применению ими смертной казни по пресловутой ст. 279 Воинского устава о наказаниях.

Никогда за все время существования царской власти не было такого внимания представителей высшей центральной и местной администрации к наказанию смертью, как за годы после первой революции. В огромном большинстве случаев производившаяся по этому вопросу «совершенно секретно» и даже шифрованная переписка не сделалась достоянием гласности. Поэтому тем более значительный интерес представляет ознакомление с найденными нами такими документами архива департамента полиции.

Сущность содержания секретных документов по вопросам объема назначения смертных приговоров и их исполнения сводится к стремлению министерства внутренних дел и генерал-губернаторов расширить свои права в вопросах жизни и смерти осужденных. Впрочем, из архивного дела стало известным и одно исключение, которое я назвал бы «исключением до некоторой степени». Такое исключение составил в 1908 году помощник главнокомандующего войсками гвардии Петербургского военного округа генерал Газенкамф. Между ним и Столыпиным, председателем совета министров, произошли разногласия по вопросу об объеме власти главнокомандующего и министра внутренних дел при конфирмации приговоров к смертной казни и замене ее

другими наказаниями. Разногласия заслуживают того, чтобы на них остановиться, но мы предварительно остановимся на более ранних фактах.

В секретной переписке министров военного, юстиции и внутренних дел бросается в глаза, что история отношения высших правительственных органов к наказанию смертью шла в направлении все более и более широкого истолкования соответствующих повелений и циркуляров о смертной казни. Однако в моменты чрезвычайного усиления революционного движения императорское правительство делало некоторые уступки. Такие уступки царизма и буржуазии сменялись вновь самым энергичным поиском своего спасения с помощью палачей. Недаром со второго полугодия 1906 года наступила эпопея беспощадных военно-полевых судов.

Наиболее ранний документ о смертной казни по приговорам военно-окружных судов приводится департаментом полиции в его деле 1906 года «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства»¹.

Обширное дело начинается «Высочайше утвержденным 24 марта 1880 г. циркуляром генерал-губернаторам о предоставлении им прав предания военному суду лиц гражданского ведомства». Наступало время усиленной борьбы с народовольцами. Циркуляр, предоставлявший генерал-губернаторам право предавать лиц гражданского ведомства военному суду, давал им также и право утверждения смертных приговоров. Однако, если генерал-губернатор находил возможным заменить смертную казнь другим наказанием, он самостоятельно не мог этого сделать. Император доверял генерал-губернаторам право отнимать жизнь у осужденного, но не даровать ее. В последнем случае высший представитель местной власти обязывался испрашивать через министра внутренних дел у самого царя помилования осужденного. Таким образом, устанавливался в лице министра внутренних дел и самого царя контроль за генерал-губернаторами в целях недопущения «излишнего» снисхождения к осужденным.

Циркуляр 24 марта 1880 г. был подтвержден 23 ноября 1903 г. министром внутренних дел в бумаге на имя степного генерал-губернатора.

В том же 1903 году министерство внутренних дел передало в военное министерство для рассмотрения в военно-окружном

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1. «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 109).

суде дела по обвинению в государственных преступлениях Гершуни и других, не производя предварительного следствия и ограничившись лишь полицейско-жандармским дознанием. Между тем обвиняемым грозила смертная казнь. Военное министерство обратилось к министру юстиции, к тому самому Муравьеву, который «заработал» министерский пост виселицами, с запросом о возможности суда лишь по материалам дознания. Муравьев без всяких колебаний поспешил 24 декабря 1903 г. ответить, что дело может быть и без высочайшего разрешения рассмотрено по результатам дознания без предварительного следствия.

После такого прецедента министерство внутренних дел вошло во вкус судить по материалам, собранным его послушными агентами, жандармами и полицейскими. Оно обратилось в министерство юстиции за разрешением теперь уже не по какому-нибудь отдельному процессу, а в общей форме предавать военному суду обвиняемых лишь на основании материалов дознания ввиду исключительных обстоятельств того времени.

Министерство юстиции 28 июня 1905 г. дало свое полное согласие¹.

Наиболее значительное отступление царизма от политики виселиц и расстрелов совершилось через месяц после пресловутого манифеста 17 октября 1905 г. В. И. Ленин назвал этот манифест отступлением царизма², а вместе с тем ловушкой и провокацией³.

Министерство юстиции коренным образом изменило изложенную нами выше свою точку зрения на возможность военного суда без предварительного следствия. Оно сделало это под влиянием высоко поднявшейся волны революционного движения в середине 1906 года. 7 июня 1906 г. министр юстиции препроводил в министерство внутренних дел немалых размеров отношение. В нем он обосновывал необходимость вернуться к законному порядку при рассмотрении дел в военных судах и возражал против отказа производить по таким делам предварительные следствия, ограничиваясь актами полицейского дознания.

Я воспроизвожу здесь строки либеральничания руководителя судебного ведомства, но либеральничания на очень короткое время, до нового усиления реакции. Министр писал: «Передача на военный суд отдельных дел по актам одного дознания

не могла бы быть оправдана и интересами ускорения репрессии ввиду того, что по делам более или менее сложным, как уже было отмечено ранее, полицейское дознание не устранит необходимости производства предварительного следствия, по делам даже простым и ясным для производства следствия, или формального дознания, в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства потребуется такой краткий срок, который едва ли может оказать существенное влияние на скорейшее развитие дела.

Ввиду всего изложенного, я нахожу, что передача дел, изъемаемых из общего порядка подсудности на основании ст. 17 и ст. 31 Положения об охране или Правил о местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных судов по данным одного лишь полицейского дознания, как не отвечающие требованиям закона, представляется безусловно нежелательной.

Об изложенном имею честь сообщить вашему превосходительству вследствие отношения за № 4044, покорнейше прося о последующем меня уведомить». Министр юстиции (подпись)¹.

Напомню, что через полтора месяца после того, как министр юстиции написал эти «золотые слова» в защиту законности, совет министров 18 августа 1906 г., т. е. накануне закона о военно-полевых судах, единогласно при участии того же министра юстиции принял законопроект «Об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям». Этим самым расширялось применение смертной казни по ст. 279 Воинского устава о наказаниях.

Министр внутренних дел, получив приведенное нами отношение министра юстиции от 7 июня 1906 г., в своем ответе 10 июля 1906 г. указывал на практику военно-окружных судов, которые, по его словам, за последнее время «почти никогда не приступают к судебному следствию иначе, как на основании данных, проверенных предварительным следствием или дознанием в порядке ст. 1035 Устава уголовного судопроизводства». Передачу военным судам дел без предварительного следствия министр оправдывал «чрезвычайными обстоятельствами преступных посягательств, учиненных на почве политического движения».

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 42—44).

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 416.

³ См. там же, стр. 406.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 50—52).

За две недели до московского декабрьского восстания 1905 года, во время которого Семеновский полк под руководством Мина и Римана производил бессудные массовые расстрелы, секретное «высочайшее» повеление 26 ноября 1905 г. рекомендовало военному министру предавать гражданских лиц военному суду в крайних случаях. Это «высочайшее» повеление фактически не осуществилось, так как усмирение декабрьского восстания в Москве в 1905 году подняло настроение реакции. Вместо сокращения деятельности военно-окружных судов по приказу Мина последовали многочисленные бессудные казни участников этого восстания.

Военный министр Редигер напомнил 15 февраля 1907 г. министру внутренних дел указанное нами секретное повеление от 26 ноября 1905 г. о сокращении деятельности военно-окружных судов в расправе с обвиняемыми гражданского ведомства. Военный министр отмечал, что это повеление не всегда соблюдается. Напомним, что эта секретная бумага военного министра к министру внутренних дел была отправлена на шестом месяце неистовства военно-полевых судов. Военное министерство не думало об ограничении расстрелов гражданских лиц военно-полевыми судами. Его озабочивала одновременно увеличившаяся нагрузка военно-окружных судов делами о смертниках.

Военный министр писал, например, министру внутренних дел: «...при малочисленности личного состава военно-судебных учреждений является непосильное их обременение и замедление их деятельности» — и просил предписать генерал-губернаторам «избегать чрезмерного расширения военной подсудности»¹.

Военный министр писал это письмо министру внутренних дел в то время, когда особенно усердствовал в борьбе с революционным движением прибалтийский генерал-губернатор, в сатрапии которого одновременно действовали по его приказу военно-полевые и военно-окружные суды. Может быть, именно поэтому министр внутренних дел ограничился соответствующим распоряжением лишь указанному генерал-губернатору. Он и сообщил об этом 27 февраля 1907 г. Редигеру, указав в рекомендации прибалтийскому генерал-губернатору обратить «к военной подсудности лишь дела исключительной важности и только при условии крайней в том необходимости».

Самым рьяным защитником кровавого террора без суда явился еще летом 1906 года варшавский генерал-губернатор

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 110, оборот).

Скалон, о чем свидетельствует «совершенно секретный» доклад министру внутренних дел 6 июля 1906 г.

Скалон писал в своем рапорте, что случаи смертных приговоров вызвали со стороны революционной организации желание мстить за казненного. Так, после повешения Папая (убившего комиссара по крестьянским делам Борка) жертвами мести революционеров в Варшаве были 17 человек полицейских и жандармских чинов.

По словам генерал-губернатора, революционный террор в Польше продолжался уже второй год. Он отражался на деятельности чинов полиции, ряды которой редели. «Желающих занять вакантные места почти нет». Скалон выдвинул предложение бороться против террористических актов еще более сильным террором, т. е. «путем осуществления в полном объеме ст. 12 Военного положения до применения смертной казни без суда включительно».

Генерал-губернатор в своем всеподданнейшем усердии и в стремлении защитить «верных царских слуг», учитывая изменившиеся обстоятельства, упоминает довольно критически отмену по высочайшему повелению в феврале 1906 года расстрелов без суда. Он поясняет, что «орудием репрессии» в борьбе с революцией осталось лишь предание военному суду. Но такой порядок, по утверждению Скалона, «не останавливает террористической деятельности революционных сообществ, вызывая с их стороны лишь жестокую месть». Чинов полиции «подавлены своей беззащитностью». Если расправа с ними не приостановится, то Варшава и весь край «рискует вскоре остаться без полиции, и никто в полицию служить не пойдет». Генерал-губернатор Скалон добавлял, что революционеры находят себе новую поддержку в отмене смертной казни Государственной думой, что при обсуждении заявления председателя совета министров Столыпина о числе павших полицейских чинов раздавшийся возглас — «Мало!» — окрыляет террористов.

В заключительной части своего рапорта генерал-губернатор Варшавы ставил вопрос: «достигает ли теперь смертная казнь желаемой цели, т. е. устрашения революционеров?». Он сам отвечал на этот вопрос отрицательно: смертная казнь в настоящее время революционеров больше не устрашает. Она — источник все большей ожесточенности боевых организаций, а в результате — убийства чинов полиции. Из создавшегося положения, по мнению Скалона, два выхода: или усиление меры устрашения, «или, наоборот, приостановление всех без изъятия смертных приговоров». Он просит представить поставленный им вопрос на «уважение совета министров», а ввиду

предстоящей «целой серии» смертных приговоров просит сообщить о последующем по телеграфу¹.

В самой тесной связи с расширением объема применения смертной казни стал вопрос о месте ее исполнения. Когда приговоры к смертной казни посыпались не только на столицу, но и на небольшие города, исполнение этих приговоров встретило ряд затруднений. Большие трудности возникали не только при отыскании палачей, но и при выборе места для казни. Министр внутренних дел задался мыслью организовать центры мест казни и в этих целях выбрать на пространстве империи определенные пункты, куда и свозить осужденных на казнь.

Заместитель директора департамента полиции Рачковский в рапорте министру внутренних дел напоминал содержание ст. 963 Устава уголовного судопроизводства об исполнении смертных приговоров в пределах тюремной ограды, а при невозможности этого — в другом месте по указанию полицейского начальства. Но главное тюремное управление считало, что не только в тюрьмах мелких городов, но и в некоторых больших, например в Москве, исполнение смертной казни «совершенно невозможно». Главное тюремное управление предложило обратиться к министру юстиции с просьбой указать, где в военных округах или округах судебных палат с достаточным количеством полиции и войск можно было бы приводить в исполнение приговоры над осужденными к смертной казни без опасения беспорядков как со стороны арестантов, так и со стороны лиц, находящихся на свободе².

Министр юстиции Манухин писал товарищу министра внутренних дел, заведовавшему полицией, что выполнение смертных приговоров при тюрьмах очень затруднительно ввиду опасения протестов заключенных: «...не следует упускать из виду того крайне напряженного состояния, в котором ныне вообще находится тюремное население, в зависимости от обнаруживающегося в разных местностях империи брожения...». Он указывал на большие трудности доставки осужденных на казнь в другие тюрьмы и на необходимость усиления штата таких тюрем и военного караула, а также на опасность возбуждения народа, особенно, если казни будут совершаться через короткие промежутки времени.

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов и лицах гражданского ведомства» (лл. 56, 58, оборот).

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 64, оборот, 65).

При таких неудобствах исполнения казни внутри тюрем министр юстиции высказывал свое пожелание, что было бы удобнее, если бы полиция выбирала другие места для казни. Несомненно, за этими словами скрывалось желание руководителя ведомства избавить чинов своего ведомства от всех тех «неприятностей», с которыми было связано выполнение казни. Так, министерство внутренних дел с его департаментом полиции пыталось переложить «труд» по выполнению казней на министерство юстиции с его тюремным управлением, а последнее всячески старалось себя от этого избавить. Получалось довольно своеобразное пререкание ведомств. Впрочем, министр юстиции не решался категорически отказаться от выполнения «патриотической» обязанности приведения в исполнение приговоров, вынесенных по указу его величества о спасении царя и всего царского строя. На крайний случай он находил возможным избрать местом выполнения казни в московском судебном округе одну из двух тюрем в самой Москве, а именно Московскую пересыльную, или исправительную, и Вологодскую; в казанском судебном округе — тюрьму в Казани; в виленском судебном округе — Трокскую; в киевском — Луцкую; в одесском — тюрьму в самой Одессе; в харьковском — Харьковскую или Полтавскую; в новочеркасском — Новочеркасскую; в саратовском — Саратовскую и т. п. Министр заканчивал свой ответ указанием на два округа, в которых особенно часто могли быть случаи вынесения смертных приговоров — С.-Петербургский и Варшавский, где, по установившемуся порядку, для цели, о которой идет речь, служат: в первом — особая Шлиссельбургская тюрьма, а во втором — Александровская цитадель¹.

Из нашего предшествующего очерка о военно-полевых судах в Трубецком бастионе мы уже знаем, что местом казни по петербургскому судебному округу стал «Лисий Нос» близ Кронштадта.

Среди защитников неуклонного выполнения смертных приговоров особенно выделяется генерал Павлов. Еще в 1905 году, будучи начальником главного судебного управления военного ведомства, он принимал решительные меры к расширению исполнений смертных приговоров. Соответствующий секретный документ за подписью этого жестокого служителя военной юстиции заслуживает того, чтобы быть отмеченным. Он писал 25 августа 1905 г. в министерство внутренних дел, что главнокомандующие

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1, «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (лл. 89—90).

и другие имеют право не давать хода кассационным жалобам, но «почти никогда не пользуются этим правом, несмотря на то, что жалобы, как показывает практика, в огромном большинстве случаев оказываются не заслуживающими уважения, а потому и рассмотрение их Главным военным судом представляется совершенно бесцельным». Поэтому военное министерство напоминало главнокомандующим о предоставленном им праве не давать хода кассационным жалобам и просило министерство внутренних дел дать соответствующие разъяснения генерал-губернаторам.

Под предлогом бесцельности таких жалоб бесстыдно рекомендовалось попросту не давать дальнейшего хода этим просьбам смертников.

Но революционные силы в России крепили, и в мае 1906 года совет министров вынужден был высказать мнение, совершенно противоположное мнению Павлова. Министр внутренних дел Столыпин, прикрывая отступление правительства, разослал «совершенно доверительно» шифрованную телеграмму начальникам губерний: «Совет министров вопрос о применении ст. 1401 Устава воен. судебн. о лицах гражданского состояния, дела которых переданы на рассмотрение военного суда, нашел, что стеснение лиц в праве кассационного обжалования... не вызывается какой-либо существенной потребностью или выгодой в смысле ускорения репрессии, а с другой стороны, такая мера представляется бесспорно нежелательной... как могущая возбудить сомнения в правильности приговора и подать повод к несправедливым нареканиям». На этом основании Столыпин предлагал направлять поданные кассационные жалобы по принадлежности, а военному министру принимать меры к скорейшему их разрешению.

Некоторые из губернаторов увидели в этом обращении умаление их власти и ослабление борьбы с революционным движением. Так, например, временный прибалтийский генерал-губернатор, получив приведенную выше телеграмму Столыпина, писал ему о необходимости подходить к вопросу о продвижении кассационных жалоб с точки зрения «соответствия постановления совета министров местной обстановке и местным политическим интересам». В качестве примера благодетельного влияния немедленной казни, игнорируя все жалобы на неправильность приговора, он указывал на конфирмацию им приговора военного суда в Усть-Двинске восьми человекам за убийство трех полицейских Риги. После этой казни на революционеров, по его словам, «был наведен страх, и две недели не было покушений на представителей власти». Он совсем недвусмысленно обра-

тился к запугиванию самого правительства, указывая, что он не знает, «как сложится обстановка ко времени исполнения военным судом приговора о тридцати пяти обвиняемых» в Рижской губернии. Очевидно, тогда шел спор, пропускать или не пропускать жалобы этих 35 человек.

Такая угроза возымела свое действие. Столыпин поспешил пояснить, что о смягчении репрессии не может быть и речи: «Ответное письмо Ваше на мою телеграмму о порядке направления кассационных жалоб свидетельствует о неправильном толковании моей телеграммы, могущем иметь последствия весьма нежелательные. Считаю необходимым подтвердить, что сообщенное в означенной телеграмме мнение совета министров отнюдь не должно быть изъясняемо в смысле ослабления правительственной деятельности или недопустимого предположения о подчинении ее посторонним влияниям. Повторяю, что от представителей власти на местах равным образом требуется более, чем какой-либо, самый решительный образ действий в сознании лежащей на них ответственности. Всякое послабление будет признано за недостаточную твердость в пользовании вверенными им полномочиями»¹.

Из приведенной нами телеграммы Столыпина от 30 мая 1906 г. нельзя не усмотреть, что влиятельнейший член правительства не смотрел серьезно на постановление совета министров не ставить особых препятствий для подачи кассационных жалоб приговоренными к смерти. Не прошло и четырех месяцев, как на другом конце России, далеко от Прибалтики, на Кавказе, где не угасало революционное движение, было получено распоряжение правительства не пропускать кассационных жалоб. Мы узнали об этом из секретного архивного дела и из обширного обращения наместника Кавказа генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова в центр. Оказывается, известный своей жестокостью генерал Трепов, исполнявший в 1905 году обязанности товарища министра внутренних дел, 16 сентября в особой бумаге обратил внимание наместника на важное упущение генерал-губернаторов и командующих войсками по их службе, заключающееся в том, что они не пользуются правом не пропускать кассационных жалоб, «когда интересы общественной безопасности вызывают необходимость немедленного исполнения над осужденным наказания». На этом основании министерство внутренних дел и военное министерство напоми-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 1906, № 8, т. 1. «О порядке утверждения и смягчения приговоров военных судов о лицах гражданского ведомства» (л. 34).

нали наместнику Кавказа, что использование генерал-губернаторами их права не пропускать кассационных жалоб является «весьма желательным».

По-видимому, Воронцов-Дашков принял к своему руководству это предложение двух министерств и лишь через два с половиной года (28 февраля 1908 г.) возбудил перед министром внутренних дел вопрос о тех затруднениях, которые создаются для населения и для высших представителей местной администрации при запрещении обжалования смертных приговоров.

Слабая и в очень нерешительных выражениях сделанная Воронцовым-Дашковым попытка не стеснять смертников в подаче кассационных жалоб не имела никакого успеха. Министр внутренних дел ответил, что «порядок направления кассационных жалоб на приговоры военных судов, предложенный военным ведомством и поддержанный министерством внутренних дел в 1905 году, в полном объеме представлялось бы желательным сохранить и в настоящее время ввиду наблюдаемого в пределах Кавказского края развития преступности».

Вообще министерство внутренних дел непоколебимо стояло на страже сохранения виселицы.

В кровавой деятельности военной юстиции рассматриваемых лет исключительно большой была роль главного военного прокурора генерал-лейтенанта Павлова. Мы уже упоминали о нем как о стороннике безудержного применения смертной казни. Но его биография и бесславная смерть заслуживает того, чтобы остановиться на них более подробно. Это тем более уместно сделать здесь, что именно в Трубецком бастионе происходило заседание военно-полевого суда, который за одни сутки осудил на казнь матроса, решившего отомстить за смерть своих товарищей и уничтожившего Павлова.

В Петербурге на Мойке стояло при царизме мрачное здание под постоянной и особой охраной военного караула и секретных агентов департамента полиции. Это было здание, где помещался главный военный суд. Здесь вершилась судьба и решались вопросы о жизни и смерти не только воинских чинов, но и гражданских лиц, преданных военному суду. Двери этого высшего военного судилища никогда так часто не открывались перед подсудимыми, как в период первой русской революции. Из этих дверей у подсудимых был в те годы почти всегда лишь один выход — на смертную казнь. Доставленные сюда подсудимые слышали, как главный военный прокурор требовал утверждения их приговоров к смерти. Такие же требования летели по телеграфу с Мойки во все концы России в ответ на касса-

ционные жалобы осужденных-смертников. Всем им главный военный прокурор требовал вынесения смертного приговора. Этим военным прокурором был генерал Павлов.

В кровавой истории военных судов царизма нет другого более «прославленного» имени, нежели имя этого палача в мундире генерал-лейтенанта. Он был самым ярким проводником беспощадной расправы по отношению к революционерам, ко всем жертвам классовой юстиции. Он был живым воплощением царской военной юстиции.

19 июня 1906 г. в заседании первой Государственной думы, когда обсуждался внесенный депутатами проект отмены смертной казни в Российской империи, совет министров, заранее решивший сохранить во всей неприкосновенности высшую карательную меру, благословил выступить перед Думой трех министров: юстиции, военного и военно-морского. От лица военного министерства на трибуну Думы поднялся главный военный прокурор генерал-лейтенант Павлов. Лишь только он появился на трибуне, как в зале заседания раздался оглушительный крик: «Вон! Долой, палач! Долой!».

Эти негодующие крики относились не только к представителю военной юстиции, но и к самому царю и всем его министрам. На следующий же день после этого заседания все министры собрались у председателя совета министров Горемыкина и там дали волю своему негодованию. Документ об этом в виде их письма сохранился в специальной папке главного военно-судного управления.

Горемыкин писал Павлову: «Собравшиеся у меня вчера гг. члены совета министров, обсуждая происшедшее в Государственной думе в заседании 19 июня, уполномочили меня выразить вашему превосходительству всеми нами разделяемые чувства глубокого к вам уважения и негодования к тем недостойным выходкам, которые помешали вам исполнить вашу обязанность»¹.

Прошло полгода со дня выражения министрами их глубокого уважения к их коллеге, которому «помешали исполнить его обязанность» с трибуны Думы. Ни царь, ни министры не помышляли мешать ему исполнять по-прежнему свои обязанности главного палача.

27 декабря 1906 г. эта плодотворная для царизма «деятельность» оборвалась. Главный военный прокурор Павлов был убит.

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, 1906, № 31, фонд 9, отдел 1, «Об отмене смертной казни и др. вопросам, возбужденным в Государственной думе» (л. 1).

Царь на докладе об этом военного министра начертал слова соболезнования о «невознаградимой утрате верного и стойкого человека».

Насколько высоко расценивался руководитель главного военного суда не только самим царем, но и его «верноподданными», видно из некоторых архивных материалов главного военно-судного управления. Самая черносотенная всероссийская организация в годы злейшей реакции — «Русский народный союз Михаила-архангела» — в 1908 году обратилась к главному военному прокурору с просьбой прислать ему портрет Павлова и описание во всех подробностях его убийства. Этот Союз, задумав издать альбом в память убитых крамольниками «верных слуг царя и отечества», отводил в нем почетное место генерал-лейтенанту Павлову¹.

С такой же просьбой обратился в главное судное управление и Орловский кадетский военный корпус в исполнение распоряжения главного управления военно-учебными заведениями «О занесении на черные мраморные доски заведений воспитанников, погибших при исполнении долга от руки мятежников и революционеров»². Директор корпуса просил сообщить подробности убийства Павлова, как бывшего питомца корпуса.

Однако ни Союз Михаила-архангела, ни Орловский кадетский корпус не узнали всех подробностей убийства Павлова. О них мы узнали лишь из секретных материалов военно-исторического архива.

Генерал-лейтенант Павлов, так щедро расточавший смертные приговоры, сам трепетал за свою жизнь. Он так боялся насильственной смерти, что переехал со своей квартиры на жительство в здание военного суда. Для требования смертных приговоров ему не приходилось переезжать из одного здания в другое, а лишь стоило перейти в другую комнату и в полной безопасности творить дело царской юстиции. Из здания суда он выходил лишь на прогулки по внутреннему двору этого дома, ворота которого охранялись стражей. Он совершал прогулки в ранние утренние часы. Сын убитого, подполковник Павлов, показал на дознании, что его отец и на этот раз вышел на прогулку в начале девятого часа утра. Через несколько минут Павлов был убит неизвестным молодым человеком.

27 декабря был убит генерал-лейтенант Павлов, а 28 декабря был повешен «неизвестный»¹. Такая быстрота расправы не была частой даже и в практике военно-полевых судов.

После свержения царизма было установлено имя «неизвестного», краткосрочного узника Трубецкого бастиона, проведшего там всего около суток. Это был матрос Николай Егоров, участник подготавливавшегося восстания в Баку, один из организаторов восстания матросов в Кронштадте².

§13. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЦАРСКИХ ПАЛАЧЕЙ В 1905 ГОДУ И ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ПОЛКОВНИКА МИНА, РАССМОТРЕННОЕ ВОЕННО-ОКРУЖНЫМ СУДОМ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Для подавления декабрьского восстания 1905 года в Москве царское правительство, не довольствуясь безудержной судебной репрессией, создало для расправы с рабочими специальные карательные экспедиции. Особо «отличилась» в этом отношении экспедиция, возглавленная полковником Мином, названного В. И. Лениным «дикой собакой».

В результате действий командира лейб-гвардии Семеновского полка полковника Мина по усмирению московского восстания в декабре 1905 года пролилась кровь рабочих в Москве и на пространстве ста с лишним верст по линии Московско-Казанской железной дороги. В самой Москве главным местом сражения войск под командой Мина с восставшими рабочими была Пресня. Здесь сосредоточились лучшие боевые дружины, которыми руководили большевики. Пресня, переименованная после Великой Октябрьской социалистической революции в Красную Пресню, была подавлена огнем и мечом.

Для расправы с рабочими вне Москвы полковник Мин выделил из своего полка шесть рот под командой 18 офицеров и под начальством полковника Римана. Этот отряд был направлен в рабочие поселки, заводы и фабрики по линии Московско-Казанской железной дороги. Отправляя эту часть полка в кровавый поход, полковник Мин отдал приказ, в котором предписывалось буквально следующее: «...арестованных не иметь и дей-

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, 1907, № 17, фонд 9, «По делу об убийстве генерал-лейтенанта Павлова» (л. 11).

² Тот же архив, то же дело (л. 15).

¹ ЦГВИА в Москве. Дело штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Военно-судное отделение, 1907, № 8627, фонд 11, опись 1.

² См. очерк «Матрос Николай Егоров» в сборнике «Царский флот под красным стягом», 1931, стр. 212—221.

ствовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожить огнем или артиллериею». Тогда же появились в повседневной печати сначала статьи, а потом и отдельные издания с подробным описанием зверств, совершенных этой карательной экспедицией. Ее жертвами стали расстрелянные без следствия и суда более 150 человек. Автором этих описаний был публицист, лично произведший обследование деятельности карательных отрядов.

Собрав многочисленные и вопиющие факты расправы карательной экспедиции по линии Московско-Казанской железной дороги, автор сделал вывод: «Карательной экспедиции нужно было отомстить народу, безразлично в лице кого. Отомстить сильно, жестоко; несущественно — только отомстить в лице ли истинных виновников революционного движения, или в лице случайно встретившихся невинных людей. Те и другие одинаково дороги народу, одинаково им любимы, а потому в том или в другом виде свое дело сделает. Важна для экспедиции была быстрота действий, которая порождала ужас, решительность и неуклонность военачальников, не останавливавшихся хотя бы на одну минуту раздумья перед совершением величайших преступлений»¹.

Что касается действий полковника Мина в самой Москве, то они начались 16 декабря. Уже 7 декабря генерал-губернатор Дубасов, объявив Москву и всю губернию на положении чрезвычайной охраны, телеграммой 8 декабря просил военного министра командировать в помощь ему часть военной железнодорожной команды. Почти одновременно он обратился с просьбой в Петербург и к великому князю Николаю Николаевичу. По-видимому, само правительство в Петербурге не было уверено в своей безопасности, а потому в присылке войск из Петербурга было отказано. Такой ответ мотивировался отсутствием в Петербурге свободных войск для отправки их в Москву. Но уже 11 декабря Дубасов отправил три телеграммы — военному министру, министру внутренних дел и председателю совета министров Витте. Каждому из адресатов он сообщал о том, что положение становится «очень серьезным», а войск для противодействия восстания недостаточно. Однако и на этот раз, несмотря на вопль генерал-губернатора о спасении, Петербург отказал ему выделить свои войска, пообещав прислать их из района Тула — Смоленск.

¹ В. Владимиров, Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге, М., 1906, стр. 6 и статья «Современные казни» в сборнике «Против смертной казни», под ред. М. Н. Гернета и др. М., 1906.

Между тем революционное выступление московского пролетариата разрасталось. Уже 7 декабря началась всеобщая политическая забастовка. В первом номере газеты «Известия Советов рабочих депутатов» появился манифест революционных организаций. Утром 8 декабря в саду театра «Аквариум» полиция арестовала десятки человек. Вечером 9 декабря произошли осада войсками училища Фидлера и пушечная стрельба по нему, при этом девять человек было убито и 16 ранено. В ночь на 10 декабря в различных местах воздвигались баррикады. Утром 10 числа происходил обстрел из пушек со Страстной площади по бульварам и в направлении к Триумфальным воротам, было много убитых и раненых. По Страстному бульвару число убитых определено цифрой 11, а по Тверскому — 18. На Тверской улице, у церкви Василия Кессарийского, гранатами были убиты в толпе народа несколько человек. Пушки были применены 11 декабря на Сухаревской площади, в Каретном ряду, на Страстной площади, Неглинном проезде, у Николаевского вокзала и в других местах. На Пименовской улице подобрано 18 раненых. В тот же день, 11 числа, при обстреле Сухаревской площади у Садовой улицы было много раненых и убитых. Приказы высшего начальства жандармам, казакам и драгунам действовать беспощадно приводили к убийству даже детей и безоружных¹. При обстреле дома Шугаевой близ Петровских линий было ранено до 30 человек. С 12 декабря происходили бои на Пресне и обстрел Прохоровской мануфактуры, и тогда же велась пальба из пушек на вокзальной площади.

С первых дней московского восстания центральная власть в лице министра внутренних дел Дурново подстегивала генерал-губернатора Дубасова скорее расстреливать арестованных-пленных. Уже 10 декабря Дурново запрашивал Дубасова: «Предполагаете ли предавать арестованных бунтовщиков военному суду для неопременного и быстрого применения статьи двести семьдесят девятой Воинского устава? Благоволите ответить».

По-видимому, после обстрела училища Фидлера и ареста там дружинников Дурново докладывал об этом царю и получил

¹ Приведенные нами сведения взяты из газеты «Русские ведомости» 19 декабря 1905 г. № 324, «Революция в Москве». В газете приведено большое число фактов, в том числе таких, как убийство жандармом 14-летнего мальчика, оскорбившего его и спрятавшегося за колонной Екатерининской больницы, убийство спешившимся драгуном мужчины, которого он заколол штыком в подъезде дома Омана, и пр. См. различные документы о московском восстании в статье В. Сторожева «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6.

благословение расстреливать задержанных на месте без суда. В шифрованной телеграмме от 16 декабря министр внутренних дел уведомлял Дубасова, что он докладывал (в телеграмме не указано, кому докладывал) свой разговор с генерал-губернатором и «требуется в отношении фидлеровцев быстрее решение и исполнение». Телеграмма заканчивалась многозначительными словами: «в общем принято одобренное вами решение кончать бесповоротно и окончательно в каждом случае на месте»¹.

Эта шифрованная переписка по телеграфу между министром внутренних дел и московским генерал-губернатором указывает на полную согласованность их действий по усмирению московского восстания и на предварительное одобрение свыше расстреливать на месте. В телеграмме от 16 декабря указывалось: «...кончать бесповоротно и окончательно в каждом случае на месте».

Послушными и охотными исполнителями этих приказов были непосредственные усмирители московского восстания, начиная от окружного генерала Шейдемана, полковника Мина и кончая жандармами, казаками, солдатами. Генерал Шейдеман в своем приказе от 18 декабря предписывал: «Если будет оказано вооруженное сопротивление, то истреблять всех, не арестовывая никого»².

Из донесений Мина и других участников усмирения восстания вырисовывается картина его подавления. Войска разбивали устроенные на улице баррикады, задерживали заподозренных в стрельбе и постройке баррикад, проходили сильными кавалерийскими развездами весь Пресненский район. Пустили в ход не отдельные пушки, а целые батареи. Объектом стрельбы были крыши и стены Прохоровской мануфактуры и фабрики Мамонтова и промежутки между фабричными корпусами, где можно было предположить дружинников. «Всего тремя батареями за время их действия было выпущено 400 снарядов, из коих 80 батарейных гранат, при прицеле 18—20 линий. Результаты стрельбы были следующие: разрушена столовая и совсем сожжена спальня рабочих, сожжен каменный флигель, который, как потом оказалось, служил складом материалов, произведен двукратный пожар в большом здании Прохоровской мануфак-

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 8, ч. 34, «О вооруженных нападениях и грабежах, о посягательстве на жизнь должностных и частных лиц, об изготовлении и хранении бомб в Московской губернии» (лл. 4, 8).

² В. Сторожев, «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6, стр. 144.

туры, потушенный затем своими фабричными средствами; это здание служило местом заседания революционного комитета. Наконец, был зажжен и выгорел весь корпус фабрики Мамонтова»¹.

Происходила стрельба и по отдельным домам на Пресне. Очевидец этой стрельбы З. сообщал, как вспыхивали пожары на Пресне, как 17 декабря солдаты производили поджоги, не позволяя жильцам выносить имущество, а 18 декабря жгли дома, разрешая предварительно вынести имущество. На Пресне за два дня было не менее 11—12 пожаров. Одновременно производилась стрельба из таких мест, откуда менее всего могли ожидать жители Пресни. Стреляли из ружей с каланчи пресненской части и с церкви Покрова. Стреляли во всех показывавшихся на улице.

Беспоощадность расправы с заподозренными в прикосновенности к восстанию была понята командирами в самом широком смысле. Она выразилась не только в применении к ним оружия, но и в жестоких избиениях арестованных по полицейским участкам. Для характеристики кровавого разгула, воцарившегося в совершенно открытой форме в учреждениях московской полиции, можно привести обращение 19 декабря рабочих и служащих городских предприятий и учреждений к московскому городскому главе Гучкову. Они писали: «Рабочее правление доводит до сведения вашего, что в полицейских частях производится бесчеловечное избиение всех задержанных и арестованных. Избиение производится при участии городских и пожарных. В депо Пречистенской части пожарные после двухдневного избиения отказались от участия в таковом, так как даже они находят истязания арестованных ужасными. Рабочее правление просит вас принять все зависящие от вас меры, чтобы помочь арестованным и прекратить истязания. Председатель Красников, Секретарь Тимофеев»². Городской голова переслал копию этого заявления генерал-губернатору. Стоит ли говорить, что практических результатов такое обращение к генерал-губернатору не имело. Он в это же самое время получал официальные извещения о производившихся расстрелах без суда.

Большое значение имеют для истории подавления московского восстания случаи документального подтверждения о расстрелах без суда в декабре 1905 года. К числу их принадлежит,

¹ «Красный Архив», тт. XI—XII, 1925, стр. 389—390.

² В. Сторожев, «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6, стр. 133—134.

например, донесение из отряда полковника Мина на сахарном заводе. Капитан генерального штаба Колосов сообщил московскому генерал-губернатору 19 декабря в 11 час. 45 мин. «об убийстве главара движения Михаила Афанасьева и об аресте Ивана Волкова и Федора Мантулина» (все они бывали на митингах перед восстанием рабочих как делегаты). В тот же день, в три часа этот же капитан доносил генерал-губернатору: «Сейчас расстреляны бывшие делегатами рабочие Волков и Мантулин»¹.

О расстрелах без суда были сделаны и официальные заявления свидетелей. Так, например, один из очевидцев сообщал в московскую городскую управу о расстреле на льду Москвы-реки около фабрики Прохорова студента. На этом же месте накануне, 17 декабря, свидетели видели три лежавших тела.

В архивном деле департамента полиции мною был обнаружен интересный документ, связанный с именем Шмидта, владельца той фабрики, рабочие которой явились деятельными участниками восстания. Начальник московского охранного отделения доносил директору департамента полиции об аресте им 17 декабря фабриканта Шмидта, заподозренного в сочувствии восставшим, и о передаче его тогда же в распоряжение командира лейб-гвардии Семеновского полка. В этом деле имеются и показания арестованного. На этих первых допросах он под влиянием угроз немедленного расстрела оговорил несколько непричастных к восстанию лиц, в том числе Максима Горького. Позднее (15 января 1906 г.) на допросе у судебного следователя он показал: «Показание, данное мною 21 декабря у начальника охранного отделения, было дано под влиянием угроз немедленного расстрела, заявленных мне еще офицером в Пресненской части, который повез меня к градоначальнику только под тем условием, что я буду обвинять и других в том, что они участвовали в организации, которую я признаю вымыслом»².

Шмидт пояснял, что под влиянием таких угроз он и назвал несколько лиц, и в том числе Максима Горького, «для того,

¹ В. Сторожев, «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» (по данным секретного отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—5, стр. 120—121.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 8, ч. 34, «О вооруженных нападениях и грабежах, о посягательстве на жизнь должностных и частных лиц, об изготовлении и хранении бомб в Московской губернии» (л. 28).

чтобы таким громким именем затянуть дело». Все это было чистейшим вымыслом¹.

Мин ничем не брезговал для достижения успеха подавления восстания. Сторожев воспроизвел в своей статье целиком донесение полковника Мина от 21 декабря московскому генерал-губернатору. Он начал свое донесение словами: «Ваше превосходительство! Мне пришло в голову испробовать обнаружить дружину Шмидта следующим образом». Далее он подробно изложил свой план: заставить Шмидта угрозами написать письма главарям восстания, наложить штемпеля на почтовые конверты и доставить их агентами полиции, переодетыми почтальонами, адресатам; в письмах же заставить Шмидта просить адресатов об его освобождении, когда его повезут будто бы на вечное заключение или казнь, и при этом сообщить, что конвой им уже будто подкуплен. Мин предполагал таким образом захватить дружину Шмидта².

Еще до окончательного подавления московского восстания командующий войсками московского военного округа генерал Малахов писал генерал-губернатору Дубасову, что «сердечное спасибо его императорского величества, объявленное войскам за безупречное поведение, усугубило рвение войск по подавлению мятежа». Героем победы признавался командир лейб-гвардии Семеновского полка Мин, хотя его лавры хотели бы оспорить и другие генералы во главе с самим Дубасовым.

Все действия полковника Мина по усмирению московского восстания дали основание В. И. Ленину причислить его наряду с такими генералами, как Дубасов, Дурново, и другими подобными представителями отмиравшего строя к «диким собакам».

Прошло восемь месяцев со времени московских расстрелов и высочайшей благодарности усмирителю восстания и награждения его царем. Еще жива была память о расстрелянных

¹ В использованном нами архивном деле имеются газетные вырезки о смерти Шмидта. Он найден мертвым в одиночной камере с горлом, перерезанным осколком стекла из тюремного окна. Накануне он говорил родным, что его намереваются зарезать. Родные обратились к властям с просьбой об исследовании причин загадочной смерти (газета «Современная речь» 14 февраля 1907 г.). Имеется в деле также вырезка из газеты «Русские ведомости» 21 февраля 1907 г. с указанием на появление в английской газете «Times» статьи Максима Горького о том, чему подвергался арестованный Шмидт. В газете «Утро» — сообщение о расстреле рабочих на глазах Шмидта, о лишении его сна, пищи, питья, о признании у него врачами душевной болезни (тот же архив, то же дело, лл. 252, 254).

² См. В. Сторожев, «Ф. В. Дубасов и Г. А. Мин на Пресне в 1905 г.» (по данным отделения канцелярии московского генерал-губернатора), «Голос минувшего» 1918 г. № 4—6, стр. 128.

участниках восстания и о тех, кто никакого отношения к этому восстанию не имел. И вот 13 августа 1906 г. генерал-майор свиты его величества Мин был убит.

В архивном деле об убийстве Мина содержится ряд документов, оставшихся неизвестными.

Убийство московского палача было совершено учительницей Зинаидой Коноплянниковой в то время, когда он находился на платформе Петергофской железнодорожной станции в ожидании поезда.

Военный суд по делу Коноплянниковой состоялся 26 августа 1906 г. Накануне суда, 25 августа, департамент полиции уведомлял начальника петербургского губернского жандармского управления о предстоящем 26 августа заседании военного суда в С.-Петербургской крепости в здании Трубецкого бастиона. Вместе с тем предлагалось принять меры во избежание могущих возникнуть при этом уличных беспорядков. Такое опасение было более чем странно, если принять во внимание, что суд происходил в Трубецком бастионе. Впрочем, может быть, департамент полиции опасался каких-либо демонстраций в столице по случаю суда по делу убийства усмирителя московского восстания.

Состав суда был «генеральским»: председательствовал генерал-лейтенант барон Остен-Сакен, обвинял военный прокурор генерал-майор Корейво. От защитника обвиняемая отказалась, хотя он и был назначен ей в лице капитана Сыртланова.

Сообщая о ходе судебного заседания, автор рапорта докладывал: «На вопрос о виновности подсудимая заявила, что, не отрицая правильности внесенных в обвинительный приговор фактических данных дела, она, однако, не может признать себя виновною, так как, по ее мнению, с сознанием своей виновности должно быть сопряжено чувство раскаяния, чего у нее совершенно нет и в данном случае быть не может».

Ввиду такого заявления суд нашел возможным сократить судебное следствие, ограничившись из числа вызванных свидетелей лишь допросом жандарма и трех офицеров, присутствовавших при выстреле Коноплянниковой.

Речь прокурора была краткой. Подсудимая в своем последнем слове, по словам рапорта, «излагала, видимо заученными фразами языка подпольных листов, свои революционные убеждения». Она привела уже известные нам объяснения мотивов убийства генерала Мина за совершенные им действия при усмирении московского восстания¹.

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1906, № 7934, «Об убийстве свиты его величества генерал-майора Мина» (лл. 54—55).

Заседание суда, открытое в начале двенадцатого часа дня, уже закончилось в половине первого дня, а к двум часам дня был объявлен приговор и притом в окончательной форме. Зинаида Коноплянникова была приговорена к смертной казни через повешение. 29 августа приговор был приведен в исполнение.

Коноплянникова погибла преждевременно и вместе с тем без всякой пользы для дела революции. Террористические акты против отдельных представителей власти, как доказала история, никогда не приводили к смягчению реакционной политики господствующего класса и даже приводили к ее усилению. Большевики, верные марксизму-ленинизму, видели возможность победы революции лишь в торжестве пролетариата и отвергали индивидуальный террор как средство политической борьбы. Это подчеркивал В. И. Ленин, постоянно резко осуждавший индивидуальный террор. Так, например, он писал в 1905 году: «Русский террор был и остается специфически-интеллигентским способом борьбы. И что бы ни говорили нам о важности террора не вместо народного движения, а вместе с ним, факты свидетельствуют неопровержимо, что у нас индивидуальные политические убийства не имеют ничего общего с насильственными действиями народной революции. Массовое движение в капиталистическом обществе возможно лишь как классовое рабочее движение»¹. Через год после этого, выясняя положительные стороны партизанских выступлений боевых дружин, В. И. Ленин в своей работе «Современное положение России и тактика рабочей партии» проводил резкое различие между ними и террористическими актами. Террор, говорил Ленин, был мстью отдельным лицам, а партизанские выступления боевых дружин, уже давно образованных социал-демократами, являлись не актами мести, а военными действиями. Террор был заговором интеллигентских групп, а партизанские боевые дружины включали в себя главным образом рабочих. Террор не был связан ни с каким настроением масс, а партизанские боевые дружины были «...несомненно связаны с настроением масс самым явным, самым непосредственным образом»². Террор не подготовлял никаких боевых руководителей масс, а партизанские действия боевых дружин готовили боевых руководителей масс. Террор показывал неверие в восстание, а партизанские действия являлись необходимой составной частью восстания.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 6—7.

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 99.

§ 14. ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА НИКОЛАЯ II И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ

Дело о приготовлении к убийству Николая II было с точки зрения правительства самым крупным в практике Петербургского военного-окружного суда за последние 17 лет царизма. Оно было направлено на жизнь самого императора. Дело было раздуто департаментом полиции до грандиозных размеров. Оно вместе с тем стало ярким показателем той тактики органов политического сыска, которая считала дозволенными все средства для достижения поставленной цели, не исключая провокации.

Судебный приговор по этому делу явился показателем, до какой степени он мог быть необоснованным фактически и юридически даже при осуждении нескольких человек к смерти. Впрочем, процесс о цареубийстве не дал тех результатов, которых жаждали его организаторы и все те, интересам и воле которых служили департамент полиции и суд. На скамью подсудимых было посажено 18 обвиняемых, а на виселицу отправлено трое. Недаром орган реакционной печати выражал глубокое сожаление и негодование, что процесс закончился приговором лишь трех человек к смертной казни, только четырех к каторжным работам и пятерых к ссылке на поселение, при шести оправданных. Газета возмущалась, что руководители и главные виновники «вышли сухими из воды» и что прокурор не обжаловал этого приговора¹.

Процесс о приготовлении к цареубийству не дал правительству желательных результатов, хотя подготавливался несколько месяцев.

Прежде чем говорить о самом судебном процессе по делу о приготовлении к цареубийству, напомним, что почти два десятка посаженных на скамью подсудимых по этому делу были предварительно посажены в одиночные казематы Трубецкого бастиона, где пробыли четыре с половиной месяца. О том, в каких условиях они там находились, можно догадываться из содержания некоторых официальных документов. Документы относятся к заключенному в крепость Кругликову, обвинявшемуся по этому же делу, но осужденному лишь 20 ноября 1907 г. Приговоренный на восемь лет в каторжные работы, он требовал скорейшего перевода его из Петропавловской крепости в каторжную тюрьму, так как считал условия его содержания в бастионе более тяжкими. Он писал: «...в настоящее время я содержусь

¹ См. газету «Сокол» 21 августа 1907 г.

в С.-Петербургской крепости, подвергнут строжайшей изоляции и всей суровости режима крепости». Комendant Петропавловской крепости доносил в департамент полиции об объявлении Кругликовым голодовки, которую он грозит довести «до конца, хотя бы разбив себе голову об стену»¹.

Показателем жестокого режима по отношению к обвиняемым в приготовлении к цареубийству также явилось заявление коменданта крепости в департамент полиции о лишении сроком на месяц арестованной Педьковой свиданий с ее матерью². Мотивировка такого наказания была беспощадно сурова. Мать узницы получила ускоренное свидание с заключенной дочерью под предлогом срочного проезда ее через Петербург. В действительности же этого не было. За такой обман департамента полиции и коменданта этот последний наказал и мать и дочь лишением права свидания на целый месяц.

Аресты заподозренных были произведены 31 марта 1907 г. Среди них было трое дворян, один потомственный почетный гражданин, но не было ни одного крестьянина и рабочего. Возраст 18 человек, преданных суду, был у большинства молодой: главный обвиняемый Никитенко был всего 22 лет, а двое других, приговоренных также к смертной казни, — 26 и 27 лет.

Обращает на себя внимание классовая принадлежность обвиняемых в подготовке террористического акта. Такой классовый состав террористов был обычным. Это не один раз подчеркивал В. И. Ленин, постоянно осуждавший индивидуальный террор.

Хотя излагаемый нами процесс и носит название «Дело о приготовлении покушения на жизнь государя императора», но в действительности содержание этого процесса было более широко, так как к подсудимым было предъявлено обвинение в приготовлении к покушению не только на жизнь царя, но и великого князя Николая и председателя совета министров Столыпина. Однако и по отношению к двум последним следствие не собрало сколько-нибудь серьезных доказательств.

Судебный процесс лишь с внешней стороны носил характер судебного разбирательства, а на самом деле явился внесудебной расправой над арестованными. Даже военный суд оказался не в состоянии отыскать необходимые аргументы для признания предъявленного обвинения целиком правильным. Признав на-

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907. № 1537, т. 3, ч. 1, «О боевой дружине центрального комитета партии социалистов-революционеров» (л. 162).

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907. № 1537, т. 2, ч. 2, «По наблюдению за предварительным следствием, боевой дружины партии социалистов-революционеров» (л. 83).

личие существования такого сообщества, военный суд, однако, отметил в своем приговоре отсутствие в распоряжении сообщества каких-либо взрывчатых веществ. Более чем странным стало признание обвиняемых виновными в приготовлении к убийству царя, великого князя и Столыпина при полном отсутствии не только бомб, но и револьверов.

Содержание обвинительного акта в основных чертах свелось к следующему. Летом 1906 года Наумов, сын начальника дворцовой телеграфной конторы, познакомился с Ратимовым, казаком конвоя дворцовой охраны, и тогда же начал внушать ему противоправительственные мысли и склонять к убийству дворцового коменданта генерала Трепова, предлагая «адскую машину» для этого убийства. Казак сообщил обо всем своему начальству и получил приказание продолжать общение с Наумовым и доносить обо всем начальству. Через несколько месяцев, а именно в январе 1907 года казак Ратимов доложил новому начальнику об успехах своих встреч с Наумовым. За истекшие месяцы Ратимов успел войти в соприкосновение с товарищами Наумова, сообщил им сведения об обычном времени приезда в Царское Село великого князя Николая и Столыпина, описал расположение комнат в Зимнем дворце, указав ту комнату в нижнем этаже, над которой находился царский кабинет, на чертил план парка при дворце с отметкой на нем дорожки обычных прогулок царя.

Ратимов посылал и получал условные телеграммы. Убийство царя взял на себя Наумов. В конце марта предполагалось совершить покушение на Столыпина и великого князя, но условной телеграммы от Ратимова не было получено, и 31 марта были произведены многочисленные аресты тех лиц, с которыми встречались Ратимов и Наумов. При обысках складов оружия и взрывчатых веществ не было обнаружено.

Так было изготовлено дело о преступном сообществе для ниспровержения государственного строя и убийства царя, великого князя Николая и председателя совета министров Столыпина.

Заседания военно-окружного суда начались 7 августа 1907 г. не в обычном его помещении, а в здании судебных установлений. В самом начале три защитника из числа наиболее известных присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты заявили просьбы об отложении судебного рассмотрения дела. Двое из них указывали, что обвиняемые, содержащиеся в Петербургской крепости, не были допущены департаментом полиции к непосредственному их ознакомлению с материалами предварительного следствия: департамент полиции отказался вывозить для этой цели обвиняемых из их одиночных камер

Трубецкого бастиона. Несмотря на всю основательность таких заявлений, военный суд отказался выполнить требования адвокатов и постановил продолжать слушание дела. Не было удовлетворено также требование об отложении дела, заявленное третьим защитником, указывавшим на неожиданные отягощения обвинения новым пунктом, а именно по ст. 101, ч. 3, Уголовного уложения. Оно ранее не предъявлялось. Состав суда не остановился перед нарушением и этого законного требования.

Относительно хода судебного заседания мы имели в своих руках документ большого интереса и большой важности. Это было секретное донесение чиновника департамента полиции, командированного на разбор дела своим высшим начальством, которому он и представлял отчеты о судебном заседании. Названный корреспондент, в своем донесении указав на сбивчивость показаний тайного полицейского агента Корнилова — основного свидетеля обвинения, должен был признать сильное впечатление, произведенное выступлением одного из обвиняемых, который опровергал показания сыщика, и речь его, говоря словами полицейского корреспондента, «искренностью тона и страстностью произнесения» убеждала в недостаточности показаний Корнилова.

Обвиняемые отрицали свою виновность.

Военный суд вынес приговор 16 августа 1907 г. Шестеро обвиняемых были оправданы, трое были признаны виновными в приготовлении к цареубийству и участии в сообществе, поставившем своей целью насильственное ниспровержение государственного строя, и приговорены к смертной казни через повешение.

Четверо обвиняемых были признаны виновными в участии в сообществе, составившемся для учинения насильственного посягательства на изменение существующего в России образа правления, и приговорены к каторжным работам.

Пять человек были признаны виновными в пособничестве указанному сообществу и приговорены к ссылке на поселение¹.

Смертные приговоры были утверждены по отношению ко всем трем осужденным.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907, № 1537, т. 2, ч. 2, «По наблюдению за предварительным следствием боевой дружины партии социалистов-революционеров».

Отчет о процессе в сокращенном виде печатался в «Правительственном вестнике» (см. 1907 г. № 183 и др.). Односторонне сообщает об этом процессе жандарм, начальник охраны царя, А. И. Спиридович — автор книги «Революционное движение в России в период империи, партия социалистов-революционеров и ее предшественники 1886—1900», изд. 2-е, П., 1918, стр. 364—379.

Начальник губернского жандармского управления донес департаменту полиции о том, что приговоренные к повешению Никитенко, Синявский (Пуркин) и Наумов были 21 августа на пароходе речной полиции доставлены на «Лисий Нос» и в 6 час. 10 мин. утра того же 21 августа казнены, тела их там же преданы земле.

Дело о приготовлении на цареубийство этим не закончилось. Его продолжением явился процесс по обвинению в том же преступлении Кругликова (он же Сперанский и Николаев). Он был арестован в Киеве по подозрению в подготовке восстания солдат в казармах. Из Киева он был переведен в Петропавловскую крепость. Его дело рассматривалось Петербургским военно-окружным судом. Суд признал его виновным и приговорил к каторжным работам на восемь лет.

Обратимся ко второму процессу — делу о покушении на великого князя Николая и министра Щегловитова, также рассмотренному военным судом.

В первых числах февраля 1908 года петербургские газеты напечатали краткое сообщение об аресте на улицах столицы нескольких человек, вооруженных взрывчатыми снарядами. В сообщении не указывались имена арестованных, но указывалось, что готовилось покушение на великого князя Николая Николаевича и на министра юстиции Щегловитова. Содержание газетных заметок, конечно, исходило из полицейских источников.

Аресты были произведены 7 февраля. На следующий день, 8 февраля, десять арестованных были переведены в казематы Трубецкого бастиона. Через шесть дней, т. е. 14 февраля, в стенах тюрьмы Трубецкого бастиона, а именно в помещении смотрителя тюрьмы, заседал петербургский военно-окружной суд и приговорил семерых подсудимых к смертной казни через повешение. Через два дня все семеро были повешены на «Лисьем Носу».

Одновременно повешение семи человек не было частым событием даже и при царизме. Оно привлекло к себе широкое общественное внимание тем более, что в действительности было лишь приготовление к преступлению.

Страшная казнь семерых послужила сюжетом для известной повести Леонида Андреева «Рассказ о семи повешенных». Эта повесть с рисунком Репина, специально написанном им для этого рассказа, была издана в пользу «шлиссельбургского комитета» помощи бывшим узникам крепости.

Обратимся к материалам рассматриваемого дела.

Произведенным 7 февраля 1908 г. арестам десяти человек предшествовала длительная «подготовка». Охранное отделение,

заранее и задолго осведомленное о готовившемся покушении, вело слежку за его участниками. При арестованных и на их квартирах были обнаружены бомбы, револьверы, патроны, пояс со взрывчатыми трубками и пр. Провал организации был полным.

Министр юстиции Щегловитов, осведомленный о дне готовившегося на него нападения, не явился в свое министерство. Однако его карета была подана к подъезду, но в нее сели две дамы, и поэтому приготовившиеся отступили. Ни в этот раз, ни в какой-либо другой день покушения на убийство не было произведено.

В России министр юстиции являлся вместе с тем и главным в империи прокурором, и блюстителем законности. Но известно, что каждый министр юстиции при царизме являлся проводником всякой незаконности, и Щегловитову принадлежит в этом отношении бесспорное первенство. В его лице самые вопиющие нарушители элементарных требований законности всегда находили защиту. Когда кто-нибудь из «сильных мира» хотел идти еще дальше, чем шли царские законы, он обращался к министру юстиции Щегловитову, который и отдавал соответствующие приказы, не считаясь с законом.

Судебное дело по обвинению арестованных 7 февраля не стало предметом гласности. Оно рассматривалось не только при закрытых дверях, но и за надежными стенами Петропавловской крепости. Никто из родных и близких для подсудимых лиц не был допущен для присутствия на суде, но получили разрешение присутствовать на судебном заседании 20 посторонних человек. Разрешение выдавал тот самый «августейший главнокомандующий» великий князь Николай Николаевич, на которого будто бы готовилось покушение. Эта «публика» составила из самых верховушек столичной бюрократии. Здесь находились: помощник главнокомандующего генерал-от-инфантерии Газенкамф, который передал дело обвиняемых военному суду, а затем и утвердил смертный приговор; начальник Петербургского охранного отделения Герасимов; прокурор военно-окружного суда, три представителя гражданской прокуратуры и др.

В качестве свидетелей были вызваны со стороны обвинения агенты политического сыска (19 человек) и полицейские. Со стороны защиты было допущено только девять свидетелей.

Уже после утверждения обвинительного акта прокурор в целях отягощения обвинения внес в формулу обвинения добавочные указания, что покушение на великого князя совершалось и как на главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа «по поводу исполнения им служебных обязанностей».

Защитникам подсудимых было разрешено свидание с подзащитными лишь накануне судебного заседания. Поэтому срок для надлежащей подготовки к выполнению своих обязанностей оказался у защитников совершенно недостаточным. На этом основании они просили суд отсрочить заседание и дать им тем самым возможность надлежащего ознакомления с делом. Конечно, суд отказался исполнить эту законную просьбу.

По открытии судебного заседания защита заявила отвод против всего суда. Защита указывала, что Положение о государственной охране, на основании которого состоялось придание военному суду, продолжало действовать «только в силу особых периодически следовавших высочайших повелений». В настоящее же время оно прекратило свое действие, так как последнее высочайшее повеление о продлении не было внесено на обсуждение Государственной думы в срок, указанный ст. 87 Основных законов. Конечно, суд этого отвода не уважил.

Председатель суда вел себя возмутительно в отношении обвиняемых. Об этом я узнал из секретного отчета о судебном заседании чиновника департамента полиции своему высшему начальству. Когда один из защитников мотивировал просьбу отсрочки судебного заседания указанием на необходимость проявить здесь особую осторожность ввиду наличия среди подсудимых обвиняемого с итальянским паспортом Кальвино Марио, председатель грубо отказал, заявив: «Подсудимый Кальвино, не называющий своей фамилии, должен считаться русским подданным, хотя бы из Шклова или Бердичева». В действительности же уже после казни было раскрыто настоящее имя Кальвино Марио. Он оказался русским — Лебединцевым, сыном члена Одесской судебной палаты. Секретный отчет о заседании 14 февраля, отметив предположения председателя о еврейском происхождении Марио Кальвино, добавлял: «Как эта фраза, так и некоторые другие замечания и интонации, с которыми таковые делались, свидетельствовали о некоторой нервности г. председательствовавшего, перешедшего, впрочем, затем на более спокойный тон»¹.

Чиновник департамента полиции осторожно говорит «о некоторой нервности» господина председателя. Если этот полицейский чиновник нашел возможным писать о нервности военного судьи и притом отметить ее не один раз, легко представить

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1908, № 931, «О задержании 7 февраля 1908 г. террористов, покушавшихся на жизнь великого князя Николая Николаевича, министра юстиции Щегловитого и других должностных лиц» (л. 59).

себе, как в действительности происходил военный суд в глухом застенке Петропавловской крепости.

На предварительном следствии почти все обвиняемые отказались давать показания. Вместе с тем они отрицали стремление организовать покушение на жизнь великого князя. Это они категорически отрицали и на самом суде. Исключение составил Константинов, давший «откровенные показания», т. е. выдавший товарищей по процессу.

Обвинительная речь прокурора длилась десять минут, т. е. на каждого подсудимого пришлось ровно по одной минуте, и за это время обвинитель потребовал десять смертных казней. За это же время он успел доказать (по крайней мере для суда) недоказуемое, а именно, что было не приготовление, а покушение. Он доказывал также, что было покушение на жизнь великого князя. Доводы защитников в доказательство наличия лишь приготовления, а не покушения и что не было даже замысла на жизнь великого князя не были приняты во внимание военным судом.

Военный суд признал всех подсудимых виновными по ч. 2 ст. 102 Уголовного уложения, а семерых из них, сверх того, по ч. 1 ст. 105 Уголовного уложения, по ст. ст. 9 и 1454 Уложения о наказаниях. Семь подсудимых были приговорены к смертной казни через повешение, а остальные трое — к каторжным работам на сроки в 10—15 лет.

Наличие среди осужденных Марио Кальвино с итальянским паспортом возбудило волнения в итальянской печати. Итальянское министерство иностранных дел передало по телеграфу в Петербург ходатайство о помиловании Марио Кальвино. При этом было указано на отсутствие смертной казни в итальянском законодательстве и на возможное ухудшение русско-итальянских отношений в случае казни Кальвино. В то же время итальянский посол в Петербурге просил департамент полиции разрешить ему свидание с Кальвино в Петропавловской крепости для выяснения его подданства. По-видимому, такое свидание состоялось, так как в использованном нами делопроизводстве департамента полиции имеется документ с уполномочием делопроизводителя департамента Заккита от 16 февраля присутствовать при свидании управляющего итальянского посольства в С.-Петербурге г-на Герси с Кальвино.

Кассационные жалобы всех подсудимых, указывавших на неподсудность их дела военно-окружному суду, были оставлены без последствий. Председатель совета министров Столыпин высказался за приведение всех смертных приговоров в исполнение, отвергнув всякую отсрочку.

В ночь на 17 февраля комендант крепости выдал всех семерых осужденных жандармскому подполковнику Собошанскому для казни.

Губернское жандармское управление доносило 17 февраля в департамент полиции, что осужденные под усиленным конвоем, под наблюдением подполковника Собошанского, особым поездом Приморской железной дороги отправлены на «Лисий Нос», где в 6 час. 20 мин. была совершена казнь и где были погребены казненные.

Напомним еще раз резкое осуждение В. И. Лениным тактики индивидуального террора. Ленин считал тактику индивидуального террора вредной для революционного движения, подменявшей борьбу масс борьбой одиночек. Она означала неверие в революционное движение народных масс.

Глава пятая

БОРЦЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 15. УЗНИКИ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

НАЧАЛО истории Петропавловской крепости в XX веке совпало с огромным событием в истории революционного движения в России. В 1900—1901 гг. появились в печати первые выпуски основанной В. И. Лениным газеты «Искра». Начался переход к образованию из разрозненных групп и кружков единой Российской социал-демократической рабочей партии.

К этому же времени относится и грандиозное выступление петербургского пролетариата. На военном Обуховском заводе произошло кровавое вооруженное столкновение рабочих, отмечавших день первомайского праздника, с царскими войсками. До 800 рабочих было арестовано. Тюрьмы заполнились участниками «Обуховской обороны».

В 1902 году произошли организованные Батумским социал-демократическим комитетом забастовки батумских рабочих, отразившиеся волнениями рабочих и крестьян на пространстве всего Закавказья. В том же году в Ростове-на-Дону разразилась по почину железнодорожников стачка десятков тысяч рабочих под руководством Донского комитета РСДРП.

1903 год вошел в историю рабочего движения в России как год создания большевистской партии, как год массовых политических стачек рабочих на юге, в Закавказье и на Украине. Эти стачки под руководством социал-демократических комитетов по сравнению с прежними стали более организованными и более длительными. Так рабочий класс выступил на арену борьбы с царской властью.

Это происходило в годы промышленного кризиса, захватившего Россию, повлекшего за собою массовую безработицу среди рабочих. Вследствие таких экономических и политических условий царская Россия в начале XX столетия стала узлом противоречий империализма и центром мирового революционного движения.

В третьем томе «Истории царской тюрьмы» мне приходилось приводить различные сведения, характеризующие рост рабочего движения в конце XIX века. В частности, нами были приведены цифры и различные сообщения из секретных «Обзоров важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях» за 90-е годы XIX века. Цифры свидетельствовали о неуклонном возрастании числа арестованных борцов за рабочее дело, о распространении деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», о расширении революционной агитации, о создании подпольных типографий и о быстро увеличивавшемся выпуске нелегальной политической литературы.

Сам департамент полиции признавал безуспешность произведенных им арестов в конце 1895 и начале 1896 года, а затем и в августе 1896 года. Он отмечал лишь временный перерыв в деятельности «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». К началу 1897 года она, по словам жандармского отчета, «вновь оживилась». За Невской заставой делаются попытки вновь восстановить рабочие кружки. Были произведены (20—22 марта 1897 г.) новые многочисленные обыски, в том числе у Николая Баумана, заключенного вслед за тем в Трубецкой бастион¹. У 15 человек, обысканных одновременно с Бауманом, была отбрана различная нелегальная литература.

Эти аресты также оказались бессильными остановить движение петербургских рабочих и агитацию среди них борцов за рабочее дело. В архиве охранного отделения были собраны об-

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1897, № 96, т. 1, опись 138, «О лицах, обвиняемых в принадлежности к преступной организации, именуемой «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (л. 12).

При обыске у Баумана были отобраны работа Карла Маркса «Теория ценности и денег» и тетрадь под заглавием «Прибавочная стоимость».

ширные сведения на эту тему с упоминанием и того самого Обуховского завода, на котором произошли события 1901 года. Охранное отделение сообщало в департамент полиции о появлении в ноябре 1898 года среди рабочих Шлиссельбургского района в Петербурге «преступных воззваний, воспроизведенных посредством пишущей машины и мимеографа» и подписанных «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и «С.-Петербургским комитетом Российской социал-демократической партии», с датой «Октябрь 1898 г.»¹, и озаглавленных «К рабочим Обуховского завода».

Как доносило охранное отделение, подобные же прокламации были распространены и на других заводах со специальным обращением «К рабочим товариществам Александровской мануфактуры К. Я. Паль» и «К рабочим Спасской и Петровской фабрики Губерта (Максвеля)». Под воззваниями стояли те же подписи: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и «С.-Петербургский комитет Российской социал-демократической партии».

С.-Петербургское охранное отделение, производя слежку за агитаторами, раскрыло в декабре 1898 года организационное собрание нескольких участников рабочих кружков, рассматривавших вопрос о возобновлении издания газеты «Рабочее знамя», выход в свет которой был прерван в июле того же года. Среди выслеженных участников этого совещания оказался Сергей Андропов, ставший позднее узником Трубецкого бастиона.

При обысках и арестах в декабре 1898 года по Шлиссельбургскому району Петербурга произошли события, явившиеся в известной степени предтечей «Обуховской обороны» 1901 года в том же районе. Полиция явилась в общежитие дома № 63 по Шлиссельбургскому проспекту, где жило до 900 рабочих. Она встретила такое энергичное сопротивление рабочих, что потребовался вызов не только значительных полицейских сил, но и жандармского дивизиона.

Повторявшиеся в Петербурге по несколько раз в году погромы и политические сыски среди борцов за рабочее дело и в особенности среди членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» сопровождались жандармскими погромами и в других городах. Так, например, 27 ноября 1898 г. начальник Киевского губернского жандармского управления доносил департаменту полиции, что «кроме 120 лиц, о которых подробно

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1899, № 13, т. 1, «О преступном обществе, присвоившем себе наименование «Группа рабочего знамени» (лл. 1—2).

сообщалось, привлечены к допросу еще 19 лиц»¹. Грандиозные обыски и аресты 11 марта 1898 г., произведенные среди членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вырвали из пролетарской среды большое число борцов за рабочее дело.

Многочисленные аресты были произведены (13 марта 1900 г.) в Петербурге, а именно, как видно из жандармского обзора, были арестованы «лица, принадлежавшие к составу противоправительственных организаций — «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и др.².

Одновременно массовые обыски по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» были произведены в нескольких городах (Вильно, Ковно, Гродно и др.). В марте 1901 года аресты были произведены среди членов различных рабочих организаций.

Жандармерия Петербурга, очевидно в предвидении выступления петербургского пролетариата в день рабочего праздника — Первое мая, усилила свою розыскную деятельность. Охранное отделение доносило 15 февраля 1901 г. начальнику Петербургского губернского жандармского управления, что разбитые последовательными ликвидациями 27, 28 и 29 апреля минувшего года остатки известного «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» начинают вновь организовываться в иной форме³.

Предположение охранки об «иной форме» организации «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» не отвечало действительности. В своем донесении охранное отделение дает сводку обнаружений его агентами прокламаций и листовок с точными указаниями времени, когда они были найдены, и места, где они были обнаружены, но это была та же форма агитации, которая имела место и ранее.

Представляют интерес сведения из отчета охранного отделения об обнаруженных прокламациях даже по одному району Петербурга. Это покажет нам, до какой степени была интенсивна агитационная деятельность в виде распространения воззваний среди рабочих. При этом следует иметь в виду, что, конечно, не всегда полиции и ее явным и тайным агентам удавалось обнаруживать распространение нелегальной литературы.

¹ Эти сведения взяты нами из архивного дела «О тайном сообществе, именуемом себя «Киевский Союз борьбы за освобождение рабочего класса» (ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1898, № 120, т. III).

² См. «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1900 год», т. XXIV, СПб., 1902, стр. 111.

³ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 4 делопроизводство, 1901, № 82, т. 1, «О союзе борьбы за освобождение рабочего класса» (л. 159 и оборот).

Мы выписали сведения по Шлиссельбургскому району о прокламациях под названием «К рабочим фабрики Торнтон», найденных 16 октября на Охте, 19 октября — на фабрике Чешера и К⁰, 13 ноября — на фабрике Торнтон, 22 ноября — на фабрике Северной ткацкой мануфактуры Гука. В первых числах декабря полиция обнаруживает распространение «Рабочего листка», а также «Рабочей мысли» на фабриках Воронина и Чешера, на заводе Ретшке, на заводе франко-русского товарищества. Агитационная литература была обнаружена 5 января 1901 г. на Керсенской фабрике, 10—16 января — на заводе Леснера, 18 января — на заводе «Феникс», 20 января — на Путиловском заводе. Следует предположить, что обнаружение прокламаций на заводах влекло за собою обыски и аресты, но сведений об этом нет. Однако имеется указание, что в ночь на 30 января 1901 г. были произведены многочисленные обыски и аресты, и в соответствующем списке было перечислено 92 человека, обысканных и арестованных по делам «Комитета рабочей организации», «Рабочего Знамени».

К концу XIX века и к первым годам XX века относится заключение в петербургские места лишения свободы многих борцов за дело рабочего класса. Большая часть их была помещена в Дом предварительного заключения. Среди них были и члены партии большевиков.

Некоторые, пробыв в различных провинциальных тюрьмах и петербургском Доме предварительного заключения, стали впоследствии узниками Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. В числе последних оказались Н. Э. Бауман¹, а также В. П. Ногин (с 3 октября 1901 г. по 29 августа 1902 г.), П. Н. Лепешинский (с 20 ноября 1902 г. по 20 февраля 1903 г.), С. Андропов (с 22 июля 1903 г. по 3 мая 1904 г.).

Из перечисленных нами революционных деятелей рабочего класса ранее других стал узником Трубецкого бастиона в XX веке В. П. Ногин. Он был заключен в крепость через четыре месяца после «Обуховской обороны» и провел в одиночной камере Трубецкого бастиона десять месяцев. Но еще за два года до этого он пробыл год в Доме предварительного заключения, куда был посажен 16 декабря 1898 г. Во время своего пребывания в Доме предварительного заключения он написал агитационную брошюру «Фабрика Паля». Высланный в Полтаву, он эмигрировал в Англию. В том же году он примкнул к группе «искровцев» и вернулся в Россию «с революционными целями», как

¹ О пребывании Н. Э. Баумана в Трубецком бастионе подробнее см. «История царской тюрьмы», т. 3.

сообщалось об этом в жандармском «Обзоре важнейших дознаний». Ногину удалось провезти в Москву в чемодане с двойным дном первые номера «Искры» и «Зари» и другую нелегальную литературу. Прослеженный агентами политического сыска Ногин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Сведения о пребывании Ногина в Трубецком бастионе не имеется, но об условиях его заточения там можно судить по воспоминаниям его товарища по партии П. Н. Лепешинского (на них мы остановимся позднее).

С 1903 года началась полоса побегов Ногина из Сибири, куда он ссылался шесть раз. После Великой Октябрьской социалистической революции он занимается творческой работой. Но пребывание в тюрьмах и в ссылке сократило его жизнь. Он умер на сорок шестом году жизни.

Менее чем через три месяца после освобождения Ногина из Трубецкого бастиона туда был заключен П. Н. Лепешинский. Последний провел в крепости ровно три месяца. Лепешинский оставил воспоминания о своем пребывании в петербургском Доме предварительного заключения и в Петропавловской крепости. Три месяца пребывания в казематах бастиона тяжело отразились на его здоровье.

Лепешинский описал здание тюрьмы, тюремную камеру и двор для прогулок. В третьем томе «Истории царской тюрьмы» было приведено несколько описаний тюремной камеры Трубецкого бастиона, сделанные заключенными в различные годы их пребывания в крепости. Описание Лепешинского было первым по времени в XX веке. Три десятка лет, протекавшие со времени постройки этой государственной тюрьмы, не внесли сколько-нибудь существенных изменений во внешний вид тюрьмы. 30 лет — небольшой период в жизни каменного здания, истекшее время, казалось бы, еще не могло оказать своего разрушающего влияния. При этом высокие крепостные стены защищали со всех сторон тюрьму от действия ветров. Но стены же не допускали к тюрьме и солнечных лучей. Поэтому разрушение шло изнутри: сырость пропитывала тюремные стены. Было много сырости и мало тепла и света. Это отмечал Лепешинский так же, как на это жаловались все его предшественники, узники одиночных камер Трубецкого бастиона в XIX веке.

«Представьте себе, — пишет Лепешинский, — двухэтажное здание, расположенное замкнутым пятиугольным кольцом. Внутри здания — небольшой дворик, имеющий в диаметре саженей 12—15. По периферии дворика — дорожка для прогулок. Внутри его расположено небольшое деревянное строение — баня. Несколько торчащих деревьев придают дворiku вид сада».

К внутренней стене здания идут по двум этажам коридоры. К внешней стене примыкают камеры, 10 или 11 шагов в длину и 6 шагов в ширину».

Обращаясь к описанию камер, Лепешинский, как и все его предшественники, отмечал отсутствие в камере сколько-нибудь достаточного дневного света, доступ которого в камеры через окна заслонялся высокими крепостными стенами, расположенными на очень близком расстоянии от тюремных стен.

«Благодаря этому обстоятельству нижние, вечно полутемные камеры напоминали сырые подвальные помещения или погреб. Редкий из узников выживал в них несколько месяцев, не получивши чахотку и не расстроивши окончательно своего здоровья». Но и в камерах верхнего этажа дневного света так мало, что в зимние месяцы Лепешинскому удавалось «только в течение не более часа около полудня разбирать печатные строки книги».

При антисанитарном состоянии камер заключенный особенно дорожил прогулками, несмотря на их 15-минутную краткость. Интересно отметить, что за 30 лет существования в крепости места для прогулок на нем не разрослось сада, а торчали лишь несколько деревьев. Крепостные стены не давали и им солнца и воздуха, и они чахли, как чахли узники тюрьмы.

За время своего заключения Лепешинский познал тяжелый режим Трубецкого бастиона, тяжесть полнейшей изолированности, отсутствия всякого общения. На попытку перестукивания последовало полное молчание со стороны соседних камер, а со стороны тюремщиков — угроза наказанием. Сами тюремщики были как бы немые, и на обращенный к ним вопрос следовал ответ: «Разговаривать не полагается».

Бичом заточения в Петропавловской крепости для всех заключенных была невозможность каких-либо занятий в одиночных камерах. От такой бездеятельности страдали люди и физического и умственного труда. Тюрьма Трубецкого бастиона просуществовала почти полвека, и если за этот период история Трубецкого бастиона знает примеры разрешения узникам занятия научной или литературной работой, то это были редчайшие случаи.

Несколько иначе обстояло дело с чтением. Мы уже отмечали выше, что тюремная администрация не затратила ни копейки на крепостную библиотеку, созданную самими заключенными из их собственных книг. Лепешинский рассказывает о своих попытках пользоваться этой библиотекой. Оказывается, такое право предоставлялось не всякому. Еще труднее было получить для занятий бумагу, перо и чернила.

Лепешинский, отмечая «могильную тишину» и «однообразие тюремной жизни» в бастионе, вложил в уста своих читателей вопрос: «Как так,— а книги? а бумага, перо и чернила,— разве это не спасительные средства переживать тяжесть тюремного одиночного заключения, разве это не истинные друзья всякого узника? Вот в том-то и штука, что этих благ я был долгое время лишен. Когда я потребовал себе книг из библиотеки, мне сказали, что я могу получить только евангелие. Я запротестовал и гордо отказался».

Получил Лепешинский отказ и на просьбу выдать ему для занятий бумагу, чернила и перо. Вместо этого ему обещали выдать позднее грифельную доску, если он будет себя хорошо вести. «Я опять зашумел,— пишет далее Лепешинский,— и стал заявлять, что на такой режим моего согласия нет и что я буду тревожить жалобами высшее начальство. В ответ на это мне было заявлено, что я не получу и грифельной доски».

В попытках занять свой мозг Лепешинский остановился на решениях математических задач. Он начал решать какую-то задачу по дифференциальному исчислению. Но не хватало сил проделать в уме сложное преобразование от начала до конца. Задача «гвоздем засела в мозг, и не удавалось, несмотря на все старания, выкинуть ее из головы». Узник начал опасаться «какой-нибудь катастрофы: или кровоизлияния в мозг, или сумасшествия».

Так прошло несколько мучительных дней. Автор вспоминал, что он готов был бы отдать за обладание на один вечер грифельной доской весь остаток своей жизни. Заполучив обманом и хитростью от жандарма перо и использовав клочки клочетной бумаги, он сделал чернильницу из огарка стеариновой свечи и отлил в нее чернил из чернильницы, принесенной к нему для написания письма жене. Разрешив ночью свою математическую проблему, автор почувствовал некоторое ослабление своего напряженно-нервного состояния.

Мне хочется остановиться еще на нескольких строках из мемуаров Лепешинского, а именно на его воспоминаниях о переписке из крепости с женою. Эти строки имеют не какой-нибудь частный, а общий интерес, так как относятся ко многим заключенным Трубецкого бастиона. Все письма от узников на волю проходили через строгую полицейскую цензуру. Чрезвычайно подозрительная, она видела нарушение пределов дозволенного в переписке и там, где никаких посягательств на обход цензурных правил совсем не было. Заподозренные письма не отправлялись по назначению. Увеличивалось беспокойство заключенных за родных и близких, вместе с тем росло раздраже-

ние против тюремной администрации. Лепешинский вспоминал, что в этих условиях он «в бешеной злобе бегал по камере, как раненый зверь». В своем новом очередном письме под видом обращения к жене он в действительности адресовался к самой администрации, издеваясь над нею и раздражая ее. Конечно, это приносило лишь самоудовлетворение и еще более препятствовало выходу письма на свободу.

Заключению Лепешинского в Трубецком бастионе предшествовало короткое пребывание его в петербургском Доме предварительного заключения, где он находился и ранее, а именно одновременно с В. И. Лениным в декабре 1895 года. Его арест 4 ноября 1902 г. был произведен в Пскове по делу организации «Искры». В 1902 году департамент полиции завел специальное дело «О комитете Петербургской группы революционной организации «Искра»».

Аресту Лепешинского жандармы придавали большое значение. В «Обзоре важнейших дознаний» за 1902 год он назван «видным членом» организации «Искры», составившим программу съезда «искровцев»¹. Департамент же полиции после произведенного у Лепешинского обыска отметил, что обнаруженные у арестованного документы имеют первостепенное значение. Были забраны: реферат о съезде революционных фракций, о программе съезда и обсуждавшихся на нем вопросах революционной политики, написанный рукой его жены, рукописи и стихотворения противоправительственного содержания².

На допросах Лепешинский держался тактики, выработанной революционерами — борцами за рабочее дело,— не давать агентам политического сыска материалов для расследования — и категорически отказался отвечать на вопросы о его знакомствах.

Для разрешения дела об «искровцах» не в судебном, а в установленном административном порядке департамент полиции сообщил сведения об арестованном из его прошлой деятельности: о привлечении его в 1895 году к дознанию по делу с.-петербургских социал-демократических кружков, о печатании им преступных сочинений, о связях с рабочими, которых он собирал у себя на квартире, о произнесении речи в 1895 году на пароходе «Тулун», поднимающей рабочих против правительства,

¹ См. «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1902 год», СПб., 1902, стр. 33, 35.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1902, № 1655, «О комитете Петербургской группы революционной организации «Искра» (начато 16 ноября 1902 г.— конечно 2 ноября 1904 г.).

и о последовавшей затем высылке его в Восточную Сибирь. Туда же он был отправлен и по новому делу «искровцев» и уже оттуда бежал за границу.

Наступило время, когда рост революционного движения вазвал усиление репрессий со стороны царизма.

Именно в эти годы началось резкое увеличение числа заключенных и в Петропавловской крепости. Число заключенных, поступавших в эту важнейшую государственную тюрьму, начиная с 1902 года быстро растет и увеличивается к 1904 году более чем в четыре раза. К этим годам относится и заключение в Трубецкой бастион Петропавловской крепости арестованных по делу «Искры». Число привлеченных по этому делу в Петербурге достигло 27 человек, из которых Ногин, Андропов и Флегонтов были заключены в крепость.

Современником Ногина и Лепешинского по пребыванию в Трубецком бастионе был «искровец» Флегонтов (с 10 июня 1902 г. по 26 октября 1902 г.). Он был на примете у полиции еще со времени студенчества, когда принимал участие в демонстрации учащейся молодежи по случаю смерти Марии Ветровой (см. т. 3, § 34). Позднее, в 1899 году, он был арестован за участие в нелегальной студенческой организации и исключен из университета. Ему было зачтено пребывание в Доме предварительного заключения. Он выехал за границу, где жандармерия установила его принадлежность к «Искре». При возвращении в Россию его подвергли на границе обыску и обнаружили в чемодане с двойным дном нелегальную литературу, преимущественно издания «Искры». Будучи арестован, он провел в крепости шесть с половиной месяцев¹.

В одиночной камере Трубецкого бастиона в борьбе за рабочее дело был также заключен Сергей Андропов (с 22 июля 1903 г. по 3 мая 1904 г.). Как и Флегонтов, он был исключен из Петербургского университета. Его фамилия как участника группы «Рабочего Знамени» встречается в отчетах охранного отделения.

В Обзоре жандармских дознаний за 1901 год Андропову уделено довольно много внимания и, между прочим, отмечено: «В 1901 году после небольшого перерыва социал-демократы проявили свою деятельность среди рабочего населения. Руководство приняла на себя группа «Рабочее Знамя». Новые пред-

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, бывшее 4 делопроизводство, а позднее 7, 1901, № 891, т. 1, «По делу Сергея Андропова, Виктора Ногина и других лиц, участвовавших в заграничной организации «Искра» (л. 156, оборот).

ставители, преимущественно студенты, устроили ряд тайных кружков. Весной 1900 года существовало уже 18 подобных кружков». К этому времени у Андропова была тесная связь с «Рабочим Знаменем». Дело Андропова и других было разрешено административно, и по повелению царя от 28 июня 1900 г. ему была назначена высылка в Восточную Сибирь на восемь лет. Будучи в ссылке, он не прерывал своей связи с «Рабочим Знаменем» и в марте 1901 года бежал в Лондон, где принял участие в издании газеты «Свободное слово», не разрешенных сочинений Л. Толстого и др. Издавал брошюры и уже «по собственной инициативе напечатал сочинение Карла Маркса «Революция и контрреволюция в Германии»¹.

Из протокола допроса Андропова по делу издания «Искры» видно, что после его возвращения в Россию он признал опубликование им за границей, кроме названной брошюры Маркса, также и других брошюр. Что же касается его отношения к программам «Рабочего знамени» и «Искры», то, по его словам, экономизм «Рабочей мысли» его не удовлетворял и он был на стороне «Искры» по вопросу о способах политической борьбы².

§ 16. БОРЬБА ЦАРИЗМА С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1905—1917 ГОДАХ

Начиная с 1905 года царское правительство усиливает борьбу против борцов за победу пролетариата. В самом Петербурге из года в год производились массовые обыски и аресты. Обычным местом заключения избирался Дом предварительного заключения. Так, например, 12 и 13 декабря 1905 г. было арестовано несколько десятков человек, 77 человек привлечены к дознанию. Эти мероприятия мотивировались, по словам официального документа, необходимостью «ослабить деятельность местной организации РСДРП, которая в связи с прочими революционными организациями подготавливает вооруженное восстание»³.

¹ «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1901 год», СПб., 1901, стр. 26 и 31.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 1901, № 871, т. 1, указанное дело Андропова, 9 ноября 1901 г. (л. 63, оборот) и 23 января 1902 г. (л. 89, оборот). Андропов показал, что вернулся в Россию по собственному желанию, а не в качестве какого-нибудь делегата и что его симпатии перешли на сторону «Искры».

³ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1905, № 7367, «Дело по наблюдению за формальным дознанием о боевой дружине РСДРП» (л. 42). См. подробности о боевой организации большеви-

Петербургский градоначальник с видом победителя заявлял о ликвидации «технической», «организаторской» и «агитаторской» групп и явочных квартир работников партии. Революционное движение 1905—1906 гг. не позволило правительству размахнуться при нанесении удара по арестованным так, как оно хотело бы. Суду были преданы лишь 23 обвиняемых по ч. I ст. 126 Уголовного уложения, и притом они были преданы в руки не военной юстиции, а гражданской. Судебная палата с участием сословных представителей 12 декабря 1906 г. вынесла оправдательный приговор 17 подсудимым, а шестерым обвиняемым было назначено заключение в крепость на сроки до полутора лет с зачетом предварительного заключения.

Однако не оставались «без работы» в 1906 году также и военные следственные власти. 26 мая были произведены обыски и аресты членов «С.-Петербургской военной организации при объединенном комитете РСДРП». В объяснениях о начале этого дела, между прочим, сообщалось: «Эта организация, желая втянуть армию в водоворот политической борьбы и склонить ее к измене долгу и присяге, внести в ряды войск фермент брожения и микроб политики», занялась устной пропагандой среди солдат, а также распространением революционных изданий¹.

Через полтора месяца после возбуждения описанного дела и вслед за опубликованием «Манифеста к армии и флоту» от имени трудовой группы и социал-демократической фракции I Государственной думы последовали многочисленные аресты. Следственными военными органами было начато дело о членах военной организации при Петербургском комитете РСДРП и о военной организации при Объединенном комитете РСДРП². Следственные власти связывали восстание в Свеаборге и в Кронштадте с деятельностью названных военных организаций. В обвинительном заключении отмечались устная пропаганда, распространение противоправительственной литературы, собрания

ков в книге «Первая боевая организация большевиков 1905—1907 гг.», составила С. М. Познер, изд. «Старый большевик», М., 1934 (с предисловием М. Горького). Здесь напечатаны статьи, воспоминания и документы, которые очень обстоятельно знакомят с историей «Первой боевой организации большевиков».

¹ ЦГИА в Москве. Фонд № 545, 1906, дело № 341, т. 4. Дознание, произведенное при С.-Петербургском губернском жандармском управлении, «О военной организации и объединенном комитете РСДРП» (ст. 102, Уголовного уложения) (в деле шесть томов, или 15 переплетенных книг).

² ЦГВИА в Москве. Фонд 11, 1907, опись 1, № 8627, Дело штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, «Заключения военно-прокурорского надзора и предание военно-окружному суду гражданских лиц».

агитаторов с солдатами и подчеркивалось, что воинские части столицы были распределены в целях пропаганды между отдельными агитаторами.

Пропаганда, между прочим, велась среди солдат кавалергардского полка, 18-го саперного батальона, гвардейского эскадра, лейб-гвардии Семеновского полка, лейб-гвардии Павловского полка, лейб-гвардии Финляндского полка и др. Военному суду были преданы 34 обвиняемых. В сентябре 1907 года Петербургский военно-окружной суд признал виновными 17 человек. Они были признаны виновными по ст. 100 и по ч. 1 ст. 102 Уголовного уложения в том, что в «Петербурге в 1906 году они одновременно вступили в тайное сообщество под названием «Военная организация при Петербургском комитете и при Объединенном комитете Российской социал-демократической рабочей партии», поставившее целью своей деятельности насильственное изменение посредством народного восстания и мятежей в частях армии и флота установленного в государстве монархического образа правления на республиканский, причем во исполнение этих задач и целей сообщество это стремилось уничтожить постоянную армию, заменив ее народной милицией; возбудить воинских чинов к нарушению присяги и долга службы; убедить их не только не стрелять по приказанию начальства, в случае вызова для подавления беспорядков политического характера, но и открыто, с оружием в руках, присоединиться к революционному движению и путем вооруженного восстания добиться указанного изменения политического строя в государстве, а равно и распределения на началах общей собственности всех средств производства,— для чего они вели устную пропаганду среди воинских чинов; устраивали недозволенные сходки; распространяли среди воинских чинов революционные издания, брошюры и прокламации, а также партийные органы повременной печати, и в частности номера издаваемой этим сообществом газеты «Казарма», специально приспособленной для пропаганды среди войск упомянутых социалистических и революционных идей»¹.

Все осужденные были приговорены к каторжным работам, со смягчением этого наказания для некоторых из них ссылкой на поселение. Но и после этого 5 июня 1907 г. были арестованы 18 человек «дружинников» РСДРП, а впоследствии число задержанных в тюрьмы Петербурга достигло 51 человека, из них 25 были преданы военному суду за принадлежность к «боевой

¹ ЦГВИА в Москве. Фонд 11, опись 1, дело № 8627 (л. 397, оборот, и л. 399, оборот).

организации социал-демократической партии С.-Петербурга», и 13 ноября 1908 г. все они, кроме троих оправданных, были приговорены к каторжным работам на сроки от двух лет восьми месяцев до восьми лет или к ссылке на поселение¹.

Прошло еще девять месяцев после указанных арестов, и 16—17 марта 1908 г. были вновь арестованы десятки лиц. Им было предъявлено обвинение в принадлежности к петербургской военной организации при ЦК РСДРП. В списке привлеченных к дознанию по этому делу стоит 48 фамилий, 27 из них были солдаты. В том же году, 15 сентября, началось рассмотрение этого дела в военно-окружном суде. На скамью подсудимых было посажено 37 обвиняемых. Приговором от 24 сентября 32 из них были признаны виновными и приговорены к наказаниям начиная от дисциплинарного батальона и кончая каторжными работами. Однако по конфирмации эти наказания были всем смягчены².

Перечисленные нами процессы говорили о том, что в ряды борцов за победу пролетариата становилось все большее число людей.

В период 1910—1912 гг. 14 одиночных камер Трубецкого бастиона были заняты матросами различных кораблей, арестованными за подготовку к вооруженному восстанию. Эти 14 узников крепости предстали перед военно-морским судом в общем числе 59 подсудимых в июне 1912 года. Они были приговорены к каторжным работам и к заключению в различные тюрьмы.

15—22 июня 1913 г. перед военно-морским судом предстало 52 матроса. Из них 22 были узниками Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Они обвинялись в подготовке вооруженного восстания. Осужденные по этому процессу пошли в центральные каторжные тюрьмы, на каторгу в Сибирь и в тюрьмы Европейской России.

В следующем, 1914, году 9 апреля охранное отделение Петербурга совершило новый налет на Петербургский комитет РСДРП. Результатом этого налета было привлечение к ответственности 22 человек и заключение части арестованных в Дом предварительного заключения. Среди арестованных был 26-летний рабочий, токарь по металлу, член Петербургского комитета РСДРП Н. М. Шверник. Охранное отделение указывало, что

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1907, «О ликвидации 1 июня членов боевой организации при С.-Петербургском комитете РСДРП».

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1908, № 1713, «О членах местной Петербургской военной организации при ЦК РСДРП, арестованных 16—17 марта 1908 г. в Петербурге».

Шверник неоднократно подвергался арестам и обыскам. Так, были отмечены его арест 8 апреля 1911 г., обыск 21 августа 1913 г., новый обыск 7 ноября 1913 г., новый арест 9 апреля 1914 г. «как члена большевистской организации».

Одними из последних узников Петропавловской крепости из числа участников революционного движения при царизме были пять матросов, заключенных в крепость 26—27 февраля 1916 г. Все 19 матросов по этому процессу обвинялись как социал-демократы — большевики. Пятеро из них провели в Петропавловской крепости в ожидании суда восемь месяцев. Приговоренные в ноябре 1916 года к каторжным работам на сроки от четырех до восьми лет, они оставались каторжными арестантами всего четыре месяца и освобождены народом в февральскую революцию 1917 года.

§ 17. СКЛАДЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Участники революционного движения среди рабочих попадали в места лишения свободы, в том числе также и в Трубецкой бастион, по обвинению их в принадлежности к революционным организациям, в хранении и распространении противоправительственной литературы, за пропаганду и организацию подпольных типографий.

До оборудования своих собственных типографий революционные организации в России занимались доставкой на родину произведений печатного станка из-за границы. Доставка такой литературы восходит ко времени Герцена и Огарева. К этим же годам относится и начало борьбы царизма против этой литературы и заключение в Петропавловскую крепость обвиняемых и осужденных за доставку из-за рубежа в Россию «Колокола», «Полярной звезды» и пр. Эти первые издания были предназначены для узкого круга читателей и по своему тиражу были сравнительно ограничены. Рост революционного движения в широких народных массах, и в особенности среди рабочих, сопровождался и ростом пропагандистской, так называемой нелегальной литературы. Привоз ее в 90-е годы из-за границы в чемоданах с двойным дном, в переплетах книг, припрятанной в платье, багаже и посылках совсем не удовлетворял спроса на нее. Тогда дело доставки такой литературы в Россию потребовало значительного расширения. Этим занялись выделенные партией работники, с большим риском переносившие и перевозившие революционные издания контрабандным путем

через границы Российской империи. Известно, что В. И. Ленин, организатор издания за рубежом нелегальной большевистской печати, сам принимал участие в руководстве доставкой такой печати в Россию¹.

Начиная с половины 90-х годов в различных промышленных центрах организуются подпольные издательства, действовавшие при помощи гектографов, мимеографов, типографского станка. Возникли затруднения в хранении такой литературы.

Мы встретили в бывших секретных архивах указания на создание тайных складов и хранилищ агитационной литературы.

Некоторые из складов нелегальной литературы хранили в своих стенах десятки пудов изданий, распространявшихся по всей империи.

В 1907 году охранное отделение раскрыло такой склад в С.-Петербурге. Он принадлежал комитету социал-демократической партии и находился на хранении у одного члена партии в подвальном помещении дома в особом замурованном чулане. Полиция захватила здесь 25 пудов журнала «Вперед» и прибавление к нему «К 1 мая». Было выяснено, что с февраля по 5 мая 1907 г. на этот склад поступило 800 пудов нелегальной литературы, вся она, за исключением 60 пудов, была разослана. На склад заграничные издания поступали большей частью через Финляндию, а также из тайных типографий Петербурга. Доставка и вывоз литературы проходили незамеченными благодаря тому, что на том же дворе помещался склад рогож и отсюда постоянно вывозились различные тюки.

Тюки с литературой весом обычно до двух пудов отправлялись в города: Москву, Харьков, Киев, Ригу, Саратов, Красноярск, Самару, Одессу, Минск, Белосток, Ростов-на-Дону, Уфу, Екатеринбург, Нижний Новгород, Керчь, Баку, Казань.

В том же, 1907, году охранное отделение получило богатый «улов» — около 125 пудов литературы при обыске (3—4 февраля) в столовой Петербургского университета. Были забраны различные нелегальные газеты, брошюры, воззвания, разные материалы в связи с выборами в Государственную думу, воззвание от блока левых партий, ящик с нелегальными открытками, печати РСДРП.

Охранное отделение обнаруживало в большом количестве нелегальную литературу и у отдельных лиц. Так, например, при обыске в одной квартире были обнаружены в количестве

¹ См., например, письмо В. И. Ленина к Н. Э. Бауману от 26 июня 1901 г., в котором Ленин сообщает о пересылке в Россию контрабандой литературы, четыре с половиной пуда которой уже находится в надежном месте (В. И. Ленин, Соч., т. 34, стр. 52).

200 экземпляров журнал «Пролетарий» № 11 и в количестве 800 экземпляров журнал «Вперед» № 7.

В апреле того же года на улице Петербурга полиция захватила подводу, перевозившую 14 пудов социал-демократической литературы (журнал «Пролетарий» № 13).

В докладе начальника охранного отделения сообщалось о распространении агитационной литературы среди матросов и указывалось, что в состав революционных организаций вошли матросы с военных судов «Аврора» — 85 человек, «Рында» — 35 человек, «Минин» — 25 человек и т. д.¹

Характер нелегальной литературы, которую находили агенты охранного отделения при обысках в 900-х годах, резко изменился сравнительно с содержанием книг и брошюр, забранных при обысках в 90-х годах. В 900-е годы жандармы находили при обысках большей частью номера нелегальных газет и журналов, листки воззваний и брошюры агитационного содержания, изданные массовым тиражом. В 90-е же годы полиция нередко обнаруживала при обысках различные переводные нелегальные брошюры. Тогда же начали появляться агитационные листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», прокламации и листовки различных революционных организаций.

Говоря о нелегальной литературе, нельзя умолчать и о подпольных типографиях. Конечно, организация таких типографий требовала очень больших усилий. Громадные трудности заключались в подыскании соответствующего помещения, которое должно было удовлетворять требованиям величайшей конспирации, в недостаточности денежных средств, в подборе наборного шрифта. Тема о подпольных типографиях могла бы составить предмет специального и интересного исследования, но она выходит за пределы настоящей работы. Однако подпольные типографии сделали так много для победы рабочего движения, а работники этих типографий так часто становились узниками царских тюрем, каторги и ссылки, что мне хотелось бы уделить им хотя бы несколько строк.

В архивных делах департамента полиции имеется очень большой материал по раскрытию подпольных типографий. Жандармерия считала их деятельность для государственного и общественного строя царской России очень опасной. Маленькие листовки нередко оказывались наделенными силой разрывных

¹ ЦГИА в Москве. Петербургское охранное отделение, 1907, «Доклады начальника Петербургского охранного отделения петербургскому градоначальнику о деятельности Петербургской социал-демократической и социал-революционной организации, об обысках и арестах членов названных организаций и о студенческом движении» (л. 5, 25, оборот, л. 49, 289).

снарядов. Недаром высшее руководство политическим сыском направляло свои усилия на обнаружение нелегального печатного станка и награждало чинами, орденами и деньгами своих агентов за раскрытие всякой подпольной типографии. Это приводило к особому виду провокаций, а именно организации тайных типографий работниками охранного отделения¹.

Из многих дел департамента полиции видно, как в большинстве случаев было примитивно устройство тех подпольных типографий, которые, например, печатали социал-демократическую литературу. Как примитивны и мизерны были средства печатания и как могущественно было влияние выпущенного ими печатного слова. В 1913 году была обнаружена типография Петербургского комитета РСДРП. По этому делу в Трубецкой бастион был заключен крестьянин В. М. Щербаков. При его задержании полиция обнаружила при нем три тысячи экземпляров прокламаций (столько же было найдено и в Колпинской типографии). Оборудование же типографии было небольшое: не более пуда шрифта, принадлежности типографского станка, банка черной краски, мраморная доска для растирания краски, два резиновых вала, один малого, а другой большого размера, щетка для краски и нарезанная чистая бумага. Вот и все, что оказалось в типографии.

Начальник Петербургского охранного отделения придавал большое значение аресту Щербакова. «Привлеченный к дознанию при вверенном мне управлению в качестве обвиняемого в принадлежности к РСДРП крестьянин Василий Матвеевич Щербаков,— доносил он 25 сентября 1913 г. директору департамента полиции,— является одним из серьезных работников в местной Петербургской организации РСДРП и представляет собой человека с вполне сложившимся революционным мирозерцанием». Не только директор департамента полиции, но и прокурор считали необходимым перевести Щербакова из Дома предварительного заключения в Трубецкой бастион.

28 сентября 1913 г. Щербаков был помещен в каземат Петропавловской крепости. По заведенному правилу комендант крепости в очередном всеподданнейшем докладе со списком за-

¹ Роль провокации в организации подпольных типографий раскрыта во многих случаях. Близкая ко двору жена известного реакционного деятеля А. В. Богданович записала в своем дневнике 24 октября 1904 г.: «Бывший агент полиции Феофанов рассказывал сегодня, что охрана у нас поставлена из рук вон плохо. Начальники охранного учреждения сами, чтобы выслужиться перед начальством, устраивают тайные типографии, чтобы их затем якобы открыть и получить награду. Так поступили полковник Кременецкий, его помощники Модль и Коттен» (А. В. Богданович, Дневник «Три последних самодержца», М.—Л., 1924, стр. 300).

ключенных поместил в него имя крестьянина Василия Щербакова. Совершенно необычно и по неизвестной причине царь заинтересовался причиной заключения Щербакова в крепость. Министр внутренних дел в ответ на этот вопрос доложил царю, что типография социал-демократов была переведена из Петербурга в Колпино, где Щербаков и был задержан с прокламациями. На дознании он отказался отвечать на вопросы, а так как он влиятельный член партии, то в целях помешать его сношениям с другими арестованными переведен из Дома предварительного заключения в крепость¹.

Щербаков оставался в крепости до 12 декабря 1913 г., когда снова был возвращен в Дом предварительного заключения.

В следующем, 1914, году департамент полиции завел новое дело «О подпольной типографии Петроградской организации РСДРП»². Она была обнаружена в одной из трех комнат, занятых жильцами. Под кроватью найдены сундук с прокламациями, призывавшими бороться против войны, стекло, типографская краска, зубная щетка со следами типографской краски, вал из желатинной массы с двумя деревянными поперечными ручками, деревянный вал, обернутый войлоком, разные рукописи, открытки с карикатурами на Николая II и других царственных особ. Дело о задержанных по этой типографии было передано в военно-окружной суд и закончилось для обвиняемых каторжными работами.

В 1915 году департамент полиции возбудил дело под названием «О подпольной типографии большевиков Петроградской организации РСДРП». Число арестованных достигло 25 человек.

В архивном деле мы нашли подробный перечень оборудования этой подпольной типографии. Она стояла в техническом отношении, по-видимому, выше многих других типографий. Опись забранных предметов содержит в себе более 30 названий, не считая бумаги, о которой в протоколе обыска сказано, что ее найдено «большое количество», и, кроме того, отдельно упомянуты стопа обыкновенного формата писчей бумаги и еще 1240 листов такой же бумаги, разрезанной на полулисты.

Мы не будем воспроизводить всего длинного перечня конфискованных предметов. Среди них были железный станок с деревянной ручкой и с валиком из вальцово-массы, железный

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1913, № 1366, «О членах местной организации РСДРП» (лл. 37—39, 86, 118, 119, 145).

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1914, № 2105, «О подпольной типографии Петроградской организации РСДРП».

дутый вал, обитый в несколько рядов бумазеей, стальной цельный вал с железными коваными ручками, пять пачек набора шрифта и еще четыре железные коробки со шрифтами и пр.¹

Содержание нелегальной литературы за последние 15 лет царизма менялось и касалось различных вопросов политики и тактики революционного движения.

В. И. Ленин в статье, напечатанной в 1908 году, отмечая распространение в России за период 1905—1907 гг. массы «...серьезной, теоретической с.-д. литературы,— главным образом переводной...», предсказывал, что эта литература даст свои плоды: «Социал-демократическая книжка не пропала. Она посеяна. Она растет. И она даст плоды — может быть, не завтра, не послезавтра, а несколько позже...»².

Так было вскрыто Лениным значение социал-демократической литературы для марксистского образования. Через несколько лет, когда в 1912—1914 гг. начался подъем революционного движения, Ленин поставил перед большевистской печатью задачу развернуть боевую полемику. Он писал: «Социалистический орган должен вести полемику: наше время — время отчаянного разброда и без полемики не обойтись»³.

В этот период революционного подъема определились и новые задачи большевистской печати, и прежде всего подготовки к новому этапу революции. Эти новые задачи печати с успехом разрешались организованной в 1912 году легальной большевистской газетой «Правда». Эта газета явилась удачным сочетанием легальной агитации с нелегальной революционной деятельностью большевиков.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1915, № 3977. «О подпольной типографии большевиков Петроградской организации РСДРП».

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 263.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 18.

Глава шестая

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 18. 9 ЯНВАРЯ И ВОЗЗВАНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО

«КРОВАВОЕ воскресенье» 9 января 1905 г. было попыткой царизма одним решительным ударом расправиться с возраставшим революционным движением рабочих, которое ширилось под влиянием целого ряда причин, и прежде всего под влиянием осознания рабочими их тяжелого экономического положения и политического бесправия. Немалую роль играло поражение царских войск на фронтах русско-японской войны. Чтобы подавить нарастающее революционное движение, царская охранка провокационно задумала и организовала шествие рабочих к царю с петицией. Большевикам не удалось предотвратить это шествие рабочих к царю, которое, как предупреждали большевики, должно было закончиться кровопролитием, но им удалось включить в требования рабочих и ряд таких пунктов, которые носили не только экономический, но и политический характер.

День 9 января Ленин назвал началом русской революции. Ленин писал о 9 января: «Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 77.

Направляя свой основной удар по рабочему классу, самодержавие вместе с тем нанесло удар передовой русской общественности, в том числе крупнейшему ее представителю, великому писателю Максиму Горькому. Однако расправиться с Горьким царизму помешала поднявшаяся волна революции.

Огромное влияние на политическое мировоззрение Горького оказал В. И. Ленин, по приглашению которого он принял ближайшее участие в газете «Новая жизнь» (выходила с 9 ноября по 16 декабря 1905 г.).

Печатавшиеся в этой газете статьи Ленина «постепенно раскрыли перед Горьким глубокий исторический смысл первой русской революции, ее социалистические перспективы, без понимания которых Горький не мог стать основоположником социалистической литературы в России и во всем мире»¹.

В том же, 1905, году (27 ноября) состоялась первая встреча Горького с В. И. Лениным на заседании Центрального Комитета партии в Петербурге. Приехавший из Москвы Горький рассказывал на заседании ЦК о настроении московских рабочих².

В дни декабрьского московского восстания Горький был вместе с восставшими рабочими, поведение которых в бою он высоко расценивал, клейма расправу генерала Дубасова. После подавления восстания Горький покинул Москву лишь по указанию ЦК РСДРП(б) в декабре 1905 года.

Приехав в Петербург в первых числах января 1905 года, Горький узнал о готовящемся шествии рабочих к царю. Он предвидел возможность тяжелых последствий данного шествия и в разговоре с рабочими указывал на это.

Горький был очевидцем происшедшей бойни и описал ее в строках, больно сжимающих сердце читателей.

О 9 января 1905 г. имеется много литературы. Наибольшая ее часть появилась уже после Великой Октябрьской социалистической революции. В первое время после «кровавого воскресенья» в печати было разрешено перепечатывать о нем лишь правительственные сообщения и сообщения, допущенные цензурой³.

¹ В. И. Борщук, Роль В. И. Ленина в формировании мировоззрения М. Горького, «Вопросы философии» 1951 г. № 6, стр. 67. Автор цитированной статьи подчеркивает, что если в своем воззвании «Ко всем русским гражданам» Горький призывал к борьбе против самодержавия, то после этого сделал дальнейший шаг в борьбе за социализм (см., например, воззвание к французским рабочим в 1906 году и письмо того же года к английским рабочим).

² См. названную статью В. И. Борщукова, стр. 73, а также С. Д. Баухатый, Горьковский семинарий, Л., 1946, стр. 49.

³ См. «Право» 1905 г. № 2, «Хроника», стр. 103.

9 января, когда народная кровь была пролита перед Зимним дворцом, когда еще продолжали звучать залпы и кавалерия пускала в дело свои шашки, Горький взялся за перо. Он апеллировал не к правительству. Под непосредственным впечатлением всего виденного он обращался с воззванием «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств». Он доводил до их сведения о преступлениях царизма и обвинял министров и царя в убийстве: «Мы обвиняем министра внутренних дел Святополк-Мирского в предумышленном, не вызванном положением дела, в бессмысленном убийстве множества русских граждан. А так как Николай II был осведомлен о характере рабочего движения и о миролюбивых намерениях его бывших подданных, безвинно убитых солдатами, и, зная это, допустил избиение их — мы и его обвиняем в убийстве мирных людей, ничем не вызвавших такой меры против них»¹.

Это был голос революционера. Горький призывал к общей борьбе за свержение самодержавия.

Описание фактической стороны расстрела рабочих было сделано им не по каким-либо письменным или печатным источникам, которые еще отсутствовали, а по личным впечатлениям и со слов очевидцев. В строках воззвания, написанных через два часа после кровавых событий, Горький разоблачил царскую расправу над рабочими. Он описал отдельные эпизоды: «9 января в разных местах города Петербурга началось движение рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу, и нижеподписавшиеся частью сами видели, частью знают от других очевидцев такие факты: когда рабочие Путиловского завода с церковными хоругвями, портретами государя и государыни в руках, во главе со священником, отцом Георгием Гапоном, и с крестом в руке, подошли к Нарвской заставе, по ним без всякого предупреждения со стороны офицеров, командовавших войсками, и полиции был дан троекратный залп боевыми патронами. Несколько десятков людей упало ранеными и убитыми, остальная толпа частью бросилась бежать, частью же легла на землю, дабы спасти себя от пуль, но когда они поднялись, по ним снова был дан троекратный залп, и это повторилось дважды.

Когда рабочие Петербургской стороны подошли к Троицкому мосту, по ним опять-таки без приглашения разойтись был дан залп, которым человек шестьдесят ранено и убито.

Один из нас лично видел четырнадцать человек раненых, из них пять женщин, и троих убитых, он же видел, как во время

¹ Централхив, Революционный путь Горького, 1933, стр. 97.

конной атаки на Невском, около Полицейского моста, солдат с коня выстрелил в упавшего на землю человека.

Расстреливали, а также били шашками рабочих и публику у Адмиралтейства, на Мойке».

Так Горький отметил в своем воззвании три-четыре эпизода «кровавого воскресенья» из сотни таких эпизодов. Позднее он писал: «9 января 1905 года я с утра был на улицах, видел, как рубили и расстреливали людей, видел жалкую фигуру раздавленного «вождя» и «героя дня» Гапона, видел «больших» людей наших в мучительном сознании ими своего бессилия. Все было жутко, все подавляло в этот проклятый, но поучительный день»¹.

Говоря словами Ленина, первый день русской революции «...показал агонию исконной крестьянской веры в царя-батюшку и рождение революционного народа в лице городского пролетариата»². Ленин подвел итог расстрела рабочих: «Царь-батюшка» своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки «батюшки-царя» не пропадут даром»³. Горький выявил эту агонию веры в царизм с мастерством великого художника, со всей чуткостью и наблюдательностью писателя-революционера.

Воззвание Горького было написано, как видно из жандармского протокола, лиловыми чернилами на двух листах бумаги, графленными синими линейками. Я уже приводил из этого воззвания как раз те места, в которых министерство внутренних дел и прокуратура усмотрели наличие состава преступления в призыве к ниспровержению государственного строя. Приведенные мною части воззвания послужили для администрации основанием привлечь Алексея Максимовича Пешкова к ответственности по ст. 132 Уголовного уложения, которая гласит: Виновный: 1) в составлении сочинения или изображения, статьями 128 и 129 указанных с целью распространения или публичного их выставления, если распространение или публичное выставление оных не последовало. Наказывается заключением в крепость не свыше 3 лет⁴.

Воззвание, перехваченное полицией, распространения не получило, и события 9 января побудили писателя-гражданина еще

¹ М. Горький, Из воспоминаний об Н. Ф. Анненском, Соч., т. 22, 1931, стр. 174.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 91.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Статья 128 говорит о «дерзостном неуважении» верховной власти. Статья 129 говорит о «возбуждении к учинению бунтовщического или изменнического деяния».

раз взяться за перо в 1906 году. Он пишет очерк «9 января». На этот раз царская цензура ограничилась запрещением распространения очерка в России, вышедшего за границы в издательстве И. П. Ладыжникова. Самые рьяные и самые верноподанные представители суда и политического сыска не решились привлечь Горького к ответственности за оскорбление «величества» или за призыв к ниспровержению его трона. А между тем весь очерк «9 января» с первой до последней строки является призывом к борьбе с виновниками кровопролития в памятный день «кровавого воскресенья».

Очерк Горького, написанный в период начинавшегося разгула реакции, должен был поднять революционное настроение широких народных масс. Перед читателем вновь воскресала картина расстрела — убитые, раненые, кровь на снегу. Вновь слышались залпы, которыми расстреливали не только самих рабочих, но и их веру в царя, бога, в возможность искать освобождения от гнета путем петиций, с хоругвями. Так в муках народа рождалась революция.

Горький отметил в своем очерке превращение просителей, шедших к дворцу с иконами и царскими портретами, в борцов. Здесь, на улице, как писал Горький, — «выросла фигура человека, и в сумраке звучно загудел призыв: «Кто хочет драться за свободу? За народ, за право человека на жизнь, на труд? Кто хочет умереть в бою за будущее — иди на помощь!».

Те, которые вняли горячему призыву борца-революционера, «шли к нему, и среди улицы образовалось плотное ядро густо сомкнутых тел, другие спешно отходили куда-то прочь».

Всероссийская революция зарождалась под лозунгом борьбы «за свободу, за народ, за право человека на жизнь, на труд». Сбылись пророческие слова Ленина: «Остатки детской веры в царя вымрут теперь так же скоро, как скоро перешли петербургские рабочие от петиции к баррикадам»¹. И через 12 лет наступил октябрь 1917 года.

§ 19. ОБЫСК У МАКСИМА ГОРЬКОГО И ЕГО АРЕСТ

Вечером 8 января 1905 г. восемь писателей и ученых во главе с Максимом Горьким вошли в помещение к министру внутренних дел Святополк-Мирскому. Он не принял их и отказался выслушать заявление о готовившемся мирном шествии рабочих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 87.

к царю для вручения ему своей петиции и о необходимости предотвратить агрессивные действия войск и полиции.

Все члены депутации оставили в приемной министра свои визитные карточки.

Уже через день сотрудники департамента полиции и жандармерии имели приказ арестовать независимо от результатов обыска всех визитеров и препроводить их в Петропавловскую крепость.

Ночью с 10 на 11 января они с успехом выполнили свою миссию в отношении семи человек, но восьмого — Максима Горького — они не застали дома. Он в это время был уже в пути из Петербурга в Ригу.

Еще вечером 10 января управляющий делами издательства «Знание» Пятницкий, в квартире которого Горький находился эти дни, проводил Алексея Максимовича на Балтийский вокзал к поезду, отошедшему в Ригу в 7 час. 30 мин. вечера. Вслед за отошедшим из Петербурга поездом, на котором уехал Горький, полетела в Ригу телеграмма начальника Петербургского охранного отделения к начальнику губернского жандармского управления в Риге с предписанием «безотлагательно обыскать писателя Алексея Максимовича Пешкова (псевдоним — Максим Горький), арестовать его и препроводить в охранное отделение Петербурга»¹.

Жандармерия нагрянула к приехавшему Горькому в 1 час. 15 мин. пополудни 11 января, и начался в квартире Горького тщательный обыск. Об этом сохранилось описание очевидца. Автор воспоминаний об обыске был Марджанишвили. Он пришел к Горькому тогда, когда обыск уже начался: «Я поздоровался с Горьким, и он мне сказал, указывая на жандармского полковника, возившегося у его письменного стола: «Видите красоты неприкосновенности жилища?». А. М. был спокоен, но сердит, а жандарм как-то подло вежлив, он как раз в это время вытаскивал какое-то письмо из конверта, и искоса взглянув на меня, обратился к Горькому: «Вы позволите?». А. М. буркнул: «Чего спрашиваете? Все равно без разрешения моего прочитаете», — и вышел в столовую, где ему приготовлен был завтрак. Долго, нудно тянулся тщательный обыск»².

Автор воспоминаний отмечает, что Горький привез с собою из Петербурга «часть реликвий после расстрела рабочих», но

¹ «Советская Латвия» 16 июня 1946 г. № 139, «К десятилетию со дня смерти А. М. Горького»; «А. М. Горький в Риге» (по данным государственного архива).

² Н. К. Пиксанов, Горький и национальные литературы, М., 1946, стр. 158.

старый слуга М. Ф. Андреевой, у которой находился Горький, будучи в Риге, «успел бросить в топившуюся печь все реликвии и в том числе красное знамя, кажется, Выборгского района». Когда жандармы увезли Горького и задержанный на время обыска Марджанишвили получил свободу, он побежал к студентам грузинского землячества в Риге и с ними безуспешно пытался освободить Горького¹.

Одновременно с отправкой Горького в Петербург рижское жандармское управление послало докладную записку в Петербургское охранное отделение: «Секретно-арестантское. Начальнику С.-Петербургского охранного отделения. Вследствие телеграммы вашей от 11 января 1905 г. препровождаю при сем арестованного Алексея Максимовича Пешкова (Горького) со всеми вещами, взятыми у него при обыске, а также протоколом обыска, постановлением о заключении его под стражу». Из Риги в Петербург Горького везли через Псков. Начальнику Псковского жандармского управления было дано распоряжение: «А. М. Пешкова (Горького) с пакетом № 194 и запечатанным тюком» отправить в распоряжение С.-Петербургского охранного отделения².

Об условиях перевозки Алексея Максимовича под охраной жандармов Петербургского охранного отделения у нас никаких сведений нет. Сам Горький не оставил воспоминаний об этом путешествии в качестве арестованного. Это путешествие под охраной жандармов не было первым на революционном пути Горького.

§ 20. ПРОТЕСТ ПЕРЕДОВОЙ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПРОТИВ АРЕСТА ГОРЬКОГО И ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Известие об аресте Максима Горького в связи с событиями «кровавого воскресенья» 9 января и о заключении его в Петропавловскую крепость с поразительной быстротой распространилось по всему миру. Повсюду оно было встречено с большой

¹ В рижском архиве имеется расписка начальника исправительно-арестантских отделений о принятии в тюрьму Горького: «Присланный при постановлении ротмистра Балабина от 11 января 1905 г. мешанин Алексей Максимович Пешков в рижском исправительно-арестантском отделении принят в 3 ч. 20 м. 11 января 1905 г.».

² См. «Советская Латвия» 16 июня 1946 г. № 139, «К десятилетию со дня смерти А. М. Горького». В архивном деле имеется расписка жандармов Апесюрь и Аболина о сдаче ими А. М. Пешкова Псковскому губернскому жандармскому управлению 12 января.

тревогой за участь писателя. Сам факт быстрого распространения за границей данных о насилии над Горьким показывал, как велика была его популярность уже в то время. Можно сказать, что описания расстрела рабочих на улицах Петербурга и заключение в тюрьму Горького вытесняли в то время все другие события и занимали главное внимание передового общественного мнения.

Заточение общепризнанного великого русского писателя именно в Петропавловскую крепость вызывало особую тревогу: с этой крепостью неразрывно связывалось представление как о такой государственной тюрьме, откуда выход открывался лишь на каторгу, на поселение или на виселицу.

Симпатии мировой демократии к Максиму Горькому и опасения потерять его вызвали бурю протестов в Германии, Франции, Австрии, Италии, Дании, Венгрии, Румынии, Испании, Португалии, Норвегии, Америке и других странах. О протестах за рубежом проникали сведения в русскую печать, которой было строжайше запрещено сообщать о таких же протестах в родной стране великого писателя. Протесты прокатились волной по России.

На первом месте здесь были протесты фабричных и заводских рабочих. И понятно: жертвы, понесенные петербургским пролетариатом, были жертвами всего рабочего класса. И требование освобождения Горького становилось лишь одним из политических требований рабочих.

Застрельщиками таких протестов явились рабочие заводов в Петербурге: Обуховского, Семянниковского судостроительного и резиновой мануфактуры.

В нескольких городах протесты против ареста Горького вылились в демонстрации в театрах, где шли его пьесы. На родине писателя «горячую речь о начавшейся в России революции произнес с галерки Нижегородского театра организатор большевистской группы города, один из крупнейших строителей большевистской партии, друг М. Горького — Яков Михайлович Свердлов»¹.

У И. Кубланова дано подробное описание демонстрации за освобождение Горького во время представления в Кишиневском, Двинском, Киевском и Казанском театрах. Требуя освободить Горького из Петропавловской крепости, демонстранты рисковали своей свободой. Негодующие голоса, раздававшиеся в помещении театров, не были голосами, «вопиющими в пу-

¹ И. Кубланов, Провал царского суда над Горьким, «Новый мир» 1941 г. № 6, стр. 191.

стыне»: они подхватывались другими и сливались в громкие общие протесты. В отдельных случаях они происходили безмолвно в виде сбрасывания с галерки прокламаций, и тогда зрители ловили на лету эти печатные или рукописные воззвания, пока их не отбирала полиция.

Сила протестов была не только в их враждебном царскому правительству содержании, но и в многочисленности подписей под этими обращениями к правительству, в том числе людей с мировой известностью.

Французский писатель Анатоль Франс, прежде чем обратиться с призывом к своим соотечественникам, поспешил откликнуться на призыв знаменитого германского ученого — профессора Геккеля. Он писал ему: «От всего сердца присоединяюсь к великодушному Вашему движению в пользу Горького. Люди просвещенные, люди науки России, Германии, Италии, Франции, соединимся! Дело Горького — дело наше общее. Такой талант, как Горький, принадлежит всему миру. Весь мир заинтересован в его освобождении».

Вслед за тем Анатоль Франс напечатал во французской прессе обращение, адресованное французским писателям, ученым, общественным деятелям. Оно близко по содержанию к только что приведенному его письму Геккелю. Но Анатоль Франс желал, чтобы голос его страны звучал громко «в великом протестующем крике». В своем обращении он писал: «...французские интеллигенты должны сделать не меньше, чем немецкие профессора и итальянские депутаты, которые протестуют в пользу мощного, чуткого сердцем писателя. Такой человек, как Горький, принадлежит всему миру»¹.

Из двух приведенных нами обращений Анатоля Франса по делу Максима Горького видно, как глубоко встревожила его судьба писателя, посаженного в каземат страшной Петропавловской крепости. Он допускал, что от царского правительства можно ожидать применения самых крайних мер к Горькому. Такая оценка деятельности русского правительства была сделана им в протесте против смертной казни всего через несколько месяцев после выступления в защиту Максима Горького. Он писал тогда нам, редакторам сборника «Против смертной казни»: «Как! После Манчжурии надо еще советовать вашим палачам-бюрократам щадить кровь России?... Пусть судьи ваши одумаются: они не судят, а убивают. Они обвиняют свои жертвы за покушения на «общественное благо». Но ведь в России еще не установлено общественное благо.

¹ «Новости дня» 23 января 1905 г. № 7774.

Напрасно они станут утирать окровавленные руки о тексты законов, более смертоносные, чем японские снаряды. Эти законы гнета и насилия заранее оправдывают всякое возмущение. Они дают русскому народу право законной самозащиты против дикого безумия агонизирующего старого порядка»¹.

Для того чтобы писать с таким пламенным негодованием, надо было всем сердцем ненавидеть «агонизирующий старый порядок», «палачей-бюрократов», законы, не признающие «общественного блага». Заточение Максима Горького в Петропавловскую крепость, против чего протестовал Анатолий Франс, еще более укрепляло его ненависть и презрение к царским судьям и законам бюрократии.

Под протестом французов наряду с подписью академика Анатоля Франса стояли подписи многих известных представителей литературы, искусства, науки Франции: писателей Октава Мирбо, Марселя Прево, драматурга, романиста и академика Галлеви, скульптора Родэна и др.

Социалистическая рабочая газета Франции «Humanité» стала главным органом протестов во Франции против ареста Горького.

В Германии особую энергию в борьбе за освобождение Горького развила социал-демократическая газета «Vorwärts». Уже через два дня после того, как жандармы захватили Горького, названная газета напечатала: «В субботу утром всему миру стало известно сообщение, способное заморозить кровь в жилах. Петербургский палач хочет завершить свое дело: он хочет раздавить голову русской революции, которая является также головой интеллектуальной России. Во власть запятнанных кровью палачей попала группа благородных и высокоодаренных писателей и политических деятелей, среди которых находится Максим Горький, чье имя особенно ярко блещет над всем цивилизованным миром»².

Конечно, под этой протестующей статьей социал-демократической газеты Берлина было бы напрасно искать подписи либеральных немецких ученых и писателей того времени. Тон этого воззвания был для их уха непомерно резок. Инициативу собирания подписей под протестом взяла на себя берлинская газета «Berliner Tageblatt». Под протестами против ареста

¹ «Против смертной казни», Сборник статей под ред. М. Н. Гернета и др., М., 1906, стр. 307.

² И. Кубланов, Провал царского суда над Горьким, «Новый мир» 1941 г. № 6, стр. 193.

Горького подписалось в Германии очень большое число литераторов, ученых и политических деятелей¹.

Наряду с индивидуальными подписями стоят и коллективные — в виде редакций периодических органов, различных обществ литераторов, деятелей науки и художников. Число подписей возрастало с необычайной быстротой, но произошла кратковременная задержка поступления этих подписей. Она была вызвана напечатанием не соответствующего действительности известия об освобождении Горького. После опровержения этого ошибочного, а может быть, и лживого сообщения снова полился поток подписей.

Газета «Berliner Tageblatt», прежде чем направить собранные ею подписи в Россию, обратилась к председателю комитета министров Витте с вопросом, кому направить собранный ею материал — петицию об освобождении Горького. Может быть, газета рассчитывала на содействие этого сановника в вопросе об освобождении Горького из крепости. Но председатель комитета министров предложил направить ходатайство в министерство внутренних дел, добавив: «Мои полномочия не позволяют мне никакого вмешательства: личное же мое влияние немного стоит».

Витте, для того чтобы не оказаться в неловком положении перед министрами и другими представителями петроградской русской бюрократии с ходатайством за Горького, не постеснялся расписаться в своем бессилии.

Широкой волной разлились протесты против ареста Горького в Австрии, Италии, Англии. В Австрии организатором коллективного протеста выступил союз журналистов: единогласно была принята соответствующая резолюция, под которой появились подписи отдельных представителей литературы и науки, а также подписи от имени различных организаций (русинский парламентский клуб, общество австрийских художников и др.). В Италии инициаторами протестов явились студенты. В Риме и других университетских городах они устроили демонстрацию в защиту русского писателя. В Англии зачинателем протеста явился романист Томас Гарди.

Движение за освобождение Горького приняло небывалый по своей силе и по своему объему характер мирового протеста.

¹ См. «Новости дня» 23 января 1905 г.; «Русские ведомости» 22 января 1905 г. № 20, стр. 2. Среди 269 подписавшихся под протестом были: от литературных и ученых обществ — 29, от торговли и промышленности — 11, от редакций — 27, директоров театров и артистов — 30, ученых — 18, государственных чинов и политиков — 32, писателей — 94, художников — 28 («Новый мир» 1928 г. № 3).

Он стал настоящим политическим протестом. Форма его не всегда была одинаковой: в одних случаях это — петиция, в других — негодующий, самый резкий протест, но цель его везде была одна и та же: спасти общепризнанного великого писателя от расправы царизма.

§ 21. ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

В предшествующих томах «Истории царской тюрьмы» мне не раз приходилось пользоваться воспоминаниями бывших заключенных о их пребывании в тюрьмах. К сожалению, я не могу сделать этого в отношении Алексея Максимовича Горького. Он не оставил воспоминаний о своем заточении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости и о пребывании в других местах лишения свободы, в которых он побывал с молодых лет, начиная с Нижегородской тюрьмы.

Такое отношение писателя к неоднократным случаям заключения его в тюрьму вызывает на первый взгляд удивление. Казалось бы, что тюрьма давала ему материал, который представлял бы для читателя огромный интерес. Но у Горького на этот счет была своя точка зрения. Он отрицательно относился к воспоминаниям тех авторов, побывавших в тюрьме, которые спешили поведать читателю о перенесенных ими лишениях в местах заключения. В одном из своих очерков он писал: «Каждый русский, посидев «за политику» месяц в тюрьме или год в ссылке, считает священной обязанностью своей подарить России книгу воспоминаний о том, как он страдал»¹.

Здесь Горький был не совсем прав. Слишком много русских попадало «за политику» в царские тюрьмы. Если бы каждый из них действительно печатал мемуары о своем заточении, то получилась бы необъятная литература. Между тем она крайне ограничена, и приходится жалеть об этом. В тех же случаях, когда немногие авторы тюремных мемуаров и писали о перенесенных ими страданиях, за всеми этими жестокостями тюремного режима всегда вырисовывалась картина бесправия и гнета политического режима всей царской России.

Надо признать, что в тюремных воспоминаниях личные лишения обычно ступеньются перед постоянным подчеркиванием социальной неправды, борьба с которой заселяла тюрьмы политическими узниками. В этом большое политическое значение книг и статей с воспоминаниями о тюрьме и ссылке.

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, М., 1931, стр. 203.

Следует также добавить, что не всегда краткость срока пребывания политического узника в тюрьме делала такое заточение мало интересным с политической точки зрения. Это целиком относится и к заключению Максима Горького в тюрьму Трубецкого бастиона. Из проведенного им здесь месячного срока он две недели был совершенно лишен возможности литературного творчества.

Департамент полиции рассчитывал заточить Горького в каземат Петропавловской крепости 11 января, или, правильнее, в ночь с 10 на 11 января. Для коменданта крепости еще 10 января были предусмотрительно заготовлены уведомления о предстоявших направлениях к нему в одиночные камеры восьми человек. В числе них было и уведомление (за № 205) с предложением принять арестованного Алексея Пешкова.

Мы уже знаем, что департаменту полиции удалось арестовать Горького только 11 января в Риге и 12 января он был доставлен коменданту Петропавловской крепости с бумагой, заготовленной и помеченной 10 января 1905 г. Это препроводительное отношение не переделывали, хотя в нем неправильно был помечен день ареста — не 11, а 10 января. Только на этой бумаге была сделана пометка о получении ее комендантом крепости 12 января.

Так началось заключение Алексея Максимовича Горького в крепости. Одновременно об этом было «всеподданнейше донесено государю императору» и сообщено в департамент полиции.

Несмотря на то, что тюрьма Трубецкого бастиона была местом предварительного заключения, поступавшие сюда арестованные немедленно переодевались в арестантское платье. Их собственная одежда и обувь уносились на хранение в цейхгауз и выдавались лишь на время прогулок по тюремному двору, при свиданиях с родными, при отъездах на допросы вне крепости.

Известно, что переодевание в арестантское платье доставляло большинству заключенных большие мучения. Отобрание привычного белья и платья с заменой его другим, часто более грубым и не по росту и не по комплекции, несло с собою нередко физические неприятности, но тяжелее были психические переживания, связанные с насильственным вторжением в личную свободу человека, которого наряжали в какую-то форму, постоянно напоминавшую ему, что даже и в этом отношении он уже сам себе не хозяин.

В деле Горького имеются прямые указания на то, что он небезразлично отнесся к переодеванию его в арестантское

платье. Его жена Е. П. Пешкова 24 января обратилась в департамент полиции с заявлением, в котором указывала, что мужу «не позволяют носить обычное платье, заставили одеть арестантское белье и арестантский халат». Она указывала: «При состоянии его здоровья ношение арестантского костюма в комнате с холодным полом может вызвать новый приступ болезни». Указывая, что Алексей Максимович находится на положении подсудимого, она считала «применение к нему мер, имеющих характер наказания, совершенно незаконным». На основании всего изложенного она объявляла, что «признает себя вправе требовать, чтобы ему разрешили носить собственное белье, обувь и платье».

Несмотря на всю основательность этого требования Пешковой, несмотря на угрозу здоровью Алексея Максимовича, комендант отказал в разрешении Горькому носить собственное белье, платье и обувь, сославшись на запрещение этого правилами крепости. В арестантском халате и в арестантских туфлях на холодном полу должен был провести Горький в крепости самое холодное время года.

Горький был помещен в камеру № 39 во втором этаже тюрьмы. Теперь, когда вся тюрьма Трубецкого бастиона превращена в государственный музей, камера № 39 особо отмечена. Все камеры бастиона совершенно одинаковы и не один раз описывались теми, кто побывал в них. Но мне хочется воспроизвести здесь описание камеры № 39, сделанное человеком, видевшим эту камеру, когда она стала уже частью государственного музея в Ленинграде.

Автор осматривал камеру в качестве участника многолюдной экскурсии в Петропавловскую крепость. Экскурсия была приурочена к кануну трехлетия со дня смерти Алексея Максимовича.

«Ничто не изменилось в этой темной и сырой камере за минувшие 34 года; она такая же страшная и сейчас зияет своим вечным безмолвием, своей пронизывающей сыростью, своим сочащимся откуда-то сверху, из решетчатого окошка, мутным и немощным лучом солнца. Поразительно толстые стены бастиона вместе с тем поразительно «тонки»: словно рассчитанные на то, чтобы психологически раздавить узника своей непреодолимостью, они вместе с тем свободно пропускают и холод и воду. Если подняться на стуле к верхней амбразуре, можно увидеть сквозь ржавую решетку широкую гладь Невы, Зимний дворец по ту сторону реки, громады дворцов вдоль парадной набережной. Но Горький в своей темнице не мог подниматься к маленькому окошку — единственному источнику света в камере № 39.

Его железный табурет тогда был намертво прикован к полу. Прикованы к полу железные нары, на которых лежал Горький, наглухо прикована к стене и холодная железная плоскость, служившая Горькому «столом». Томимый муками пленного бойца, Горький писал здесь, в этой камере, свою пьесу «Дети солнца». За этим столом «Дети солнца» и были им написаны до конца. Узник вставал с нары, чтобы не дать одеревенеть телу, шагал по диагонали из угла в угол камеры — ходил час, два, три. Камера «исхожена» Горьким в каждой пяди»¹.

Если Горький не оставил воспоминаний о своем пребывании в одиночной камере Трубецкого бастиона, то до нас дошел мало кому известный, сделанный им самим рисунок этой камеры. Он был напечатан в иностранном журнале² вскоре после освобождения Горького из крепости. Из пояснительного текста к рисунку видно, что он был сделан Алексеем Максимовичем в записной книжке корреспондента. Подлинность рисунка не оставляет никаких сомнений тем более, что на рисунке имеются не только отдельные слова, написанные рукою Горького, но и собственноручная его подпись «М. Горький». Мы воспроизводим здесь этот рисунок (см. рис. 9).

У нас имеются некоторые основания предполагать, что этот рисунок был сделан Горьким в половине февраля 1905 года, т. е. в самые первые дни прибытия Алексея Максимовича из Петербурга в Ригу. В своем письме к Пятницкому от 15 февраля 1905 г. он, между прочим, писал, что его уже успел посетить иностранный корреспондент, которого за такое проворство Горький и называет «молодчагой»³.

Обстановка одиночной камеры глубоко врезалась Горькому в память. Он отметил на плане место нахождения койки, стола, умывальника, ватерклозета, двери и окна. Исходивши эту камеру вдоль и поперек, он твердо запомнил ее размеры и отметил на соответствующих сторонах начерченного им прямоугольника: «12 шагов и 8 шагов». Этот чертеж плана тюремной камеры с ее обстановкой восполняется схематическим чертежом тюремного окна за решеткой и тюремной двери с пояснительными надписями: 1) «отверстие для наблюдения за арестованными», 2) «окошечко, в которое подают пищу». Ниже общего плана всей тюремной камеры, несколько вправо, дана зарисовка

¹ М. Константинович, В Трубецком бастионе, «Курортная газета» 18 июня 1939 г. № 138.

² «Illustrated London News» 18 марта 1905 г. № 381.

³ Пятницкий воспроизвел это письмо в «Ленинградской правде» 3 марта 1927 г. № 51.

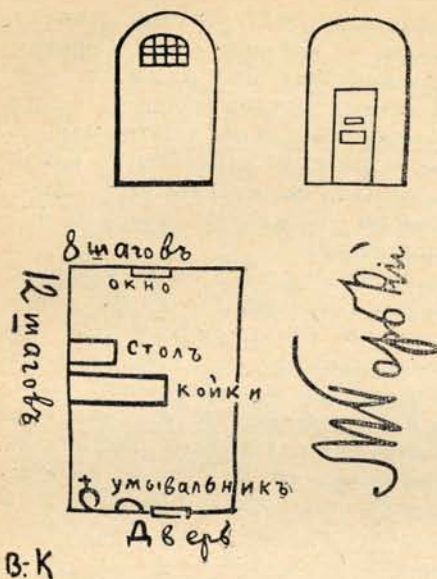

Рис. 9. Рисунок плана одиночной камеры Петропавловской крепости, сделанный М. Горьким.

Из английского журнала Illustrated London News 18 марта 1905 г. № 381.

мертвый глаз надзирателя... Несколько секунд глаз тускло поблестел, потом медленно всплыл вверх», или: «Миша вздрогнул, обернулся, — из квадрата, прорезанного в двери, на него смотрел холодный неподвижный глаз...» и т. д.²

Второй рисунок Горького, воспроизведенный иностранным корреспондентом из его записной книжки, представляет собой план тюремного двора, по которому совершал свои прогулки арестованный писатель³. На плане и в пояснении к нему корреспондента отмечены две будки для вооруженной стражи, на-

¹ На рисунке рукой корреспондента пометка: «3 марта» (т. е. 18 февраля по старому стилю).

² М. Горький, Рассказ «Тюрьма», изд. 2-е, 1932, т. 6, стр. 10, 12, 13 и др. Этот рассказ был впервые опубликован в 1904 году, т. е. за год до заключения Горького в Петропавловскую крепость, но у Алексея Максимовича было уже личное знакомство с тюрьмами еще в 1897 и 1901 годах.

³ Этот рисунок помечен корреспондентом 1 марта (т. е. 16 февраля по старому стилю).

столика в виде металлической доски, прикрепленной к стене камеры. Весь рисунок скреплен подписью «М. Горький»¹.

Отверстие в тюремной двери для наблюдения через него за заключенными получило название «глазка».

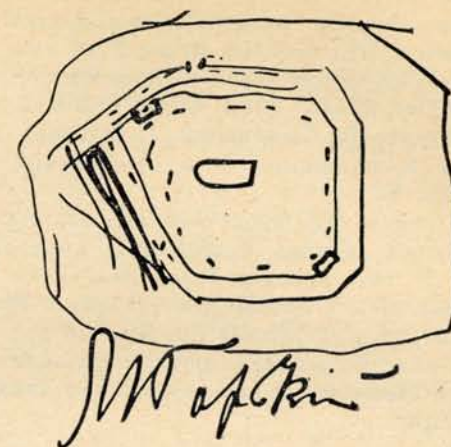
В воспоминаниях бывших узников часто встречаются указания на их впечатление, связанные с видом устремленного на них глаза тюремного стражника. Эти переживания были у многих, если не у всех, довольно тягостны.

Горький в своем рассказе «Тюрьма» несколько раз упоминает о впечатлениях заключенного при виде устремленного на него глаза тюремного надзирателя: «В окошке появился

блюдавшей за арестованным во время его прогулки. На чертеже Горький изобразил пунктиром дорожку, по которой он совершал свои ежедневные кратковременные прогулки. Эти указания на совершение прогулок восполняют отсутствие пропавшей в архиве Трубецкого бастиона специальной книги за 1905 год с записями о прогулках заключенных¹.

Мы поставили своей задачей исследовать пребывание Алексея Максимовича в Трубецком бастионе как можно подробнее. К сожалению, материал, собранный нами со всей тщательностью, оказался неисчерпывающим. В нашем распоряжении были архивные дела комендатуры С.-Петербургской крепости за 1905 год, а именно: 1) ежемесячные доклады коменданта крепости царю о прибывших и выбывших заключенных; 2) переписка о заключенных с департаментом полиции; 3) документы о медицинском освидетельствовании секретно арестованных лиц. Кроме того, было использовано дело департамента полиции об Алексее Пешкове, обвиняемом по ст. 132 Уголовного уложения,

¹ Екатерина Павловна Пешкова в моей личной беседе с нею подтвердила, что она при посещении Алексея Максимовича в Трубецком бастионе слышала от Горького о его ежедневных прогулках на дворе крепости, продолжавшихся от 15 до 30 минут.

March 1. 1905
Drawn The Prisoner's Room
of St Peter & St Paul. drawn
& signed by Maxim Gorky at
The Commercial Hotel, Riga

Рис. 10. Схематический план тюремного двора Петропавловской крепости, сделанный М. Горьким. Пунктиром он обозначил дорожку своих прогулок.

Из английского журнала «Illustrated London News» 18 марта 1905 г. № 381.

а также выписки из дела петербургской судебной палаты, хранящиеся в Московском музее Максима Горького. Мы использовали литературу как в виде монографий, так и статей в газетах и журналах. Нам была очень полезна и личная беседа с Екатериной Павловной Пешковой, поделившейся с нами своими воспоминаниями о пребывании Алексея Максимовича в крепости.

В результате представилась возможность составить хронологический дневник пребывания Горького в Трубецком бастионе. В этот дневник были включены сведения о событиях, относившихся к пребыванию Алексея Максимовича в крепости, как, например, отправка им писем и получение таковых, его допросы властями, подача различных заявлений как им самим, так и Е. П. Пешковой и его друзьями, а также распоряжения администрации.

Д Н Е В Н И К

ПРЕБЫВАНИЯ ГОРЬКОГО В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1905 году

10 января 1905 г. сообщение за № 205 департамента полиции коменданту С.-Петербургской крепости о принятии для содержания в крепости арестованного писателя Алексея Максимовича Пешкова. На бумаге сделана пометка: «получена 12 января».

11 января телеграмма Петербургского охранного отделения за подписью подполковника Кременецкого начальнику губернского жандармского управления в Риге о безотлагательном обыске у Горького, его аресте и препровождении в Петербургское охранное отделение.

11 января начальник Лифляндского губернского жандармского управления Волков приказывает своему помощнику Балабину произвести обыск у А. М. Пешкова, арестовать его, препроводить в тюрьму.

11 января от 1 час. 15 мин. дня обыск у Горького в Риге и его арест.

11 января постановление жандармского ротмистра Балабина в Риге содержать Алексея Пешкова под стражей впредь до выяснения обстоятельств.

11 января в 3 час. 20 мин. начальник Рижского исправительно-арестантского отделения принял арестованного А. М. Пешкова.

11 января Рижское жандармское управление препроводило арестованного Горького в Псковское жандармское управление для направления его в С.-Петербургское охранное отделение.

11 января арестованный Горький отправлен в Петербург через начальника Псковского жандармского управления с пакетом № 194 и запечатанным тюком.

11 января донесение начальника Рижского губернского охранного отделения начальнику Петербургского охранного отделения о препровождении в Петербург Горького «со всеми вещами, взятыми у него при обыске, а также протоколом обыска, постановлением о заключении его под стражу».

12 января расписка жандармов Алесюрь и Аболина о сдаче ими А. М. Пешкова Псковскому губернскому жандармскому управлению.

12 января прибытие Горького в Петербург и заключение его в крепость.

12 января рапорт коменданта крепости царю о заключении Горького в крепость и сообщение коменданта крепости о том же в департамент полиции.

14 января комендант посылает в департамент полиции письмо и телеграмму Горького.

15 января сообщение департамента полиции коменданту крепости о неимении препятствий к отправке телеграммы Горького.

15 января постановление подполковника отдельного корпуса жандармов Конисского о предъявлении Алексею Пешкову обвинения по ст. ст. 126 и 132.

17 января (предположительно) передача жандармом Конисским Горькому письма управляющего делами издательства «Знание» Пятницкого.

17 января первый допрос А. М. Пешкова на жандармском дознании.

18 января письмо А. М. Горького к Пятницкому.

18 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письмо Пешкова.

19 января прошение Пятницкого разрешить ему деловые свидания с Горьким.

20 января уведомление департамента полиции разрешить Е. П. Пешковой свидание с мужем.

20 января второй допрос А. М. Пешкова на жандармском дознании.

21 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письмо Пешкова.

24 января департамент полиции препровождает коменданту крепости для выдачи Пешкову адресованное ему письмо.

24 января просьба Е. П. Пешковой в департамент полиции разрешить ее мужу носить свое платье и дать ему бумагу для работы.

25 января комендант крепости разрешил выдать А. М. Пешкову письменные принадлежности.

25 января департамент полиции известил Пятницкого о разрешении ему постоянных свиданий с Горьким.

25 января Е. П. Пешкова просит департамент полиции разрешить ей с малолетним сыном свидания с мужем два раза в неделю не через решетку.

25 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письмо Пешкова.

25 января комендант крепости препровождает в департамент полиции телеграмму от Пешкова.

26 января департамент полиции посылает коменданту крепости прошение Е. П. Пешковой разрешить мужу носить свое платье и белье и дать ему бумагу и чернила для работы.

27 января комендант крепости сообщает департаменту полиции, что уже 25 января разрешил пользование письменными принадлежностями, а ношение своего белья и платья запрещено правилами Петропавловской крепости.

27 января третий допрос А. М. Пешкова на жандармском дознании.

28 января комендант крепости пересылает в департамент полиции письмо Пешкова.

29 января департамент полиции через коменданта крепости извещает А. М. Пешкова о доставлении его телеграммы доктору Канегиссеру.

29 января заявление А. М. Пешкова коменданту крепости разрешить ему заниматься до 2 час. ночи.

31 января Пешкову в камеру были переданы книги.

1 февраля комендант крепости разрешил А. М. Пешкову работать до 2 час. ночи.

1 февраля четвертый допрос Горького на жандармском дознании.

2 февраля возбуждение «Обществом пособия нуждающимся литераторам» ходатайства у министра юстиции об освобождении А. Пешкова.

3 февраля департамент полиции пересылает коменданту крепости письмо для выдачи Пешкову.

3 февраля прошение Пятницкого в департамент полиции о разрешении свидания с Пешковым раз в неделю.

3 февраля департамент полиции отклонил просьбу Сергея Кочинского о свидании с А. М. Пешковым.

4 февраля пятый допрос Горького на жандармском дознании.

5 февраля департамент полиции извещает коменданта о неимении препятствий к личным свиданиям Е. П. Пешковой с мужем.

5 февраля Е. П. Пешкова подает ходатайство в департамент полиции об освобождении своего мужа.

8 февраля комендант крепости пересылает в департамент полиции письмо Пешкова.

8 февраля переданы Пешкову в камеру книги.

8 февраля шестой допрос Горького на жандармском дознании.

9 февраля предписание коменданта крепости старшему врачу крепости произвести 9 февраля в 12 час. 30 мин. освидетельствование состояния здоровья А. М. Пешкова.

9 февраля старший врач освидетельствует здоровье А. М. Пешкова.

9 февраля комендант крепости препровождает в департамент полиции рапорт врача об освидетельствовании состояния здоровья А. М. Пешкова.

9 февраля начальник Петербургского губернского жандармского управления сообщает в департамент полиции о замене меры пресечения — заключения в крепости денежным поручительством в 10 тыс. руб.

11 февраля департамент полиции сообщает коменданту крепости о предстоящем переводе А. М. Пешкова в Дом предварительного заключения.

11 февраля департамент полиции предлагает коменданту крепости выдать А. М. Пешкова поручику Протопопову.

12 февраля Горький переведен из крепости в Дом предварительного заключения.

14 февраля Горький освобожден из охранного отделения под поручительство в 10 тыс. руб.

14 февраля по требованию охранного отделения А. М. Горький был вновь арестован и возвращен в жандармское управление.

14 февраля А. М. Горький был вторично освобожден и вечером выехал в Ригу.

15 февраля письмо Горького Пятницкому из Риги.

15 февраля сообщение Лифляндского губернского жандармского управления о приезде Горького в Ригу.

Одним из тяжелых переживаний заключенного в тюрьму и особенно в одиночную камеру является лишение его связей с внешним миром, с родными и близкими, тревога за судьбу оставленных домашних и друзей, особенно если пришлось остаться их больными или если не удалось повидаться с ними перед арестом. Как раз оба эти условия были налицо при аресте Алексея Максимовича. Они отразились на его письме из Трубецкого бастиона, отправленном Марии Федоровне Андреевой,

находившейся в то время на излечении в одном петербургском институте. Письмо было адресовано доктору института Н. С. Канегиссеру для передачи его Марии Федоровне.

Алексей Максимович начинает письмо с выражения неуверенности, находится ли Мария Федоровна в петербургской лечебнице или еще в Риге. Он отмечает, что уже дней десять не имеет никаких точных сведений о ней. Прикрывая свое беспокойство юмором, он продолжает в своем письме: «Это вызывает сильную зубную боль в сердце, к тому же и собственные мои зубы ноют так, точно еврейский оркестр из «Вишневого сада» играет и как будто ему заплатили за неделю вперед». Ниже Алексей Максимович спешит успокоить Марию Федоровну: «А в общем я существую недурно — читаю много и, может быть, буду писать, если разрешат. Выписал себе учебники». К сожалению, дальнейшие строки письма, относившиеся, по-видимому, к пребыванию Горького в крепости, нам не известны. Но на последней, четвертой, странице Горький спешит успокоить М. Ф. Андрееву: «Честное слово, — я чувствую себя довольно сносно и нет причин, чтобы это самочувствие изменилось к худшему».

Предполагаемая нами дата отправления этого письма Горьким из крепости — 21 января 1905 г. К этому дню истекло десять дней со времени ареста Горького в Риге, и 21 января комендант крепости переслал в департамент полиции какое-то письмо Горького для отсылки его по назначению. Упомянутое в письме намерение заняться литературным творчеством после получения на это разрешения могло осуществиться лишь с 25 января, когда это разрешение, наконец, было дано.

По архивной книге Трубецкого бастиона нам удалось выяснить, что за месяц пребывания в крепости Горькому были переданы всего три письма и от него переправлены шесть писем и одна телеграмма. Конечно, это ничтожные цифры для человека, которому на свободе писали не только со всех концов родной страны, но и из-за границы знакомые и незнакомые люди.

Первое письмо, полученное Горьким в крепости, было в виде записки Пятницкого, переданной Алексею Максимовичу через жандармского подполковника Конисского, вероятно, 17 января. Пятницкий опубликовал в 1927 году ответ Горького на эту его записку. В своем ответе Алексей Максимович после нескольких строк, посвященных близким и родным, писал: «Я здоров и мне недурно. Очень прошу Вас прислать мне: Иностранцева — геологию, т. 1-й, Лункевича — биологию, Гаака — происхождение животного мира, Ферворна — общую физиологию, Келлера — жизнь моря и Туссена — самоучитель

французского языка. Направить это нужно через жандармское управление.

Обеспеченный такими славными книгами и добрыми вестями о здоровье Н., я заживу великолепно, чего от всей души желаю и Вам, мой дорогой и уважаемый друг. Крепко жму руку. А. Пешков»¹.

Кроме этого письма Пятницкому, телеграммы доктору Канегиссеру и письма М. Ф. Андреевой, Алексей Максимович отправил еще четыре корреспонденции, но адресаты в соответствующей книге управления комендатуры крепости не указаны. Письма были отправлены 14, 18, 21, 25, 28 января и 8 февраля. Также не известно, от кого им были получены в тюрьме письма 17, 24 января и 3 февраля. Таким образом, наши сведения о переписке Горького в крепости ограничиваются этой небольшой справкой.

Что же касается содержания этой переписки, то оно осталось совсем неизвестным, за исключением уже приведенных нами строк из двух писем Алексея Максимовича к Пятницкому и Андреевой. Из этих строк можно вывести два заключения. Во-первых, видно беспокойство автора писем о судьбе родных и близких ему людей и, во-вторых, его стремление успокоить их за себя лично; не соответствовало, конечно, действительности уверение Горького о том, «что ему живется недурно и что он здоров». Ниже мы увидим, что здоровья ему не доставало. Заключение в сырой, почти темной камере с асфальтовым полом должно было быстро разрушать здоровье человека, больного туберкулезом.

Вместе с тем из письма видно, что душевная бодрость Горького не была сломлена тюремной обстановкой. Будучи уже не новичком по пребыванию в местах заключения для «политических», А. М. Горький с первых же дней принимает меры к тому, чтобы обеспечить себя книгами для чтения и научных занятий.

§ 22. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРЬКОГО В КРЕПОСТИ

Прошло две недели после заключения Горького в крепость, прежде чем на крохотном металлическом столике одиночной камеры № 39 появились бумага, перо и чернильница. Екатерина Павловна Пешкова 24 января заявила департаменту полиции требование о предоставлении ее мужу письменных принадлеж-

¹ К. Пятницкий, Дело о Горьком и 9 января, «Ленинградская правда» 3 марта 1927 г. № 51.

ностей. Это было ее первое требование после свидания с ним в крепости. Очевидно, сам Алексей Максимович информировал ее о том, что его лишили возможности заниматься литературной работой. На следующий день после обращения жены Горького комендант крепости разрешил Алексею Максимовичу письменные занятия в его камере.

Мы не имеем сведений о том, в чем выразились занятия арестованного писателя. Сам же он лишь 29 января заявил о желательной тематике его труда в тюрьме. Он вынужден был сделать такое заявление, так как иначе по существовавшим правилам крепости не мог бы рассчитывать на возвращение ему его рукописи.

В бумаге, адресованной коменданту С.-Петербургской крепости, А. М. Пешков мотивирует свою просьбу разрешить ему писать необходимостью заработка для содержания его семьи. Вместе с тем он называет и задуманный им труд, ограничиваясь, впрочем, лишь упоминанием, что это будет комедия. Прекрасно зная, что администрация может запретить ему литературную работу из опасения ее нежелательного для правительства содержания, Горький спешит предупредить своих тюремщиков, «что работа, имея характер чисто психологический и нравоописательный, не касается так называемых «общественных вопросов». Он знает о решающей роли в данном вопросе не коменданта крепости, а департамента полиции и потому просит о направлении его рукописи после ее окончания в департамент полиции для последующей выдачи ее лично ему или его жене.

Но мог ли наш великий писатель обойти молчанием «так называемые общественные вопросы»? Горький не был бы Горьким, если бы в своем произведении ограничился лишь «психологией и нравоописанием». Если у коменданта крепости и у генералов из департамента полиции и не было уверенности в таком «безобидном» содержании творения заключенного писателя, то они ничем не рисковали. У них оставалась возможность не выпустить из своих рук нового произведения Горького. Мы увидим позднее, какой резкий отрицательный отзыв дал цензор о политической направленности пьесы Максима Горького.

В той же самой бумаге, в которой писатель, заключенный в крепость, добивался разрешения продолжать свою писательскую работу, он заявил также просьбу о позволении ему работать, по старой привычке, по ночам. Последнее комендант крепости разрешил собственной властью, а вопрос о писании комедии передал на рассмотрение департамента полиции, откуда лишь 5 февраля он получил положительный ответ.

Надо предполагать, что Алексей Максимович начал писать свою пьесу, не дожидаясь официальных разрешений. Он имел для этого фактическую возможность. Перед ним на том самом столике, который служил ему в качестве обеденного стола, теперь лежала пронумерованная бумага и стояла чернильница. Разве могло хватить у него человеческих сил, чтобы не использовать эти орудия писательского труда и не творить? Ведь прошли день за днем целых две недели томительного бездействия, без привычного труда. Можно предположительно определить начальный срок писания комедии — 25 января¹. В этот день ему были предоставлены письменные принадлежности.

Спешим оговориться, что мы не располагаем доказательствами безусловной правильности нашего предположения о начальном сроке написания комедии.

В полутемной камере Трубецкого бастиона, куда никогда не проникал луч солнца, писал Горький свою пьесу под таким бодрящим и лучезарным заглавием — «Дети солнца».

Напомним оброненные самим Горьким слова «об его неистовом хохоте к соблазну и удивлению тюремной стражи» во время его работы над пьесой². Что это был за смех? В пьесе как будто нет таких мест, которые давали бы основание бурному смеху самого автора над выведенными им персонажами. Думаем, что в обычной обстановке литературного творчества Горький не вел бы себя так и не смеялся. Одиночная же ка-

¹ В Московском музее имени Горького имеется очень интересный экспонат. Это — фотография с подлинной рукописи Горького «Дети солнца». На первой странице рукописи имеется следующая собственноручная надпись пером рукой Горького:

«Писалось в Петропавловской крепости 16-го января — 20-го февраля 1905 г.», первая тетрадь А. Пешкова (см. рис. 13). Удивительно, что Алексей Максимович сделал в этой надписи две хронологические ошибки. Не верны ни начальная дата написания пьесы, ни конечный срок создания ее. Он никак не мог начать писать пьесу 16 января, так как не располагал в это время никакими письменными принадлежностями. Они выдавались ему лишь для написания писем и официальных заявлений и уносились немедленно вслед за написанием письма или заявления. При этом каждый листик бумаги был на учете и отбирался обратно. Начальный срок работы над пьесой не мог быть ранее 25 января, когда была получена бумага для литературной работы. Еще более удивительно обозначение Горьким конечного срока написания рукописи в Петропавловской крепости 20 февраля. Этот срок никак не мог быть позднее 12 февраля, так как именно в этот день Горький был освобожден из крепости. Горький обозначил на своей рукописи срок ее написания чуть ли не в два раза больше, чем он был в действительности. Пьеса была создана менее чем в 20 дней.

² С. Балухатый, Работа М. Горького над пьесой «Дети солнца», «Литературный архив, М. Горький, материалы и исследования», т. I, Л., 1934, стр. 461.

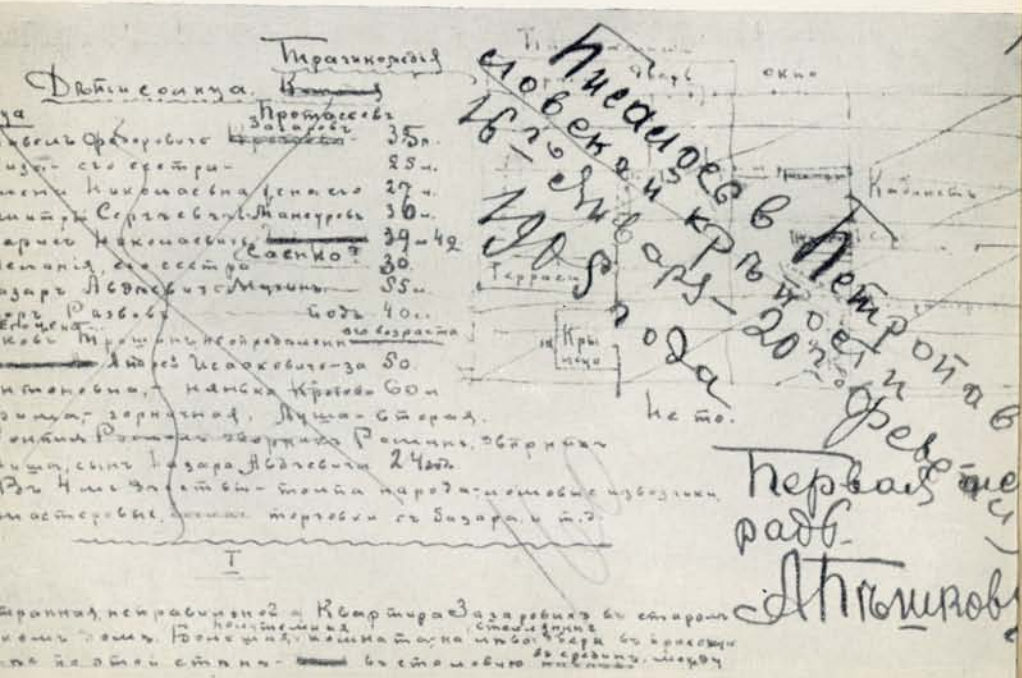

Рис. 11. Фотография М. Горького 1905 года в начале жандармского дознания.

Рис. 12. Рисунок И. Е. Репина „А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца», написанную им в Трубецком бастионе Петропавловской крепости. Рядом с писателем сидит В. В. Стасов. Из книги С. И. Зильберштейн «Репин и Горький».

Рис. 13. Первая страница рукописи М. Горького „Дети солнца“. Из Музея М. Горького в Москве.

мера до крайности обостряла его настроение, и оно выливалось совсем в необычную форму.

Через четыре месяца после выхода из Петропавловской крепости Алексей Максимович находился в Финляндии в Куокала в доме художника И. Е. Репина, где 5 июня 1905 г. читал перед немногими собравшимися свою пьесу «Дети солнца». Великий русский художник изобразил на полотне этот момент. Об этом рисунке И. С. Зильберштейн — автор специальной работы об И. Е. Репине отзывался так: «Это превосходный рисунок, сделанный итальянским карандашом, чуть тронутый сангиной. Бесспорно, это один из лучших листов в огромном наследии Репина-рисовальщика. Рисунок сохранил всю силу и очарование наиболее замечательных произведений этого рода, — в нем чувствуется «трепет живого наблюдения, ощущения жизни». Горький сидит за столом и держит в руках рукопись; необычная для Горького борода была им отпущена во время пребывания в Петропавловской крепости. Рядом с писателем сидит В. В. Стасов, в глубине Репин набросал три фигуры. Фигура Горького — в центре этого большого листа; художнику удалось передать одухотворенность лица писателя, увлеченного чтением»¹ (см. рис. 12).

Автор цитированной работы отметил «одухотворенность лица писателя, увлеченного чтением».

Законченную пьесу Горький передал коменданту крепости. Этот последний через два дня после оставления писателем крепости переслал его рукопись (14 февраля) директору департамента полиции. В своем отношении он, ссылаясь на «мелкий и очень неразборчивый почерк» рукописи, предупреждал департамент, что он был лишен возможности «просмотреть внимательно работу Пешкова». Однако он добавлял, что, «бегло перелистав ее, полагает, что необходимо подвергнуть ее цензуре». Этим он предусмотрительно снимал с себя ответственность за выпуск из крепости пьесы, написанной в ее стенах узником.

Так началось странствие рукописи по разным учреждениям. Из крепости она перешла в департамент полиции, отсюда в

¹ И. С. Зильберштейн, Репин и Горький, М.—Л., 1944, стр. 53—54. См. также «Художественное наследство Репина», т. I, ред. И. Э. Грабаря и И. С. Зильберштейна, изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1948; на стр. 41 отмечено, что рисунок «А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца» оставался до последнего времени неопианным и неизданным, «хотя он и является одним из наиболее замечательных в ряду репинских произведений подобного рода и в то же время входит в состав основных документов горьковской художественной иконографии».

С.-Петербургское жандармское управление, а от жандармов — к цензору драматических сочинений и от него — в главное управление по делам печати.

Здесь уместно привести оценку цензором пьесы Горького со стороны ее политического содержания. Он не мог не разглядеть, что автор комедии совсем не выполнил своего намерения, высказанного в его просьбе разрешить писать пьесу, не касаясь «общественных вопросов».

Мы приводим из заключения цензора выдержку: «считаю долгом присовокупить, что у меня не возникает ни малейших сомнений в совершенной недопустимости (постановки) на сцене рассматриваемого произведения ввиду его крайней тенденциозности, могущей вызвать при исполнении пьесы только нежелательные последствия».

Цензор писал: «Основной мыслью пьесы является рознь, существующая между народом, представляющим из себя «лес, полный сумрака и гниения», и богатыми классами, т. е. интеллигенцией, против которой в народе давно уже растет ненависть; затронут и рабочий вопрос изображением на сцене в роли «угнетенного и оскорбленного» именно представителя рабочего класса. Свидетельствуя, что народная ненависть уже вырвалась на улицу и люди, дикие, озлобленные, с «наслаждением истребляли друг друга», автор предвещает, что «их злоба обрушится когда-нибудь на слепую, опьяненную не делом, а только красивыми словами и мыслями интеллигенцию за невнимание к тяжелой, нечеловеческой жизни низшего класса, за то, что она сыта и хорошо одета». Вообще в пьесе то и дело подчеркивается угнетение бедного труженика, в котором не хотят даже признать «человека», этого «слепого крота», укрывающегося в «тесных норах», которому свободомыслящие «дети солнца» должны помочь выбраться из настоящего отчаянного положения и «вырасти» гордым орлом»¹.

Когда цензор говорил о нежелательных последствиях, которые могут быть вызваны постановкой на сцене пьесы Горького, он имел в виду, конечно, прежде всего изображение на сцене в роли угнетенного и оскорбленного представителя рабочего класса. Цензура рассматривала рукопись пьесы в августе 1905 года. Еще ни в какой степени не изгладились из памяти народа события «кровавого воскресенья». Быстро поднималось революционное движение в России. В самой различной форме происходили протесты различных общественных групп и открытые выступления рабочих. Понятно, что не без основания пред-

ставлялись цензору манифестации театральной публики на спектакле «Дети солнца».

Между тем Алексей Максимович, уже освобожденный и проживавший в Риге, испытывал большие волнения и тревогу за судьбу своего труда. Он писал Пятницкому в Петербург о своей рукописи: «...мне все кажется, что ее уничтожат, не потому, что найдут вредной, а так, на зло». Наконец, Пятницкому удалось получить пьесу и отослать ее Алексею Максимовичу, который благодарил его за то, что вырвали рукопись «из пасти ада»¹.

Сам же Горький еще несколько месяцев стоял перед этой «адовой пастью», куда правительство готовилось его препроводить при помощи своего суда.

§ 23. ДОЗНАНИЕ И СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

После событий 9 января 1905 г. правительственная репрессия была направлена не против виновников расправы с рабочими, шедшими ко дворцу с петицией, а против самих рабочих и против тех, кто хотел предупредить кровавую бойню, кто заявлял министрам свои опасения о возможности пролития народной крови.

Мы уже знаем, что Горький в своем революционном воззвании предъявлял обвинение царю и его министрам. Правительство же поспешило расправиться с Горьким и другими членами депутации, с самими рабочими и представителями столичной передовой интеллигенции.

Ленин в статье «Трепов хозяйничает», напечатанной за границей в газете «Вперед», уже 25 января сообщал: «Аресты посыпались как из рога изобилия». Он указывал на взятие под стражу членов депутации к министрам и на массовую высылку рабочих из столицы: «С рабочими новый диктатор совсем уже не церемонится. С четверга начали хватать их кучами и высылать на родину»². В. И. Ленин приводил и несколько имен сотрудников печати, захваченных полицией.

Первыми были арестованы члены депутации к министрам. Департамент полиции, учитывая не соответствовавшие действительности донесения своих заграничных и столичных секретных

¹ См. К. Пятницкий, Дело о Горьком и 9 января, «Ленинградская правда» 16 марта 1927 г. № 61.

² В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 111, 112.

¹ Центрархив, Революционный путь Горького, 1933, стр. 92.

агентов, был готов в арестованных и заключенных в Петропавловскую крепость литераторов и общественных деятелей видеть членом «революционного комитета». Охранное отделение употребило именно этот термин, знакомый ему из французской революции конца XVIII века. Очевидно, департамент полиции пускал в ход это страшное для правительства наименование, чтобы сильнее напугать его и ярче выставить свои заслуги.

Департамент полиции рапортовал министру внутренних дел о заграничной конференции русских революционеров. Она якобы поставила своей задачей организовывать в России забастовки рабочих, студенческие волнения, обращения различных кружков к правительству с самыми крайними требованиями. В мнимую центральную организацию, существовавшую только в донесениях секретных агентов, Петербургское охранное отделение «зачислило» большую группу в качестве членов этой организации, а Максима Горького было готово поставить во главе организации.

Охранка задумала представить шествие рабочих к Зимнему дворцу как результат деятельности революционного комитета. Именно поэтому были произведены обыски одновременно у всех членов депутации к министрам и заточение восьмерых в Петропавловскую крепость, несмотря на то, что обыск не дал жандармам никаких документов, которые могли бы хотя сколько-нибудь быть использованы для доказательства существования революционного комитета.

Выбор Петропавловской крепости местом заключения для вновь арестованных сам по себе показывает, какое большое значение придавало правительство произведенным арестам.

Департамент, следуя давно выработанным приемам своей тактики, не сообщил заключенным в крепость причину ареста ни при их задержании, ни в ближайшие дни. Однако он проявил на этот раз несвойственную ему быстроту действий. Допросы арестованных начались уже через четыре дня, во второй половине января.

Всех арестованных спрашивали: признают ли они себя виновными «в участии в сообществе, заведомо поставившим целью своей деятельности ниспровержение существующего в России общественного строя»; во-вторых, ставился вопрос об участии «в революционном комитете из представителей всех революционных фракций, который будто бы взял на себя руководство подпольной организацией с целью ниспровержения существующего государственного порядка путем устройства повсеместных забастовок, волнений среди учащейся молодежи, предъявлений

отдельными кружками к правительству самых крайних требований».

Постановление о возбуждении дознания против А. М. Пешкова по обвинению его в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 126 и 132 Уголовного уложения, было составлено 15 января 1905 г. Оно обосновывалось сведениями департамента полиции об образовании якобы в конце 1904 года в С.-Петербурге комитета из представителей действующих в империи противоправительственных фракций, о вхождении в этот комитет А. М. Пешкова. Другим основанием для такого привлечения указывалось нахождение у одного из арестованных воззвания, написанного рукой Горького.

Постановление о предъявлении к Горькому обвинения в государственных преступлениях было подписано подполковником отдельного корпуса жандармов Конисским и товарищем прокурора А. Быковым.

М. Горький в своих воспоминаниях о В. Г. Короленко дал описание жандарма Конисского; он вспоминал, как в 1897 году после ареста в Нижнем его отвезли в Тифлис и здесь в Метехском замке его допрашивал ротмистр Конисский. «Странный человек был этот ротмистр, — писал Горький, — маленький, движения мягкие, осторожные, как будто неуверенные, уродливо большой нос грустно опущен, а бойкие глаза — точно чужие на его лице, и зрачки их забавно прячутся куда-то в переносицу»¹.

Не лишне будет припомнить здесь, как относился Алексей Максимович к жандармским допросам, которым он подвергался несколько раз. Его презрение к жандармам прорывалось наружу. Так, например, услышав похвалы жандармского ротмистра «своему земляку» писателю Короленко, а вместе с тем и его похвалы своим предком епископом Конисским, которым он гордится, Горький с явной иронией задал жандарму вопрос: «Кто же больше возбуждает его гордость — предок или земляк?» — и получил ответ: «И тот и другой, конечно, и тот и другой!» Тогда Горький сердито заметил, «что он плохо понимает гордость человеком, которому чрезмерно любезное внимание жандармов так много мешало и мешает жить».

О настроении Горького во время допросов его по делу 9 января 1905 г. и по другим политическим делам можно судить по собственным его словам. Так, он писал с горечью, как, «бывало, ночами, наедине с собою, вдруг почувствуешь себя в положении непойманного уголовного преступника», его окружают

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, Воспоминания, Заметки о В. Г. Короленко, стр. 136.

шпионы, следователи, прокуроры, все они ведут себя так, как будто считают преступление несчастием, печальной «ошибкой молодости», и только сознайся — они великодушно простят тебя. Но в глубине души каждому из них непобедимо хочется уличить преступника, крикнуть в лицо ему торжествующее: «Ага-а!».

«Нередко приходилось стоять в положении ученика, вызванного на публичный экзамен по всем отраслям знания». «Како веруешь? — пытали меня начетчики сект и жрецы храмов»¹. Горький называл такие допросы «пыткой словами», когда душу посещают, как ярмарочный балаган, и топчут ее...

В деле 1905 года протоколам допросов Алексея Максимовича предпослана справка из дел департамента полиции о предшествующих привлечении его к дознаниям по делам о государственных преступлениях. Из нее можно видеть, что в январе 1905 года Горький привлекался уже пятый раз.

Зафиксированные департаментом случаи, когда ему удавалось наложить свою тяжелую руку на «нижегородского цехового и литератора», начались с 1889 года. Тогда Горькому было всего 20 лет. Во второй раз жандармерия арестовала его в 1897 году, т. е. восемь лет политическая полиция довольствовалась негласным надзором за писателем. Через четыре года, в 1901 году, Алексей Максимович привлекался дважды.

Основания для привлечения Горького к ответственности каждый раз в течение этих лет были новые. Сначала ему было поставлено в вину укрывательство революционера, привлеченного к дознанию. Затем его привлекали к ответу за участие его самого в тайном кружке пропагандистов среди рабочих. В третий раз обвинение было предъявлено в приобретении мимеографа для издания преступных воззваний к рабочим соромовских заводов. Вслед за тем Алексея Максимовича привлекли к ответственности за устройство демонстраций и недозволенных сборищ. Таким образом, на протяжении 16 лет Горький имел полную возможность ознакомиться с политическим сыском и местами заключения не только в своем родном Нижнем Новгороде, но также и в Тифлисе, в знаменитом Метехском замке. Это знакомство Горького с тюрьмами и жандармами завершилось в 1905 году заключением его в Петропавловскую крепость с кратковременным пребыванием в Рижском исправительно-арестантском отделении, охранном отделении в Доме предварительного заключения Петербурга.

¹ М. Горький, Собрание сочинений, т. 22, Воспоминания, Заметки о В. Г. Короленко, стр. 137—138.

Перед жандармами и прокуратурой столицы предстал в 1905 году не новичок, а человек, искушенный на революционном пути, с огромным житейским опытом и именем, известным всему миру. Горький, вспоминая о допросах его Конисским по делу 9 января, писал И. Груздеву: Конисский, «допрашивая меня по делу 9 января, сказал, вздохнув: «Однажды я из-за вас уже потерпел, да вот и теперь то же, кажется, будет: арестом вашим Европа обеспокоена». Он был человек добродушный, неумный и невежественный. На третьем допросе он тихонько сообщил мне: «Знаете, за вас очень хлопочет ваш друг Дон-Педро, король португейский»¹. Не известно, откуда этот жандарм получил сведения о заступничестве за Горького короля Дон-Педро, но несомненно, что это имя произвело на него большее впечатление, чем беспокойство Европы за участь арестованного писателя.

Поведение Алексея Максимовича на дознании, в противоположность поведению некоторых одновременно с ним арестованных членов депутации, было стойким. Он один из всех восьми заключенных в Петропавловскую крепость по делу 9 января признал свое присутствие в этот день на улицах Петербурга. В своем показании 17 января он открыто подтвердил написание им воззвания «под впечатлением всех ужасов, виденных им по пути от Знаменской улицы до Академии Художеств, у Дворцового моста, у Полицейского моста»².

Точно так же в противоположность другим арестованным Горький подчеркнул в показании свою связь с рабочими. Он отказался называть какие-либо фамилии, сославшись на запомывание, а вместе с тем и на свое «нежелание вмешивать их в это печальное дело».

Горький, вероятно, отвечая на поставленный ему жандармами вопрос, отрицал свою революционную работу среди рабочих: «Революционной пропагандой среди рабочих я вообще никогда не занимался». Такой ответ не соответствовал действительности. Перед жандармами лежала уже известная нам «справка», в которой дважды отмечалось привлечение Горького к ответственности за агитацию среди рабочих. Однако в руках жандармов не было достаточных доказательств участия Горького в пропаганде среди рабочих, и потому дела были направлены на прекращение. Формально Горький оказывался

¹ И. Груздев, Горький в Тифлисе, «Молодая гвардия» 1927 г. № 10, стр. 210.

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1905, № 882, «Об А. М. Пешкове», первое показание Горького 17 января.

невиновным. С точки зрения революционной тактики он поступал совершенно правильно, отрицая свою революционную пропаганду среди рабочих.

В показаниях Горького чувствуется большая осторожность по отношению ко всем другим лицам, которых жандармы уже привлекали к дознанию. На первом допросе он поспешил подтвердить написание инкриминируемого ему воззвания лишь им одним, без всякого участия и ведома других членов депутации к министрам.

Из протокола первого допроса можно предположить об интересе жандармов к кругу лиц, с которыми был знаком или близок Алексей Максимович в Петербурге. И этот интерес агентов политического сыска не был удовлетворен. Горький ограничился самыми общими фразами и заявлением об отсутствии у него в Петербурге личных связей с петербургскими литературными кругами. Называя же своего давнишнего знакомого Н. Ф. Анненского, он добавлял, что они не бывали друг у друга. Попавший в важнейшую государственную тюрьму писатель прекрасно знал, что близость с ним не обещает ничего хорошего его знакомым и может повлечь преследования жандармами. Поэтому и видна постоянная забота Горького оградить от полицейских лап своих друзей и знакомых.

Предусмотрительно и остроумно с юридической точки зрения было показание автора «преступного воззвания» о намерении его распространить обращение к обществу лишь после одобрения написанного другими членами делегации к министрам. Поскольку коллегиального обсуждения и одобрения не последовало, а распространить воззвание предполагалось путем напечатания его в легальной печати, вставал юридический вопрос, как квалифицировать действия Горького по уголовному закону.

Такой же характер предусмотрительности носили показания Горького и в отношении рабочих — участников собрания для выработки петиции к царю и для подготовки их шествия к Зимнему дворцу. Горький подчеркивал наличие в петиции экономических требований и отсутствие в рабочей массе, шедшей ко дворцу, революционных побуждений. Он слышал от рабочих о том, что шествие ко дворцу не встречает препятствий со стороны полиции.

Эта часть показаний обрисовывала всю преступность произведенной 9 января бойни с многочисленными жертвами среди рабочих. Здесь обвиняемый А. М. Пешков превращался в обвинителя всех тех, кто совершил кровавую бойню. В своем показании он не только не скрывает, но и подчеркивает свою инициативу по организации депутации к министру внутренних дел

в целях предупреждения кровопролития.

Совсем не случайно Алексей Максимович записал в своем показании, что депутация направлялась к Святополк-Мирскому не только как к министру внутренних дел, но и как к «человеку». Депутация не была принята. Святополк-Мирский отказался принять ее даже и после того, как председатель совета министров звонил ему по телефону и сообщил о желании делегации, как выразительницы мнения группы литераторов и ученых, быть принятой. Ему не было никакого дела до общественного мнения; он был уже готов встретить пулями, штыками и саблями народ, направлявшийся к Зимнему дворцу.

Первый допрос Горького был наиболее подробным из всех шести. На остальных допросах Горькому приходилось лишь подтверждать свои показания по вопросу о написании им революционного воззвания.

Так, 20 января состоялся второй допрос. Охранники еще не успели сфабриковать новых пунктов обвинения, поэтому показания Алексея Максимовича не добавляли чего-либо нового к его первому показанию. Однако и 20 января с новой силой проявилось стремление Горького оградить членов депутации от ответственности за революционное воззвание. Он говорил: «К показанию моему по существу его я ничего не могу добавить, считаю только нужным повторить, что рукопись, начинающаяся словами «мы, нижеподписавшиеся», написана мною по личной моей инициативе, о намерении моем написать ее я никому не говорил из лиц, входивших в состав депутации, и вообще — никому. Без просмотра и одобрения, — буде таковое состоялось бы, со стороны лиц, составлявших депутацию, — рукопись эту я бы не выпустил из своих рук».

Однако жандармерию и прокуратуру заинтересовали и некоторые другие обстоятельства, которые она захотела использовать в своих целях для обвинения не только Горького, но и остальных членов депутации. Такими обстоятельствами были полученные на имя Горького письма из-за границы от лиц, не знавших об аресте Горького, и участие некоторых из членов делегации в конце 1904 года на одном ужине, на котором проносились речи нежелательного для администрации характера.

В конце 1904 года в одном из обширных наемных зал Петербурга состоялось торжественное очень многолюдное собрание столичной интеллигенции для празднования 40-летия со времени издания судебных уставов 1864 года. Празднование 40-летнего юбилея походило в некоторой степени на поминки по судебным уставам. Попытка жандармерии и прокуратуры представить чле-

нов депутации 8 января к министрам как организаторов и руководителей преступного сообщества для ниспровержения существовавшего государственного строя потерпела настоящий провал. Поэтому 20 ноября звучали погребальные мотивы, которые не приходились по вкусу всем «власть имущим». Но собрание этим не ограничилось. Оно заслушало и доклад о необходимости представительного законодательного учреждения и притом не с совещательным, а с решающим голосом. Для департамента полиции это тоже была крамола.

Подвергся допросу об этом собрании и Алексей Максимович. При революционном направлении взглядов Горького доклад не представлял для него интереса. Признавая в показаниях на третьем допросе 27 января свое присутствие на упомянутом докладе, он назвал речь историка «очень длинной и скучной». Он сказал, что плохо ее слышал и, сидя в конце зала, «мало интересовался окружающим». Он признал также подписание им резолюции этого собрания, но подчеркнул, что дал свою подпись заранее на чистом листе, так как доверял автору резолюции.

Такие показания Горького о банкете 20 ноября 1904 г. не давали жандармам никакого материала для привлечения к ответственности ни его самого, ни других участников этого собрания.

Провалившись с первоначальными обвинениями, они сделали еще попытку отяготить предположенную ответственность писателя-гражданина, замыслив выдвинуть против него еще одно обвинение — его денежную помощь партии большевиков на издание ленинской газеты «Вперед». У администрации были на этот счет сведения, но не были собраны доказательства. Тем временем было перехвачено адресованное Горькому письмо некоего Афанасьева из Парижа с просьбой о высылке ему денег на поездку в Россию. Текст письма был туманен и давал возможность подозревать о революционных целях предположенной поездки.

Горький на четвертом его допросе 1 февраля дал такие объяснения, которые крайне затрудняли какое-либо использование жандармами указанного письма в интересах обвинения. Отвечая на поставленные вопросы, Алексей Максимович отозвался незнанием отправителя письма. Он не отрицал отправку им денег за границу, и в частности в Берлин, по делам издания его произведений, а также нередко и в виде помощи обращавшимся к нему за таковою. Горький допускал, что Афанасьев имел в виду какую-нибудь нелегальную деятельность, но сейчас же добавлял: «Это меня не касается, ибо я с революционными партиями сношений не имею».

Конечно, это ни в какой степени не соответствовало действительности. У него эти сношения были. Однако такое отрицание связи с революционерами было разумным и вполне отвечало тактике и этике поведения революционеров на допросах. Вот почему вполне понятна категоричность его заявления 1 февраля: «А затем я еще раз повторяю, что образ мыслей моих либерален и даже радикален, — этого я никогда не скрывал и не скрываю, это видно из моих предыдущих показаний, об этом же свидетельствует и моя литературная деятельность. Но должен категорически сказать, что никогда активного участия в противоправительственной деятельности я не принимал и не считаю себя способным к такой деятельности по моему духовному строю»¹.

Попытка жандармерии и прокуратуры представить членов депутации 8 января к министрам как организаторов и руководителей преступного сообщества для ниспровержения существовавшего государственного строя потерпела настоящий провал. Пришлось, скрепя сердце, прекратить дело по обвинению заподозренных в составлении преступного сообщества. С политической точки зрения это был для правительства скандальный и позорный провал.

После провала «грозного обвинения» становилось излишним содержание обвиняемых в государственном преступлении в казематах Петропавловской крепости. Арестованные постепенно были выпущены на свободу.

Последним покинул Петропавловскую крепость 12 февраля 1905 г. Максим Горький. Расстаться с ним жандармам было тяжелее, чем с кем-либо из остальных арестованных. Из крепости вывели его в черной карете с завешенными стеклами в губернское жандармское управление. Если рухнуло обвинение его как члена революционного комитета, то оставалась возможность обвинения его в написании преступного воззвания.

17 марта Алексею Максимовичу был вручен обвинительный акт в составлении им уже известного нам воззвания к обществу, причем в нем было сказано, что распространение этого воззвания не последовало по обстоятельствам, от воли Пешкова не зависевшим.

Сам Горький после освобождения его из крепости допускал возможность административной расправы с ним правительства без суда. В таком случае он решил добиваться «суда для себя —

¹ Архив ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1905, № 882 (л. 40); см. также В. Руднев, Горький — революционер, «Новый мир» 1928 г. № 3, стр. 215.

позора для семейства гг. Романовых и иже с ними». В случае же его осуждения он предполагал объяснить Европе, почему он революционер и каковы мотивы его преступления «против существующего порядка избиения мирных и безоружных жителей России, включая и детей». Так он писал своему другу Пятницкому.

В судебной палате дело было назначено к слушанию на 3 мая 1905 г., но отложено для направления к исследованию. Рост революционного движения в России заставил судебную палату прекратить дело по обвинению Горького. Это произошло 4 ноября 1905 г.

§ 24. БОЛЕЗНЬ А. М. ГОРЬКОГО И ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ КРЕПОСТИ

Пребывание Максима Горького в сырой камере Трубецкого бастиона не могло не отразиться на его здоровье. Прогулки по тюремному дворику на 15—30 минут были совершенно недостаточны для человека, больного туберкулезом. Мы уже знаем, что требование Е. П. Пешковой, заявленное ею после первого же свидания с мужем в двадцатых числах января, о предоставлении ему собственного платья было мотивировано именно состоянием его здоровья, но требование не было удовлетворено. Таким образом, антисанитарные условия заточения продолжали оказывать свое пагубное влияние на здоровье писателя.

Между тем сюда присоединялись еще и другие обстоятельства. Участились вызовы на допросы. Арестованного писателя увозили из крепости в губернское жандармское управление четыре раза, а именно: 27 января, 1, 4 и 8 февраля. В архивном деле мы видели одинаковые печатные бланки этих вызовов на допросы, обращенные «с покорнейшей просьбой» к коменданту крепости не отказать в выдаче государственного преступника Алексея Пешкова тому или другому поименованному в бумаге жандармскому офицеру. Такие вызовы и допросы тоже оказывали пагубное влияние на здоровье Алексея Максимовича. Надо предположить, что чрезвычайно интенсивная умственная работа над пьесой «Дети солнца» также оказывала отрицательное влияние на здоровье заключенного. Известно, что он просиживал за работой до двух часов ночи.

Быстрое ухудшение здоровья Алексея Максимовича видела Екатерина Павловна Пешкова при посещениях его в крепости. Два из этих свиданий происходили по всей строгости соответ-

ствующих тюремных правил: Алексей Максимович и Екатерина Павловна были отделены друг от друга двумя металлическими решетками, между которыми за столиком помещался смотритель тюрьмы; разговор происходил над его головой¹.

Сведения о быстром ухудшении здоровья Максима Горького дошли до членов общества взаимопомощи работников печати — Литературного фонда. Это общество 2 февраля постановило возбудить перед генерал-губернатором ходатайство об освобождении писателя. Через несколько дней председатель Литературного фонда Вейнберг добился приема у генерал-губернатора Трепова и позднее сообщил в печати свои тяжелые впечатления от этого приема. Всесильный вершитель судеб российских граждан принял более чем сухо представителя объединения писателей. Он начал с отрицания за Литературным фондом права ходатайства за арестованного писателя: «Литературный фонд не есть учреждение, уполномоченное входить с подобными ходатайствами и имеющее право вмешиваться в распоряжения начальства».

На указания Вейнберга о необходимости лечения заболевшего арестованного Трепов сослался на наличие для этого тюремных больниц. В ответ на необходимость легочно- и сердечно-больным людям чистого воздуха Трепов указывал на их прогулки по тюремному дворику². Представитель передовой общественности и генерал-губернатор говорили на разных языках.

Но не власть придворной знати, а передовая общественность, русская и зарубежная, вышла победительницей в этой схватке за узника-писателя. К началу февраля протесты против ареста Горького достигли высшего предела. Е. П. Пешкова, видя в требованиях об освобождении Горького опору и своим требованиям, заявила 5 февраля об ухудшении здоровья арестованного писателя и о необходимости его скорейшего освобождения. Директор департамента полиции 8 февраля предложил коменданту крепости поручить тюремному врачу освидетельствовать состояние здоровья «арестанта» А. М. Пешкова и сообщить «о влиянии на его здоровье содержания под стражей».

¹ Е. П. Пешкова рассказала мне не лишенный интереса эпизод из истории этих свиданий в крепости. Получив разрешение департамента полиции взять на свидание с отцом маленького сына Максима, она прибыла с ним в крепость. Комендант крепости не допустил мальчика на это свидание и распорядился отправить его обратно на квартиру в сопровождении жандарма.

² См. П. Вейнберг, статья в газете «Русское слово», 1906, № 39.

На следующий же день, 9 февраля, комендант крепости приказал: «...в 12 час. 30 мин. дня произвести тюремному врачу в присутствии заведующего арестантскими помещениями освидетельствование состояния здоровья арестованного, содержащегося в камере Трубецкого бастиона под № 39»¹. В тот же день заключение врача, нашедшего у А. М. Пешкова «катар верхней доли левого легкого», было препровождено в департамент полиции. 12 февраля Алексей Максимович был освобожден из Петропавловской крепости, но помещен в Дом предварительного заключения. Замена одной тюрьмы другой, хотя бы и с менее суровым режимом, не отвечала целям оздоровления условий жизни писателя, чтобы спасти его от вспыхнувшего процесса в легких. Результатом дальнейших хлопот друзей Горького было освобождение его 14 февраля под залог в 10 тыс. руб.

Об освобождении Алексея Максимовича из заключения рассказал в своих воспоминаниях К. П. Пятницкий, принимавший в этом деятельное участие. Первоначально губернское жандармское управление соглашалось освободить Горького под поручительство какого-либо известного состоятельного лица, а затем согласилось освободить под залог в 10 тыс. руб.

14 февраля Пятницкий запасся 10 тыс. руб. и приехал в охранное отделение. Здесь в кабинете Конисского он нашел Алексея Максимовича. Тут же находился тяжелый чемодан, доставленный из крепости, очевидно, он был с книгами. После пересчета принесенной денежной суммы и выдачи соответствующей расписки на имя поручителя Горький был выпущен из жандармского управления. Он поехал на квартиру к Пятницкому, где находились Екатерина Павловна Пешкова с сыном Максимом. Но едва он приехал туда, как жандармский подполковник, только что отпустивший Алексея Максимовича, пригласил его по телефону немедленно вернуться в жандармское управление. Оказалось, что начальник охранного отделения самым решительным образом воспротивился оставлению Горького на свободе в столице, хотя бы и на один час. Конисский препроводил Горького в охранное отделение. Отсюда Алексей Максимович вечером был вывезен на вокзал железной дороги для выезда в Ригу. Охранное отделение послало секретных агентов сопровождать писателя до избранного им места своего пребывания в Риге. Из рук агентов Петербургского охранного отделения он попал в Риге в руки Рижского жандармского управления. Об

¹ ЦГИА в Ленинграде. Управление коменданта С.-Петербургской крепости, фонд 1280, опись 123, 1905, «О медицинском освидетельствовании секретно арестованных лиц».

этом безотлучном сопровождении его агентами политического сыска Горький писал Пятницкому немедленно по приезде из Петербурга в Ригу. Он с иронией сообщал в письме: «Доехали мы вполне благополучно, под надежной охраной солидного человека с большим носом и рябым лицом, проводившего нас до Риги. Здесь в гостинице нам дали пару внимательных соседей, тайно образующих надзор за нашим поведением и животворящих собою мудрость властей. Вообще все идет хорошо, обычно и привычно...»¹.

Так начиналась жизнь А. М. Горького «на свободе». Неустанный надзор секретных агентов был привычен для писателя. Они сопровождали его не только в России, но и за пределами родной страны, далеко за границей. Надзор продолжался после «кровавого воскресенья» еще 12 лет, пока не положила конец этому Великая Октябрьская социалистическая революция.

Эта слежка изо дня в день за каждым шагом пролетарского писателя была бессильна прервать его творчество. Оно росло и крепло. Росла, крепла и ширилась по всему миру слава Максима Горького как пролетарского писателя.

¹ К. Пятницкий, Дело о Горьком и 9 января, «Ленинградская правда» 11 марта 1927 г. № 58.

Глава седьмая

БЫВШИЕ ШЛИССЕЛЬБУРЖЦЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1905 ГОДУ

§ 25. НА ПУТИ ИЗ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

В ТРЕТЬЕМ томе «Истории царской тюрьмы» я дал список узников Шлиссельбургской крепости с 1884—1906 гг., т. е. за весь период существования так называемого «старого Шлиссельбурга». В списке даны сведения о времени поступления в крепость каждого из заключенных и о времени его выбытия из нее с указанием оснований выбытия.

Мы показали, что заключение в эту твердыню самодержавия было для очень многих узников замаскированной смертной казнью. Выход из этого склепа в ссылку или на поселение был редким событием.

Закрытие в 1905 году тюрьмы Шлиссельбургской крепости привело к событию, небывалому во всей истории Шлиссельбургской крепости. 28 октября 1905 г. крепостные ворота раскрылись с тем, чтобы выпустить из тюрьмы сразу восемь ее давних заключенных. Из них трое провели в крепости каждый по 21 году, т. е. пробыли в ней время со дня открытия крепости и до дня ее закрытия. Остальные пятеро освобожденных провели в зато-

чении каждый по 18 лет. Их заточили сюда молодыми, а выходили они старыми. Однако их спины не были согбенными, а головы склоненными. Духовно они были почти такими же молодыми, как за два десятка лет перед тем. Они доказали это своей последующей жизнью, и особенно те из них, которым судьба дала счастье прожить хотя бы несколько лет после свержения царизма. Среди них оказалась освобожденная в 1904 году Вера Фигнер, которая была узницей не только Шлиссельбургской, но и Петропавловской крепости. В Трубецком бастионе этой крепости, превращенном Советской властью в государственный музей, особо отмечена одиночная камера, где была заточена Фигнер перед тем, как она провела 20 лет в Шлиссельбургской крепости. Второй раз она была заключена в Трубецкой бастион после перевода из Шлиссельбурга, перед тем как ее отправили в ссылку на Север.

По общему правилу, узники Шлиссельбургской крепости перед их отправлением в ссылку перемещались из казематов этой крепости в одиночные камеры пересыльной тюрьмы или Дома предварительного заключения. Исключение из этого правила составили узники, освобожденные из Шлиссельбурга в 1905 году, и освобожденная в 1904 году Вера Фигнер. Царское правительство не решалось переместить своих врагов в какую-либо тюрьму, кроме Петропавловской крепости.

Перед историком Петропавловской крепости встает необходимость остановить внимание читателей и на этих ее узниках, которые за 18—21 год перед этим были заточены то в казематах страшного Алексеевского рavelина, то в камерах Трубецкого бастиона, то в обеих этих тюрьмах Петропавловской крепости.

Таких случаев в истории Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей было немного. За шесть лет XX века (1900—1905 гг.) в Шлиссельбургской крепости перебивало 27 человек. Из них шесть погибли на виселице, десять были перед их переводом на каторгу или на поселение перемещены в пересыльную тюрьму или в Дом предварительного заключения и 11 человек перед их освобождением или ссылкой вторично стали узниками Петропавловской крепости.

Из этих 11 заключенных, перемещенных из Шлиссельбургской крепости в Петропавловскую, надо сбросить со счета Качуру, осужденного в 1902 году за покушение на убийство Харьковского генерал-губернатора князя Оболенского. Он оказался предателем. Жандармы использовали его откровенные показания и не один раз вывозили его из Шлиссельбургской крепости в Петропавловскую для всяких допросов. В Петропавловскую

крепость в течение полутора лет он поступал четыре раза, пока не был в 1904 году помилован и освобожден из Шлиссельбурга. Его переживания при этих сменах одной крепости на другую, конечно, совсем не походили на переживания тех узников, которые безысходно провели в крепости по 18—21 году.

Один из этих заключенных, Стародворский, хотя и провел в крепости 18 лет, но его освобождению из Шлиссельбурга предшествовала кратковременная отлучка из крепости для добровольных бесед в департаменте полиции. Он был освобожден в 1905 году на два месяца раньше, чем остальные восемь узников Шлиссельбурга.

За 11 месяцев до освобождения восьмерых узников Шлиссельбурга (Морозова, Новорусского, Фроленко, Лукашевича, Попова, Лопатина, Иванова, Антонова) была переведена 19 сентября 1904 г. за истечением срока заточения в Трубецкой бастион Вера Фигнер. Ей более чем кому-либо другому из числа узников Шлиссельбурга история царской тюрьмы обязана за ее воспоминания о пребывании в царских тюрьмах. Один из ее талантливых очерков знакомит читателей, в частности, и с переездом из Шлиссельбургской крепости в Петропавловскую. Есть все основания думать, что переживания этой женщины были очень сходны с переживаниями ее товарищей. Подтверждение этого мы находим на страницах мемуаров, оставленных Новорусским, Поповым и др.

В. Н. Фигнер остановилась в своих воспоминаниях на описании оставления Шлиссельбурга, перевоза ее на пароходе в Петропавловскую крепость и пребывания в этой последней. Она вспоминала, как последний раз при выходе из своей тюремной камеры она проходила по тому самому мосту тюремного коридора второго этажа, который она называла «Мостом вздохов». Она пишет: «Уверенным, привычным шагом иду я по привычным местам, как ходила раньше, тысячу раз ходила; иду, как будто меня ждет обычная прогулка или работа в мастерской, а не великий перелом жизни — возвращение в «мир». Но как только я переступаю за рубеж, вхожу в новую непривычную обстановку, мне делается дурно: тело теряет равновесие, пол, как вата, поддается под ногами, а стена, за которую я тщетно стараюсь ухватиться рукой, быстро, как декорация, убегает вперед.

— Я не могу идти! — с плачем восклицаю я. — Я не могу идти — стена двигается!

Сопутствующие жандармы подхватывают меня, не давая упасть.

— Это от свежего воздуха, — успокоительно объясняет вахмистр»¹.

Такое же состояние при оставлении крепости испытывал и М. В. Новорусский. Он вспоминал: «Еще два шага — и мы за воротами крепости. Моим глазам открылся простор, невиданный 18 с половиной лет. Сколько раз ранее я живо представлял себе этот момент! Но действительность превзошла все мои ожидания: у меня захватило дух, закружилась голова, я пошатнулся и, кажется, готов был упасть и потерять сознание»².

Фигнер и Новорусский, оставившие Шлиссельбургскую крепость не одновременно и опубликовавшие свои статьи также в разное время, как будто сговорились между собою: они оба вспоминали о том своем низком поклоне, который они отвешивали Шлиссельбургской тюрьме при выходе из нее.

Это был поклон, конечно, не самим стенам крепости, не казематам, где было так много пережито. Это было преклонение перед памятью всех здесь умерших, всех здесь замученных. Безвестные или широко известные, вписавшие свое имя в историю русской революции, они были особенно дороги тем, кто были их товарищами по этой страшной тюрьме и кто теперь выходил из нее на свободу.

М. В. Новорусский вспоминал: «В первые минуты, очутившись на палубе, мы устремляли свои взоры не столько на широкое раздолье вольного мира и темную зыбь красавицы Невы, сколько на ту каменную твердыню, где мы оставили лучшую часть своей жизни. И не мудрено. Там, именно там, было похоронено нами столько друзей и столько гордых дум, горячих сердечных порывов, бескорыстных стремлений и пережито еще более тяжких, неизгладимых страданий!

Да, как прекрасен божий свет, если взглянуть на него девственными очами в первый день своего второго рождения! Как все в нем прелестно, жизнерадостно и гармонично! И какой восторг и раздолье очутиться снова на лоне этой природы, ее вольным сыном, способным двигаться и двигаться тут и там по собственному произволению»³.

Такие же чувства испытывал и М. Р. Попов: «Жалкие красоты природы Шлиссельбурга нам казались чем-то удивитель-

¹ В. Н. Фигнер, Запечатленный труд, ч. 2-я, «Когда часы жизни остановились», т. II, М., 1932.

² М. В. Новорусский, Записки шлиссельбуржца, 1887—1905 гг., П., 1920, стр. 232. См. об этом статью этого же автора «Выход из Шлиссельбурга на волю», «Минувшие годы» 1908 г. № 12 (декабрь).

³ М. В. Новорусский, Записки шлиссельбуржца, 1887—1905, П., 1920, стр. 236—237.

ным после столь долгого прозябания в стенах крепости, во дворе тюрьмы, где, кроме старых крепостных стен сырых, наш глаз ни на чем не останавливался... Нам казался расстилавшийся перед нами горизонт, не скрытый от наших глаз крепостными стенами, чем-то необычайным, что только может приниться во сне»¹.

Несколько иными были впечатления Веры Фигнер. Когда она была выведена за стены крепости, перед нею предстал огромный простор, которого она не видела 20 лет. Она увидела красоту раскрывшейся перед нею картины, но не восхищалась ею. Она писала: «Все красиво. Я сознаю эту красоту, но не чувствую ее, не радуюсь ей, не восхищаюсь, и сама дивлюсь, что остаюсь холодной и только наблюдаю»². Вспоминая свои чувства при виде берегов Ладожского озера и Невы, она отметила, что эти картины напоминали ей иллюстрации из журнала «Нива». Она забыла живую природу, но помнила ее по изображениям в иллюстрированном журнале...

Через два года после освобождения из крепости Вера Фигнер выехала за границу, побывала в Швейцарии, Франции, Голландии и других странах. Время несло ей выздоровление, и она останавливается в своих очерках на описании тех или других картин природы. В одном из таких очерков она красочно описывала природу в месте своего пребывания на берегу моря, среди развесистых пальм и лимонных деревьев. Она прямо говорила о своей радости от всего увиденного: «Душа ликует: как чудесен мир, какая красота открыта человеку, и даже скажешь про себя: «как хороша жизнь»³.

Мне самому пришлось видеть В. Н. Фигнер вскоре после ее освобождения из Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей, когда в 1906 году после архангельской ссылки она проживала в Нижнем Новгороде. Ее нервность и впечатлительность были развиты до крайней болезненности. Она вздрагивала при звуке раздававшегося колокольчика у входной двери, болезненно реагировала на воспоминания об обращении тюремной стражи с узниками крепости. Припоминая такое ее настроение, я понимаю и удрученное состояние при перевозе ее из одной крепости в другую.

При моих последующих неоднократных встречах с Верой Николаевной Фигнер перед революцией и после нее я видел

¹ М. Р. Попов, Мечты о свободе. М., 1929, стр. 78.

² В. Н. Фигнер, Запечатленный труд, ч. 2-я, «Когда часы жизни остановились», т. II, М., 1932, стр. 247.

³ Там же, стр. 174—175.

перед собой здоровую и бодрую женщину, крепкую нервами и сильную духом.

Если перед глазами этих «выходцев с того света» вставляли картины природы, то в их мозгу вихрем неслись одни за другими политические вопросы. В этом нет ничего удивительного. Ведь политика была скрыта от узников стенами крепости еще больше, чем сама природа. Одной из самых крупных особенностей пребывания в Шлиссельбургской крепости, как мы уже не раз указывали в предшествующих томах нашей работы, была эта полнейшая оторванность заключенных от общественно-политической жизни родной страны. Вот почему уже на пароходе начались их расспросы о политической жизни России.

§ 26. ШЛИССЕЛЬБУРЖЦЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Узников Шлиссельбурга перевозили в Петропавловскую крепость на пароходе по Ладожскому озеру и по Неве. Так, выйдя из ворот одной крепости, они доставлялись к воротам другой. В. Фигнер вспоминала об этом: «Сердце сжалось: опять крепость!.. Вся в огнях сияет великолепная набережная Невы, когда около 10 часов вечера пароход «Полундра» остановился у Петропавловской крепости. Железные решетчатые ворота Трубецкой куртины Петропавловской крепости мне знакомы. 20 лет назад я выходила отсюда, оставив всякую надежду». Она хорошо знала и ту лестницу во второй этаж тюрьмы, по которой ее вел конвой. Ее проводят мимо камеры № 43, в которой она провела до суда почти два года. Ее помещают в другом коридоре и в другой камере. Конечно, тюремные камеры не изменились за 20 лет, как не изменилась и тюрьма в крепости, но вместо керосиновой лампы теперь, после самосожжения Марии Ветровой в 1897 году, было введено электрическое освещение.

Вспоминал свое прибытие и прибытие товарищей в Петропавловскую крепость и Новорусский. Их перевезли на двух пароходиках по четыре человека на каждом в сопровождении 18 жандармов и выгрузили у ворот крепости. Здесь на обширной гранитной площадке конвой Шлиссельбургской крепости передал их конвою Петропавловской крепости. Эти новоприбывшие были старыми «знакомцами» крепости. Из них трое (Морозов, Фроленко и Попов) были узниками не только Трубецкого бастиона, но и страшного Алексеевского рavelина. Пятеро остальных (Лопатин, Лукашевич, Антонов, Новорусский, Иванов) были заключенными Трубецкого бастиона. Новорусский вспоминал в своих записках, как восемь узников Шлиссельбурга «двинулись в свою

новую печальной памяти квартиру»... «ужасная Петропавловка» не произвела теперь впечатления на него и его товарищей, как «на новичков». «В общем она имела тот же удручающий вид, что и 20 лет назад, хотя кое-что было подремонтровано и подкрашено. Но на нас эта внешность уже совсем не действовала. Даже унылый перезвон курантов на колокольне, отбивающий каждую четверть часа похоронный марш всякому новичку, оказывающемуся во власти этой музыки, для нас, по крайней мере для меня лично, звучал игривою мелодиею. И эта мелодия ежедневно внедряла прочную уверенность в торжестве начал свободы и жизни»¹.

О первых часах вторичного пребывания в Трубецком бастионе рассказала лишь Фигнер. Возвращение на старые, но совсем не родные места было неприятно. Почти сейчас же к ней зашел в камеру кто-то из чинов тюремной администрации. Он повел себя не совсем обычно, с каким-то налетом гостеприимного хозяина; рекомендовал ей новое жилище, говоря: «У нас вам будет хорошо. Не то, что прежде; электричество и все удобства...», и указывал на лампу и на ватер-клозет без крышки (крышки были сняты для того, чтобы помешать заключенным стучать ими при коллективных протестах). Этот один из хозяев тюрьмы забрасывал заключенную, пробывшую 21 год в Шлиссельбургской крепости, расспросами. Но когда он разошелся до того, что бесцеремонно уселся на койку рядом с Фигнер, подобрав одну ногу под себя, она не выдержала и гневно потребовала, чтобы он ушел.

Пребывание бывших шлиссельбуржцев в Трубецком бастионе Петропавловской крепости было на этот раз непродолжительным². Они провели здесь следующее время:

Фигнер	с 19 сентября 1904 г. по 14 октября 1904 г.
Морозов	» 28 октября 1905 г. » 8 ноября 1905 г.
Фроленко	» 28 » 1905 » » 12 ноября 1905 г.

¹ М. В. Новорусский, Записки шлиссельбуржца, 1887—1905 гг., П. 1920; его же «Выход из Шлиссельбурга на волю», «Минувшие годы» 1908 г. № 12 (декабрь).

² Я воспроизвожу фотографический снимок с грифельной доски, на которой помещены 28 октября 1905 г. автографы восьми узников Шлиссельбурга (см. рис. 14). Грифельная доска была передана ими на память оставшемуся в крепости узнику Егору Созонову. Подлинность подписей была подтверждена директору Музея революции СССР тов. С. И. Мицкевичу Морозовым, Фроленко и Новорусским. Последний рассказал С. И. Мицкевичу историю происхождения грифельной доски, которая была куплена директором музея у неизвестного лица. Остался невыясненным тот путь, который прошла эта интереснейшая мемориальная доска от Созонова, покончившего самоубийством в каторжной сибирской тюрьме, до Музея революции СССР.

Лопатин	с 28 октября 1905 г. по 8 ноября 1905 г.
Новорусский	» 28 » 1905 » » 22 ноября 1905 г.
Попов М.	» 28 » 1905 » » 15 ноября 1905 г.
Лукашевич	» 28 » 1905 » » 19 ноября 1905 г.
Антонов	» 28 » 1905 » » 6 декабря 1905 г.
Иванов С.	» 28 » 1905 » » 12 ноября 1905 г.

С самого начала помещение бывших заключенных Шлиссельбургской крепости в Трубецкой бастион рассматривалось как временное, до отправки этих бывших каторжан на поселение в качестве ссыльнопоселенцев. Такая судьба постигла освобожденную в 1904 году Веру Фигнер. Через 15 дней она была препровождена в архангельскую ссылку. Для восьми ее товарищей, освобожденных из Шлиссельбургской крепости 28 октября 1905 г., нараставшее революционное движение заставило правительство отказаться от уже намеченной ссылки в Сибирь. В это время развернулась стачка на железнодорожных путях, и не было возможности препроводить шлиссельбуржцев в Сибирь. Было решено отпустить их к родным, а в одном случае даже и к постороннему лицу на поруки под гласный надзор полиции. Освобождение из Трубецкого бастиона того или другого узника произошло в сроки от 9 до 25 дней, в зависимости от прибытия за ними их родственников или знакомых.

Мне кажется, интересно выяснить, как протекали для этих заключенных дни их пребывания в Петропавловской крепости. В этих целях я ознакомился с личными архивными делами департамента полиции о каждом из этих заключенных.

Все эти дела носят на себе следы их давнего пребывания в архиве. Каждое начинается с года осуждения того или другого заключенного, с его биографии, составленной чинами царской

Рис. 14. Грифельная доска, на которой 8 человек, освобожденных из Шлиссельбургской крепости 28 октября 1905 г., оставили свои автографы.
Из Музея Революции СССР.

охранки, и с приговора суда почти всегда к смертной казни, замененной пожизненным или долгосрочным заключением в Петропавловской крепости, в Алексеевском равелине и в Шлиссельбургской крепости. Ни в одном из этих дел нет просьб самих осужденных об их помиловании, о сокращении срока их пребывания в Шлиссельбургской крепости, но много таких прошений находится в делах от имени матерей осужденных. Результат их подачи, за одним или двумя исключениями, был всегда один и тот же: «всемиловитивший» государь император всегда отвечал отказом на обращенные к нему всеподданнейшие мольбы матерей о милости к их детям.

В рассмотренных мною архивных делах о названных узниках Петропавловской крепости просьбы матерей были обращены сначала к Александру III, а затем к Николаю II. Императоры, отец и сын, продолжали упорно вести одну и ту же политику, отказывая матерям в смягчении участи их детей на протяжении двух десятков лет. Но отказы не сокращали энергию матерей. С упорной настойчивостью они писали просьбы, напрасно укаывая на свою глубокую старость, на свою близкую смерть. Немногим из просительниц выпало счастье увидеть своих детей, освобожденных из Шлиссельбургской крепости революцией 1905 года.

Как много было таких прошений от матерей к царю, дети которых были осуждены на смерть и каторгу! Когда я перечитывал эти просьбы, невольно вспоминались строки Некрасова:

Один я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей ниве
Своих поникнувших ветвей...

До какой степени были настойчивы эти просьбы матерей, видно, например, из дела М. Р. Попова. Он был осужден Киевским военно-окружным судом 26 июня 1880 г. В июле 1883 года его мать, не зная, где он находится, подает прошение с просьбой указать ей место нахождения сына. В том же году и месяце она подает просьбу царю о смягчении участи ее сына. Получив решительный отказ от Александра III, она 11 декабря 1894 г. подает просьбу его преемнику и снова получает отказ. В мае 1896 года новая просьба и новый отказ. Вскоре опять просьба и опять отказ. В 1900 году 18 апреля — пятое по счету «всеподданнейшее» прошение и пятый по счету отказ. В 1903 году 27 декабря — шестое прошение, адресованное на этот раз в ми-

нистерство внутренних дел. В 1904 году опять — прошение царю. И в том же году 29 декабря прошение к министру внутренних дел. Отказы не колеблют энергии матери, и 8 января 1905 г. она вновь требует от министерства внутренних дел освобождения ее сына. Получив отказ, она 6 апреля 1905 г. опять обращается к царю. Только революция 1905 г. вернула старухе матери ее состарившегося в тюрьме сына.

Изученные мною архивные дела шлиссельбуржцев, освобожденных в 1904 и 1905 годах, содержат немного сведений об их пребывании после Шлиссельбурга в Трубецком бастионе. Однако ни одно из этих дел не заканчивается годом их освобождения из Трубецкого бастиона. В каждом из этих дел департамент полиции собирал материалы об освобожденных узниках вплоть до их смерти или до последнего дня царизма, если этим старым революционерам выпало счастье дожить до свержения царизма и победы Октябрьской революции.

Первою узницей Шлиссельбурга, переведенной через 20 лет снова в Петропавловскую крепость, как указано выше, была Фигнер¹. Хотя одновременно с нею были также освобождены из Шлиссельбургской крепости Ашенбреннер и Иванов Василий, но их обоих переместили из Шлиссельбургской крепости не в Трубецкой бастион, как Фигнер, а в Дом предварительного заключения.

Из третьего тома «Истории царской тюрьмы» нам уже известна твердая решимость В. Н. Фигнер в условиях крепостных стен вести упорную борьбу в защиту интересов всех заключенных и высоко держать знамя революционной этики. Перед истечением срока заключения Фигнер, Ашенбреннера и Иванова в Шлиссельбурге комендант крепости давал характеристику каждого из них. Отнесясь хотя и сдержанно, но положительно к оценке поведения Ашенбреннера и Иванова, комендант писал о Фигнер, числившейся под № 11, следующее: «Что же касается арестантки № 11, то я этого не скажу, и хотя за время моего управления крепостью вела себя одобрительно, но постоянно видно было во всех поступках арестантов, нарушавших тюремные

¹ Сведения о В. Н. Фигнер помещены в архивных делах:

а) ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 5 делопроизводство, 1884, № 5288-а, ч. 7, «О 14 лицах, осужденных приговором С.-Петербургского военного суда от 28 сентября 1884 г. О Вере Николаевне Фигнер разведенной жене Филипповой»;

б) ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 2, ч. 3, «По пересылке писем и прошений содержащихся в С.-Петербургской крепости»;

в) ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 7 делопроизводство, 1915, № 655, «О лишенной всех прав состояния Вере Николаевне Фигнер».

правила, ее влияние, так что рекомендовать ее безвредным лицом, по совести, не могу. В этом меня убеждает еще и то, что № 11 мечтает об общественной деятельности, а не о покое, что неоднократно высказывала при свиданиях и разговоре с княжной Дондуковой-Корсаковой»¹.

В цитированном мною архивном деле начальник шлиссельбургского жандармского управления еще 13 января 1898 г. отмечал гнев Фигнер, когда стало известным освобождение заключенного Оржиха вследствие его просьбы к царю о помиловании. Она громко негодовала, называя Оржиха изменником.

Для нас представляет большой интерес упоминание о мечтах Фигнер об ее общественной работе после освобождения из крепости. Проведав об этих мечтах, жандарм считал своим долгом предупредить об этом свое высшее начальство в лице департамента полиции. Впрочем, это учреждение независимо от всяких предупреждений постоянно вело гласный и негласный надзор за теми, кто побывал в его лапах. Фигнер же пришлось еще раз побывать в царской тюрьме за два года до свержения царизма, когда в 1915 году она была арестована при возвращении из-за границы, где занималась политической деятельностью. Оправдались предупреждения жандармов, что Фигнер «не безвредное лицо» для царизма.

Возвратимся ко дням пребывания Фигнер в Трубецком бастионе. Комендант крепости отметил ее прибытие в бастион вечером 19 сентября 1904 г. На следующий же день он довел об этом, как того требовал закон, до сведения царя, военного министра, департамента полиции.

Из архивного дела можно видеть, какую реакцию вызвало у ее родных прибытие Веры Николаевны Фигнер в Петербург. Три ее сестры с мужьями, два брата, один из которых с женой, двоюродная сестра обратились с просьбой в департамент полиции о разрешении им свиданий с ней. Бездушная тюремная администрация ответила, что свидание может быть только в назначенные для этого дни недели. День же свидания в крепости должен был наступить лишь на четвертые сутки. Фигнер проводила эти дни в томительном ожидании. Она старалась отвлечься углублением в чтение книги из тюремной библиотеки. Наконец, на четвертые сутки в час дня ее повели на свидание, и с новой силой вспыхнуло волнение.

Заключенная увидела перед собой брата, солидного мужчину, которого помнила румяным безбородым юношей. Увидела

¹ См. ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 5 делопроизводство, 1884, № 5288-а, ч. 7 (л. 95, оборот).

трех полных солидных дам, матерей семейств, своих сестер, которых помнила нежными, молодыми девушками. Позднее, вспоминая этот момент встречи, она сравнивала себя с безумной старухой из романа Диккенса в подвенечном платье, обратившемся в лохмотья, с той старухой, которая сошла с ума молодой девушкой, узнав перед самым венчанием о вероломной измене жениха, и для которой часы жизни как будто остановились. Фигнер добавляет, что часы в ее жизни остановились 20 лет назад, и она жила «в безумной иллюзии, что часы жизни все показывают полдень».

Когда Фигнер увидела перед собой своих братьев и сестер, она старалась найти в их лицах черточки, знакомые ей за 20 лет перед тем. Она вспоминала минуты первого с ними свидания: «Брат усадил меня перед собой. Он взял мои руки в свои руки. Он держал их так все время.

Боясь пошевелиться, я старалась смотреть только на него: он меньше изменился, и я искала, хотела найти прежнего румяного, безбородого Петю. Брошенный в измененное чужое, во что бы то ни стало надо было найти знакомое, близкое. Мало-помалу, сквозь густой флер настоящего, проступали нежные очертания давно прошедшего. Я начинала узнавать, находить то, чего искала. Казалось, в смутной дали, среди тумана смешения, хаоса и неясности, я нахожу хрупкую вежу и силюсь привязать к ней паутинную нить воспоминания, чтобы, протянув на протяжении 20 лет, связать прошлое с теперешним несчастливим для меня часом...»¹.

Такова была радость свидания, но она пробивалась сквозь горесть неизжитых и незабываемых чувств бесконечно долгой разлуки.

Представляет интерес письмо М. Р. Попова, написанное им непосредственно после свидания в Трубецком бастионе с родной сестрой и адресованное ей с пометкой «Петропавловская крепость 2 ноября». Вероятно, это единственное письмо от бывшего шлиссельбуржца из Трубецкого бастиона от 1905 года, сохранившееся до наших дней². В этом письме Попов писал: «Переход от тьмы

¹ В. Н. Фигнер, Запечатленный труд, ч. 2-я, «Когда часы жизни остановились», т. II, М., 1932, стр. 252 и сл.

² Сведения о М. Р. Попове помещены в делах:

а) ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 5 делопроизводство, 1883, № 4629, ч. 14, «Тайное противозаконное сообщество в г. Киеве, приговор Киевского военно-окружного суда 26 июля 1880 г. о Михаиле Родионове Попове»;

б) рукописные материалы из коллекции проф. А. М. Ладыженского с письмами к М. Р. Попову и от него;

к свету так действовал на нас всех, что мы в самом положительном смысле ошеломлены, и никак не соберешь мыслей в порядок. Все, что вы говорите мне на свидании, остается у порога сознания, и только, возвратясь в привычную обстановку, все сказанное вступает в область сознания. Впрочем, вы, вероятно, сами замечаете это». Радость свидания испытывали не только узники, но и их посетители.

Указания на переживания родных при этих свиданиях мы нашли в личном деле М. Р. Попова в архиве департамента полиции. Здесь имеется прошение его родной сестры Н. Р. Ладыженской разрешить ей присутствовать, как врачу, при свидании с братом их матери, так как существует опасение, что при престарелом возрасте матери ее свидание с сыном в крепости «произведет страшно сильное впечатление на ее слабый организм» и потребуются оказание ей медицинской помощи.

Знакомясь с подлинными делами архива о бывших шлиссельбуржцах, мы находим там большое число прошений от их ближайших родных о свидании с ними. Например, в деле Фигнер имеются просьбы о свидании с ней, поступившие от десяти лиц за две недели ее пребывания в крепости. В деле Иванова Сергея за тот же срок — от шести лиц¹. В деле Новорусского, пробывшего в крепости 25 дней, имеются прошения о свидании с ним от шести лиц, в том числе от бывшей невесты, которой департамент полиции отказал в свидании.

Из дела Лопатина² видно, что за девять дней его пребывания в крепости четыре человека подали просьбы о свидании с ним. Поскольку бывшие шлиссельбуржцы являлись на официальном языке ссыльнопоселенцами, жандармерия не чинила особенно больших препятствий в допущении свиданий, но и не всегда эти просьбы удовлетворялись. Удостоверения степени

в) письмо-рукопись С. Р. Попову (сестры М. Р. Попова) к М. Н. Гернету с воспоминаниями об ее свидании в Трубецком бастионе с М. Р. Поповым в 1905 году.

Приношу за эти материалы глубокую благодарность сестре шлиссельбуржца М. Р. Попова — С. Р. Поповой и его племяннику проф. А. М. Ладыженскому.

¹ Сведения о Сергее Иванове помещены в деле: ЦГИА в Москве, департамент полиции, 5 делопроизводство, 1887, № 7023, ч. 7, «Приговор С.-Петербургского военно-окружного суда 5/7 июня 1887 г. по делу о руководителем кружке партии «Народной воли».

² Сведения о Г. Лопатине помещены в делах: а) ЦГИА в Москве, Дело департамента полиции, 5 делопроизводство, 1881, № 7023, ч. 4, «Приговор С.-Петербургского военно-окружного суда 5/7 июня 1887 г. по делу о руководителем кружке партии «Народной воли»; б) ЦГИА в Москве, Департамент полиции, 1906, о.о. № 196, «О Германе Лопатине и Иосифе Лукашевиче».

родства не требовалось, а нам известен случай, когда литератору Мякотину было отказано в свидании с М. Р. Поповым, а затем, когда во вторичном прошении он назвал себя родственником, свидание состоялось.

Однако администрация строго соблюдала правила разрешать свидания лишь два раза в неделю¹. Это подтвердил в своих воспоминаниях и М. Р. Попов. Его сестра в письме ко мне сообщала, что темой разговоров при этих свиданиях были сообщения бытового характера, с одной стороны, а с другой стороны, известия из «бурлившей, кипящей» тогда жизни: «о тюремной жизни как Михаил Родионович с нами, так и все его товарищи со своими родными на свиданиях избегали говорить».

В деле департамента полиции о пересылке писем заключенных, содержащихся в крепости в 1904 году, мы неожиданно нашли указания на тему разговора при свиданиях в Трубецком бастионе. У сотрудников этого департамента возник вопрос, следует ли пересылать по назначению написанные в Трубецком бастионе два письма В. Фигнер: «Содержание этих писем представляет собой описание тех чувств и впечатлений, которые испытала заключенная при первых свиданиях с родными в С.-Петербургской крепости». По-видимому, причиной такого запроса было не опасение за содержание письма, а самый факт его написания. По крайней мере департамент полиции подчеркивал, что это было первое письмо от Фигнер, поступившее из крепости².

Кроме расспросов о членах семьи, живых и умерших, о друзьях давно минувших лет, была еще и другая тема, особенно интересовавшая «выходцев с того света» — бывших шлиссельбуржцев, — это известия о политических событиях в родной стране. Это была запретная тема. Однако отказаться от попыток что-либо об этом узнать не было сил. Мы нашли в неопубликован-

¹ ЦГИА в Ленинграде. Фонд управления коменданта С.-Петербургской крепости, 1905, дело № 931, «О допуске к свиданию секретно арестованных лиц с родственниками». Комендант крепости в своем отношении к заведующему политической частью департамента полиции, признавая «положительно невыполнимым» ежедневные свидания бывших шлиссельбуржцев в Трубецком бастионе, допустил в виде исключения по три свидания в неделю Фроленко и Лопатину и просил впредь не давать «широких разрешений на такие свидания».

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1904, № 6, т. 2, ч. 3, «По пересылке писем и прошений содержащихся в С.-Петербургской крепости». По вполне понятным причинам шлиссельбуржцы, крайне стесненные в праве переписки за время пребывания в Шлиссельбурге, спешили написать письма по их прибытии в Петропавловскую крепость. Так, например, 1 ноября 1905 г. были написаны письма из Трубецкого бастиона Морозовым, Новорусским, Лопатиным, Ивановым.

ном письме С. Р. Поповой указания на передачу при свиданиях с братом газет, которые он и засовывал за борт тужурки. Однажды, уходя со свидания, он, незаметно для себя, выронил одну из газет, а зритель подобрал ее и вернул С. Р. Поповой со строгим замечанием. В архивном деле Фроленко¹ имеется прямое указание на передачу ему от сестры девяти книг, в том числе журнала «Русское богатство». О передаче одного из текущих номеров этого журнала Попову вспоминает и его сестра. Вероятно, цензурные строгости в данном случае для вновь прибывших заключенных были несколько ослаблены на том основании, что они не были подследственными.

Конечно, только на этом основании и было допущено небывалое в летописи Трубецкого бастиона исключение из правила допускать узников на прогулки только в одиночку. Все восемь шлиссельбуржцев, имевшие каждый право на 15-минутную прогулку на тюремном дворе, заявили просьбу разрешить им гулять всем вместе одновременно и, таким образом, продлить прогулку до двух часов. Разрешение последовало. Материала для разговора теперь было очень много. Они делились между собою тем, что каждый из них слышал от родных на свиданиях.

Кроме необычной прогулки на одиночном дворе сразу восьмью заключенных, разыгралась на нем и другая необычная сцена. Бывшие арестанты Шлиссельбурга были доставлены в Петропавловскую крепость в арестантской одежде. В качестве ссыльнопоселенцев они имели право на свое платье. Новорусский вспоминал, как в осенний день, в ноябрьскую слякоть, на этом дворе они снимали размеры каждого из них, чтобы родные могли изготовить им по мерке новую одежду, или, как он шуточно говорил, «перелицевать» их. Новое платье было изготовлено, и заключенные предстали друг перед другом преобразенными. Новорусский писал: «За долгое время сожительства вместе мы слишком привыкли к одной и той же внешности друг друга. И теперь эта новая костюмировка, притом у каждого на свой лад, смешила и потешала нас, как настоящий маскарад».

У некоторых из этих новых узников Трубецкого бастиона были в Шлиссельбургской крепости свои особые интересы и неудовлетворенные запросы. К числу таких заключенных относился Морозов. В стенах Шлиссельбургской крепости он, будущий почетный член Академии наук СССР, писал свои капитальные

труды. 25 августа 1901 г. по просьбе Морозова одна из его работ была препровождена в департамент полиции для передачи ее для просмотра академику Н. Н. Бекетову. По прибытии в Петропавловскую крепость Морозов спешит навести справки о судьбе своей рукописи, и 5 ноября 1905 г. он был извещен, что переданное профессору химии Коновалову Д. П. на просмотр его научное сочинение в трех томах еще не возвращено¹.

Не известно, кто виноват в промедлении с ответом на волновавший Морозова вопрос: виноваты ли здесь рецензенты или жандармерия, или вообще политические условия, диктовавшие более чем сдержанное отношение к бывшему осужденному за преступления против государственной системы царской России? Но напомним, что после Октябрьской революции развернулась во всю ширь научная деятельность этого узника двух самых страшных государственных крепостей. И он, умирая на 93 году жизни почетным членом Академии наук, задолго перед тем познал великое счастье плодотворно трудиться на благо родной страны.

Десятки лет, проведенные в условиях строгого заточения, не заставили Морозова отказаться от тех свободолюбивых стремлений, за которые царизм отнял у него его молодость. Через несколько дней после освобождения из крепости тот же царизм снова осудил Морозова как человека, опасного для государственного строя, и снова посадил его в Двинскую крепость, третью по счету в жизни этого «неугомонного» человека.

Возвращаясь к пребыванию шлиссельбуржцев в Трубецком бастионе, отметим, что правительство готовилось всех их отправить в далекую Сибирь в качестве ссыльнопоселенцев. Всероссийская политическая забастовка в октябре 1905 года прекратила движение поездов в Сибирь и вынудила правительство отсрочить высылку туда узников. Разрастающаяся и крепнущая революция заставила царизм отказаться от ссылки шлиссельбуржцев в далекие края и допустить их пребывание в различных городах Европейской России, выдав их родным на поруки. Освобожденных увозили из Трубецкого бастиона под конвоем жандармов. В местах их водворения к каждому из них были приставлены по два полицейских для неотступного за ними наблюдения. Впрочем, вскоре эта статья расхода в бюджете департамента полиции была исключена, вероятно, потому, что и без того было достаточно для этих целей всяких агентов политиче-

¹ Сведения о М. Ф. Фроленко помещены в деле: ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 5 делопроизводство, 1883, № 860-а, ч. 9, «О лицах, обвиняемых в принадлежности к террористической фракции социально-революционной партии».

¹ ЦГИА в Ленинграде. Дело комендантского управления С.-Петербургской крепости, 1905, № 918, «Переписка о политических арестантах по разным предметам и препровождение их писем» (л. 101, оборот).

ского сыска. Так, например, из дела Лопатина видно, что за ним следовали всюду, куда бы он ни шел и куда бы ни ехал, сыщики. В секретных донесениях сыщиков с 30 июля 1913 г. до 18 февраля 1914 г. я насчитал несколько десятков фамилий различных лиц, которых посещал Герман Лопатин или которые его посещали. Среди многих неизвестных имен часто встречаются фамилии таких крупных ученых и общественных деятелей того времени, как Водовозов, Кареев, Семевский, шлиссельбуржец Морозов с женой, Пругавин и многие другие. Надзор за Лопатиным в Петербурге был установлен до самого последнего часа пребывания в этом городе и продолжался по другим местам России. Например, 1 сентября 1914 г. жандармы специальной шифрованной телеграммой из Одессы извещали о прибытии Лопатина в этот город. Последний документ такого рода в деле Лопатина помечен 20 декабря 1916 г.

По словам сестры шлиссельбуржца С. Р. Поповой, когда ее брат и М. Ф. Фроленко лечились на Кавказе, каждого из них сопровождал сыщик. Можно было видеть, как против отдыхающих на скамейке парка обоих шлиссельбуржцев усаживались рядышком двое сыщиков. Когда смертельно больной Попов был помещен в петербургскую больницу, его сопровождал туда и тайный агент полиции, потребовавший от администрации больницы уведомить его по телефону, как только Попов умрет.

Слежка за бывшими шлиссельбуржцами велась и за время их пребывания за границей. Агенты политического сыска были рассеяны царизмом по всем крупнейшим городам Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии и других стран.

Насколько бдителен был надзор за бывшими узниками Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей за время их пребывания за границей, видно, например, из того факта, что слежка была установлена даже за Стародворским, вступившим в сношения с департаментом полиции в 1905 году¹.

Заведующий агентурой в Париже Гартинг 21 июня 1906 г. доносил в департамент полиции, что Стародворский разъезжает по Западной Европе и читает в главнейших центрах и в городах Швейцарии рефераты о своем заключении в Шлиссельбургской крепости, а 30 июня (17 по старому стилю) была организована в Париже в большом зале дворца агрикультуры лекция на тему «Русская Бастилия». О ней оповещали специальные афиши. В качестве лектора выступал адвокат Пети. По словам руководителя царской охраны в Париже, лектор более двух часов нападал на департамент полиции и, ссылаясь на присут-

ствующего тут же Стародворского, характеризовал тяжелый режим Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. На эстраде присутствовали Анатоль Франс, профессор Пенлеве и др. Зала была заполнена 600-ми слушателей, или, как доносил Гартинг, «чистой публики», так как высокая входная плата затруднила доступ на лекции студенческой революционной колонии¹.

Сходные донесения зарубежных агентов царской охраны были и относительно Фигнер и других шлиссельбуржцев. Мы уже знаем, что царская полиция дополнила список мест лишения свободы Морозова заключением его в Двинскую крепость незадолго до свержения царизма. Усердные представители административной власти на местах готовили тяжелую участь и для бывшего узника Петропавловской крепости Антонова. Уже через три месяца после его освобождения из Трубецкого бастиона он был арестован в Николаеве.

Я воспроизвожу несколько строк из собственноручного показания Антонова, которые еще раз характеризуют режим Шлиссельбургского склепа. Антонов пояснил: «В Шлиссельбурге 10 лет тому назад умер мой товарищ и земляк, глаза которому я закрыл сам и сам же положил в гроб. Умирая, он просил меня, если я буду когда-нибудь на свободе, разыскать его мать и передать ей от него последний поцелуй. Так вот в это время я узнал, что мать этого товарища живет в Николаеве, и я был у нее и исполнил завещание»².

Заканчивая эту главу, хочется привести выдержку из записок шлиссельбуржца Новорусского, дожившего до счастья жить и работать при Советской власти: «Политическая свобода есть такое высокое общественное благо, за которое можно и всю жизнь отдать, не только лучшие ее годы. Бесспорно, тяжело умирать в течение целого ряда лет. Но сознание того, во имя чего умираешь, — вселяет такую бодрость и спокойствие духа, при котором сожалениям нет места»³.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, о.о. 1887, № 7023, ч. 19 (лл. 167—168). Вероятно, эти публичные лекции о Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях послужили причиной отклонения департаментом полиции троекратных просьб Стародворского о разрешении ему приезда в Петербург.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 5 делопроизводство, 1891, № 7023, ч. 17, «Приговор С.-Петербургского военно-окружного суда 5/7 июня 1887 г. по делу о руководящем кружке партии «Народной воли».

³ М. В. Новорусский, Записки шлиссельбуржца, 1887—1905 гг., П., 1920, стр. 245.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, о.о. 1887, № 7023, ч. 19.

Глава восьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 27. УЧАСТИЕ МАТРОСОВ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ

ГЕРОИЧЕСКОЕ участие матросов в революции 1905—1907 гг. и в последующей освободительной борьбе выразилось в их восстаниях в Севастополе, Кронштадте, Свеаборге, Ревеле и в других портах. Количество матросов, восставших с оружием в руках против царизма за последние 17 лет его существования, исчисляется десятками тысяч, а число павших в этой борьбе и погибших от рук палачей, сосланных на каторгу и заключенных в тюрьмы исчисляется сотнями и тысячами.

Революционная борьба матросов против эксплуататоров, за свободу и счастье народов нашей страны отразилась и в казематах Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Среди узников этой тюрьмы оказалось 33 матроса, 8 машинистов, механиков, минных машинистов. Среди 17 заключенных военных писарей были, конечно, и писари с военных судов. В общей массе узников Петропавловской крепости эти более шести десятков человек составляют крупную цифру, особенно если принять во внимание, что в Петербурге флот не имел своей стоянки, а в близком от него Кронштадте так же, как и в самой столице,

были морские тюрьмы. Так как в Петропавловскую крепость направляли чаще лишь тех, кого считали наиболее опасными посягателями на неприкосновенность государственного и общественного строя Российской империи, то приведенные нами цифры приобретают еще большее значение.

Указанные 33 матроса и 8 машинистов, механиков и минных машинистов поступили в крепость в течение 1903, 1904, 1907, 1908, 1911, 1912, 1913, 1915, 1916 годов. Наибольшее число матросов, заключенных в Трубецкой бастион, а именно 34 человека, пришлось на 1911—1912 гг. Эта цифра сама по себе не велика, однако служит показателем происходивших во флоте в те годы крупных событий, которые царизм постарался скрыть от огласки.

Вот даты крупных революционных выступлений во флоте в 1905—1907 гг.:

14—25 июня 1905 г. Восстание на броненосце «Князь Потемкин Таврический», поддержанное броненосцем «Георгий-победоносец» и миноносцем № 267.

15—16 июня 1905 г. Восстание матросов Либавских флотских экипажей.

19—20 июня 1905 г. Восстание на учебном судне «Прут».

18 октября 1905 г. Многотысячная демонстрация и митинг рабочих, матросов Черноморского флота, солдат Севастопольского гарнизона с требованием освободить политических заключенных. Расстрел демонстрации царскими властями.

23 октября 1905 г. Грандиозный митинг матросов и солдат Кронштадта. Предъявление экономических и политических требований.

26—28 октября 1905 г. Вооруженное восстание матросов и солдат в Кронштадте.

11—16 ноября 1905 г. Восстание матросов и солдат в Севастополе.

15 ноября 1905 г. Подняты красные флаги на кораблях «Пантелеймон», «Очаков», «Свириный», «Гридень», «Прут». Во главе восставших стал лейтенант Шмидт и поднял на «Очакове» сигнал: «Командую Черноморским флотом».

10—14 января 1906 г. Восстание солдат и матросов Сибирского флотского экипажа во Владивостоке. Участвовали матросы крейсеров «Жемчуг» и «Терек» и миноносцев «Смелый», «Бодрий», транспортов «Аргун», «Шилка» и других судов.

17—20 июля 1906 г. Восстание солдат и матросов в Свеаборге и на Скатудене.

19—20 июля 1906 г. Восстание матросов и солдат в Кронштадте.

20 июля 1906 г. Восстание матросов на крейсере «Память Азова».

12 августа 1907 г. Попытка восстания в Ревеле на учебном судне «Рында».

15 сентября 1907 г. Попытка восстания в Севастополе на судах «Синоп», «Три Святителя», «Ростислав» и «Кронштадт».

17 октября 1907 г. Восстание на миноносцах «Скорый», «Сердитый» и «Тревожный» во Владивостоке.

Насколько было велико революционное движение во флоте к концу 1906 года, показывает, в частности, следующая таблица, составленная на основании материалов главного морского штаба¹.

Таблица 15

СВЕДЕНИЯ
О ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕБЛАГОНАДЕЖНОСТИ МАТРОСОВ

Название портов и баз	Общее число команды в порту и на судах	Под судом, арестом, в тюрьме и в бегах	Признаваемые неблагонадежными	Вообще подлежащие удалению с военных судов
Кронштадтский порт . .	15 000	234	1893	2127
Порт императора Александра II (Либавский) . .	500	сведения отсутствуют	343	343
Свеаборгский порт (команды миноносцев) . . .	500	37	97	193
Ревельский порт . . .	500	сведения отсутствуют	22	22
Черноморский флот . .	9000	то же	300	300
Каспийский экипаж . .	375	то же	4	4
Сибирский экипаж . .	250	то же	сведения отсутствуют	сведения отсутствуют

Следует отметить неполноту приведенных сведений. Так, например, на 20 октября 1906 г. неблагонадежных значилось по Кронштадту: 1) заключенных в арестном доме — 1024 человека; 2) арестованных на Северном форту № 4 — 334 человека; 3) заключенных в следственной тюрьме — 75 человек; 4) неблагонадежных, но не бывших под судом — 550 человек; по Либавскому порту — 250; по Ревельскому порту — 22; по Свеаборгскому порту — 90; по Севастополю и Николаеву — 500 человек.

¹ ЦГАВМФ. Фонд 30, дело 1, 1920, «Сборник документов из архива морского министра Бирилева».

Итак, по Кронштадтскому порту число матросов, находившихся 20 октября 1906 г. в различных местах лишения свободы, превышало в несколько раз их число, указанное в официальных материалах главного морского штаба. Также и число неблагонадежных в Либавском порту оказалось значительно выше сообщенного в таблице.

Определение неблагонадежности того или другого матроса на военном судне выяснялось не только на основании личных впечатлений чинов командного состава, но и на основании донесений тайной агентуры.

Царское правительство сознавало, какую огромную опасность для него представляет революционное движение во флоте. После революции 1917 года, когда началась работа по раскрытию отвратительной и подлой деятельности провокаторов и шпионов царской охранки, у обнаруженных агентов политического сыска были найдены особые книжки — краткие руководства сыска среди матросов военных судов.

В этих руководствах давалась характеристика методов революционной пропаганды и рекомендовались различные способы обнаружения членов тайной организации. Сыщикам предлагалось искать пропагандистов не только среди посторонних для корабля лиц, но и среди самих матросов. Изучение шпионажа на военных судах показало наличие на каждом из них по два-три агента политического сыска и провокаторов.

Быстрый рост революционного движения среди матросов, начиная с 1903 года, объяснялся общим подъемом революционного движения в стране, а также фактом более широкого призыва в этот период фабричных и заводских рабочих для службы во флоте, на что командиры военных судов обращали внимание высшего начальства.

Наиболее крупные восстания на судах и в армии сопровождались поддержкой их рабочими путем забастовок и прямым участием в вооруженной борьбе. Так было, например, во время восстания в Свеаборге. В архивном деле об этом восстании в первой телеграмме финляндского генерал-губернатора Н. Н. Герарда, отправленной из Гельсингфорса 18 июля 1906 г. в департамент полиции, сообщалось об обстреле крепости восставшей крепостной артиллерией и высказывались опасения о возможности присоединения к восставшим рабочим, объединенным в «Красную гвардию». Телеграмма объявляла положение в городе «критическим»¹. Опасения генерал-губернатора сбылись.

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1906, № 1877, ч. 82, «Пропаганда и брожение в войсках», о военных беспорядках в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле (л. 33).

Около 300 финляндских рабочих-красногвардейцев примкнули к восставшим матросам и солдатам. Многие из них при подавлении восстания были схвачены полицией. Из Петербурга последовало распоряжение царя судить этих финляндских граждан военным судом так же, как и задержанных солдат и матросов. Такое повеление противоречило финляндскому законодательству и грозило вызвать новое волнение среди населения. Поэтому генерал-губернатор Герард обратился к царю 22 июля 1906 г. с телеграммой, в которой просил простить его за смелость, но этого «требуется его служебный долг». Он предупреждал царя, что предание красногвардейцев вместо финляндского суда военному чревато последствиями: «Предвидеть последствия столь неконституционной меры невозможно». Он брал на себя также смелость заверять царя, что в Финляндии общественное мнение «против красной гвардии и революционеров». Конечно, говоря об общественном мнении, этот губернатор мог говорить так только от имени финляндской буржуазии, а отнюдь не рабочих, давших своих представителей в ряды восставших. Вместе с тем генерал-губернатор заверял царя, что и финляндский суд вынесет обвиняемым рабочим-красногвардейцам суровые приговоры. Очевидно, этот представитель императорской власти в Финляндии имел в виду воздействовать в определенном направлении на судебные органы или просто был уверен, что суд финляндской буржуазии найдет должную меру при определении вины и наказания участников восстания.

На этот раз Герард, которому удалось внушить царю страх перед возможными осложнениями в Финляндии, одержал «победу» над Столыпиным. Последний телеграммой от 26 июля уведомил Герарда о согласии царя на предание финских граждан гражданскому суду. При этом местные власти и суды еще раз подстрекались высказать «ту деятельность и твердость, которым отвечает крайняя важность нарушенных виновными государственных, а не только местных интересов». Именно в надежде на такой исход дела «государь император соизволил разрешить не предавать военному суду задержанных в Свеаборге финляндских граждан, ожидая от финляндского суда и администрации выполнения до конца своего долга перед престолом и Россией»¹.

Арестованные красногвардейцы в числе 81 человека были преданы финским судам, и «долголетнюю финляндскую каторжную тюрьму получил каждый из них»².

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1906, № 1877, ч. 82. «Пропаганда и брожение в войсках», о военных беспорядках в Свеаборге, Кронштадте и Ревеле (л. 59).

² В. Н. Соколов, Свеаборг и Кронштадт, М., 1934, стр. 66.

Начальник финляндского жандармского управления подчеркивал в своих донесениях командиру отдельного корпуса жандармов руководящую роль в восстановлении военной организации РСДРП в Финляндии.

Так, в своем донесении от 28 июля он сообщал: «Русские революционные кружки в г. Гельсингфорсе продолжают свою деятельность, выпускают прокламации, продолжают усиленно агитировать среди нижних чинов... Появились новые прокламации военной организации Российской социал-демократической рабочей партии в Финляндии»¹. В рапорте от 9 августа он писал: «В настоящее время почти ежедневно выходят новые и новые прокламации военной организации социал-демократической партии в Финляндии», издаваемые теми же революционными русскими кружками, которые вели открытую агитацию и до Свеаборгского бунта при содействии заагитированных воинских чинов и финляндских революционных организаций, также продолжает выходить и орган этой организации «Вестник казармы». В этом же рапорте он без всяких комментариев информировал командира отдельного корпуса жандармов о появлении в шведской и финской печати воззвания «военной организации русской социал-демократической рабочей партии в Финляндии» и т. д.².

В этих донесениях речь шла о военной организации большевиков в Финляндии, которая готовила одновременное восстание среди солдат и матросов финляндских гарнизонов и встала во главе стихийно вспыхнувшего Свеаборгского восстания.

Работа пропагандистов-большевиков была отмечена и в подготовке восстания в Кронштадте в 1906 году. Здесь большевистская партия развивала свою деятельность среди матросов и рабочих также через свою военную организацию.

В Кронштадтском восстании приняли активное участие отдельные группы рабочих. Суду было предано до 3000 матросов, 300 солдат минной и саперной рот и более 80 гражданских лиц. Провокаторы донесли о подготовлявшемся покушении на председателя военно-окружного суда Томашевича и коменданта Кронштадтской крепости генерала-палача Адлерберга во время заседания суда. Властям было сообщено, что заготовлен взрывчатый снаряд для передачи его через караульного одному из

¹ «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы», «Второй период революции. 1906—1907 годы», ч. 2, кн. 1, М., 1961, стр. 100.

² Там же, стр. 102.

подсудимых с тем, чтобы он бросил в состав суда. Слушательница женских курсов Аня Венедиктова привезла бомбу из Петербурга в Кронштадт, но, выданная провокатором, была арестована, а вместе с нею в этот же день было арестовано 52 человека. Пятеро задержанных, в том числе две женщины и трое мужчин, среди них один солдат, были 14 октября 1906 г. по приговору военно-полевого суда расстреляны на форте № 6.

В огромной группе обвиняемых солдат и матросов — участников Свеаборгского и Кронштадтского восстаний были приговорены: 64 — к смертной казни путем расстрела, 411 — к каторжным работам и 1739 — к различным другим менее тяжким наказаниям¹.

§ 28. РАССТРЕЛЫ МАТРОСОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

После Великой Октябрьской социалистической революции в печати был помещен ряд воспоминаний очевидцев о расстреле 19 матросов, осужденных по Кронштадтскому процессу. Описание одновременной казни 19 человек исполнено такого ужаса, что могло породить сомнения в его правдивости, если бы жесточайшие расправы дореволюционного офицерства с солдатами не научили нас верить в возможность самой бесчеловечной жестокости царских сатрапов. Я ссылаюсь на официальный документ, который впервые воспроизводится нами из секретного архивного дела. С поразительным спокойствием, а вместе с тем и с откровенным цинизмом рапортует руководитель казни своему начальству о том, как был выполнен приговор «по указу его императорского величества». Этот документ, заслуживающий его дословного опубликования для всеобщего ознакомления, гласил: «Генералу-от-инфатерии Водару. Рапорт. Доношу о подробностях совершения казни над 19 матросами.

В четверг 21 сентября около 3 часов дня я был вызван исполняющим должность коменданта генерал-лейтенантом Адлербергом, от которого получил приказание привести в исполнение приговор над 19 осужденными матросами.

Во исполнение сего к двум с половиной часам ночи отряд, под моим начальством, сосредоточился на Петербургской пристани. В состав отряда вошли по одной роте от следующих частей: от полков лейб-гвардии Егерского, Московского и Финляндского и от 91 Двинского, 94 Кронштадтского крепостного ба-

¹ См. Ю. Кораблев, Революционное восстание на Балтике в 1905—1906 гг., Л., 1956, стр. 103 (Ред. кол.).

тальона, Кронштадтской крепостной артиллерии и 18 флотского экипажа, сверх того, прибыло 10 безоружных матросов-рабочих от того же экипажа.

Осужденные отправлены были на форт № 6 заблаговременно под конвоем роты лейб-гвардии Егерского полка, которые, окарауливая арестованных, в то же время составили гарнизон форта, временным комендантом которого назначен был лейб-гвардии Финляндского полка полковник Турбин.

Отряд посажен был на пароходы «Минер», «Артиллерист» и «Пушкар». Отвалили в 3 часа и пошли за портовым пароходом, указывавшим путь между заграждениями.

Вследствие темноты, сильного ветра и крутой волны отряд подошел к форту только к 4¹/₂ час. и нашел там пароход «Ижору», на котором прибыл священник. Было совершенно темно. В ожидании рассвета отряд составил ружья, и люди по очереди находились в казармах. В 5 часов я предложил священнику напутствовать осужденных. В это время на месте казни (батальонный дворик) между столбами натянули канат на высоте пояса и приготовлено было 19 веревок для привязывания ими осужденных. Затем, отсчитав 20 шагов, я поставил флотскую роту, а остальные войска расположил шпалерами от каземата до места казни. Зарядили ружья. В 6 часов священник вышел из каземата и доложил мне, что семь осужденных отказались от напутствия и святого причастия. Вслед затем я приказал вывести осужденных. Как только они вышли, то некоторые из них, махая шапками, обратились было к войскам с какими-то словами, но речь их была заглушена дробью всех наличных барабанщиков, заблаговременно сосредоточенных мною у выхода из каземата. По мере прохождения осужденных, войска поворачивались и шли в том же направлении и у места казни выстроились на три фаса, имея восточный фас открытым. Перед чтением приговора осужденные запели какие-то революционные песни, но я сказал, что, если пение не прекратится, я прикажу одеть немедленно на головы мешки, и пение прекратилось. Затем священник с крестом обошел осужденных, и те же семь человек к кресту не приложились.

Прочитали приговор, и я приказал лейтенанту приступить к исполнению. После первого залпа (6 ч. 30 м. утра) все осужденные упали, но шевелились и раздавались крики и стоны, вследствие чего я приказал повторить залп. Затем из фронта матросов вызваны были унтер-офицеры, которые вместе с лейтенантом и доктором обошли казненных и пристрелили подававших еще признаки жизни. После этого принесены были мешки и рабочие уложили в них казненных; в каждый мешок

положены были камни, весом около 1½ пуда. Затем тела снесены были на пароход и под конвоем полуроты Енисейского полка отправлены для потопления в море за Толбухин маяк. Отряд вновь сел на пароходы и около 8 часов прибыл в Кронштадт»¹.

Этот рапорт полковника, распоряжавшегося исполнением казни, сообщил такие подробности, которые не были выявлены в описаниях казни, составленных со слов очевидцев этой страшной бойни, но в основных чертах нет противоречия между официальным донесением полковника и частными воспоминаниями. Палачи в лице командного состава придумали заменить обычные при расстрелах столбы привязыванием приговоренных к канату, «нанизав» на него всех 19 революционеров. Должно быть, это было дешевле и проще, чем устанавливать 19 столбов. В результате же получилась картина, которую не описал в своем рапорте полковник и которую мы воспроизводим со слов очевидца.

После залпа произошло нечто ужасное: одни из привязанных к канату были убиты наповал, другие лишь ранены, а третьи остались невредимыми.

«Те, которых не коснулись пули, рвались в стороны, но тщетно, так как были крепко привязаны... Стрелкам было выдано только по два патрона. Офицер, командовавший ротой, приказал выпустить по второй, последней пуле. Но стрелки, растерявшись, целились плохо, стреляли наугад. Когда, казалось, все было кончено, замерли стоны и крики, — привстал окровавленная фигура и слабым голосом говорит: «Братцы! — да как же я-то?.. Я ведь жив!»².

Мужественная смерть матросов не могла не повлиять на их товарищей. Она надолго осталась в памяти флота. Еще через четыре года, в 1910 году, среди матросов ходило по рукам стихотворение под заглавием «Царские гости». В нем рассказывалось, что потопленные трупы расстрелянных матросов прибило волнами к берегу против царской дачи «Александрия». Воспроизводим из этого стихотворения несколько строк.

Трупы блуждают в морской ширине,
Волны несут их зеленые...
Связаны руки локтями к спине,
Лица покрыты мешками смолеными...

¹ ЦГВИА. Фонд 400, 1906, опись 1, д. 15 (лл. 13—14).

² С. П. Лукашевич, Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г., «Красный флот» 1923 г. № 3, стр. 120—121. Описание этой казни дал также писатель А. С. Новиков-Прибой (Соч., т. I, 1950, рассказ «Бойня», стр. 105—111).

Черною кровью запачкан мундир...
Это — матросы кронштадтские.
Сердца им пули пробили солдатские,
В воду их бросить велел командир...
Там над водою спокойно красуется
Царский дворец — Петергоф.
Где же ты, царь? Покажись, выходи
К нам из-под крепкой охраны!
Видишь, какие кровавые раны
В каждой зияют груди?

Стихотворение кончается строками:

Трупы плывут через Финский залив,
Серым туманом повитый.
Царь Николай, выходи на призыв
С мертвой беседовать свитой¹.

Показателем глубокого сочувствия к жертвам царского террора явились наряду с приведенным стихотворением и другие стихи, как, например, «Море в ярости стонало»:

Море в ярости стонало
Волны бешено рвались,
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.
Там в мешках лежат зашиты
Трупы юных моряков;
Были пред зарей убиты
Девятнадцать удалцов.
Море видело: косою
Шли спокойно моряки
С песней звучной боевою
Вкруг солдатские штыки.
Братья братьев привязали
Крепко-накрепко к столбам...
Братья братьев расстреляли...
Ужас веял по волнам.
Небо сразу побледнело,
Люди торопились скрыть
Ими сделанное дело —
Трупы в море опустить.
Чтобы жертвы их не всплыли
На трепещущих волнах,
Люди с трупами зашили
Камни тяжкие в мешках...

¹ Это стихотворение воспроизведено полностью в названной статье С. П. Лукашевича, который привел и другое помещенное нами в тексте стихотворение Рывкина из «Кронштадтских известий» 13 октября 1918 г. № 218. Стихотворение «Море в ярости стонало» сделалось революционной песней матросов. Оно перепечатано с приложением музыкального текста в сборнике «Песни каторги и ссылки», изд. Общества политкаторжан, М., 1930, стр. 92—94. См. также об этом гимне М. С. Друскин, Революционные песни 1905 года, Л., 1936, стр. 51.

Море в ярости стонало,
Волны бешено рвались,
Волны знали, море знало,
Что спускалось тихо вниз.

Окрестности Кронштадта стали для царского правительства местом казни матросов, солдат и некоторых гражданских лиц. По приговору военно-полевого суда 20 июля 1906 г. в Кронштадте были казнены семь солдат минной роты.

Комендант крепости Адлерберг, заставив этих минеров рыть себе перед казнью могилу, издеваясь над ними, говорил: «Копайте, копайте, копайте! Вы хотели, ребята, земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах!..»¹.

7 августа 1906 г. в 3 час. 45 мин. утра в Кронштадте на площадке у форта «Константин» были расстреляны еще семь человек минной роты.

Распорядившееся казнью начальство доносило, что часть приговоренных отказалась от напутствия священника. Они успели крикнуть: «Долой самодержавие, смерть палачам!»².

Здесь уместно воспроизвести содержание одного документа, связанного с возложением на солдат и матросов обязанностей палачей при расстреле их товарищей по военной службе. Не может быть никакого сомнения, что исполнение таких обязанностей было очень тяжким.

Но высшее командование не избавляло матросов и солдат от обязанностей палачей. Наоборот, оно с каким-то садизмом отдавало свои приказы о расстрелах матросами и солдатами их товарищей по оружию. До каких невероятных размеров доходила в таких случаях гнусность командного состава начиная с главнокомандующего, великого князя, показывает следующий документ:

«Ревельскому временному военному генерал-губернатору.

По соглашению с Морским министром его императорское высочество, главнокомандующий приказал вашему превосходительству по окончании суда над мятежными матросами крейсера «Память Азова» принять к руководству следующие указания:

1. Тех мятежников, которых суд приговорит к смертной казни, по конфирмации таковых капитаном 1-го ранга Бостремом, расстрелять на указанном Морским министром острове Карлос. Приговоренных доставить туда под сильным пехотным конвоем

¹ Н. Ольшанский, Кронштадтское восстание 1906 г., «Красная летопись» 1923 г. № 5, стр. 199.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 1905, № 1877, ч. 2, «Пропаганда и брожение в войсках» (л. 181).

ночью, когда замрет городская уличная жизнь, а самый приговор привести в исполнение на рассвете.

Для расстреливания назначить матросов того же крейсера «Память Азова» из числа приговоренных к другим наказаниям¹.

Место казни должно быть оцеплено вышеупомянутым конвоем с трех сторон силою, примерно, в батальон, причем, если матросы, назначенные для приведения в исполнение приговора, откажутся бы, то эта пехотная часть должна заставить выполнить возложенную на них задачу силою оружия.

Место казни тщательно оцепить и вообще принять все меры, чтобы ни на самом острове Карлос, ни поблизости не было никаких посторонних лиц.

Тела расстрелянных похоронить на том же острове или предать морю, по усмотрению морского начальства, с тем, чтобы необходимые для сего рабочие были назначены из числа матросов крейсера «Память Азова», присужденных к другим наказаниям.

Место погребения надлежит тщательно сравнивать.

Рассчитать время так, чтобы известие о смертном приговоре и приведение его в исполнение стало общеизвестным уже тогда, когда все кончено и все прочие осужденные уже отправлены в Кронштадт.

О том, когда и сколько матросов казнено, донести телеграммой.

2. Из состава эскадры капитана 1-го ранга Бострема, а в особенности из состава сохранивших верность присяге команды крейсера «Память Азова», никого ни к какому участию в экзекуции не привлекать.

3. Тех мятежников крейсера «Память Азова», которые будут приговорены к различным другим наказаниям, отправить немедленно по приведении смертной казни в исполнение на особом транспортном судне в Кронштадт под конвоем роты от введенных вам войск и сдать их там в распоряжение коменданта крепости. Подписал: окружной генерал-квартирмейстер свиты его величества генерал-майор Раух»².

¹ Или других матросов по соглашению с контр-адмиралом Вульфом.

² ЦГВИА в Москве. Фонд 11, 1906, опись 1, дело 8661 (лл. 9, оборот, и 12). Я не воспроизвел вторую половину этого приказа, так как она относится к определению условий перевозки осужденных матросов в Кронштадт после казни их товарищей.

Этот документ воспроизведен в книге «Военные восстания в Балтике в 1905—1906 гг.», Партийное издательство, М., 1933, стр. 308—309.

Этот приказ был одним из проявлений продуманного произвола и необузданной жестокости «его императорского высочества» и всех его адмиралов.

Суровые приговоры по делу кронштадтского восстания и по делам других восстаний во флоте были бессильны подавить революционное движение во флоте. Мы уже видели, как страшно шли на смерть матросы. Показателем их настроения являются их письма, опубликованные в печати. Не известно, сколько этих писем смертников-матросов дошло по назначению. В архивном деле мы нашли указание на составление матросами с крейсера «Память Азова» предсмертных писем. Эстляндское жандармское управление уведомило департамент полиции о своем затруднении переправить эти письма 15 матросов по назначению ввиду того, что в них содержались «нежелательные фразы». Но ввиду нахождения в письмах завещательных распоряжений по хозяйству жандармское управление препровождало их в департамент полиции. Последний подверг письма цензуре, вычеркнул недопустимые, по его мнению, фразы и разрешил отправку писем 14 матросов адресатам. Одно же письмо было признано «по общей предосудительности содержания не подлежащим вовсе отправлению»¹.

Письма матросов, написанные в последние минуты перед казнью, свидетельствуют нередко о бодрости духа, но вместе с тем, конечно, эти предсмертные слова молодежи, обращенные к родителям и другим членам их семей, не могли не отразить на себе тяжести переживаний перед разлукой навсегда с теми, кого они любили.

Сделавшиеся известными письма казненных матросов напоминают своим содержанием письма смертников в очерке В. Г. Короленко «Бытовое явление». Они то трогают своей задушевной простотой, своими словами, идущими от сердца, то громко звучат призывом к продолжению борьбы за великое правое дело. Последние письма казненных прозвучали как завещание последующим призывникам в царскую армию и флот. Коротко и торопливо писал матрос Тимофей Глебко. Вот несколько строк из этого письма: «Дорогие родители, отец, мать, братья... простите меня за мой поступок, если вы его сочтете преступным, но я его не считаю преступным... я надеюсь, что после нас недолго останется царствовать этим хищным зверям — царю и его помощникам... Прощайте! Сын ваш Тимофей Глебко».

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, опись 5, 1906. № 1877, ч. 2, «Пропаганда и брожение в войсках» (лл. 184, 185).

Из письма матроса Николая Комарницкого от 18 сентября 1906 г.: «Скоро, скоро поведут нас на казнь, последние часы доживаем, но много еще в экипажах оставили мы крамолы, но не вернуть убийце утерянной власти!...»

Из письма квартирмейстера 5-го экипажа артиллерии А. Д. Кукарцева от 17 сентября 1906 г.: «Здравствуй! Последнее мое прощальное письмо, а я иду на смертную казнь через расстрел. Я пошел не один — нас пошло 19 человек. Я погибаю за народное дело, мы добивались свободы всего народа, который страдает всю жизнь, как и вы»¹.

Авторы писем говорят о своей правоте, о бесстрашной готовности отдать жизнь «за свободу всего народа», за избавление его от эксплуататоров в лице «хищных зверей — царя и его помощников».

Эти письма раскрывают перед нами психологию революционеров, и становятся понятными их торжествующие крики «ура» в момент расстрела.

По этому случаю вспоминаются яркие слова В. И. Ленина: «Но посмотрите на характер военных волнений, на требования солдат. Попробуйте взглянуть на солдат, идущих под расстрел за «неповиновение», — как на живых людей с самостоятельными интересами, как на часть народа, как на выразителей назревших нужд известных классов нашего общества»². Ленин подчеркивал, что солдаты, которые были «всего ближе к наименее развитому политически крестьянству» и которые подвергались «сплошному забиванию, оуплению, муштровке со стороны начальства», выставляли политические требования, идущие «неизмеримо дальше» программ буржуазных партий.

§ 29. СОЛДАТЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ РОТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И СУД НАД НИМИ

Из многих процессов, рассмотренных Петербургским военно-окружным судом в период 1900—1917 гг., и самым крупным по числу обвиняемых, которые содержались в Петропавловской крепости, было дело по обвинению солдат электротехнической роты в 1905—1906 гг.

14 ноября 1905 г. в крепость были введены 143 солдата электротехнической роты. Они были без оружия, но их конвои-

¹ С. П. Лукашевич, Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 г., «Красный флот» 1923 г. № 3, стр. 122, 124.

² В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 68.

ровал с заряженными ружьями целый батальон лейб-гвардии Павловского полка.

Такого массового одновременного поступления узников в крепость история не знала уже в течение 80 лет. Последний раз перед этим казематы крепости были заполнены нижними чинами — участниками восстания декабристов в 1825 году. Тогда солдаты шли за революционными офицерами и вместе с ними. Теперь, в 1905 году, они вошли в крепость одни, сплоченной солдатской массой.

Выступление электротехнической роты, превратившее солдат этой роты в узников крепости, не было столь многозначительным, как выступление солдат-декабристов в 1825 году, но оно было более сознательным актом его участников. Оно было предвестником начинавшегося массового революционного движения в войсках самой столицы, предвестником угрозы нарушения «святоści» присяги на верность государю. Вот почему высшее командование отнеслось к коллективному выступлению солдат очень серьезно.

За недостатком мест в Трубецком бастионе и в Екатерининской куртине для такого большого числа государственных преступников 143 солдата электротехнической роты были загнаны в манеж. Здесь, по словам одного из бывших заключенных, автора воспоминаний о процессе электротехнической роты, узники были лишены элементарных условий человеческого существования.

Общая камера с железными решетками на окнах представляла собой темную и сырую комнату с асфальтовым полом. Из-за тесноты заключенные не могли спать на спине, им приходилось лежать на боку. Развелась масса насекомых, распространилась цинга, началась экзема. Главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа великий князь Николай, когда ему сообщили о тяжелом санитарном положении заключенных в крепости и об их заболеваниях, наложил резолюцию: «Собакам — собачья смерть. Николай»¹.

При гласном рассмотрении дела в военно-окружном суде выяснились все эти условия пребывания узников в месте их заточения. Корреспондент, присутствовавший на заседании, напечатал в своем отчете: «Условия их пребывания там можно назвать прямо бесчеловечными. Как оказалось, они помещались там в сыром, мало топившемся сарае, спали на сырой, никогда

¹ В. Н. Подуеков, 1905 год в казармах крепости и тюрьме, сборник воспоминаний из эпохи первой революции «По тюрьмам», М., 1925, стр. 115.

почти не менявшейся соломе. В результате некоторые нижние чины получили жестокий ревматизм, последствия которого останутся на всю жизнь»¹. Среди подсудимых были даже такие больные, которые не могли стоять на ногах. Эти условия тюремного заключения удивительно напоминают условия пребывания в крепости солдат Семеновского полка, возмущавшегося в 1820 году². За 85 лет отношение тюремной администрации крепости к арестантам из числа солдат не улучшилось. За эти долгие годы стены крепостных помещений пропитались сыростью еще более. Антисанитарное состояние помещения привело к тому, что два месяца заключения сделали калеками людей, загнанных сюда здоровыми и сильными.

Было еще одно сходство в участи «семеновцев» и солдат электротехнической роты — жестокой была расправа военного суда с теми и другими. Семеновцев присудили к шпицрутенам и к лишению свободы. Военный суд лишил свободы многих осужденных электротехников, направив часть из них в дисциплинарные батальоны и роты, где был самый суровый режим, допускавший и телесные наказания³.

Не легок был режим и в электротехнической школе. Показателем суровости этого режима служат те строки обвинительного акта, в которых дается характеристика обвиняемых и сообщаются сведения о наложенных на них дисциплинарных взысканиях. Наложены на некоторых обвиняемых взыскания исчислялись многими десятками. Так, например, один был наказан 55 раз, другой 48 раз, третий 34 раза и т. д. Только 22 солдата избежали наказаний, а 104 подверглись им⁴. Кроме того, среди обвиняемых были разжалованные за неисправимо дурное поведение, за дерзость начальству.

¹ «Право» 1906 г. № 4, Судебная хроника, С.-Петербургский окружной суд (беспорядки среди войск), стр. 358—359.

² «История царской тюрьмы», т. 1.

³ При поисках архивных материалов в Военно-историческом архиве мне встретилось дело, обрисовавшее режим одной из дисциплинарных рот, а именно Архангельского дисциплинарного флотского экипажа. За 1908 год в этом дисциплинарном экипаже перебувало 700 осужденных, из которых за отчетный год 415 человек подверглись дисциплинарному наказанию. На них было наложено 644 наказания. В этом числе десять человек были подвергнуты позорным телесным наказаниям: двое — по 15 ударов, семеро — по 30 ударов и один — 50 ударов. К 87 заключенным был применен 116 раз строгий арест, к 108—155 раз усиленный арест и т. д. Филиал ЦГАВМФ в Ленинграде, Фонд 936, 1909, № 175, дело Архангельского дисциплинарного флотского экипажа «Дисциплинарные взыскания нижних чинов» (л. 10, оборот).

⁴ ЦГВИА, Фонд 545 (II), опись 12, 1906, дело 847, ч. III, «О 126 нижних чинах роты военной электротехнической школы».

Огромное число дисциплинарно наказанных среди солдат электротехнической роты служит показателем сурового режима в электротехнической школе. Следует припомнить, что возмущение роты имело место в революционный 1905 год. Бывший участник волнений в этой школе писал в своих воспоминаниях, что «9 января 1905 г. заставило нас глубже заглянуть в окружающее, и мы, электротехники, решили связаться с революционными работниками». Такая связь, как мы увидим ниже, была указана и в обвинительном акте.

Брожение среди солдат роты началось еще летом 1905 года, когда солдаты-электротехники находились в лагерях под Кронштадтом. Как нередко бывает при волнении в той или другой воинской части, они начались с выражения недовольства пищей. Почти все солдаты роты вылили на землю полученные ими щи из очень кислой капусты. На предложение начальника роты выступить недовольным на два шага из шеренги рота вся целиком сделала два шага вперед. Школа вернулась из лагерей в Петербург осенью, когда там происходили забастовки рабочих, в том числе и на электрических станциях. Начальство пыталось пустить в ход электрические станции при содействии солдат электротехнической роты. Солдаты отнеслись к этому очень отрицательно. Обвинительный акт ставил в вину одному из подсудимых отказ от такой работы. При этом указывалось, что он собрал около себя большую толпу народа и говорил, что его заставляют работать против воли, а надо было бы помочь кронштадтцам, которым грозил расстрел. Арестованный офицером, он говорил о тяжелых условиях жизни солдат и грозил, что «будет время и они покажут себя».

Инкриминируемые события начались в роте с 12 ноября 1905 г. Солдаты прочли в газетах сообщение о требованиях солдат артиллерийской бригады города Гродно к военному начальству и решили предъявить требования и со своей стороны. В результате коллективного обсуждения был выработан и 14 ноября принят на собрании роты 31 пункт «требований» нижних чинов электротехнической школы. На следующий же день они были опубликованы в большевистской газете «Новая жизнь».

Воспроизводим их по обвинительному акту:

«1) Человеческое обращение на «вы». 2) Сокращение срока службы. 3) Свободное увольнение со двора. 4) Свободное посещение солдатами театров и пр. 5) Пользование отпуском во всякое время года не менее месяца и каждого без исключения. 6) Бесплатный проезд и с сохранением содержания за время отпуска. 7) Свободный допуск книг в казармы. 8) Выписка на

казенный счет газет и журналов. 9) Свободный допуск в библиотеки, общественные и частные. 10) Немедленное увольнение в запас всех выслуживших установленный срок. 11) Пособие каждому запасному при увольнении его в запас. 12) Увеличение жалования. 13) Улучшение пищи. 14) Немедленное введение чайного довольства (чай, сахар). 15) Отдельный прибор посуды для каждого нижнего чина. 16) Улучшение одежды. 17) Постельное белье. 18) Казенная стирка белья. 19) Бесплатная доставка солдатских писем. 20) Удаление унтер-офицера Хрящева. 21) Своевременная выдача жалования, собственных денег и посылок. 22) Уничтожение обысков. 23) Увольнение в церковь без команды, за исключением парада. 24) Удаление работ для полицейских надобностей. 25) Хозработы только для себя, а не для офицерских квартир. 26) При увольнении в запас, чтобы давался свой срок. 27) Освобождение рядового Белоусова. 28) Свобода собраний в казармах. 29) Уничтожение уличных работ. 30) Увольнение немедленно в отпуск по болезни и смерти родных и родственников. 31) Ведение ротного хозяйства самой ротой»¹.

Таковы были требования солдат царской армии, за предъявление которых солдаты электротехнической роты сначала заполнили казематы Петропавловской крепости, а потом пошли на разные сроки в дисциплинарные роты и в тюрьмы.

Электротехнической роте не сразу удалось передать свои требования начальству. Попытки солдат объясниться с командным составом закончились 14 ноября, когда командир роты пригласил солдат на третий этаж для беседы с высшим начальством. В это время бывший батальон Павловского полка захватил по приказу командира полка винтовки электротехников. Безоружные солдаты были выведены во двор казармы и арестованы. Впрочем, арест не произошел спокойно, хотя командир Павловского полка и пригрозил: «Кто двинется — на месте будет приколот штыком». Один солдат за дерзость и за угрозы кулаком за спиной капитана был удален из строя и отправлен в карцер. По приговору суда он получил четыре года каторжных работ.

Как мы уже знаем, военная электротехническая рота была заключена в Петропавловскую крепость. Здесь не все заключенные пробыли одинаковые сроки. Они охранялись в «манеже» внешней и внутренней стражей. Среди солдат произвели обыски. Комендант крепости сообщил военному следователю о нахождении в присланных для солдат шинелях двух прокламаций

¹ ЦГВИА. Фонд 545 (Л), опись 12, дело 847, ч. III.

петербургского Совета рабочих депутатов. При обыске 4 января 1906 г. комендант нашел какое-то стихотворение противоправительственного содержания — «Финский нож». Очевидно, солдаты имели в своем распоряжении противоправительственную литературу. Командир Павловского полка сообщал в своем рапорте, что при аресте роты из окон казарм выбрасывались какие-то листки¹.

Военно-окружному суду было предано 126 человек. Ко времени суда в Петропавловской крепости оставалось 55 человек, в комендантском управлении — 2 и 69 находились под надзором начальства в помещении самой школы. Из общего числа обвиняемых большинство было мещан (61 человек) и крестьян (51 человек).

Заседания суда происходили 17—20 января 1906 г. в помещении самой школы. Обвинение было предъявлено 122 человекам по ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 171 и ст. 75. Кроме того, некоторые солдаты обвинялись по ч. 2 ст. 108 и ч. 2 ст. 97, по ст. ст. 112 и 110, по ст. ст. 112 и 105, один — по ч. 2 ст. 97 и ст. 106 тома XXII Свода военных постановлений 1896 года.

Военный суд довольствовался совсем немногим для признания подсудимых виновными. Из отчета о процессе видно, чем руководствовались офицеры, относя того или другого обвиняемого к зачинщикам и агитаторам. Так, например, один из свидетелей называл подсудимого агитатором только на том основании, что обвиняемый высказал офицеру свое удивление, что на службе к нему обращаются на «ты», тогда как до службы его называли на «вы». Другой свидетель признал перед военным судом одного из подсудимых человеком крайних убеждений только на том основании, что этот подсудимый спрашивал свидетеля: «Почему министры и генералы, мало работающие, получают тысячи, а рабочие и нижние чины гроши?»². Правительство было напугано этим коллективным выступлением.

Военно-окружной суд признал обвиняемых виновными:

«1) В том, что в первой половине ноября 1905 года в казарменном расположении своей части они сообщали, с целью добиться освобождения арестованного рядового Белоусова, удале-

ния унтер-офицера Хрящева, немедленного увольнения в запас всех выслуживших установленный срок и вообще улучшения материального положения нижних чинов военной электротехнической школы, составили ряд заявлений, всего 31 пункт, каковые заявления изложены письменно без подписи, причем заявления от нестроевой команды не имели заголовка, а от электротехнической роты были озаглавлены: «Требования нижних чинов роты военной электротехнической школы, составлено 14 ноября 1905 г.».

2) В том, что они, кроме Багненко, без разрешения построились, вызвали через фельдфебеля командующего ротой, передали ему через ефрейтора Овощникова означенные требования, и Овощников заявил, «что рота не отступится от этих требований».

3) Белоусов был признан виновным во всех уже описанных нами действиях, а именно: в отказе от работы, агитации среди народа, дерзком обращении к офицеру и об угрозе, что настанет время, когда солдаты покажут себя.

4) Розанов был признан виновным также в уже описанных нами действиях (грозил кулаком за спиной капитана, сопротивлялся при аресте).

5) Журковский виновен в том, что, собрав не менее шести человек чинов воздухоплавательного парка, «призывал их силой освободить арестованных электротехнической роты».

Подсудимые, признанные виновными в «составлении и предъявлении заявления, имевшем вредные последствия для службы», были приговорены: 1 человек — к четырем годам каторжных работ, 38 человек — в дисциплинарные батальоны от одного года до трех лет, 45 человек — в военную тюрьму от одного до четырех месяцев, 22 человека — подвергнуты дисциплинарным взысканиям. Часть солдат была приговорена к нескольким годам дисциплинарного батальона и к каторжной тюрьме¹.

В отношении 13 осужденных военный суд отказался изменить меры пресечения, оставив 2 из них под арестом в комендантском управлении и направив 11 опять в Петропавловскую крепость. Здесь их содержали в прежних условиях, которые в судебном отчете о заседании военно-окружного суда названы «бесчеловечными».

¹ ЦГВИА в Москве, Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. Военно-судное управление, фонд 11, опись 1, 1905, № 8595, «О беспорядках в военно-электротехнической школе» (л. 1).

² «Право» 1906 г. № 4, Судебная хроника, «С.-Петербургский окружной суд (беспорядки среди войск)», стр. 358—359.

¹ Относительную «мягкость» приговора можно объяснить стремлением военного начальства придать делу только характер нарушения дисциплины, а также близким созывом Государственной думы, ввиду чего репрессии в столице временно были несколько ослаблены.

§ 30. МАТРОСЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1911—1912 ГОДАХ И ПРОЦЕСС 1912 ГОДА

Подъем революционного движения в России в период 1910—1914 гг. сказался также и на матросах. Матросы военного флота набирались в значительной степени из числа фабричных и заводских рабочих, и командование военно-морского флота видело в этом факте одну из причин распространения революционной пропаганды во флоте. В то самое время, когда после ленских расстрелов¹ с поразительной быстротой возрастали политические стачки рабочих и организовывались демонстрации с лозунгами свержения самодержавия, а среди крестьян происходили волнения, не могли остаться безучастными ко всему этому и матросы. Многие из тех, которые были призваны во флот с заводов и фабрик, были уже подготовлены большевистской агитацией к активным выступлениям против царизма. Но и те матросы, которые были призваны на службу из крестьян, не походили на своих предшественников в первый период революции: революционное настроение крестьянства сделало огромный шаг вперед. Вслед за рабочими крестьяне переходят к массовым открытым выступлениям против помещиков и царизма. Большевистская партия придавала огромное значение революционной работе среди солдат и матросов. В. И. Ленин учил: «Только соединенный натиск рабочих масс, крестьянства и лучшей части армии может создать условия победоносного, т. е. своевременного восстания»².

Усилившееся революционное движение во флоте отразилось на количестве узников-матросов в Трубецком бастионе в 1911 и 1912 годах.

В 1911 году в Петропавловскую крепость были заключены матросы, арестованные жандармами на различных военных кораблях Балтийского флота. Аресты заподозренных матросов были произведены одновременно.

Арестам предшествовали тщательные обыски не только у заподозренных чинов судовой команды, но и в помещениях корабля. Такие обыски принимали характер массовой облавы на судах Балтийского флота. В отдельных случаях они приводили к результатам, доказывавшим, что военно-революционная пропаганда не только проникла в царский флот, но и укрепилась

¹ См. М. И. Лебедев, Воспоминания о ленских событиях 1912 г., Госполитиздат, 1957.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 212.

на отдельных судах. Число арестованных матросов в 1912 году было значительно больше, чем в 1911 году.

Аресты моряков в 1911 и 1912 годах явились результатом очень развитой к этому времени на морских судах политической слежки.

И. В. Егоров, автор статьи «Материалы о революционном движении во флоте в 1910—1911 гг.»¹, одним из первых в литературе широко использовал в своей работе секретные материалы охранного отделения, жандармского управления и департамента полиции. В донесениях секретных агентов и военно-морского начальства целого ряда кораблей было названо очень большое число фамилий матросов, кочегаров, унтер-офицеров, минеров и других, заподозренных в революционном движении.

Следует отметить, что в донесениях не один раз упоминалось имя крейсера «Аврора». Так, например, 15 августа 1910 г. директору департамента полиции сообщалось, что на линейных кораблях «Цесаревич» и «Слава», на крейсерах «Россия», «Рюрик», «Аврора», «Двина», «Паллада» и в минном отряде ведется революционная пропаганда. Центром пропаганды является «Аврора». «Аврора» имела организационную связь со всеми судами Балтийского флота².

На революционное настроение матросов «Авроры» указывал морскому министру адмиралу Воеводскому товарищ министра внутренних дел генерал Курлов, прося его обратить внимание на это судно ввиду его чрезвычайного положения среди всех остальных судов флота.

Секретный агент доносил 30 сентября о пропаганде среди юнг на крейсере «Аврора» в целях склонения матросов к забастовке.

10 октября на крейсере «Аврора» был арестован матрос, у которого обнаружили переписку партийного характера.

Интересно донесение 4 июля 1911 г. командира «Авроры» о том, что «надеяться на порядок не приходится, пока будут набираться команды из бывших рабочих. Раньше набор производился из землепашцев».

Мы сознательно привели эти выдержки лишь относительно крейсера «Аврора», хотя в донесениях упоминались названия многих других военных судов. Нам хотелось отметить революционное прошлое «Авроры» еще за несколько лет до выступления в октябре 1917 года.

¹ См. «Красная летопись» 1923 г. № 5.

² См. там же, стр. 383.

Представляет большой интерес дело «О революционной организации среди матросов учебного судна «Двина»¹. Под этим названием скрыто очень крупное революционное движение в Балтийском флоте.

Революционная организация охватила матросов многих военных судов. Из обвинительного акта видно, что члены организации были на 14 судах.

Вот названия этих судов: «Аврора», «Двина», «Николаев», «Рюрик», «Цесаревич», «Адмирал Корнилов», «Слава», «Андрей Первозванный», «Император Павел I», «Паллада», «Богатырь», «Адмирал Макаров», «Громобой», «Баян».

Обвинительный акт отмечал возникновение тайной организации на перечисленных военных судах в разное время, начиная с осени 1910 года. Здесь велась революционная пропаганда, устраивались матросами с различных судов совместные тайные собрания, собирались деньги на приобретение нелегальной литературы и оружия и на устройство задуманной собственной тайной типографии. Предполагалось занятие Кронштадта и намечалась установка трех кораблей так, чтобы они держали под своим обстрелом весь путь из Петербурга к Кронштадту и тем самым не допустили занятия Кронштадта правительством. После этого революционные матросы считали возможным диктовать свои требования правительству.

Как сообщается в материалах департамента полиции, восстание намечалось на 1912—1913 гг., но некоторые участники образовавшейся военной организации требовали выступления в 1911 году.

Заговор был раскрыт при попытках матросов собирать необходимый материал для оборудования типографии. Когда для матросов стало очевидным предстоящее раскрытие их начинания, было постановлено, чтобы два главных организатора бежали с учебного судна «Двина». Однако один из них был пойман.

Аресты и заключение матросов в Петропавловскую крепость начались весной 1911 года.

О пребывании этих матросов в Петропавловской крепости так же, как и их товарищей, находившихся в крепости в другие годы, сведений до нас почти не дошло. Архивные дела Трубец-

¹ ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1911, дело № 597, т. 6, «О революционной организации среди матросов учебного судна «Двина». «Двина» — бывший крейсер «Памяти Азова», поднявший красный флаг 20 июля 1906 г. Переименованием царское правительство хотело вытравить память о революционном крейсере.

кого бастиона по большей части сообщают сведения лишь о времени прибытия и выбытия этих заключенных и место, куда они были переведены. Некоторые указания на условия пребывания матросов в Трубецком бастионе мы нашли в названном нами архивном деле о военной организации на «Двине». Хотя эти сведения исходили лишь от одного из заключенных, но они показательны и для характеристики настроения других матросов, объединенных общим делом революционной борьбы. Я имею в виду письмо, написанное узником — матросом Беловым к его брату и не пропущенное жандармской цензурой. Я имею также в виду заявление этого матроса, написанное прокурору С.-Петербургской судебной палаты, и объявленную им голодовку.

Белов писал брату под впечатлением своего негодования на слишком продолжительное производство предварительного следствия и на долговременное содержание его в крепости, где, видимо, он не отличался «благонаправленным поведением»¹. Он иронически писал брату: «Да, Костя, я теперь вполне убедился экспериментальным путем, что у нас суд скорый и милостивый... Два раза я изволил в темном карцере студиться. Первый раз за то, что разговаривал, а второй раз за то, что не разговаривал»².

В официальном заявлении прокурору Белов жаловался на медлительность предварительного следствия. Матрос с полной откровенностью писал представителю царского правосудия из своего каземата: «Если у Вас не в обычае выпускать живых из крепости, то следовало бы объявить об этом... Но мне-то гораздо выгоднее скорее освободиться от ваших мер, способов, уклонений, пресечений, ухищрений, стыдливо прикрывающих пытку»³. 4 июня 1912 г. Белов объявил голодовку. В результате он был переведен из Трубецкого бастиона на девять дней раньше, чем некоторые его товарищи по процессу. Впрочем, его перевели в Петербургскую одиночную тюрьму, а остальных — в Дом предварительного заключения.

Наконец, настали дни суда. Перед военно-морским судом в С.-Петербурге 22—24 июля 1912 г. предстали 59 обвиняемых. Военный суд распределил осужденных по степени их виновности на семь степеней или категорий.

¹ Напомним, что так же длительно велось следствие и над другими матросами — узниками бастиона.

² ЦГИА в Москве. Фонд департамента полиции, 7 делопроизводство, 1911, дело № 597, т. 6, «О революционной организации среди матросов учебного судна «Двина» (л. 33).

³ Тот же архив, то же дело, л. 43.

На первом месте оказались 14 обвиняемых, признанных виновными в участии в сообществе, заведомо поставившем целью своей деятельности «изменение существующего» общественного строя в государстве. Наказанием для осужденных этой группы явились каторжные работы на срок от четырех до четырех с половиной лет. Наивысший срок каторжных работ в четыре с половиной года был назначен четверем подсудимым, трое из которых оказались узниками Петропавловской крепости.

Ко второй категории были отнесены осужденные, признанные виновными в распространении сочинений, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и ниспровержению существующего в России общественного строя. К третьей категории относились осужденные за распространение сочинений, возбуждающих к неповиновению законным распоряжениям власти.

Четвертую категорию составляли узники, обвиняемые в доставлении средств преступному сообществу, поставившему целью своей деятельности «изменение существующего» общественного строя в государстве.

Пятая группа занимает второе место по численности отнесенных в нее осужденных. В нее вошли восемь матросов, признанные виновными в хранении «преступных сочинений», но без цели их распространения.

Осужденным по шестой группе было поставлено в вину заочное оскорбление царя и наследника престола.

Наконец, к седьмой группе были отнесены уже включенные в первую группу фельдшер Коломейцев и матрос Белов, осужденные дополнительно за дезертирство и подговор к неповиновению начальству.

Так, десятки матросов — участников подготовлявшегося восстания флота, осужденных по процессу 59-ти, пошли на каторгу и в различные места лишения свободы. Те из них, которые перенесли тягости предварительного заключения в Трубецком бастионе, в основной массе пошли на каторгу. Трудящиеся массы освободили их в феврале 1917 года.

§ 31. ДЕЛО 1913 ГОДА О ПЯТИДЕСЯТИ ДВУХ МАТРОСАХ, ОБВИНЯЕМЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ВОССТАНИИ

По мере приближения к концу следствия по делу 59-ти матросов развертывалось новое следствие по делу о подготовке восстания на военных судах Балтийского флота. По этому процессу на скамью подсудимых было посажено 52 матроса, 22 из

них были заключены в одиночные камеры Трубецкого бастиона. Сюда были заключены лишь те из матросов, которые привлекли к себе особое внимание жандармерии и судебно-следственной власти, остальные же арестованные были размещены по другим тюрьмам Петербурга (Дом предварительного заключения, одиночная тюрьма и др.).

Заполнение камер Трубецкого бастиона этими арестованными матросами произошло не в один день, а растянулось на несколько месяцев — с 2 июня 1912 г. до 12 февраля 1913 г. Наибольшее число было арестовано 12 июля 1912 г. В этот день одиночные камеры Трубецкого бастиона поглощали почти половину всех арестованных.

С.-Петербургское жандармское управление было осведомлено через своих секретных сотрудников о том, что, несмотря на многочисленные аресты матросов на многих кораблях и невзирая на заканчивавшееся следствие о предании суду 59 матросов, на военных судах шло брожение и не прекращались разговоры о восстании. Тайные агенты, в том числе также и провокаторы, доносили жандармам о готовности матросов перейти от слов к делу, о стремлении их ускорить революционные выступления на военных судах.

Решило ускорить свое «наступление» и жандармское управление. Уже 20 апреля 1912 г. оно представило военно-морскому начальству два списка с фамилиями матросов. По первому списку предлагалось произвести обыски у 47 намеченных матросов и арестовать их по результатам обыска. В другой список было занесено 86 человек как неблагонадежных.

Представляет интерес то, что руководство политическим сыском, требуя, по его выражению, «ликвидации» обнаруженной революционной организации, указывало и на условия развития таких организаций на военно-морских судах. Оно подчеркивало, что набор молодых людей для отбывания военной службы на кораблях производится по большей части из числа фабрично-заводской молодежи, которая уже была сагитирована революционными организациями. «Поступив во флот и встретя многих единомышленников, матросы эти продолжают между собою вести разговоры на революционные темы, читают нелегальные издания».

Еще подробнее остановилось охранное отделение на выяснении условий развития революционной пропаганды среди матросов в его сообщении прокурору от 25 апреля 1912 г. о произведенных им арестах. На этот раз оно указывало не только на вербовку матросов среди специалистов-техников, зараженных пропагандой, но и на понесенные флотом поражения в войне

с Японией, на тяжелые условия службы во флоте, на общение матросов с эмигрантами во время заграничных плаваний, на распространение среди них нелегальной литературы.

Департамент полиции сетовал на невозможность производить расправу с военными служащими в административном порядке, без суда.

Первые аресты были произведены в ночь с 24 на 25 апреля 1912 г. На «Рюрике» было арестовано 14 человек; на «Цесаревиче» — семь, частных лиц — пять человек; на кораблях «Андрей Первозванный», «Петр Великий», «Богатырь», «Африка» и 1-го Балтийского экипажа — 12 матросов.

В судебном деле 52-х матросов раскрылась роль департамента полиции по созданию этого грандиозного процесса с использованием двух платных провокаторов.

Имеющееся в наших руках архивное дело департамента полиции содержит чрезвычайно интересные документы в виде секретных докладов Губонина, делопроизводителя департамента, его директору о судебных заседаниях по процессу 52-х матросов 15—22 июня 1913 г. Конечно, это дело рассматривалось при закрытых дверях и никакие сведения о нем не могли проникнуть в печать.

Представшие на суде в 1913 году матросы были выданы провокаторами и шпионами. Историк революционного движения в царском флоте профессор С. Ф. Найда определил число арестованных «нижних чинов» на Балтике с апреля 1912 года по июнь 1913 года крупной цифрой в 700 человек¹.

Надо отметить, что такое большое количество арестов в значительной степени связано с авантюристической тактикой эсеров, которые наряду с большевиками имели свои организации в Балтийском флоте. Если большевики готовили матросов к совместному выступлению с рабочими и солдатами, призывали их к выдержке и укреплению связей с рабочим классом, то эсеры толкали революционно настроенных матросов к отдельным вспышкам, взрыву военных кораблей, к индивидуальному террору. Эсеровские организации были наводнены агентами тайной полиции, провокаторами, которые заблаговременно доносили жандармам о готовящихся выступлениях. Мы уже знаем, что большое число матросов было арестовано и заключено в Петропавловскую крепость, кроме апреля, еще и в июле 1912 года. Аресты не остановили революционной работы остав-

¹ См. С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М.—Л., 1948, стр. 458 (см. гл. VII «Подготовка восстания в Балтийском флоте в 1912 г.»).

шихся на свободе матросов-большевиков. Отмечая это, только что названный нами автор напоминает интересный факт отправки после апрельских арестов революционерами Балтики своего представителя к В. И. Ленину в Париж с информационными целями. Об этом В. И. Ленин писал Максиму Горькому на остров Капри: «А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, — просто плакать хочется!! Ежели есть у Вас офицерские связи, надо все усилия употребить, чтобы что-либо наладить. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть»¹.

Многочисленные аресты, произведенные на судах в ночь на 25 апреля 1912 г., не ослабили стремления к восстанию. Если матросам не удалось осуществить восстание 25 апреля, то на новых их сходках они перенесли его в ночь с 10 на 11 июля 1912 г. Революционную решимость не могли сломить у арестованных матросов и на дознании.

Комендант крепости переслал в департамент полиции записку одного из матросов, навернутую им на спичку и брошенную на дорожке тюремного дворика во время прогулки. Матрос сообщал своим товарищам, что на допросе генерал угрожал ему виселицей. Он писал: «Мне уже было сказано генералом вчера, что я буду повешен, хотя он ничего не спрашивал, а спросил, за что арестован, на что я сказал, что не знаю за что. Он затопал ногами и сказал, что повесит, шея выдержит. Жалею, что не вместе. Камера № 41 моя».

О революционном настроении всех заключенных матросов говорилось и в обвинительном акте. В нем приводился, между прочим, следующий факт. Мимо линейного корабля с выстроеными на нем матросами проплывала императорская яхта «Штандарт» с царем и генералитетом.

Команда на бортах «Павла I» очень вяло кричала «ура». Несмотря на приказание кричать громче, многие едва мычали, а некоторые совсем молчали².

В обвинительном акте ставилось в вину подсудимым составление ими тайной организации в целях восстания против «существующего государственного строя», для достижения чего предполагалось перебить офицеров, завладеть оружием и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 30.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1912, № 801, т. 2 и 5, «По наблюдению за формальным дознанием о революционной организации, образовавшейся среди матросов Балтийского флота» (л. 169).

флотом. Участники революционной организации были разбиты в целях конспирации на десятки. Производились сборы на приобретение революционной литературы и вооружения. Для обсуждения плана восстания матросы собирались на сходки на берегу и устраивали тайные собрания на кораблях.

В материалах Трубецкого бастиона все 22 моряка — узники крепости, обвинявшиеся по процессу 52-х, были названы матросами. Найденный нами обвинительный приговор по этому делу позволил выяснить, как разнообразны были специальности всех 52-х обвиняемых. Мы насчитали 12 различных профессий, к которым принадлежали эти моряки. На первом месте по численности стояли матросы — 17 человек. Затем в нисходящем порядке следовали: машинистов — семь, электриков — пять, минных машинистов и минеров, кочегаров, командоров, гальванеров — по четыре в каждой группе, минеров-электриков и рулевых унтер-офицеров — по два человека, телеграфный унтер-офицер, артиллерийский унтер-офицер, сигнальщик — по одному человеку.

По социальному происхождению 49 были из крестьян, трое — из мещан.

Всех обвиняемых объединял и их молодой возраст: 32 человека из них к моменту ареста были в возрасте 24—25 лет. Таким образом, это были люди, уже не первый год испытывавшие на себе тяжесть военно-морской службы на судах царского флота.

В цитированном нами секретном докладе о ходе судебного разбирательства сообщалось: «Временные члены суда из строевых офицеров относятся к обвиняемым с нескрываемым недоброжелательством».

Интересен состав тех свидетелей, показания которых были положены в основу обвинительного приговора. Автор истории революционного движения во флоте отметил, что среди 29 свидетелей были: провокатор, начальник петербургского охранного отделения, два шпиона охранки, два предателя, содержательница притона, шесть офицеров флота и другие, им подобные. Свидетели же — боцманы, унтер-офицеры и матросы не только не выдавали подсудимых, но, сочувствуя им, пытались всячески их выгородить¹.

Военно-морской суд признал 21 обвиняемого виновными в явном подстрекательстве к восстанию по п. «б» ст. ст. 109—112 Военно-морского устава и приговорил их к смертной казни с за-

¹ См. С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М.—Л., 1948, стр. 461.

меной ее по манифесту 1913 года каторжными работами на 20 лет и с уменьшением этого наказания на разные сроки.

Преступления остальных осужденных были квалифицированы как соглашение противодействовать начальству, отчего мог произойти вред для службы, т. е. по ч. 2 п. «б» ст. 111 и ст. 74 Военно-морского устава. По применению манифеста 1913 года подсудимые были приговорены: четверо к каторжным работам на четыре года восемь месяцев и двое на три года четыре месяца. Второстепенные участники были приговорены в арестантские отделения от двух лет до шести месяцев¹.

Следует подчеркнуть, что среди приговоренных к смертной казни 13 человек были узниками Трубецкого бастиона.

Матросы, осужденные по процессу 1913 года, пошли в центральные каторжные тюрьмы, на каторгу в Сибирь и в тюрьмы Европейской России. В этих местах заключения они встретили товарищей-моряков, осужденных по предшествующим процессам о восстаниях во флоте. Нередко они получали в местах заключения дальнейшее воспитание в деле служения народу.

С. Ф. Найда говорит об этих участниках процесса 1913 года, что «они стали активными участниками героической борьбы нашего народа против помещиков, капиталистов и интервентов. Некоторые из них пали смертью храбрых в годы гражданской войны и борьбы с интервентами: Карпова и Нечаева расстреляли в 1919 году мамонтовцы. Роговского замучили белогвардейцы в Киеве. Щука погиб в боях на Черниговщине, Комиссаров — в Одессе и т. д. Оставшиеся в живых стали активными строителями социалистического государства»².

Осужденные в 1913 году по процессу 52-х матросов не были последними узниками Петропавловской крепости по процессу о массовом восстании. Флот давал своих представителей в казематы крепости до последнего дня существования в России царизма.

§ 32. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-МАТРОСЫ В КРЕПОСТИ ПО ПРОЦЕССУ 1916 ГОДА

Последними узниками Трубецкого бастиона из числа матросов были арестованные в 1916 году члены партии большевиков.

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1912, № 801, т. т. 2 и 5, «По наблюдению за формальным дознанием о революционной организации, образовавшейся среди матросов Балтийского флота».

² С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М.—Л., 1948, стр. 464.

Не следует думать, что за два года, истекшие со времени военного суда над узниками 1913 года, в царском флоте все было спокойно. Там были частые волнения. Если участники этих событий во флоте не попадали в 1914 и 1915 годы в одиночные камеры Трубецкого бастиона, то для них находились места в других тюрьмах.

Ко всем прежним условиям, развивавшим революционное настроение матросов, прибавилось за эти годы и еще одно новое условие — поражения на суше и на море, которые понесли в первую мировую войну русские войска под командой бездарных генералов и адмиралов. В частности, некоторые из волнений во флоте вызывались недоверием матросов к их командирам, среди которых многие имели немецкие фамилии. Не прекращалось грубое обхождение офицеров с подчиненными им нижними чинами.

Все это подтверждается многочисленными донесениями и докладами жандармских управлений и охранных отделений как высшему военно-морскому начальству, так и руководящим чинам департамента полиции. Так, например, дело департамента полиции 1914 года за № 238 и № 288 «Наблюдение за настроением чинов Балтийского военного флота»¹ изобилует указаниями на факты недовольства матросов своим положением на кораблях, на факты недоверия к командному составу, особенно с немецкими фамилиями, их оскорбленного патриотизма при поражениях русской армии и русского флота.

В этих донесениях жандармов и охранников начали звучать и новые мотивы, ранее не звучавшие. Не переставая отмечать рост революционных настроений среди матросов, жандармские управления оказались вынужденными силой сложившихся обстоятельств отмечать и причины недовольства моряков на кораблях флота. Так, например, начальник Эстляндского губернского жандармского управления 8 октября 1914 г. сообщал о недовольстве матросов и рабочих, занятых постройкой порта на острове Карлос, инженером Кесслером и техником Лемке. Оба они «враждебно относятся к русским рабочим, стремясь создать немецкую группу, русского языка не признают, изъясняясь на последнем только в исключительных случаях». Лемке называл русских рабочих «свиньями», грозя заменить их немцами и эстонцами².

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914, № 288, б. ф.

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914, № 288, фонд 102, опись 5 (лл. 2—3).

О грубом обхождении офицеров с матросами сообщал и начальник Кронштадтского жандармского управления (30 октября 1914 г.). Он отмечал брожение среди команды на судне «Севастополь», мичман которого «обычно» звал матросов «подлецами и сволочами». Агентура с этого корабля доносила разговоры матросов о том, «что во флоте никогда не будет ничего хорошего до той поры, пока офицеры не будут видеть в матросе человека...»¹.

Тот же жандарм сообщал агентурные сведения с корабля «Петропавловск» о побоях фельдфебелем матроса, о недовольстве матросов на корабле «Гангут», где офицер, будто бы немецкого происхождения, назначает к орудиям неопытных наводчиков из запаса, а не таких, которые имеют даже отличие за стрельбу².

О своем недовольстве матросы царского флота доводили до сведения своего начальства не только в форме массовых, но и единоличных выступлений. Нам попался в архиве документ, направленный начальнику главного морского штаба за подписью «предсказатель». Содержание этого письма, написанного, по-видимому, группой матросов, заставляет предполагать, что его авторы были не фабрично-заводские рабочие, а крестьяне, оторванные от земли призывом на военную службу. Автор анонимного заявления совсем не грамотей, но пишет с глубоким сознанием всей несправедливости своего положения на корабле и всего крестьянства на земле. Стоит привести из этого «письменного протеста» хотя бы некоторые его места.

Анонимный автор писал: «Здравствуйте. Во-первых, вот что, извините, что мы вам так плохо написали на такой бумаге, потому что наша нужда.

Доносим вашему высокопревосходительству, что командир наш Стронский отобрал наши последние грошики, которые нам должны выдать за усиленную пищу; а он нам дает в неделю один раз по 1 фунту белого хлеба, и все мы заявляли сколько раз, и на это нету ничего, а только всячески обругают хуже чем мужика. Имейте в виду, если у вас не будет бунта через это. А потом еще должны выдавать деньги за осадное положение. Обратите внимание на ваше не очень красивое распоряжение, которое вы выдумали: те люди, которые хорошо и так обеспечены, а вы им еще валите даром наши кровавые копейки, какие-то подъемные, харчевые, суточные. Они жалованье и то даром

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914, № 288, фонд 102, опись 5, л. 15.

² Тот же архив, то же дело, лл. 29, 104, оборот.

получают... Вы этим только костер разжигаете, ну и начинает уже понемногу гореть. Вот, вот вспыхнет, и это все за ваши хорошие дела-порядки. Ты обрати внимание, а мы чем виноваты, если нас забрали да еще побросали все свое богатство в поле на божью волю, которое все и погнило в поле, а все-таки нам не дали подъемные и суточные, как господам кондукторам и т. д. Ваши дармоеды, лентяи мало того, что им даром жалование платят, а еще подъемные. Это ведь кровь нашу пьете, ну и теперь приходится с Вами обратно поступать как в 1905 году... Идет у вас война, и это может пособить немцу неприятелю, а вся команда этим не дорожит при таких порядках зверских мало того да и то буде сюда притащили, а тут и последнюю копейку и той никак не дают... Да еще обратите внимание у нас много идут домой по каким-либо обстоятельствам, и этот кейзер Стронский этих людей совсем обирает догола, так что приходится многим идти нагишом, а он еще над ними всячески ругается... Наша команда вся наготове потребовать все что нужно, а потом будет поздно, когда вспыхнет мятеж. Усмирять будет некому, да и не будет никто. Просим вас еще, если можете, пособить нам; нашим родителям совсем не платят никакого пособия, а только всячески ругают, как и Стронский. Просим вас об этом, если можете, похлопотать. Это тоже может много вредить еще больше, потому что наши родители не виноваты, если у них угнали всех сыновей, им надо кормиться чем-нибудь, а там какой-нибудь урядник, старшина, староста над ними издевается, да свои карманы набивает теми деньгами, которые им полагаются, а они их за подати отбирают. Если хотите удерживать порядок, то думайте об этом раньше. А если будете платить кондукторам-шкурам деньги, то тоже будет иметь большое влияние»¹. Не один раз мы отмечали жалобы морских офицеров и жандармских управлений на вербовку в военно-морскую службу рабочих с заводов и фабрик, потому что они уже «распропагандированы» революционерами. Так, рядом с революционером-матросом, бывшим заводским рабочим, теперь вставал революционер-матрос из числа землепашцев.

Прежде чем говорить о последних узниках из числа матросов, заключенных в Петропавловскую крепость, вспомним два крупных процесса военно-морского суда 1915 года. Первый из них связан с кораблем «Петропавловск». Здесь несколько десятков матросов отказались исполнить приказ начальства «разойтись», когда они коллективно предъявили свои требования.

¹ ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1914, № 288, фонд 102, опись 5 (л. 98, оборот).

В июле 1915 года 31 из них был предан суду и приговорен в дисциплинарный батальон на сроки от одного года шести месяцев до четырех лет¹.

Более грозный характер носили волнения в том же, 1915 году, на линейном корабле «Гангут». Они произошли 19 и 20 октября. Постепенно растущее недовольство среди матросов вызывалось возмущением бездарностью царского генералитета, непрерывными поражениями России в войне. Матросы сетовали на военно-морской командный состав, среди которого были офицеры с немецкими фамилиями, в том числе ненавистный матросам барон Фитингоф. Некоторые матросы объясняли поражение нашей армии на суше недостаточной активностью русского флота. Беспорядки вылились в бурное выступление, когда в офицеров полетели поленья, каменный уголь, железные болты и пр.

Участниками этого выступления явились матросы в количестве 350 человек. Уже через месяц, 27 ноября, военно-морской прокурор кронштадтского военно-морского суда сделал представление главному морскому прокурору о предании суду 34 матросов с линейного корабля «Гангут».

21 декабря 1915 г. кронштадтский военно-морской суд признал матросов виновными в явном восстании и приговорил двоих из общего числа осужденных к смертной казни, четырех — к каторжным работам на 15 лет, двоих — к каторжным работам на 14 лет, десяти — на 10 лет каждого, пять человек — на 8 лет, троих — на 4 года и восемь человек были оправданы².

На линейном корабле «Гангут» была большевистская организация. Ведя революционную пропаганду, большевики на этом корабле проводили тактику, общую с организациями большевистской партии на других кораблях, а именно подготавливали матросов к общему выступлению, удерживая их от разрозненных выступлений. Но трудно было сдержать на «Гангуте» накопившуюся революционную энергию³.

События на «Гангуте» нашли живейший отклик и на других военных судах. В частности, матросы с крейсера «Рюрик»

¹ ЦГАВМФ в Ленинграде. Фонд 407, главное военно-морское судное управление, 1915, дело 399, «Суд особой комиссии о 31 нижнем чине линейного корабля «Петропавловск».

² ЦГАВМФ в Ленинграде. Фонд 407, главное военно-морское судное управление, 1915, дело 391, «О беспорядках на линейном корабле «Гангут».

³ См. подробности о восстании на корабле «Гангут» в книге С. Ф. Найда «Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг.» (М.—Л., 1948, стр. 509—520). Приговоренным к смертной казни Ваганову и Янцевичу смертная казнь была заменена каторжными работами. В общей сложности 26 осужденных матросов получили 256 лет каторжных работ.

отказались конвоировать арестованных товарищей с «Гангута». На «Рюрике» были арестованы и преданы суду 42 матроса, из которых 27—30 марта 1916 г. были приговорены: трое к смертной казни, три человека к каторге и 34 человека в дисциплинарный батальон¹.

Почти ровно за месяц до этого приговора, а именно 26 и 27 февраля 1916 г., в казематы Петропавловской крепости были заключены пять матросов. Общее же число обвиняемых матросов определилось в 19 человек.

Использованное мною архивное дело о суде над 19 матросами представляет собою особый интерес². Приговор над 19 матросами, вошедший в законную силу 4 ноября и приведенный в исполнение 8 ноября 1916 г., явился как бы заключительным аккордом военно-морского суда в расправе царизма с революционным движением во флоте. Через год произошла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Еще в сентябре 1915 года секретные агенты с различных кораблей Балтийского флота доносили начальнику Кронштадтского городского жандармского управления об усилении социал-демократической пропаганды среди матросов. Они сообщали, что эти пропагандисты стремятся «насадить во флоте возможно большее число своих сторонников», а когда «наступит время для сведения счетов с правительством», морские команды будут достаточно распропагандированы, чтобы «не стать слепым оружием в руках правительства против народа»³. По словам агентов, такая пропаганда поднимала настроение команд. Секретные агенты при этом добавляли, что «немало волновали матросов и случаи бестактного обращения с ними офицеров немецкого происхождения». Агенты сообщали о возникновении на судах матросских коллективов, руководимых комитетом большевистской партии. Однако пропагандисты всеми силами старались удерживать матросов от разрозненных выступлений.

Сыщики выделяли в своих донесениях и отдельных матросов, называя руководителями тех из них, которые скоро стали

¹ См. С. Ф. Найда, Революционное движение в царском флоте 1825—1917 гг., М.—Л., 1948, стр. 520. Приговоренным к казни она была заменена пожизненными каторжными работами.

² ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 6 делопроизводство, 1916, № 600, «О революционной организации среди матросов на линейных кораблях «Император Павел I», «Император Александр III» и «Цесаревич».

³ ЦГАВМФ в Ленинграде. Фонд 407, главное военно-морское судное управление, 1916, дело 471, «О возникшей в конце 1915 года среди матросов Балтийского флота военной организации Петербургского комитета Российской социал-демократической партии» (л. 3).

узниками Трубецкого бастиона. Следует подчеркнуть, что и в этот период секретная агентура продолжала отмечать выдающийся по своей организованности коллектив матросов на крейсере «Аврора», игравший главенствующую роль¹.

С особой яркостью в этом судебном процессе проявилась огромная роль большевистской пропаганды в царском флоте. В описательной части обвинительного акта указывалось на постоянное возрастание волнений на военно-морских судах под влиянием пропаганды большевиков. Ведя свою пропаганду, большевистская партия настоятельно предупреждала матросов от разрозненных выступлений.

Показателем быстрого разрастания революционного движения под влиянием разъяснительной, пропагандистской работы большевиков явился тот факт, что 19 матросов, преданных военно-морскому суду, были арестованы на 12 военно-морских судах: крейсере «Россия», линейном корабле «Петропавловск», тральщике «Фита», линейном корабле «Цесаревич», в учебно-артиллерийском отряде, на линейном корабле «Император Павел I», линейном корабле «Полтава», линейном корабле «Гангут», тральщике «Взрыв», линейном корабле «Император Александр III», крейсере «Диана».

В обвинительном акте указывается, что в Петербурге большевиками было намечено совместное выступление рабочих, матросов и солдат в 11 годовщину «кровавого воскресенья», а именно 9 января 1916 г.

Так, в знаменательный день начала русской революции призывались к совместному выступлению с рабочими солдаты, которые за 11 лет перед этим еще не решались быть на стороне пролетариата. Обвинительный акт воспроизводил прокламацию большевиков, в которой рабочие и солдаты читали: «Товарищи-солдаты. Не пора ли задуматься над вопросом, чтобы самим положить конец этой бессмысленной бойне. Не пора ли сознать, что тирания деспотов-царей опирается на невежество народных масс и солдатские штыки. Не пора ли обернуть эти штыки против угнетателей народа — помещиков, буржуазии, насилия царизма. Организуйте ротные, батальонные дружины, приготовляйте товарищей на борьбу с царским самодержавием и кроважно-хищными капиталистами». Прокламация заканчивалась призывом: «Да здравствует революционное объединение

¹ ЦГАВМФ в Ленинграде. Фонд 407, главное военно-морское судное управление 1916, дело 471 «О возникшей в конце 1915 года среди матросов Балтийского флота военной организации Петербургского комитета Российской социал-демократической партии» (лл. 4—5).

солдат и рабочих! Долой царское самодержавие! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует конфискация земель!»¹.

Эта прокламация большевиков, этот призыв солдат к прекращению войны и к подготовке восстания были одним из многочисленных приемов тактики большевиков, которые развернули революционную работу также в армии и флоте. Они разъясняли массам солдат и матросов, что в неслыханных ужасах войны и страданиях народа виноваты капиталисты и помещики во главе с царской кликой, разъясняли, что единственным выходом для народа из империалистической бойни является революция. Большевики создавали свои организации в армии и флоте, на фронте и в тыловых частях, распространяли листовки с призывом против войны.

Обвинение против арестованных в 1916 году матросов было сформулировано по ч. 1 ст. 102 Уголовного уложения. Они обвинялись за участие в преступном сообществе, организованном на кораблях и «положившем в основание своей деятельности программу Петроградского комитета Российской социал-демократической рабочей партии с целью добиться насильственным путем окончания настоящей войны, чтобы затем, при поддержке армии и рабочего класса, созвать учредительное собрание, для ниспровержения установленного в государстве основными законами образа правления и замены его демократической республикой».

Для нас нет необходимости выяснять роль каждого из обвиняемых по этому делу. Достаточно сказать, что все они были связаны между собой их сочувствием к программе партии большевиков. Характерно, что при обысках у обвиняемых жандармы находили исключительно агитационную литературу РСДРП(б)². Это показывает, что революционное движение в царском флоте в годы перед революцией 1917 года росло и крепло на почве вступления матросов в ряды большевистской

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 6 делопроизводство, 1916, № 600, «О революционной организации среди матросов на линейных кораблях «Император Павел I», «Император Александр III» и «Цесаревич» (л. 221).

² ЦГИА в Москве. Департамент полиции, 9 делопроизводство, 1915, № 4027, «Об исследовании политической благонадежности матросов Ивана Сладкова и Степана Ерохина». Из этого дела, например, видно, что у обвиняемого Сладкова, матроса с корабля «Император Александр III», были найдены разные воззвания и брошюры издания РСДРП(б), а у другого обвиняемого — Ерохина, машиниста с корабля «Цесаревич», было обнаружено 55 прокламаций РСДРП(б). Оба эти матроса были заключены в Трубецкой бастион и провели здесь до суда каждый по восьми месяцев.

партии или, во всяком случае, на базе преимущественного сочувствия моряков именно этой партии.

Петроградский пролетариат мощно выступил на защиту обвиняемых матросов. Перед началом заседаний военно-морского суда Петербургский комитет партии большевиков выпустил воззвание к рабочим, солдатам и матросам. Прокламация, распространенная в большом количестве по фабрикам и заводам и отвечавшая настроениям широких масс, имела огромный успех. Десятки заводов, фабрик, типографий, более чем с сотней тысяч рабочих, дружно провели политическую забастовку. Это их голос заглушал громовую речь прокурора. Это они, пролетарии столицы, вырвали из рук членов военно-морского суда, из лап тюремщиков и палачей своих братьев, товарищей-матросов.

Названная нами прокламация РСДРП(б) помечена 26 октября 1916 г. Экземпляр ее хранится в одной из витрин Ленинградского центрального военно-морского музея. В ее тексте читаем, между прочим, следующие строки призыва к рабочим: «Товарищи рабочие! 26 октября состоится суд над теми из наших товарищей-матросов, кто захотел включить свои силы в революционное движение рабочего класса. Им осмеливаются угрожать смертью за то, что они в душных казармах сохранили ясность революционного сознания... Царский суд хочет из матросов сделать преступников, но для нас они останутся примером». Далее прокламация говорит о жестокости расправы царских судов, особенно тогда, когда «к ним в руки попадают матросы и солдаты». Рабочие призывались к массовой забастовке протеста против суда над матросами и против применения к ним жестокой репрессии. Прокламация заканчивалась следующими призывами: «Долой суд насильников! Долой смертную казнь! Да здравствует стачка протеста! Да здравствует единение революционного пролетариата с революционной армией»¹.

Так, рабочие призывались к единоборству с военно-морской юстицией царизма в защиту матросов. Аппарат этой юстиции, начинавший свои приговоры обычной формулой: «по указу его императорского величества», на этот раз не посмел применить смертную казнь ни к кому из подсудимых матросов.

Приговор военно-морского суда от 26 октября — 1 ноября 1916 г. был не совсем обычным. Из общего числа обвиняемых были осуждены лишь четверо, а остальные оправданы за недо-

¹ Прокламация опубликована в книге «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг., Документы и материалы», Л., 1958, стр. 509—510 (Ред. кол.).

статком улик. Может быть, такое большое число оправданных находит себе объяснение в условиях того времени, когда уже ясно выявлялось недовольство самых широких народных масс существовавшим «порядком», когда оппозиционные настроения росли даже в командном составе. Подтверждением правильности такого нашего объяснения приговора служит и тот факт, что сроки каторжных работ были также снижены (один приговорен на восемь лет, двое — на семь лет и один — на четыре года).

Созданный большевиками в Кронштадте «Главный коллектив Кронштадтской военной организации» объединял работу партии среди матросов, солдат и рабочих. Аресты были уже бессильны разрушить эту организацию. Матросы шли в первых рядах в борьбе с царизмом и пошли в первых же рядах в борьбе за Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Выстрел с «Авроры» по Зимнему дворцу возвестил о начале новой эры в истории борьбы пролетариата и всех трудящихся за счастье и свободу простых людей.

§ 33. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Этот параграф отводится нами последним узникам-солдатам Трубецкого бастиона. Они завершили длинный ряд борцов против царизма, имена которых записаны на скрижалях истории Петропавловской крепости за 200 лет ее существования.

В последние дни февраля 1917 года на улицах Петрограда, в его центре и на подступах к Зимнему дворцу развертывались бои между восставшим народом, с одной стороны, и защитниками царского строя — с другой.

Защитники царского строя, уже испытывавшие страх перед угрожавшей им смертельной опасностью, направляли на улицы, на площади и на рабочие окраины полицейские и жандармские силы и свои войска. На Невском проспекте был выдвинут против народа лейб-гвардии Павловский полк. Шла стрельба.

Группа рабочих, приблизившаяся к казармам полка, сообщила остававшимся в казармах нижним чинам Павловского полка о стрельбе по народу. По словам автора воспоминаний, это известие было молнией, за которой разом ударил громовой раскат¹. Солдаты 4-й роты Павловского полка бросились к выходу на улицу. Их встретили офицеры с обнаженными шашками. Тогда павловцы, разбив ворота цейхгауза, захватили на-

¹ См. И. Лукаш, Павловцы, П., 1917.

ходившиеся там винтовки (их оказалось всего 30) и патроны и двинулись через Екатерининский канал на Невский. За церковью «Воскресенье на крови» произошла перестрелка с конными полицейскими, которые, понеся урон, усаkali. Тогда против павловцев были выдвинуты солдаты лейб-гвардии Преображенского полка, но они отказались стрелять и ушли без выстрелов. В шестом часу вечера все патроны были расстреляны и солдаты 4-й роты решили вернуться в казармы за подмогой. Однако здесь они были заперты офицерами. Кругом казарм было поставлено по три пулемета у каждой двери. Ночью произвели арест 19 нижних чинов Павловского полка. Под конвоем солдат они были препровождены в Петропавловскую крепость.

Об этом моменте революционного выступления павловцев давал свои показания чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства генерал Хабалов. Ему было поручено усмирение восстания в Петрограде. По его словам, около четырех часов 26 февраля ему было сообщено, что 4-я рота лейб-гвардии Павловского полка, численностью около 1500 человек, состоявшая преимущественно из эвакуированных, выбежала из своих казарм, расположенных в помещении придворно-конюшенного ведомства. Солдаты стреляли в воздух и требовали, чтобы увели в казармы остальных солдат, чтобы не смели стрелять в народ. Выяснилась и стрельба этой роты по конно-полицейской страже.

Хабалов отдал распоряжение командиру батальона и священнику увещавать роту оставаться верной присяге и вернуться в казармы. Об этом увещании в ранее цитированном мною материале нет никаких указаний. По показанию же Хабалова, вернувшаяся рота начала «помаленьку» сдавать ружья. Однако 21 ружье не было возвращено, и, по предположению Хабалова, их взяли с собою солдаты, не вернувшиеся в казармы¹.

Военный министр, требовавший от Хабалова телефонных сообщений о событиях в городе, узнав вечером о выступлении 4-й роты Павловского полка, приказал «сию же минуту» предать роту полевому суду и расстрелять. Была назначена следственная комиссия в составе пяти человек с генералом во главе. Предполагалось направить всю роту для заключения в Петропавловскую крепость. Из разговора с комендантом крепости выяснилось отсутствие в ней помещения, в котором можно было бы разместить такое количество солдат. Тогда Хабалов

¹ «Падение царского режима по материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства», т. I, 1925, стр. 196 (допрос генерала Хабалова 22 марта 1917 г.).

приказал выявить хотя бы главных участников выступления павловцев, арестовать их и направить в крепость.

Арестованных павловцев доставили во двор Трубецкого бастиона. Отсюда их по пять человек препровождали в приемную комнату крепости, где их переписывали и обыскивали, отбирая ножи и ремни. После этого их направили во второй этаж тюрьмы и разместили в двух камерах по девять человек в каждой, а одного поместили в одиночку. Приводим перечень арестованных:

«Рота литер „А“

рядовой	Алексей Серегин
„	Иван Рябов
„	Павел Расторгуев
ратник	Михаил Козлов
рядовой	Степан Немчинов
„	Андрей Чирков
„	Иосиф Призов
„	Николай Кокин

Рота литер „Б“

ратник 2 р.	Алексей Иванов
рядовой	Егор Давыдов
„	Тук Таралим
	Абитов
рядовой	Яков Петрикин
ратник 2 р.	Василий Дуплев
рядовой	Михаил Никифоров
„	Иван Мезенцев
„	Виктор Орлов
ратник 2 р.	Василий Соколов
рядовой	Никита Гронский
„	Иван Романов 2-й

Лукаш, автор воспоминаний о пребывании солдат в крепости, записал с их слов о сыром, холодном и спертом воздухе в камерах. Их доставили сюда 27 февраля в 5 час. 30 мин. утра. Девять узников с трудом разместились в камере, рассчитанной на одного человека. Когда с наступлением дня им принесли хлеб и сахар, они напрасно задавали вопрос жандармам: «Что на воде?». Охранники Трубецкого бастиона отвечали им молчанием.

Мысль о предстоящем расстреле не оставляла павловцев. В десятом часу вечера, когда заскрипела и раскрылась дверь тюремной камеры, окрепла уверенность, что пришли выводить их на казнь. Было приказано выходить по трое. Выходившие прощались с оставшимися. Оказалось, что выводили не на

казнь, а размещали по три человека в каждую камеру. Принесли тюфяки на пол. В четвертом часу утра снова заскрипели двери, и снова явилась мысль о расстреле. На этот раз тюремный надзиратель заговорил сам: «Не робейте, товарищи... Мы идем к лучшему». Всех арестованных свели в канцелярию. Они радовались, что все живы. Их вывели во двор. Слышна пальба. Конвойные сообщили павловцам, что приходили их освобождать. Арестованных перевели из Трубецкого бастиона в какой-то небольшой белый дом с окнами за решеткой (по-видимому, это была крепостная кордегардия).

В 10 часов утра 28 февраля 1917 г. народ освободил последних узников Петропавловской крепости. Слышится громовое «ура!». Показались войска. «Ворвались, и все смешалось, все сплелось в объятиях и крепких поцелуях. Кто-то радостно и звонко смеялся, кто-то плакал навзрыд слезами счастья, кто-то тискал и не выпускал дрожащих рук». Их подняли на руки и понесли.

Твердыня царизма закончила свое существование. Ее последними узниками оказались солдаты, люди того рабочего класса, который через восемь месяцев сам встал у власти и приступил к созданию нового, еще не виданного в мире государственного и общественного строя — социализма.

Так оправдались слова В. И. Ленина: «Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись массы, раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов... никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 328.

Глава девятая

ИЗМЕННИКИ РОДИНЕ И ШПИОНЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 34. ПРОЦЕСС АДМИРАЛА НЕБОГАТОВА

СОБЫТИЕ огромного политического значения — русско-японская война 1904—1905 гг. — отразилось и в стенах Петропавловской крепости. Эта война была одним из актов соперничества империалистических государств в их захватнических стремлениях на Дальнем Востоке.

Крупная буржуазия в различных государствах с особой силой устремлялась на поиски рынков в Китае. Народное восстание в Китае, руководимое китайскими патриотами, было жестоко подавлено в 1900 году войсками нескольких империалистических стран при ближайшем участии царских войск. Особенно усилилось соперничество с захватническими целями между Россией и Японией, стремившимися овладеть различными частями Китая, Маньчжурии и Кореи. Столкновение интересов вылилось в кровопролитную войну царской России с Японией.

У царского правительства, кроме захватнических целей, была еще и другая цель начать войну: оно надеялось, что победоносная война, при которой японцев рассчитывали «шапками закидать», остановит поступательное движение развивавшейся в стране революции и укрепит самодержавие. Расчеты царизма оказались ошибочными. При полной неподготовленности к войне

плохо вооруженных войск, под руководством бездарных и продажных генералов война закончилась полным поражением царских войск России. Царское правительство под давлением общественного мнения сделало лицемерную попытку привлечения к суду как виновников поражения своих генералов. Оно лишь для видимости осудило их, направив на короткий срок в Екатерининскую куртину Петропавловской крепости.

С общественно-политической точки зрения наибольший интерес представили осужденные по двум процессам, связанным с русско-японской войной. Это были контр-адмирал Небогатов, начальник эскадры; капитан 1-го ранга командир эскадренного броненосца «Николай I» Смирнов; капитаны 1-го ранга и командиры броненосцев береговой обороны: «Адмирал Апраксин» — Лишин и «Адмирал Сенявин» — Григорьев. Все они поступили в крепость в 1907 году. В следующем, 1908, году 7 марта был доставлен в крепость бывший генерал-лейтенант Стессель, начальник Квантунского укрепленного района. Так собрались в Петропавловской крепости осужденные за позорную сдачу японцам наших кораблей на море, а на суше — Порт-Артура.

Таков был финал русско-японской войны, о которой В. И. Ленин писал: «Не русский народ, а русское самодержавие начало эту колониальную войну, превратившуюся в войну старого и нового буржуазного мира. Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению. Русский народ выиграл от поражения самодержавия. Капитуляция Порт-Артура есть пролог капитуляции царизма»¹.

Партия большевиков предвидела, что поражение царских войск приведет к ослаблению царизма и усилению революции.

Слова В. И. Ленина «не русский народ, а русское самодержавие пришло к позорному поражению» нашли себе блестящее подтверждение во время судебного разбирательства на двух судебных процессах мирового значения. Они подтвердились, несмотря на все препоны, которые по вполне понятным причинам ставило царское правительство, чтобы помешать полному раскрытию всех условий политического строя, неизбежно приведших правительство к поражению.

Судебные процессы Небогатова и Стесселя не могут быть обойдены нами молчанием. В этом случае, как и во всех других, отмеченных нами на страницах «Истории царской тюрьмы», нас интересовали не только условия пребывания в тюрьмах заключенных, но и обстоятельства, приведшие их в места лишения

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 37.

свободы. И на этот раз особенно отчетливо выясняется классовая подоплека не только тюремного режима, но и всего процесса суда над этими обвиняемыми.

Казалось бы, что позорная сдача крепости и эскадры без боя является тяжким преступлением против родины. Закон грозил за них смертной казнью. Это наказание и было упомянуто в приговорах по обоим процессам. В окончательном же приговоре наказание смертью было заменено «по высочайшему милосердию» заключением в крепость на десять лет каждого осужденного. Однако и на этом милосердие не остановилось. Как увидим ниже, повелением царя были чрезвычайно облегчены условия содержания в крепости этих осужденных, а вскоре были сокращены сроки заключения: вместо десяти лет приговоренные генерал-адъютант, контр-адмирал и капитаны 1-го ранга провели в заключении не более двух лет одного месяца. Наибольшую скидку получил самый старший по чину — Стессель, осужденный за сдачу Порт-Артура. Он провел в Екатерининской куртине всего один год два месяца.

Процесс Небогатова и трех капитанов — Смирнова, Лилина и Григорьева — рассматривался особым присутствием военно-морского суда Кронштадтского порта с 22 ноября по 11 декабря 1906 г.¹

По этому процессу были привлечены к ответственности еще 69 морских офицеров. На судебном разбирательстве выяснилось, что после разгрома японцами при Цусиме русской эскадры командование над эскадрой принял контр-адмирал Небогатов. В нее входили два эскадренных броненосца — «Николай I» и «Орел» и два броненосца береговой обороны — «Адмирал Апраксин» и «Адмирал Сенявин». Из этих судов был сильно поврежден «Орел», в который попало до 100 неприятельских снарядов, и он представлял собой обгорелую грудку стали, чугуна и железа. На нем было много убитых и раненых солдат и офицеров. На броненосце «Адмирал Апраксин» не было серьезных повреждений. В броненосце «Адмирал Сенявин» не попал ни один неприятельский снаряд. В эскадренном броненосце «Николай I» было несколько пробоин, разбита часть шлюпок, осталось мало снарядов.

На рассвете 15 мая 1905 г. появилось 28 неприятельских судов, преследовавших эскадру Небогатова. Команды русских

кораблей разошлись по местам и готовились к бою. Никто не допускал мысли о сдаче. Все ждали приказаний, готовые исполнить свой долг. Контр-адмирал Небогатов находился на броненосце «Николай I», капитан которого — Смирнов — первый поставил перед адмиралом вопрос о сдаче японцам. Небогатов принял это предложение и приказал поднять белый флаг и сигнал о сдаче. Остальные броненосцы последовали его примеру. Сдача без боя вызвала среди команды подавленность и отчаяние, некоторые плакали, но энергичного действенного протеста не последовало. Адмирал Небогатов, собрав команду, объяснил ей, что «решился на сдачу ради спасения свыше 2000 молодых жизней».

Свидетельские показания установили факт сдачи эскадры без боя несмотря на боевое настроение команд. Судебный процесс вызвал к себе напряженное общественное внимание. Однако военно-морской прокурор начал речь с предупреждения об ошибочности мнения общества о том, что суд выяснит все причины цусимского разгрома. Конечно, прежние политические условия царской России не позволяли этого сделать. Впрочем, в той или другой степени их коснулись не только 12 защитников на процессе, но и сам прокурор. Он допускал объяснение поражения тем, что: 1) посылка небогатовской эскадры на восток была величайшей ошибкой; 2) соединение в одну эскадру судов различных типов и скоростей было пагубно; 3) адмирал Рождественский как флотоводец впал в ряд грубых ошибок, не выработал плана боя, не перекрасил судов в боевой цвет, перегрузил их углем, избрал для прорыва неверный путь, не выслал вперед разведчиков, соединил в одну колонну три отряда, различных по составу и скорости, взял с собой в бой транспорты, связывавшие эскадру, не сделал распоряжений на случай своего тяжелого ранения или смерти, вследствие чего суда эскадры остались без руководителя.

Все эти причины цусимского поражения, перечисленные прокурором, сводились к бездарному руководству начальника флота, к неподготовленности морских судов к боевым действиям. Свидетельскими показаниями было установлено, что в день гибели русского флота — 14 мая — снаряды с русских кораблей не долетали до неприятельских судов, в то время когда пушки с этих последних уже громили русские суда. На одном из судов во время боя фугасные снаряды оказались начиненными песком — это были учебные снаряды¹.

¹ См. описание цусимского боя в книге А. Новикова-Прибоя «Цусима».

¹ «К Порт-Артурскому процессу. Обвинительный акт с картой», СПб., 1908; «Стенографический отчет Порт-Артурского процесса» (Верховный военно-уголовный суд по делу о генералах Стесселе, Фоке, Рейсе и Смирнове 27 ноября 1907 г. — 7 февраля 1908 г., вып. I—V, СПб., 1908; там же, вып. VI—IX, СПб., 1910).

Конечно, обвинитель не мог высказать истинной причины поражения России в войне с Японией. Он не мог сказать, что этой причиной был тот самодержавный строй, тот старый буржуазный мир, о котором говорил В. И. Ленин.

Суд признал виновными в сдаче броненосцев без боя при возможности защищаться Небогатов, Смирнов, Лишина и Григорьева. Все они были приговорены к смертной казни, но суд, приняв во внимание смягчающие вину обстоятельства, ходатайствовал, как было уже указано, перед царем о замене смертной казни заточением в крепости каждого на десять лет. Эта просьба была удовлетворена, и приговор 25 января 1907 г. был подтвержден. Что касается остальных 69 офицеров, то они были оправданы.

§ 35. ПРОЦЕСС ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА СТЕССЕЛЯ

Несмотря на то, что сдача Порт-Артура совершилась на полгода ранее Цусимского боя, для разрешения вопроса о предании суду Стесселя и его сподвижников потребовалось преодолеть больше затруднений и затратить больше времени, чем на возбуждение процесса против Небогатов. Объяснение этому надо искать в нежелании царя предавать суду начальника Квантунского укрепленного района генерал-адъютанта Стесселя, пользовавшегося к тому же особым влиянием в придворных покровительствующих ему сферах.

Дело о сдаче японцам Порт-Артура рассматривалось верховным военно-уголовным судом более двух месяцев. За все это время общественное внимание к нему не ослабевало. Оно не ослабевало, несмотря на то, что ранее закончившееся рассмотрение судом дело Небогатов уже показало русскому народу глубокие корни всех неудач русского оружия.

Потребовалось без малого два года для того, чтобы вопрос о предании Стесселя суду был в конце концов разрешен. Только 10 августа 1906 г. состоялся доклад по главному военно-судному управлению, когда было признано необходимым удовлетворить хотя бы внешне требование широких общественных кругов о рассмотрении судом условий сдачи Порт-Артура. В означенном докладе было признано, что «крепость была сдана врагу, когда не были еще исчерпаны все средства обороны; сдача ее явилась неожиданностью почти для всего гарнизона, а условия капитуляции и порядок выполнения ее оказались крайне тягостными и оскорбительными для чести армии и до-

стоинства России»¹. На основании этого доклада Николай II 12 августа 1906 г. повелел привлечь к следствию за сдачу Порт-Артура Стесселя и других генералов. Но и после этого Стессель продолжал числиться на службе. Когда же было признано необходимым отстранить его, то это было сделано в форме, выражавшей в действительности благосклонное к нему отношение Николая. Последний направил к нему своего адъютанта, чтобы предложить подать прошение об отставке по болезни.

Обвинительный акт изложил позорную историю поведения обвиняемых — генералов Стесселя, Смирнова, Фока и Рейса. Выяснилось, какую большую роль играли соперничество генералов, их зависть одного к другому, пренебрежение к насущным интересам обороны крепости, к сохранению армии, к надлежащему снабжению продовольствием гарнизона и населения.

Важнейшими пунктами обвинения Стесселя были: неисполнение приказа командующего Маньчжурской армией о передаче крепости коменданту — генерал-лейтенанту Смирнову; вмешательство в распоряжения коменданта, чем подрывался авторитет последнего; непринятие своевременно надлежащих мер к увеличению продовольственных средств крепости; представление из личных выгод неверных сведений о своем участии в боях, в действительности в них не участвуя; сообщение царю неверных сведений об израсходовании снарядов; заведомо ложное представление к орденам Георгия подчиненных ему лиц; сдача крепости вопреки мнению военного совета, на условиях, невыгодных и унижительных для России. Пункты обвинения, предъявленного к другим генералам, вырисовывали с далеко не исчерпывающей полнотой картину внутренних раздоров начальствующего состава порт-артурского гарнизона².

Процесс бывшего начальника Квантунского укрепленного района генерала-адъютанта Стесселя, бывшего коменданта Порт-Артура генерал-лейтенанта Смирнова, бывшего начальника 4-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии Фока и бывшего начальника штаба Квантунского укрепленного района генерал-

¹ ЦГВИА в Ленинграде. Главное военно-судное управление, 1904, фонд 9, № 38. «О порядке суда над комендантом взятой неприятелем крепости по поводу сдачи генерал-адъютантом Стесселем Порт-Артура японцам» (л. 135).

² Обвинительный акт полностью напечатан в издании «К Порт-Артурскому процессу. Обвинительный акт с картою», СПб., 1908. С большой подробностью выявил условия обороны и сдачи Порт-Артура писатель А. Степанов.

майора Рейса рассматривался верховным военно-уголовным судом с 27 ноября 1907 г. по 7 февраля 1908 г.

Председательствующий проявлял довольно открыто стремление ускорить ход процесса и не останавливаться на выяснении таких обстоятельств, правильное освещение которых имело прямое отношение к делу. С этой точки зрения интересен, например, вопрос о затемнении окон в квартире Стесселя. Затемнение было необходимо, чтобы помешать неприятельским кораблям ориентироваться при обстреле города. Соответствующий приказ коменданта крепости был издан 14 апреля 1904 г. за номером 317 с предложением «закрывать в окнах и на балконах огни по направлению к морскому фронту». Это постановление соблюдалось всем населением, кроме Стесселя. Когда домашним генерала было сделано напоминание о затемнении окон, со стороны Стесселя последовала угроза начальнику жандармской команды посадить его под арест за это напоминание. Окна дома по-прежнему продолжали освещаться и с наступлением темноты. Во время судебного разбирательства были сделаны попытки выяснения этого возмутительного факта, но председатель «оборвал свидетеля, заявив, что это дело второстепенное, относящееся к домашней прислуге Стесселя, а не к нему самому»¹.

В качестве примера многочисленных попыток председателя суда сокращать судебное рассмотрение можно указать и на такой случай. Один из защитников попытался выяснить противоречие в показаниях одного генерала и формальной справке о количестве снарядов. Председатель прервал эту попытку, заявив: «Зачем такая проверка и повторение? Если генерал говорит, значит верно, нечего сомневаться»².

Насколько активен был председатель суда, часто прерывавший свидетелей и адвокатов, видно из его телеграммы военному министру. Он писал в ней: «Мне являлась необходимость останавливать некоторых свидетелей, когда они примешивали к делу посторонние обстоятельства, входили в объяснения, не имеющие прямого отношения к делу, позволяли себе оскорбительные отзывы и заявления с нарушением порядка хода судебных заседаний и прибегали к выражениям, не совместимым с понятием о воинской дисциплине».

¹ «Стенографический отчет Порт-Артурского процесса», вып. I, II, СПб., 1908, стр. 28. Цитировано по рецензии П. Фортунатова на книгу А. И. Сорокина «Оборона Порт-Артура», «Вопросы истории» 1950 г. № 1, стр. 120.

² «Стенографический отчет Порт-Артурского процесса», заседание 21-е, 2 января 1908 г., стр. 554.

§ 36. НЕБОГАТОВ И СТЕССЕЛЬ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Выше было уже указано, что смертный приговор четырем генералам во главе со Стесселем был заменен заключением каждого в крепость на десять лет и что это наказание было вскоре еще раз сокращено и сведено к минимуму. Были смягчены и условия пребывания в крепости осужденных по процессу Небогатова и Стесселя.

Наибольшие льготы выпали на долю Стесселя. Доставка осужденного генерал-адъютанта в крепость произошла в исключительных условиях: за ним заехал на квартиру плац-адъютант и привез его в экипаже в крепость. Здесь ему освободили камеру, переведя из нее капитанов Лишина и Григорьева в другую камеру. Комнаты Стесселя и Небогатова оказались смежными. Так как обстановка камеры была обветшалой, то по просьбе жены Стесселя в нее были поставлены новые кровать, стол и пр. Здесь же было размещено платье и белье. Под окном камеры, выходящим на Зимний дворец, был разбит садик.

Совершенно исключительной была льгота, предоставленная царем Стесселю по просьбе жены последнего «поместить в его камеру человека для ухода за ним». Так осужденный генерал продолжал пользоваться и здесь услугами своего денщика. За тюремной решеткой в камере Екатерининской куртины оказался ни в чем не повинный его денщик, именуемый в документе «человек». Знаменательно совпадение терминологии начала XX века и конца XVIII столетия, когда вместе со своим господином попадал в заточение и его крепостной человек¹.

По правилам Екатерининской куртины здесь разрешались свидания два раза в неделю. Военно-морской министр ходатайствовал перед комендантом Петропавловской крепости разрешить Небогатову свидание с его женой три раза в неделю. Еще дальше пошла в этом отношении жена Стесселя. Царь разрешил ей и сыну ежедневные свидания с заключенным. Из архивного дела мы могли видеть, что Стессель имел постоянные свидания с огромным числом посетителей, военных и штатских, в том числе и с их женами.

На цитание заключенных отпускались из государственной казны большие по тому времени суммы. Этих сумм вполне было достаточно, но предоставлялась возможность тратить еще и

¹ См. «Историю царской тюрьмы», т. 1.

собственные средства. Они обедали вместе, за общим столом. В повседневной печати появилось сообщение о том, как питались в заточении Стессель и Небогатов: в первые дни рождения им подавались бульон, курица, небольшая порция водки и красного вина. Вместе с тем корреспонденция отмечала посещение заключенных в Екатерининской куртине за первые два дня праздника большим числом гостей, прием которых происходил внутри камер. Подчеркивались льготные условия содержания Небогатова и Стесселя, пользовавшихся свободой прогулок в садике в течение всего дня¹.

Во время заседания верховного военно-уголовного суда прокурор, приводивший доказательства живых донесений Стесселя царю, огласил текст его телеграммы о сдаче крепости. Стессель телеграфировал: «Прости нас, великий государь, мы сделали все, что в силах человеческих. Суди нас, но суди милостиво! 11 месяцев непрерывной борьбы истощили все силы сопротивления!». Стессель не ошибся в своих надеждах на милость царя за позорную сдачу крепости. Милость царя простерлась и на жен всех пятерых осужденных: Стесселя, Небогатова, Смирнова, Григорьева и Лишина. Все они по секретному распоряжению царя стали получать генеральские пенсии за мужей, как будто овдовевшие².

Русско-японская война, лишившая многие тысячи семей их единственных кормильцев, долго оставалась в памяти народа, на плечи которого легли новые тяготы. Не то приходится сказать о генералах — бывших «узниках» грозной Петропавловской крепости. Их кратковременное пребывание здесь напоминало жизнь в гостинице. Их семьи не потеряли своих кормильцев. Наоборот, правительство щедро обеспечило их пенсиями.

Завершением царской милости к этим заключенным явилось их быстрое освобождение из крепости. Царь выразил по этому поводу свою волю дважды: во-первых, на очередном списке заключенных в Екатерининскую куртину он отметил против фамилий Стесселя и Небогатова: «освободить обоих от заточения», и, во-вторых, он наложил эту же резолюцию 1 мая 1909 г. на рапорте военного министра.

¹ См. «Петербургский листок» 29 декабря 1908 г. № 358, «У Стесселя и Небогатова в крепости».

² ЦГАМФ в Ленинграде. Главное военно-морское судное управление, 1913, № 52, фонд 407, «О назначении семьям бывших контр-адмирала Небогатова и капитанов 1-го ранга Смирнова, Григорьева и Лишина ежегодных денежных пособий» (лл. 10 и 17).

§ 37. ГЕРМАНСКИЙ КОНСУЛ-ШПИОН ЛЕРХЕНФЕЛЬД

Основной причиной первой мировой войны 1914 года была борьба между двумя группами империалистических государств в целях передела мира и сфер влияния. В одну из этих групп вошли Россия, Англия, Франция, а другую возглавила Германия с примкнувшими к ней Австро-Венгрией и Италией. У русской буржуазии, кроме целей обогащения за счет захвата новых рынков, была еще и цель подавить развивавшееся в России революционное движение. Хотя приготовления к войне велись в глубокой тайне от народа, неизбежность ее возникновения задолго предвидел В. И. Ленин.

Поскольку война велась для захвата чужих земель, для обогащения капиталистов, в интересах помещиков, большевики явились убежденными противниками этой войны и сторонниками превращения войны империалистической в войну гражданскую. Свержение власти империалистической буржуазии, как учил Ленин, приведет пролетариат к победе и положит конец несправедливой войне. С самого начала первая мировая война показала полную неспособность царского самодержавия России вести войну, продажность, прямую измену и предательство высшего военного командования, выходцев из среды русской буржуазии.

Война 1914 года вызвала усиленный шпионаж в пользу Германии.

Дело германского консула Лерхенфельда¹, неразрывно связанное с первой мировой войной 1914—1918 гг., представляет большой политический интерес. Оно отражает на себе более чем благосклонное отношение так называемой «немецкой» партии при дворе к этому «узнику» Петропавловской крепости.

Приходится удивляться, до какой степени доходили в данном случае нарушения правил и инструкций содержания в Трубецком бастионе, которые так неукоснительно строго соблюдались для всех арестованных по обвинению в преступлении против государственного строя царской России.

С.-Петербургское охранное отделение 31 июля 1914 г. сообщало петербургскому градоначальнику сведения контрразведки о германском консуле Лерхенфельде в городе Ковно. Женатый на русской подданной немецкого происхождения баронессе Штакельберг, обладательнице имения близ Ковно, этот германский консул проводил время частью в Ковно, а частью в имении

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1914, № 1446, «О германском консуле Густаве-Эрнсте Лерхенфельде».

своей жены. По сведениям контрразведки, этот немец еще до начала русско-германской войны проявлял большой интерес ко всему военному. Через свою жену он пытался доставать у гвардейских офицеров подробные секретные карты побережья Финского залива близ Нарвы. Для своих прогулок он облюбовал место подле фортов крепости, где неоднократно задерживался и откуда, по употребленному в донесении термину, «выпронживался». Комендант крепости ходатайствовал в 1912 году об отозвании Лерхенфельда из Ковно, но просьба не была удовлетворена.

Лерхенфельд, сам бывший германский офицер, не только продолжал пребывать в Ковно, но в 1912 году выписал к себе из Германии еще одного немца — Вейкера под видом лесничего. Контрразведка установила целый ряд подозрительных действий этого «лесничего». Он снимал планы местности имения, имел неоднократно конспиративные встречи с неизвестными лицами в лесу в окрестностях имения Лилленбах.

Все эти материалы, компрометирующие германского консула, были признаны российской администрацией недостаточными для возбуждения судебного преследования против Лерхенфельда по обвинению его в шпионаже. Однако было высказано пожелание о ссылке его во внутренние губернии. Но и здесь пришла на помощь чья-то «сильная рука», и консул продолжал до самого начала войны соединять приятное пребывание в Ковно в имении жены с «работой» для германского империализма.

С началом военных действий он пытался уехать за границу, но на вокзале 26 июля 1914 г. он был обыскан и задержан. При обыске у него был найден план местности, о котором он объяснил, что это план имения его жены в Ямбургском уезде; была обнаружена также и фотография с крепостной стены и башни, по словам Лерхенфельда, это был фотографический снимок, снятый за 15 лет перед этим его женой в Ивангороде.

На основании ст. 21 Положения об охране государственного и общественного порядка Лерхенфельд впредь до полного выяснения дела был задержан при полицейском доме адмиралтейской части и препровожден 3 августа в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. В тот же день комендант крепости по заведенным правилам «всеподданнейше» донес царю о поступлении в крепость Лерхенфельда, подозреваемого в государственном преступлении. Царь «начертал» на представленном ему донесении: «в чем обвиняется?».

К новому заключенному было проявлено исключительное и совсем необычное для крепости внимание. На следующий же день после помещения Лерхенфельда в Трубецкой бастион

департамент полиции спешит секретно уведомить коменданта крепости о разрешении жене Лерхенфельда «постоянных свиданий» с ее мужем. К заключенному начинают поступать от его жены из департамента полиции через коменданта крепости в огромном числе и очень часто книги для чтения, шахматы, игры в коробках и т. д. Никогда за всю историю Петропавловской крепости я не встречал указания на такое беспрецедентное снабжение кого-нибудь из узников книгами.

Департамент полиции проявлял необычную для него быстроту в удовлетворении просьб супруги Лерхенфельда. И она, посылая, например, пальто в Трубецкой бастион через департамент полиции, просила переслать это пальто, «если можно, сегодня же».

Проявляя заботы к обвиняемому в шпионаже немцу и комендант крепости. В той самой крепости, в казематах которой жизнь заточенных революционеров беспощадно укорачивалась всем режимом тюрьмы, комендант спешил просить департамент полиции прислать к заключенному — германскому консулу зубного врача, так как у этого заключенного «болит зуб, запломбированный и закрытый сверху золотой коронкой».

Дело дошло до того, что вместо суда над заподозренным в шпионаже предполагалось выслать его в Самару. Однако это предложение было отменено (26 августа 1914 г.)

Можно предположить, что до главнокомандующего в то время фронтом великого князя дошли сведения о чьих-то стараниях поскорее освободить Лерхенфельда. Из главной квартиры с фронта 8 октября 1914 г. была прислана в министерство внутренних дел следующая шифрованная телеграмма: Лерхенфельд, «как особенно опасный и вредный, подлежит самому строгому содержанию в месте заключения. Освобождение его для обмена русскими заключенными Германии ни в каком случае недопустимо. Янушкевич»¹.

Министерство внутренних дел не могло не догадаться из приведенной телеграммы об отрицательном настроении руководства военными действиями против Германии к освобождению консула из крепости. Это министерство поспешило оправдаться перед ставкой. Джунковский писал в ставку, что еще до получения приведенной нами телеграммы он отклонил просьбу министра иностранных дел об обмене Лерхенфельда на какого-либо

¹ ЦГИА В Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1914, № 1446, «О германском консуле Густаве-Эрнсте Лерхенфельде» (л. 52.).

русского военнопленного в Германии и заявил министру: «Отпущу его только по личному приказанию его величества»¹.

Между тем предложенный жене Лерхенфельда выезд из России в Германию был, по его просьбе, отсрочен и состоялся в конце января 1915 года. Перед своим отъездом она отправила мужу 1000 руб., чемодан с обувью, корзину с бельем и одеждой, трубку, шесть книг, две географические карты, три игры.

В каком-то совсем исключительном порядке жена Лерхенфельда получила разрешение на свидания мужа в крепости с двумя совсем посторонними ему лицами. Это были камергер двора его императорского величества Косиковский и полковник Боговут. Позволение на свидание заключенному с двумя посетителями тем более удивительно, что департамент полиции обычно в свидании с посторонними лицами отказывал. Обращает на себя внимание, что одним из таких посетителей заключенного, обвиняемого в шпионаже, был камергер, т. е. лицо, близкое ко двору. В истории Трубецкого бастиона других случаев посещения ее узников царедворцами не было.

После отъезда госпожи Лерхенфельд за границу камергер Косиковский взял на себя заботы по снабжению Лерхенфельда книгами.

Несмотря на то, что режим, установленный для Лерхенфельда, был много мягче, чем для других узников крепости, сам заключенный считал его каторжным. Какими-то неизвестными путями сведения о пребывании его в крепости и о недовольстве условиями содержания дошли до германского правительства. Оно в свою очередь заключило в тюрьму бывшего русского консула в Кенигсберге действительного статского советника Поляновского.

Министерство иностранных дел запрашивало министерство внутренних дел об условиях содержания Лерхенфельда в крепости. В ответ сообщалось, что Лерхенфельд пользуется ежедневными прогулками на крепостном дворе, имел свидания с женой и двумя посторонними лицами, ведет переписку с женой, получает много книг для чтения, его посещали зубной врач и пастор, он закупает съестные припасы на собственные средства.

В письме к супруге Лерхенфельд сообщал о своем питании в крепости: «...я пью в день 4—5 чашек какао (это не чашки, но их так называют), 4—5 хлебцев, 2—3 чашки кофе и 1 яйцо.

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1914, № 1446, «О германском консуле Густаве-Эрнсте Лерхенфельде» (л. 57).

Кроме того, в неделю $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ фунта масла, столько же сала и сыра и немного меда... еще имею около 4 бутылок молока в день»¹.

Конечно, другие узники крепости, т. е. политзаключенные, которых Лерхенфельд называл «анархистами», «арестантами низшего разбора», такого питания не имели, о нем и не мечтали. Им приходилось питаться тем, о чем консул написал жене: «...я ничего этого не ем».

В нарушение правил инструкции этот заключенный содержался в камере в своем собственном платье и белье.

Несмотря на все необычно льготные условия своего заключения, Лерхенфельд характеризовал тюрьму Трубецкого бастиона как «дыру», а свою камеру не раз называл в письмах «ватер-клозетом».

В качестве посредника между Россией и Германией по вопросу об условиях содержания военнопленных выступил испанский консул. Он категорически заявил, что «краеугольным камнем для улучшения положения русских пленных в Германии является улучшение положения в крепости Лерхенфельда».

В результате этих переговоров со стороны русского правительства последовало приказание произвести дальнейшее улучшение положения Лерхенфельда. Он был переведен (2 мая 1915 г.) из Трубецкого бастиона в Екатерининскую куртину. Кончилось все это решением обменять Лерхенфельда на Поляновского.

24 сентября 1915 г. германский консул Лерхенфельд со всем его багажом был передан жандармам для отправки его через Финляндию в Германию. На пограничном пункте в Торнео при осмотре его багажа и личном обыске у него были обнаружены спрятанными за подкладкой шляпы два полулиста с ключом шифра, за обшлагом тужурки «защитными четыре листа почтовой бумаги, написанные вдоль и поперек», и вырезки из газет, относящиеся ко времени после начала первой мировой войны.

Через день после задержания на границе Лерхенфельда из управления главного генерального штаба армии поступила телеграмма с приказом немедленно освободить его. Но поступила и другая телеграмма — от генерал-квартирмейстера о содержании под стражей Лерхенфельда. Возникшее разногласие было срочно разъяснено в пользу Лерхенфельда.

¹ ЦГИА в Москве. Дело департамента полиции, 7 делопроизводство, 1914, № 1446, «О германском консуле Густаве-Эрнсте Лерхенфельде» (л. 175).

29 сентября 1915 г. германский консул Густав-Эрнст Лерхенфельд, подозревавшийся еще за несколько лет до русско-германской войны в шпионаже, возбуждавший новое подозрение при начале войны и подкрепивший эти подозрения результатами его личного обыска, выбыл с благословения российского императорского правительства за границу.

§ 38. ВОЕННЫЙ МИНИСТР СУХОМЛИНОВ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

В апреле 1916 года в Петропавловскую крепость был заключен военный министр царского правительства Сухомлинов, подозревавшийся в связях с германской разведкой.

Имеются несомненные доказательства благосклонного отношения к Сухомлинову царя и царицы Александры Федоровны, возглавлявшей «немецкую партию» при дворе. Императрица проявила чрезвычайные заботы о судьбе Сухомлинова, стремясь прекратить следствие по обвинению этого министра и освободить его из крепости.

Кратко остановимся на тех материалах, которые привели царизм к необходимости ареста военного министра. Мы черпаем эти материалы из отчетов периодической печати, когда в 1917 году в течение месяца в судебном присутствии уголовного кассационного департамента Сената с участием присяжных заседателей рассматривалось дело по обвинению министра Сухомлинова. Он обвинялся в способствовании и благоприятствовании неприятелю; в предании неприятелю армии, флота; шпионаже путем сообщения неприятельскому агенту планов и важных для обороны сведений; в превышении и бездействии власти. Эти преступные действия выразились в том, что Сухомлинов не принял необходимых мер к увеличению производительности работавших на оборону заводов, чем способствовал неприятелю; что он не принял надлежащих мер к снабжению армии и крепостей артиллерией и огнестрельными припасами; что в докладах государю умышленно, из личных видов, допускал сокрытие известных данных; в том, что сообщал Мясоедову и Альтшиллеру, заведомо для него состоявшими германскими агентами, секретные сведения; в том, что содействовал вступлению в армию уже во время войны германского агента Мясоедова. Таковы были главнейшие пункты обвинения.

Привлеченная к суду жена Сухомлинова обвинялась как соучастница в государственной измене.

Назначена была специальная комиссия для выяснения недостачи снарядов в армии.

На процессе Сухомлинова бывший начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Янушкевич давал показания, от которых, по словам корреспондента, волосы становились дыбом. Не только не хватало достаточного количества снарядов и патронов, но их часто совсем не было. На двух солдат приходилось по одной винтовке. Германские батареи ставились на расстоянии 2 тысяч шагов от наших вооруженных сил и беспрепятственно их расстреливали.

Свидетель — профессор фортификации Николаевской академии Величко удостоверял, что «солдаты не только в окопы шли с палками, но даже на палках вместо ружей обучались стрельбе. Русские заводчики предлагали дать заказ их заводам. Но им отвечали: «Русская армия ни в чем не нуждается»¹.

На суде выяснились близкие отношения военного министра Сухомлинова с полковником Мясоедовым даже после того, как начали подтверждаться подозрения в шпионаже. Мясоедова в пользу Германии. Министр принял его на службу в армию, несмотря на заявленные ему предостережения относительно Мясоедова. Вскоре было установлено участие Мясоедова в шпионаже, и он был расстрелян.

В военно-историческом архиве мы ознакомились со специальным делом об увольнении от службы военного министра Сухомлинова. Интересно то, что дело начинается с записки, выясняющей необходимость увольнения Сухомлинова. Записка оправдывала эту необходимость интересами не России, а самого Сухомлинова. В ней отмечалось, что положение Сухомлинова «благодаря поднявшейся при этом травле и сплетням по городу стало невыносимым». Напоминая, что работа комиссии о недостаче снарядов в армии длилась уже четвертый месяц, этот документ требовал ускорения окончания расследования, «служащего лишь поводом к ложным слухам, дискредитированию власти и правительства вообще»².

Сухомлинов просил царя уволить его в отставку, и 8 марта 1916 г. последовал указ Государственному совету о том, что Сухомлинов должен считаться уволенным «с мундиром и пенсией».

В этом акте сказывалось благожелательное отношение к нему Николая II.

¹ «Речь» 1917 г. № 189 и 190.

² ЦГВИА в Ленинграде. Военно-походная канцелярия его императорского величества, 1915, фонд 7, дело 94.

За почти полувековое существование тюрьмы Трубецкого бастиона в ней не было заключенных столь высокого служебного положения, какое занимал Сухомлинов.

Пребывание Сухомлинова в одиночной камере крепости началось с 20 апреля 1916 г. С этого же времени начались неустанные заботы о нем царицы и царя. В опубликованной «Переписке Николая и Александры Романовых» царица не менее чем в десяти своих письмах, адресованных Николаю и отправленных после заключения Сухомлинова в крепость, обращалась к нему с той или другой просьбой об арестованном¹. Сухомлинову были предоставлены в крепости льготные условия содержания. Об этом мы узнали из воспоминаний самого Сухомлинова, которые были написаны им в эмиграции в Германии и опубликованы на немецком и русском языках.

В одиночной камере бывшего министра был поставлен складной столик. Камера министра украсилась креслом. На кровати материал из грубой холщовой материи с трухлявой соломой заменился настоящим матрацем, и появилось собственное его белье. Теперь было на чем посидеть, полежать, а за столиком с удобствами заниматься. Здесь он писал дневник, который после освобождения показывал министру Протопопову². За этим столиком, сидя в кресле, бывший министр читал много книг.

В виде исключения ему было предоставлено для прогулок два часа в два приема. Из второй главы настоящей работы уже известно, что наибольшее время для прогулок не превышало получаса.

Тюремной администрации было известно покровительство заключенному со стороны царя и царицы. Комендантом крепости был в то время, по словам Сухомлинова, «его старый знакомый, бывший командующий войсками Одесского военного округа, генерал Никитин». Вопреки обычной практике последний был частым гостем в камере Сухомлинова, и недаром автор «Воспоминаний» называл его «добрейшим генералом». Распоряжением коменданта Сухомлинов был переведен из камеры № 43 в № 55, которую он охарактеризовал как лучшую.

Из материалов следственной комиссии 1917 года видно, что сам Николай II стремился поскорее освободить Сухомлинова из крепости. Бывший министр внутренних дел Протопопов

¹ См. Центрархив, «Переписка Николая и Александры Романовых 1916—1917 гг.», т. IV, 1926, стр. 240.

² См. «Падение царского режима». Показания 28 июля бывшего министра Протопопова, т. IV, 1926, стр. 29.

приводил слова Николая II, сказанные ему: «Неужели я поверю, что он изменник; просто легкомысленный человек. Мне его жалко, старика. Что вы думаете, если ему переменить меру пресечения, выпустить на квартиру? Домашний арест». Протопопов, предостерегая царя, что перевод Сухомлинова из крепости под домашний арест вызвал бы большой шум, предлагал перевести Сухомлинова в помещение получше, «дать ему право ходить, гулять в крепости, но не выходить из крепости». Это приведет к облегчению положения Сухомлинова «без скандалов». После этого Протопопов, исполняя повеление Николая II, лично побывал у коменданта крепости генерала Никитина и передал ему волю царя¹. 11 октября 1916 г. Сухомлинову было объявлено об его освобождении из крепости и о переводе на квартиру под домашний арест.

Освобождение Сухомлинова из крепости еще не удовлетворяло ни его самого, ни его сторонников. Их целью было добиться полного прекращения начатого следственно-судебного дела против бывшего военного министра. Им едва не удалось достичь этого. Министром юстиции была получена телеграмма царя с повелением прекратить дело Сухомлинова. Лишь по личному докладу вновь назначенного тогда председателем совета министров Трепова 14 ноября 1916 г. царь согласился не приводить в исполнение свое повеление².

Вполне допустимо предположение, что покровители Сухомлинова добились бы прекращения этого судебного дела, но через три с половиной месяца прекратилось царствование Николая II, и под давлением масс дело Сухомлинова было передано Временным правительством на рассмотрение уголовного кассационного департамента Сената. Рассмотрение дела происходило с 10 августа по 12 сентября 1917 г. В наши задачи не входит ознакомление с подробностями этого процесса. Отметим лишь, что рассмотрение этого дела в обширном зале здания армии и флота не привлекало к себе общественного внимания, которое тогда было сосредоточено на разворачивавшейся революции внутри страны и на военных событиях. Только в дни судебных прений зал был наполнен публикой. Незадолго до окончания процесса произошел крупный инцидент: к зданию суда подошли в большом числе солдаты. Они заявили коменданту здания требование о выдаче Сухомлинова для суда над ним

¹ См. «Падение царского режима». По материалам чрезвычайной комиссии Временного правительства, т. II, 1925, стр. 302. Допрос бывшего министра Протопопова 21 апреля 1917 г.

² См. «Падение царского режима», т. II, 1925, стр. 127—128. Допрос министра Макарова.

в казармах, мотивировав такое требование чрезвычайной длительностью судебного процесса при очевидности преступлений обвиняемого. Коменданту удалось убедить солдат отойти от здания суда. В целях предосторожности Сухомлинов был переведен на время суда из гостиницы, где он находился, в Петропавловскую крепость.

Совещание присяжных заседателей длилось с семи часов вечера до четвертого часа утра. Их вердиктом Сухомлинов был признан виновным в государственной измене, в бездействии и превышении власти и в подлогах. Суд определил наказание осужденному: без срока лишения всех прав состояния и ссылку в каторжные работы.

20 сентября 1917 г. приговор был объявлен в окончательной форме. По ходатайству осужденного министр юстиции и начальник главного тюремного управления разрешили ему отбывать наказание в С.-Петербургской крепости во избежание возможного самосуда в других местах лишения свободы. Здесь его и застала Октябрьская революция. Через некоторое время он был переведен в петроградскую тюрьму «Кресты» и по амнистии от 1 мая 1918 г. освобожден. Из Петрограда он тайно перебрался за границу и прибыл в Германию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ, ПРЕВРАЩЕННАЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТЬЮ В МУЗЕЙ

НАСТОЯЩИМ, четвертым томом «Истории царской тюрьмы» заканчивается изложение истории служения Петропавловской крепости царизму. Вскоре после Октябрьской революции Петропавловская крепость стала филиалом Музея революции РСФСР. Так начался новый и последний период истории крепости, ее служение царизму, варварству и деспотизму было заменено служением культуре, просвещению широких масс населения нашей страны и ознакомлению их с героической борьбой революционеров за свободу и счастье нашей родины.

В Париже, на площади Бастилии, разрушенной в 1789 году народом, была укреплена доска с надписью: «Здесь танцуют». Над входом в бывшую государственную тюрьму Трубецкого бастиона можно бы поставить два слова: «Здесь учатся». Здесь воспитываются в ненависти к проклятому прошлому царизма с его бюрократией и буржуазией, в любви к борцам против этого строя гнета и эксплуатации народа, за победу пролетариата.

Филиалом музея одновременно стали Петропавловский собор и Трубецкой бастион. Царизм превратил огромный, залитый солнечным светом собор в свой мавзолей, в усыпальницу российских императоров и ближайших членов их семей. Их останки лежат здесь в склепах под мраморными плитами.

Недалеко от императорских склепов стоит стиснутая высокими крепостными стенами тюрьма Трубецкого бастиона.

В мрачном здании, куда не проникает луч солнца, 72 одиночные камеры — склепы для заживо погребенных.

Мертвая тишина царила в этой тюрьме даже и тогда, когда в большинстве камер были заключены узники. День падения царизма был вместе с тем днем освобождения из склепа Трубецкого бастиона Петропавловской крепости последних узников произвола и насилия. Еще участник восстания декабристов 1825 года называл Петропавловскую крепость «гнусным памятником самодержавия на фоне императорского дворца». Они, по его словам, стоят один против другого, «как роковое предостережение, что они не могут существовать один без другого».

Так тюрьма Трубецкого бастиона оказалась, с одной стороны, за крепостной стеной против дворца, где жили императоры, а с другой — по соседству с собором, где их погребали.

Один из верноподданных слуг последнего Романова — генерал Эллис, комендант Петропавловской крепости, возбудил в 1896 году вопрос о непристойности нахождения в пределах С.-Петербургской крепости рядом с усыпальницей членов императорской фамилии государственной тюрьмы для важнейших преступников его величества. В своем докладе он писал: «Неоднократно высказывалось, что в крепости, где покоятся почившие императоры и члены императорской фамилии, не место тюрьме». На эту же точку зрения встал и военный министр, также признававший неприличным нахождение в стенах Петропавловской крепости собора с гробницами царей рядом с тюрьмой.

Однако министерство внутренних дел было заинтересовано сохранить государственную тюрьму за надежными стенами крепости и отстояло в полной неприкосновенности Трубецкой бастион.

Петропавловская крепость, превращенная Советским правительством в музей, является одним из наиболее посещаемых исторических памятников Ленинграда. В 1947 году число посетителей крепости достигло 111 165 человек. Оно поднялось в 1949 году до 200 тысяч человек и достигло за первые семь месяцев 1950 года — 150 тысяч человек. Эти цифры огромны. Посетители идут в крепость целыми экскурсиями, группами и в одиночку. Среди них не только ленинградцы, но и приезжие со всех концов СССР.

Задачи Петропавловской крепости как государственного музея определены всей историей этой крепости. Музей яв-

ляется культурно-просветительным учреждением. Его основная задача состоит в показе развития революционного движения в России за последние 200 лет царизма, подготовки величайшего события в мировой истории — Октябрьской революции.

В круг деятельности музея включено:

- а) собирание иллюстративных, архивных и других материалов по истории крепости;
- б) хранение и систематическая обработка коллекций музея;
- в) исследование мест заключения в Петропавловской крепости;
- г) организация экспозиции по истории общественного движения в России, кончая ролью крепости в Октябрьскую революцию;
- д) устройство выставок и экскурсий на темы о Петропавловской крепости и проведение этой культурно-просветительной работы в самой крепости и вне ее;
- е) опубликование научных трудов;
- ж) составление путеводителей по музею;
- з) устройство периодических совещаний при участии приглашенных сторонних специалистов и консультантов¹.

Культурно-пропагандистская работа государственного музея Петропавловской крепости состоит, во-первых, в демонстрировании этой крепости, сопровождающемся пояснительными лекциями экскурсоводов, и, во-вторых, в демонстрировании специальных экспозиций помещений тюрьмы Трубецкого бастиона.

Экскурсии по крепости проводятся начиная с Крепостной площади, где выставлен план всей крепости. Вслед за тем внимание экскурсантов обращается на «Комендантский дом», где происходили такие важные в истории крепости события, как, например, суд над декабристами.

Невдалеке от «Комендантского дома» стоит Петропавловский собор. Здесь экскурсоводы говорят, с одной стороны, о его архитектурно-художественных достопримечательностях, а с другой — раскрывают роль этого собора в деле пропаганды монархизма и поддержания авторитета царствовавшей династии.

¹ См. «Отчет Ленинградского музея революции РСФСР за 1947 г.» (находится, как и другие отчеты, в Министерстве культуры РСФСР). См. о Петропавловской крепости как музее: «Петропавловская крепость» (путеводитель, под общей редакцией С. Д. Павловой, составил Г. С. Холев, Л., 1947); В. И. Пилявский, Петропавловская крепость, М.—Л., 1950 (в этой богато иллюстрированной работе имеется отдел «Крепость-музей», стр. 34—40); К. В. Ползикова-Рубец, Петропавловская крепость (экскурсия), Л., 1927.

Экскурсанты останавливаются перед такими местами заключения, как Николаевская и Васильевская куртины и бастион Зотова. Они спускаются через ворота крепости к пристани, носившей при Петре I название «Царской», потому что он обычно причаливал сюда на лодке при посещении крепости. При последнем Романове, вошедшем в историю под именем Николая «кровавого», эта пристань стала называться «пристанью смертников». Основанием для такого зловещего наименования послужила посадка именно здесь на полицейский пароход узников Петропавловской крепости при отправке их на казнь в Шлиссельбургскую крепость, на «Лисий Нос» под Кронштадтом.

Экскурсоводы приводят посетителей крепости на территорию Алексеевского рavelина, где с 1797 года и до 1884 года функционировала самая страшная из всех тюрем Петропавловской крепости — тюрьма «Секретный дом» Алексеевского рavelина¹. Хотя это место заточения и было закрыто в 1884 году и само здание снесено в 1895 году, но именно эта тюрьма памятна заточением в ней участников революционного движения начиная с солдат Семеновского полка, декабристов, петрашевцев и кончая народолюбцами. На этом месте экскурсанты слышат имена, навсегда вошедшие в историю общественного движения нашей родины, и в том числе имя Н. Г. Чернышевского. Экспозиция, устроенная в тюрьме Трубецкого бастиона, посвященная истории Алексеевского рavelина, лишь в очень слабой степени напоминает посетителям роль «Секретного дома» Алексеевского рavelина в истории русского революционного движения.

Последним этапом экскурсии является тюрьма Трубецкого бастиона. Она сохранилась в неприкосновенности.

Тюрьма Трубецкого бастиона, превращенная в музей, должна сохранять свой прежний вид тюрьмы. С этой точки зрения макет жандарма, подсматривающего в «глазок» одиночной камеры, создает у посетителя надлежащее впечатление. Посетитель наглядно представляет себе тягости тюремного режима с его разобщением от внешнего мира, с полным гнетущим одиночеством, с постоянным надзором жандарма. Это впечатление достигает своего высшего напряжения при посещении тюремного кардера, крохотной клетушки за двумя дверями, окованными железом, с окном, затемненным металлическими ставнями.

¹ На плане 1768 года на площади Алексеевского рavelина значилось под № 24 здание деревянной тюрьмы, но уже в 80-х годах XVIII века о ней нет упоминаний (см. Г. С. Холев, «Петропавловская крепость», Л., 1947, стр. 39).

Впечатление, производимое тюрьмой на посетителей, усиливается демонстрированием перед ними одиночных камер, в которых были заключены Николай Морозов, Александр Ульянов, Вера Фигнер, Максим Горький, Пантелеймон Лепешинский, Николай Бауман и др. Встают в памяти образы этих людей, воскресают их дела, их служение народу и делу революции и ее победы.

Во время моих неоднократных посещений Петропавловской крепости я бывал в ней и вместе с экскурсией. Я видел и чувствовал, какое глубокое впечатление оказывали на посетителей эти экскурсии. Велико было их воспитательное значение. Росла и крепла ненависть к проклятому прошлому. Ширилось и углублялось сознание огромной важности великой победы Октябрьской революции.

Мое последнее посещение крепости было в апреле 1949 года. Я совершал, так сказать, генеральный осмотр мест заключения Петропавловской крепости перед выпуском этого тома «Истории царской тюрьмы».

Мои впечатления при этом посещении Трубецкого бастиона были прежние, несколько не ослабевшие за ряд лет. Но было еще одно и новое переживание. На этот раз впервые я вошел внутрь Невской куртины, где в одном из казематов содержался в 1866 году еще совсем молодым человеком мой отец. Теперь я 75-летним стариком перешагивал через порог этой куртины в качестве историка, где мой отец провел долгие месяцы в качестве политического заключенного. Я чувствовал какое-то особое отношение к крепости. Отец боролся против режима, который поддерживался этой крепостью, а сын его дождался счастья быть ее историком, чтобы по мере сил ознакомить читателей с историей политической борьбы, которую вели несколько поколений узников Петропавловской крепости.

В заключение этой главы я останавливаюсь на тех записях, которых так много сделано посетителями тюрьмы Трубецкого бастиона в специально для этого предназначенных книгах. Мое общее впечатление от них подтверждает огромное воспитательное значение посещений Петропавловской крепости. Большинство записей сделано от имени коллективов посетителей. Такими посетителями были студенты высших учебных заведений из разных городов Союза, матросы с различных судов, курсанты с разных специальных курсов, офицеры Советской Армии, рабочие заводов и фабрик, учителя, сотрудники музеев, научные работники высших учебных заведений, артисты, железнодорожные служащие и др.

Основное содержание записей экскурсантов сходно, и поэтому я ограничусь воспроизведением здесь лишь нескольких из них.

«Мы, студенты юридического факультета Ленинградского ордена Ленина Университета имени А. А. Жданова, с чувством глубокого волнения и большого интереса осмотрели и ознакомились с историческим прошлым крепости. Мы до глубины души были возмущены зверствами, жестокостью и бесчеловечностью царского самодержавия, заточавшего передовых представителей русского народа того времени в темницах этой крепости.

Мы уходим из музея еще больше воодушевленными, гордыми за успехи, достигнутые нашим государством и советским народом, превратившим свою страну в цветущий сад социализма.

Мы от имени советского студенчества заявляем, что всякие попытки американских и других империалистов свернуть нас с этого пути окончатся позорным для них провалом и наступит светлый день для всего прогрессивного человечества».

«Незабываемые минуты глубокого волнения пережиты нами в стенах Петропавловской крепости. Вновь переносишься мыслями в ужасное прошлое, полное бесправия и насилия, преследования всего передового, прогрессивного. И еще глубже чувствуешь торжество победы нашей революции, нашего советского строя».

«Группа курсантов Ленинградского Военно-политического училища имени Энгельса, посетив музей «Петропавловская крепость», еще больше узнала о героической борьбе за освобождение трудящихся, славных буревестниках Октябрьской социалистической революции — революционерах трех поколений.

Их беспримерные подвиги вдохновят нас на новые патриотические поступки и придадут новые силы в нашей борьбе за их идеи — идеи освобождения человечества от рабства капитала».

«Впечатление неизгладимое. С волнением осматриваешь места заключения лучших борцов за свободу, и как радостно, что эта тюрьма тюрем — Петропавловская крепость — превращена в музей. А этот музей учит нас, как труден был путь, приведший к победе, свободе, просвещению, народной Советской власти.

На нас, приехавших в г. Ленинград с далекой Камчатки, Петропавловская крепость произвела неизгладимое впечатление».

Этот общий тон экскурсантских записей ярко говорит о силе впечатлений посетителей тюрьмы Трубецкого бастиона, о глубоком патриотическом чувстве отдать свои силы на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и делу освобождения всего человечества от оков капитализма на пути к победе коммунизма.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Общий вид Петропавловской крепости. Из книги В. И. Пилиавского «Петропавловская крепость».

Рис. 2. Стена Трубецкого бастиона. Фотография Музея Революции РСФСР.

Рис. 3. Тюрьма Трубецкого бастиона. Вид со стороны Екатерининской куртины. Фотография Музея Революции РСФСР.

Рис. 4. Петропавловская крепость. Мемориальная доска на Трубецком бастионе. Фотография Музея Революции РСФСР.

Рис. 5. Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет жандарма, подсматривающего через «глазок» в камеру. С экспоната Музея Революции РСФСР.

Рис. 6. Тюрьма Трубецкого бастиона. Макет перестукивающегося узника. С экспоната Музея Революции РСФСР.

Рис. 7. Невская куртина и площадка, с которой увозили приговоренных к казни на «Лисий Нос». Фотография Музея Революции РСФСР.

Рис. 8. «Лисий Нос». План местности, где производились казни осужденных.

Рис. 9. Рисунок плана одиночной камеры Петропавловской крепости, сделанный М. Горьким.

Рис. 10. Схематический план тюремного двора Петропавловской крепости, сделанный М. Горьким. Пунктиром он обозначил дорожку своих прогулок.

Рис. 11. Фотография М. Горького 1905 года в начале жандармского дознания.

Рис. 12. Рисунок И. Е. Репина «А. М. Горький читает пьесу «Дети солнца», написанную им в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

Рис. 13. Первая страница рукописи М. Горького «Дети солнца», написанной в Трубецком бастионе.

Рис. 14. Грифельная доска, на которой 8 человек, освобожденных из Шлиссельбургской крепости 28 октября 1905 г., оставили свои автографы.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

- Абитов, Тук Таралим — 258
 Аболин — 167, 178
 Адамсон, Адель Гайда — 99
 Адлерберг, А. В. — 223, 224, 228
 Александр III (1845—1894) — 208
 Александра Федоровна Романова (1872—1918) — 274, 276
 Альтшиллер — 274
 Андреев, Леонид Николаевич (1871—1919) — 136
 Андреева, Мария Федоровна (1872—1953) — 167, 180, 181, 182
 Андропов, Сергей Васильевич (род. в 1873 г.) — 8, 143, 145, 150, 151
 Анненский, Николай Федорович (1843—1912) — 192
 Антонов, Петр Леонтьевич (1859—1916) — 202, 205, 217
 Апесюрь — 167, 178
 Ашенбреннер, Михаил Юльевич (1842—1926) — 209
 Афанасьев — 194
 Афанасьев, Михаил — 128

Б

- Бабушкин, Иван Васильевич (1873—1906) — 35

- Багненко — 237
 Балабин — 178
 Бауман, Николай Эрнестович (1873—1905) — 145
 Бекетов, Николай Николаевич (1827—1911) — 215
 Белов, Сергей Алексеевич (род. в 1888 г.) — 241, 242
 Белоусов, Петр — 236, 237
 Боговут — 272
 Борг — 115
 Бострем, Иван Федорович (род. в 1857 г.) — 228, 229
 Быков А. — 189

В

- Ваганов — 251
 Вейкер — 270
 Вейнберг, Петр Исаевич (1830—1908) — 197
 Величко, Константин Иванович (1856—1927) — 275
 Венедиктова, Аня — 224
 Веревкин — 50
 Ветрова, Мария Федосеевна (1870—1897) — 50, 68, 150, 205
 Витте, Сергей Юльевич (1849—1915) — 124, 171
 Владимир Александрович Романов (1847—1909) — 46, 47
 Водар, Александр Карлович (род. в 1836 г.) — 224

¹ Составлен А. В. Гернет.

Водовозов, Василий Васильевич (род. в 1864 г.) — 216
 Воеводский, Степан Аркадьевич (род. в 1859 г.) — 239
 Волков, Иван Димитриевич — 178
 Волков, Иван — 128
 Воробьев, Виктор Владимирович (1865—1905) — 11
 Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1837—1916) — 119, 120

Г

Газенкамф, Михаил Александрович (род. в 1843 г.) — 89, 110, 137
 Галлеви (Алеви), Людовик (1834—1908) — 170
 Гапон, Георгий Аполлонович (1870—1906) — 163, 164
 Гарди, Томас (1840—1928) — 171
 Гартинг, Аркадий Михайлович (настоящая фамилия Геккельман Абрам) — 216, 217
 Геккель, Эрнст (1834—1919) — 169
 Генкин, Иосиф Исаевич (род. в 1884 г.) — 28, 29, 31
 Герард, Николай Николаевич (род. в 1838 г.) — 221, 222
 Герасимов, А. В. — 137
 Герси — 139
 Гершуни, Григорий Андреевич (1870—1908) — 112
 Глебко, Тимофей — 230
 Горемыкин, Иван Логинович (1839—1917) — 121
 Горький, Максим (Алексей Максимович Пешков), (1868—1936) — 59, 60, 62, 64, 128, 161—199, 245, 282
 Григорьев, Сергей Иванович — 261, 262, 264, 267, 268
 Гронский, Никита — 258
 Груздев, Илья Александрович (1892—1960) — 191

Губонин, А. С. — 244
 Гучков, Александр Иванович (1862—1936) — 127

Д

Давыдов, Егор — 258
 Джунковский, Владимир Федорович — 271
 Дондукова-Корсакова, Мария Михайловна (1828—1909) — 210
 Дон-Педро — 191
 Дорожко, Матвей — 99
 Дубасов, Федор Васильевич (1845—1912) — 12, 13, 124, 125, 126, 129, 162
 Дуплев, Василий — 258
 Дурново, Петр Николаевич (1844—1915) — 12, 125, 129

Е

Егоров, Николай — 123
 Ермолов, Сергей Николаевич (род. в 1861 г.) — 12, 13

Ж

Журковский — 237

З

Заккит — 139
 Здоровец, Иван Алексеевич — 29

И

Иванов, Алексей — 258
 Иванов, Василий Григорьевич (1859—1917) — 209

Иванов, Сергей Андреевич (1859—1927) — 202, 205, 212

К

Кальвино, Марио (он же Лебединцев) — 138, 139
 Каляев, Иван Платонович (1877—1905) — 64, 65
 Канегиссер, Николай Самойлович — 179, 181, 182
 Кареев, Николай Иванович (1850—1931) — 216
 Карпов, Александр Харитонович (1886—1919) — 247
 Каульбарс, Александр Васильевич (род. в 1844 г.) — 94
 Качура, Фома Корнеевич (род. в 1877 г.) — 201
 Кесслер, М. — 248
 Кибальчич, Николай Иванович (1853—1881) — 61, 62, 63
 Коган, Адель — 99
 Козлов, Михаил — 258
 Кокин, Николай — 258
 Коломейцев, Илья (род. в 1892 г.) — 242
 Колосов — 128
 Комарницкий, Николай — 231
 Комаров, Константин Виссарионович (1832—1912) — 72
 Комиссаров, Павел Захарович (1886—1919) — 247
 Конисский — 179, 181, 189, 191, 198
 Коновалов, Д. П. — 215
 Конопляникова, Зинаида Васильевна (1879—1906) — 130, 131
 Константинов, Петр — 139
 Корейво, Витольд Симфорианович — 130
 Корнилов — 135
 Короленко, Владимир Галактионович (1853—1921) — 189, 230
 Косиковский, Владимир Владимирович — 272

Кочинский, Сергей — 180
 Красников — 127
 Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — 61
 Кругликов, Аполлон Николаевич (он же Сперанский и Николаев) — 132, 133, 136
 Кукарцев, Алексей — 231
 Курлов, Павел Григорьевич (1860—1923) — 63, 239

Л

Ладыженская, Надежда Родионовна (1858—1930) — 212
 Ладыжников, Иван Павлович (1874—1945) — 165
 Лемке — 248
 Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870—1924) — 62, 83, 84, 86, 129, 131, 149, 156, 162, 165, 187, 245
 Лепешинский, Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — 8, 145—150, 282
 Лерхенфельд, Густав — 5, 67, 269—274
 Лихтенштадт, Владимир Осипович (умер в 1919) — 99
 Лишин, Николай Григорьевич — 261, 262, 264, 267, 268
 Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — 202, 205, 212, 216
 Лопухин, Алексей Александрович (1864—1928) — 58
 Лукаш, И. — 258
 Лукашевич, Иосиф Дементьевич (1863—1928) — 202, 205
 Львов, Сергей Димитриевич — 38

М

Макаренко — 40
 Маклаков, Николай Алексеевич (1871—1918) — 31

- Малахов, Николай Николаевич (1827—1908) — 129
 Мантулин, Федор — 128
 Манухин, Сергей Сергеевич (1856—1921) — 116
 Марджанишвили, Котэ (Константин Александрович) (1873—1932) — 166, 167
 Мезенцев, Иван — 258
 Мельшин, Лев (псевдоним Якубовича Петра Филипповича), (1860—1911) — 60
 Мин, Георгий Александрович (1855—1906) — 114, 123, 124, 126, 128, 129, 130
 Мирбо, Октав (1848—1917) — 170
 Морозов, Николай Александрович (1855—1946) — 61, 202, 205, 214—217
 Муравьев, Николай Валерьянович (1850—1908) — 112
 Мякотин, Венедикт Александрович (род. в 1867 г.) — 213
 Мясоедов — 274, 275

Н

- Наумов, Владимир Александрович — 134, 136
 Небогатов, Николай Иванович — 261—264, 267, 268
 Немчинов, Степан — 258
 Нечаев, Петр Демидович (1888—1919) — 247
 Никитин, Владимир Николаевич (род. в 1848 г.) — 276, 277
 Никитенко, Борис Николаевич — 133, 136
 Никифоров, Михаил — 258
 Николай II (1868—1918) — 5, 13, 46, 69, 72, 90, 92, 93, 95, 132, 208, 265, 275—277
 Никонов — 29

- Новорусский, Михаил Васильевич (1861—1925) — 202, 203, 205, 207, 212, 214
 Ногин, Виктор Павлович (1878—1924) — 145, 146, 150

О

- Оболенский — 201
 Овощников — 237
 Оржих, Борис Димитриевич (род. в 1864 г.) — 210
 Орлов, Виктор — 258
 Остен-Сакен, Н. Д. — 130

П

- Павлов, Владимир Петрович — 5, 91, 94, 117—122
 Папай — 115
 Педькова, Вера Александровна — 133
 Пенлеве, Поль (1863—1933) — 217
 Петн — 216
 Петрикин, Яков — 258
 Плеве, Николай Вячеславович — 95
 Пешкова, Екатерина Павловна — 64, 174, 177, 178, 179, 180, 182, 196, 197, 198
 Поляновский — 272
 Попов, Михаил Родионович (1851—1909) — 202, 203, 205, 208, 211—216
 Попова, Софья Родионовна (1873—1953) — 214, 216
 Прево, Марсель (1862—1941) — 170
 Призов, Иосиф — 258
 Протопопов, Александр Димитриевич (1866—1918) — 67, 276, 277
 Протопопов — 180
 Пругавин, Александр Степанович (1850—1920) — 216

- Пятницкий, Константин Петрович (1864—1938) — 166, 175, 179—182, 187, 196, 198, 199

Р

- Расторгуев, Павел — 258
 Ратимов — 134
 Раух, Георгий Оттонович — 229
 Рачковский, Петр Иванович (1853—1911) — 116
 Редигер, Александр Федорович (1853—1915) — 114
 Рейс — 265
 Ренненкампф, Павел Карлович (1854—1918) — 35
 Репин, Илья Ефимович (1844—1930) — 136, 185
 Рима, Н. К. — 114, 123
 Роговский, Степан Исаакович (1888—1919) — 247
 Родэн, Огюст (1840—1917) — 170
 Рождественский, Зиновий Петрович (1848—1909) — 263
 Розанов, Николай — 237
 Романов Николай Николаевич (1856—1929) — 5, 47, 69, 132—137, 232
 Романов, Иван — 258
 Романов, Сергей Александрович (1857—1905) — 64
 Рябов, Иван — 258

С

- Сазонов, Егор Сергеевич (1879—1910) — 31
 Свердлов, Яков Михайлович (1885—1919) — 168
 Святополк-Мирский Петр Данилович (1857—1914) — 163, 165, 193
 Семевский, Василий Иванович (1848—1916) — 216
 Серегин, Алексей — 258

- Синявский, Борис Степанович (он же Пуркин) — 136
 Скабичевский — 53
 Скалон, Георгий Антонович — 115
 Смирнов — 261—265, 268
 Собещанский — 140
 Соколов, Василий — 258
 Стародворский, Николай Петрович (1863—1908) — 202, 216, 217
 Стасов, Владимир Васильевич (1824—1906) — 185
 Стессель, Анатолий Михайлович (1848—1915) — 72, 261—268
 Столыпин, Петр Аркадьевич (1862—1911) — 90, 110, 115, 118, 119, 133, 134, 139, 222
 Стронский — 249, 250
 Сухомлинов, Владимир Александрович (1848—1926) — 67, 69, 274—278
 Сыртланов, П. (1847—1912) — 130

Т

- Тимофеев — 127
 Томашевич, В. А. — 223
 Трепов, Димитрий Федорович (1855—1906) — 119, 134, 187, 197, 277.

У

- Ульянов, Александр Ильич (1866—1887) — 282

Ф

- Фигнер, Вера Николаевна (1852—1942) — 201—213, 217, 282
 Фитингоф — 251
 Флегонтов, Петр Кандидович — 150

Фок — 265

Франс, Анатолий (псевдоним Жака
Анатоля Тибо), (1844—
1924) — 169, 170, 217Фроленко, Михаил Федорович
(1848—1938) — 202, 205,
214, 216

Х

Хабалов, Сергей Семенович
(1858—1924) — 257

Хрящев — 235, 237

Ч

Чирков, Андрей — 258

Ш

Шверник, Николай Михайлович
(род. в 1888 г.) — 154, 155

Шейдеман, С. М. — 126

Шмидт, Николай Павлович
(1883—1907) — 128, 129

Щ

Щегловитов, Иван Григорье-
вич (1861—1918) — 69, 91,
136, 137Щербаков, Василий Матвее-
вич — 158, 159Щука, Тимофей Иванович
(1887—1920) — 247

Э

Элис, Александр Винниамино-
вич — 50, 53, 54, 65—68,
89, 280

Эйхгольц — 37

Я

Янушкевич, Николай Николае-
вич (1864—1918) — 271,
275

Янцевич — 251

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
ОТ РЕДАКЦИИ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ	7

Глава первая

ЦАРСКАЯ ТЮРЬМА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (1900—1916 гг.)

§ 1. ЧИСЛЕННОСТЬ ТЮРЕМ

Число и вместимость тюрем. Тюремные гражданские ведомства. Тюремные военного и военно-морского ведомств. Монастырские тюрьмы. Сводная таблица тюрем Российской империи	17
--	----

§ 2. СТАТИСТИКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Число лиц, проходивших через тюрьмы за один год. Общее число заключенных. Состав заключенных. Численность тюремной стражи	20
---	----

§ 3. ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ

Тюремный режим в царских тюрьмах в начале XX века (1900—1916 гг.). Дисциплинарные наказания. Порка заключенных розгами. Заключение в карцер. „Культурно-просветительная“ работа в тюрьмах. „Медицинское обслуживание“ в тюрьмах. Режим в военных тюрьмах. Борьба заключенных с царским тюремным режимом	26
---	----

Глава вторая

РЕЖИМ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 4. РЕЖИМ В АРЕСТАНТСКИХ ПОМЕЩЕНИЯХ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

„Инструкция для заведывания арестованными, арестантскими помещениями С.-Петербургской крепости и наблюдательною командою“ 1898 г. „Правила о содержании арестованных в С.-Петербургской

крепости". Места заключения в крепости. Власть заведующего арестантскими помещениями. Объем власти коменданта крепости. Широкие полномочия при назначении дисциплинарных наказаний узникам. Трубецкой бастион как место предварительного заключения. Распространение болезней среди заключенных. Примеры отказа коменданта переводить заключенных в больницу. Самоубийства заключенных. Соккрытие комендантом покушений на самоубийство в крепости. Антисанитарные условия заточения в крепости. Психические заболевания в крепости. Отношения коменданта к медицинским освидетельствованиям. Отказ департамента полиции от обслуживания узниц женским персоналом. Архивный документ с протестом заключенного против режима. Наше обследование „конторской книги о прогулках“ в крепости. Условия письменных занятий в бастионе. Ревизия департаментом полиции тюремной библиотеки. Изъятие департаментом массы книг из библиотеки бастиона. Инструкция 1911 года по распорядку дня в тюрьме Трубецкого бастиона. Литературные и научные занятия в тюрьме. Предсмертные заявления приговоренного к казни о решении им математической задачи. Свидания заключенных с родными. Письмо коменданта в департамент полиции по вопросу о свиданиях узников. Свидания с защитниками. Отношение к ним коменданта. Меры коменданта против попыток общения заключенных. Сведения о ремонте в бастионе. Отбор заключенных для Трубецкого бастиона. Изменение состава узников за последние годы существования крепости 46

§ 5. РЕЖИМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ

Льготный режим заключения в Екатерининской куртине для избранных осужденных. Среди заключенных находились виновники позорной сдачи Порт-Артура и русского флота. Две инструкции 1910 года о режиме заключения в Екатерининской куртине 72

§ 6. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ В ЦИФРАХ

Отсутствие всяких печатных статистических сведений об узниках Трубецкого бастиона. Обработка собранных нами архивных материалов. Поголовное поступление мужчин и женщин в Трубецкой бастион в 1900—1916 гг. Продолжительность пребывания заключенных в Трубецком бастионе. Объяснения кратких сроков содержания в крепости приговоренных военно-полевыми судами. Чрезмерно длительные сроки пребывания в крепости. Места выбытия или основания выбытия из Трубецкого бастиона в 1900—1916 гг. Отсутствие сведений о партийности. Сословие и профессия заключенных в Трубецкой бастион в 1900—1916 гг. Таблица из работы В. И. Ленина о сословном составе привлеченных к обвинению за государственные преступления. Демократизация освободительного движения и изменение классового состава обвиняемых в государственных преступлениях. Перечень некоторых заключенных в Екатерининскую куртину. Число заключенных, поступивших сюда в XX веке. Сроки пребывания в куртине 73

Глава третья

ВОЕННО-ПОЛЕВЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 7. ЖЕРТВЫ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ЮСТИЦИИ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Отражение военно-полевой юстиции на истории Трубецкого бастиона. Число смертников и сроки их пребывания в бастионе. Месяцы и числа казней. Военно-полевой суд заседал в Трубецком бастионе . 87

§ 8. НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДАХ

Резолюция царя 6 июля 1906 г. — начало истории военно-полевых судов. Объяснения военного прокурора Павлова. Записка министра юстиции. Закон 19 августа 1906 г. Требования Николая II о применении этого закона. Секретное донесение председателя Московского военно-окружного суда. Стремление местных властей усилить репрессию в борьбе с революцией. Распоряжение о порядке исполнения казни. План местности „Лисий Нос“, где производились казни. Разборная виселица. Кронштадский генерал-губернатор об исполнении казни. Одесский генерал-губернатор о том же. Заседание совета министров 9 февраля 1907 г 89

§ 9. ПЕРВОЕ ДЕЛО ВОЕННО-ПОЛЕВОГО СУДА В С.-ПЕТЕРБУРГЕ

Характеристика заседания военно-полевого суда. Подлинное производство военно-полевого суда. Всякое отсутствие в нем признаков судебного разбирательства. Журнал заседания 96

§ 10. КАЗНЬ ОСУЖДЕННЫХ ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Выдача осужденных из крепости исполнителям приговора. Перевоз их к месту казни. Исполнение казни. Потопление трупов казненных 101

§ 11. СТАТИСТИКА ВОЕННО-ПОЛЕВЫХ СУДОВ

Архивное дело со списками казненных по приговорам военно-полевых судов. Периодические сводки фамилий казненных в печати. Приказ министра внутренних дел представить официальные списки казненных. Моя обработка официальных сведений о казненных по приговорам военно-полевых судов. Перечень пунктов, где были казни 104

Глава четвертая

ВОЕННО-ОКРУЖНЫЕ СУДЫ И ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

§ 12. СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦАРИЗМА О СМЕРТНОЙ КАЗНИ ПО ПРИГОВОРАМ ВОЕННЫХ СУДОВ

Военно-окружные суды — проводники беспощадной и бесстыдной классовой юстиции. Влияние военно-полевых судов на военно-окруж-

ные суды. Число узников Трубецкого бастиона, казненных по приговорам военно-окружных судов. Усиление роли смертной казни. Из истории конфирмации смертных приговоров. Вопрос о рассмотрении дел лишь по результатам полицейских дознаний. Доклад варшавского генерал-губернатора министру внутренних дел от 6 июля 1906 г. о смертных приговорах. Вопросы о месте исполнения смертных приговоров. Переписка между Столыпиным и прибалтийским генерал-губернатором о пропуске кассационных жалоб смертников. Министерство внутренних дел и наместник Кавказа о кассационных жалобах смертников. Секретные документы по объему применения смертной казни. Дело об убийстве главного военного прокурора Павлова 109

§ 13. КАРАТЕЛЬНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ ЦАРСКИХ ПАЛАЧЕЙ В 1905 ГОДУ И ДЕЛО ОБ УБИЙСТВЕ ПОЛКОВНИКА МИНА, РАССМОТРЕННОЕ ВОЕННО-ОКРУЖНЫМ СУДОМ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Политическая обстановка в России летом и осенью 1905 г. Действия командира Семеновского полка Мина по усмирению московского восстания. Шифрованная переписка министра внутренних дел и московского генерал-губернатора. Обращение рабочих и служащих г. Москвы к городскому голове. Бессудные расстрелы. Арест фабриканта Шмидта. Благодарность царя Мину. Архивное дело об убийстве Мина. Заключение Коноплянниковой в бастион. Суд над ней в помещении бастиона 26 августа 1906 г. Секретный доклад о заседании оенного суда. Казнь Коноплянниковой 123

§ 14. ДЕЛО О ПОКУШЕНИИ НА НИКОЛАЯ II И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ

Оценка этого дела правительством. Роль провокации в процессе. Заключение в Трубецкой бастион 18 обвиняемых. Режим их заточения. Необоснованность обвинения. Обвинительный акт. Заседания военно-окружного суда. Секретные донесения об их заседаниях. Приговор суда.

Десять новых узников в Трубецком бастионе. Заседание военно-окружного суда в этом бастионе. Министр юстиции Щегловитов — проводник беззакония. Отягощение предъявленного обвинения. Секретный отчет о заседании суда. Казнь на „Лисьем Носу“. Отзывы реакционной печати. В. И. Ленин об индивидуальном терроре . . . 132

Глава пятая

БОРЦЫ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 15. УЗНИКИ ТРУБЕЦКОГО БАСТИОНА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ XX ВЕКА

Рост забастовок в России. Жандармские обзоры о роли „Союза борьбы за освобождение рабочего класса“. Сообщение охранного отделения Петербурга о воззваниях к рабочим на различных заводах. Аресты и обыски в декабре 1898 года среди рабочих Петербурга.

Аресты и обыски в Петербурге 13 марта 1900 г. Сообщение охранного отделения в губернское жандармское управление С.-Петербурга 13 февраля 1901 г. об усилении деятельности „Союза борьбы“. Наши сведения из архивного дела о найденных прокламациях к рабочим по Шлиссельбургскому району С.-Петербурга в 1900—1901 гг. Заключение в Трубецкой бастион Ногина (с 3 октября 1901 г. по 29 марта 1902 г.), Лепешинского (с 20 ноября 1902 г. по 20 февраля 1903 г.). Революционный путь Ногина. Описание Лепешинским своего пребывания в Петропавловской крепости. Сведения департамента полиции о революционной деятельности Лепешинского. „Искровцы“ — Ногин, Флегонтов и Андропов в Трубецком бастионе 141

§ 16. БОРЬБА ЦАРИЗМА С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1905 — 1917 ГОДАХ

Усиление борьбы царизма в 1905 году с рабочим движением. Массовые аресты и обыски в Петербурге. Аресты членов военной организации РСДРП в 1906 году. Приговор военного суда 1907 года. Аресты 5 ноября 1908 г. Новые аресты по делу С.-Петербургской военной организации при ЦК РСДРП. Суд над матросами в С.-Петербурге в июне 1912 года. Военно-морской суд над 52 матросами в 1913 году. Набег С.-Петербургского охранного отделения на С.-Петербургский комитет РСДРП (6) 9 апреля 1914 г. Заключение в Петропавловскую крепость в феврале 1916 года борцов за рабочее дело 151

§ 17. СКЛАДЫ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПОДПОЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Заключение в крепость с половины 60-х годов за доставку из-за границы нелегальной литературы. Организация В. И. Лениным доставки литературы из-за границы в Россию. Склады агитационной рабочей литературы в С.-Петербурге. Из дел департамента полиции о раскрытых складах литературы. Подпольные типографии. Интенсивная борьба с ними жандармерии. Оборудование тайных типографий. Раскрытие в С.-Петербурге тайной типографии РСДРП (6) в 1913, 1914, 1915 гг. Ленин о задачах печати в различные годы 155

Глава шестая

МАКСИМ ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 18. 9 ЯНВАРЯ И ВОЗЗВАНИЕ МАКСИМА ГОРЬКОГО

Политическая обстановка в январе 1905 года. В. И. Ленин о „кровавом воскресеньи“. Призыв Горького к революции. Воззвание Горького 9 января 1905 г. Горький — очевидец событий 9 января. В 1906 году Горький написал очерк о 9 января. Общая характеристика этого очерка 161

§ 19. ОБЫСК У МАКСИМА ГОРЬКОГО И ЕГО АРЕСТ

Посещение общественными деятелями 8 января 1905 года министра внутренних дел. Обыск в квартире Горького в Риге. Заключение Горького в рижскую тюрьму. Переправка его в Петропавловскую крепость 165

§ 20. ПРОТЕСТ ПЕРЕДОВОЙ МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ ПРОТИВ АРЕСТА ГОРЬКОГО И ЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Быстрое распространение в России и за границей известий об аресте Горького. Запрет сообщений в русской печати о 9 января и о Горьком. Протесты рабочих на заводах. Демонстрации в театрах. Протесты в зарубежной печати. Протесты немецких ученых и литераторов. Протесты в других странах 167

§ 21. ГОРЬКИЙ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Отрицательное отношение Горького к опубликованию тюремных воспоминаний. Приказ о заключении Горького в крепость. Доклад царю о заключении Горького. Переодевание Горького в арестантское платье. Описание камеры № 39. Зарисовка Горьким плана его камеры и дворика для прогулок. Хронологический дневник пребывания Горького в Трубецком бастионе. Переписка Горького с близкими. Доставка книг в крепость для Горького 172

§ 22. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАНЯТИЯ ГОРЬКОГО В КРЕПОСТИ

Две недели запрещения Горькому заниматься литературным творчеством. Заявление Горького о разрешении литературных занятий. Время написания пьесы „Дети солнца“. Картина Репина „Горький читает пьесу „Дети солнца“. Отзыв цензора об этой пьесе. Нападение волны революционного движения привело к разрешению постановки этой пьесы 182

§ 23. ДОЗНАНИЕ И СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ 9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА

Статья В. И. Ленина „Трепов хозяйничает“. Рапорт департамента полиции о революционном комитете. Обнаружение воззвания Горького. Возбуждение обвинения Горького по ст. ст. 126 и 132 Уголовного уложения. Воспоминания Горького о жандарме Конисском. Полицейская справка о Горьком. Характер показаний Горького на допросах. Их содержание. Позорный провал обвинения арестованных в составлении преступного сообщества. Освобождение арестованных из крепости, кроме Горького. Жандармерия старается создать новое обвинение в связи с празднованием сорокалетия судебных уставов. Допрос Горького 1 февраля. Содержание обвинительного акта против Горького. Рост революционного движения привел к прекращению судебного преследования Горького 187

§ 24. БОЛЕЗНЬ А. М. ГОРЬКОГО И ЕГО ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЗ КРЕПОСТИ

Антисанитарные условия содержания Горького в крепости. Ухудшение его здоровья. Требования передовой общественности освобождения Горького. Обстоятельства, сопровождающие освобождение Горького 196

Глава седьмая

БЫВШИЕ ШЛИССЕЛЬБУРЖЦЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1905 ГОДУ

§ 25. НА ПУТИ ИЗ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ В ПЕТРОПАВЛОВСКУЮ КРЕПОСТЬ

Закрытие Шлиссельбургской тюрьмы в 1905 году. Перевод ее узников в Трубецкой бастион. Перевод сюда в 1904 году Веры Фигнер. Переживания шлиссельбуржцев при этом переводе и их воспоминания 200

§ 26. ШЛИССЕЛЬБУРЖЦЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Переживания бывших шлиссельбуржцев в Трубецком бастионе. Из воспоминаний Веры Фигнер и Новорусского. Из архивных дел бывших шлиссельбуржцев. Просьбы матерей осужденных. Тайные наблюдения за бывшими узниками до самой их смерти или до конца царизма. Свидание Фигнер с родными после 23-летней разлуки. Свидания других узников. Прогулки заключенных. Освобождение из Трубецкого бастиона. Наблюдения департамента полиции за бывшими узниками. Бывший узник Шлиссельбурга и Трубецкого бастиона о счастье борьбы за свободу 205

Глава восьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАТРОСЫ И СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

§ 27. УЧАСТИЕ МАТРОСОВ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ РОССИИ

Статистика заключенных в Трубецком бастионе матросов. Даты революционного движения во флоте 1905—1907 гг. Политический сыск в царском флоте. Заводские и фабричные рабочие во флоте. Восстание в Свеаборге. Восстание в Кронштадте в 1906 году 218

§ 28. РАССТРЕЛЫ МАТРОСОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Секретный рапорт о расстреле 19 матросов. Их героическая смерть. Другие казни в фортах Кронштадта. Документ о казни матросов с крейсера „Память Азова“. Письма казненных матросов 224

§ 29. СОЛДАТЫ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКОЙ РОТЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ И СУД НАД НИМИ

Привод 14 ноября 1905 г. в Петропавловскую крепость 143 нижних чинов электротехнической роты. Кошмарные условия содержания их в манеже крепости. Режим в электротехнической роте. Революционизирующее влияние „кровавого воскресенья“ на солдат. О судебном заседании. Приговор суда. Соотношение уголовной репрессии с подъемом революционного движения 231

§ 30. МАТРОСЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1911—1912 ГОДАХ И ПРОЦЕСС 1912 ГОДА

Политическая обстановка в России 1912—1914 гг. В. И. Ленин о пропаганде в войсках. Донесения секретных агентов о революционном настроении во флоте и, в частности, на крейсере „Аврора“. Обвинительный акт о революционном движении на учебном судне „Двина“ и других кораблях в 1911 году. Пребывание матросов в Трубецком бастионе в 1911—1912 гг. Приговор военно-морского суда по делу 59 матросов 238

§ 31. ДЕЛО 1913 ГОДА О ПЯТИДЕСЯТИ ДВУХ МАТРОСАХ, ОБВИНЯЕМЫХ ЗА УЧАСТИЕ В ВОССТАНИИ

Новое дело 1913 года о подготовке восстания матросами. Из 52 обвиняемых 22 были заключены в Трубецкой бастион. Охранное отделение о причинах революционного движения среди матросов. Роль провокаторов в раскрытии заговора. Секретный доклад о судебном заседании по делу 52 матросов. Речь защитников в суде. Ленин о движении в Балтийском флоте. Из обвинительного акта по делу матросов. Социальный состав 52 обвиняемых матросов. Судьба осужденных матросов 242

§ 32. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-МАТРОСЫ В КРЕПОСТИ ПО ПРОЦЕССУ 1916 ГОДА

Последние узники-матросы в Трубецком бастионе. Донесения о настроениях на военно-морских судах. Анонимное письмо матроса начальнику главного морского штаба. Суд на 31 матросом в июле 1915 г. Волнения на „Гангуте“ в октябре 1915 года. Суд над матросами „Рюрика“ в марте 1916 года. Пять матросов в Трубецком бастионе по делу „19 матросов с двенадцати кораблей“. Роль Петербургского комитета Российской социал-демократической рабочей партии в пропаганде среди матросов. Прокламации большевиков. Обвинительный акт по делу „19 матросов“. Воззвание „Петроградского комитета“ партии большевиков о подготовке рабочих к демонстрации против суда над матросами. Приговор по делу „19 матросов“ 26 октября 1916 г 247

§ 33. ПОСЛЕДНИЕ УЗНИКИ-СОЛДАТЫ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Последние узники Петропавловской крепости — 19 солдат Павловского полка. 27 февраля 1917 г. на улицах Петербурга. Выступление 4-й роты Павловского полка на стороне народа. Заключение

в крепость 19 солдат полка. Показания генерала Хабалова чрезвычайной комиссии Временного правительства. Освобождение узников из крепости восставшим народом и войсками 256

Глава девятая

ИЗМЕННИКИ РОДИНЕ И ШПИОНЫ В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

§ 34. ПРОЦЕСС АДМИРАЛА НЕБОГАТОВА

Соперничество империалистических стран за рынки сбыта и русско-японская война. Причины поражения царских войск. Контр-адмирал Небогатов и другие командиры кораблей, осужденные за сдачу кораблей японцам. В. И. Ленин о русско-японской войне. Процесс Небогатова в особом присутствии военно-морского суда. Приговор суда 260

§ 35. ПРОЦЕСС ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТА СТЕССЕЛЯ

Сдача Порт-Артура. Предание Стесселя суду. Обвинительный акт. Поведение председателя суда 264

§ 36. НЕБОГАТОВ И СТЕССЕЛЬ В ЕКАТЕРИНИНСКОЙ КУРТИНЕ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Милости царя к генералам, осужденным за сдачу японцам Порт-Артура и кораблей. Снабжение камеры Стесселя новой обстановкой. Предоставление ему денщика для обслуживания. Разрешение ежедневных свиданий. Сообщение в печати о льготном режиме. Милости царя женам осужденных командиров 267

§ 37. ГЕРМАНСКИЙ КОНСУЛ-ШПИОН ЛЕРХЕНФЕЛЬД

Шпионская деятельность германского консула Лерхенфельда в России. Арест Лерхенфельда. Помещение его в Петропавловской крепости. Исключительно льготные условия содержания Лерхенфельда в заключении. Закулисное покровительство Лерхенфельду. Обмен Лерхенфельда на русского дипломатического работника. Высылка Лерхенфельда за границу 269

§ 38. ВОЕННЫЙ МИНИСТР СУХОМИНОВ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ

Покровительство немецкой партии при дворе военному министру Сухоминову. Из протоколов следственной комиссии Временного правительства. Обвинительный акт по делу Сухоминова. Судебное заседание по этому делу. Дело военно-исторического архива об увольнении Сухоминова. Пребывание Сухоминова в Трубецком бастионе. Заботы царицы о заключенном. Воспоминания Сухоминова о его пребывании в крепости. Обвинительный приговор. Бегство Сухоминова за границу 274

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ, ПРЕВРАЩЕННАЯ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТЬЮ В МУЗЕЙ

Петропавловская крепость на службе царизму до 1917 года и на службе народу после революции. Превращение Петропавловского со- бора и Трубецкого бастиона в государственный музей революции. Политическое значение сохранения Трубецкого бастиона как музея революции. Статистика посещения крепости. Задачи крепости как музея. Экскурсии по крепости. Впечатления экскурсантов. Записи экскурсантов	279
ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	286
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	287

Гернет Михаил Николаевич
ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Том IV

Редактор Т. А. Помыкаева
Художники-оформители Е. Б. Бельская
и В. И. Бельский

Художественный редактор И. Ф. Федорова
Технический редактор Н. Л. Щедрина
Корректоры М. И. Буланова и Т. М. Королева

Сдано в набор 29/VIII 1961 г.
Подписано к печати 15/III 1962 г.
Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Объем: физ. печ. л. 19;
условн. печ. л. 19; учетно-изд. л. 18,27. Тираж 18000
А-0 0889. Цена 92 коп.

Госиздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Отпечатано с набора Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова в типографии № 8
Мосгорсовнархоза. Москва, 1-й Рижский пер., 2
Зак. № 306

